

Институт славяноведения РАН

**Центральноевропейские
исследования**

INSTITUTE OF SLAVIC STUDIES, RAS

**CENTRAL-EUROPEAN
STUDIES**

**2022
Issue 5(14)**

Nestor-History
Moscow • St. Petersburg
2022

Институт славяноведения РАН

**ЦЕНТРАЛЬНОЕВРОПЕЙСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

2022

Выпуск 5(14)

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2022

УДК 94 (367+436)
ББК 63.3(0)6
Ц382

Издание основано в 1999 году
Учредитель и издатель: Институт славяноведения РАН

Ц382 Центральноевропейские исследования. 2022. — Выпуск 5(14) /
главн. ред. О. В. Хаванова. — М. : Институт славяноведения РАН ;
СПб. : Нестор-История, 2022. — 416 с.

ISSN 2619-0877

DOI: 10.31168/2619-0877

«Центральноевропейские исследования» — междисциплинарный ежегодник о Центральной Европе и сопредельных регионах в сравнительной перспективе.

Периодичность: один раз в год
Тираж: 500 экз.
Почтовый адрес: 119334, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32А,
Институт славяноведения РАН
Электронный адрес: cestudiesjournal@gmail.com
Сайт: <https://cesjournal.ru>

© Коллектив авторов, 2022
© Институт славяноведения РАН, 2022
© Донской П. К. (обложка и логотип), 2022
© Издательство «Нестор-История», 2022

Главный редактор

Ольга Владимировна Хаванова, д. и. н., проф. РАН, зам. директора ИСл РАН

Заместители главного редактора

Анна Романовна Лагно, к. и. н., ст. научн. сотр. ИСл РАН

Дарья Юрьевна Ващенко, к. филол. н., ст. научн. сотр. ИСл РАН

Ответственный секретарь

Людмила Константиновна Новосельцева, мл. научн. сотр. ИСл РАН

Редколлегия

Лариса Михайловна Аржакова, д. и. н., вед. научн. сотр. ИСл РАН

Юлия Евгеньевна Бут, к. и. н., доцент, департамент «Исторический факультет» УрФУ (Екатеринбург)

Кирилл Александрович Кочегаров, к. и. н., ст. научн. сотр. ИСл РАН

Арина Владимировна Лазарева, к. и. н., доцент,
исторический факультет, МГУ имени М. В. Ломоносова

Мария Олеговна Новак, д. филол. н., вед. научн. сотр.,

Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН

Александр Сергеевич Стыкалин, к. и. н., вед. научн. сотр. ИСл РАН

Международный редакционный совет

Катрин Бёк, PhD, научный сотрудник,

Институт Восточной и Юго-Восточной Европы имени Лейбница
(Регенсбург)

Иван Бертени-мл., PhD, старший научный сотрудник,

Институт истории, Центр гуманитарных исследований,
Исследовательская сеть имени Лоранда Этвеша (Будапешт)

Эва Ковальская, Sc.D., ведущий научный сотрудник,

Институт истории, Словацкая академия наук (Братислава)

Ивана Хорбец, PhD, научный сотрудник,

Институт хорватской истории (Загреб)

Искра Шварц, PhD, доцент, Институт восточноевропейской истории,
Венский университет (Вена)

Редактор-корректор (русский язык)

Лариса Альфредовна Авакова, ИСл РАН

Редактор-корректор (английский язык)

Кристофер Уоли

Editor

Olga Khavanova, DSc., Professor of the RAS, Deputy Director,
Institute of Slavic Studies of RAS, Moscow

Managing Editors

Anna Lagno, PhD, Senior Research Fellow,
Institute of Slavic Studies of the RAS
Daria Vashchenko, PhD, Senior Research Fellow,
Institute of Slavic Studies of the RAS

Editor Assistant

Liudmila Novoseltseva, Junior Research Fellow,
Institute of Slavic Studies of the RAS

Editorial board

Larisa Arzhakova, DSc., Leading Research Fellow,
Institute of Slavic Studies of the RAS
Yulia But, PhD, Associate Professor,
Department “History Faculty”, Ural Federal University (Yekaterinburg)
Kirill A. Kochegarov, PhD, Senior Research Fellow,
Institute of Slavic Studies of the RAS
Arina V. Lazareva, PhD, Associate Professor,
History Faculty, Moscow Lomonosov State University
Maria O. Novak, DSc., Leading Research Fellow,
V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the RAS
Aleksandr S. Stykalin, PhD, Leading Research Fellow,
Institute of Slavic Studies of the RAS

International advisory board

Iván Bertényi, Jr., PhD, Senior Research Fellow, Institute of History,
Centre for the Humanities, Eötvös Loránd Research Network (Budapest)
Katrin Boeckh, PhD., Research Fellow,
Leibnitz Institute of South- and South-Eastern Europe (Regensburg)
Eva Kowalská, Sc.D., Leading Senior Researcher, Institute of History,
Slovak Academy of Sciences (Bratislava)
Ivana Horbec, PhD, Research Fellow, Croatian Institute of History (Zagreb)
Iskra Schwarzc, PhD, Associate Professor, Institute of East-European History,
University of Vienna (Vienna)

Russian Language Copy-Editor

Larisa A. Avakova, Institute of Slavic Studies of the RAS

English Language Copy-Editor

Christopher Walsh

Содержание

Прекрасный голубой Дунай

Лайош Рац

Традиционные способы управления водными ресурсами в Дунайском бассейне до начала ирригационных работ: очерк истории окружающей среды. 13

Андраш Вадаш

Ледовый режим на Дунае и переправа через реку в раннее Новое время (1529–1650) 32

Далибор Денда

Дунай как важная коммуникационная артерия и стратегическая преграда для Сербии и Югославии в первой половине XX в. 57

Милан Н. Гулич

Разрушения дунайских мостов в Югославии в XX в. 80

Эдит Кирай

Политика и поэтика: нарративы о (центрально-)европейской реке 107

Образы власти

Юлия Евгеньевна Бут

Безупречный монарх: образ Франца Иосифа I в учебниках для габсбургских школ. 135

Виктор Викторович Котов

Образ династии Габсбургов в мышлении чешских националистов в 1860-е — начале 1870-х годов (на примере сокольского движения) . . . 164

Лариса Михайловна Аржакова

Образ власти в прошлом и настоящем в трудах Юзефа Шуйского 195

Александр Александрович Силкин

Образ власти в «Конституции нейтральной крестьянской республики Хорватия» (1921) 223

Наталья Николаевна Пристуна

День рождения партийного лидера: образ Клемента Готвальда
на страницах газеты «Rudé právo» 246

Ирина Александровна Герчикова

Государство и литература в социалистической Чехословакии. «Вкус
власти» Л. Мнячко. 261

Пространство королевского двора и аристократического салона

Габор Вадерна

Окказиональная поэзия — репрезентативная поэзия. Поэтическая
репрезентация брака палатина Иосифа Габсбурга и великой княжны
Александры Павловны 281

Наталья Маратовна Филатова

Светская жизнь как форма национального сопротивления
(из истории протестного поведения поляков в конституционном
Царстве Польском) 310

Формы коллективной самоорганизации

Юлия Владимировна Лобачева

Женские организации в Белграде в последней четверти XIX —
начале XX в. 347

Кирилл Алексеевич Попов

Австро-венгерская пресса о сопротивлении трансильванских
саксонцев закону о топонимах IV/1898 392

Contents

The Blue Danube

Lajos Rácz

Traditional water management systems in the Danube basin before the introduction of river regulation: An essay on environmental history 13

András Vadás

The ice-regime of the Danube and winter crossing over rivers in the early modern times (1529–1650)..... 32

Dalibor Denda

The Danube as a significant line of communication and strategic barrier for Serbia and Yugoslavia in the first half of the twentieth century 57

Milan N. Gulić

The damage suffered by Danube bridges in Yugoslavia during the twentieth Century 80

Edit Király

Politics and poetics: Narratives of a (Central-)European river 107

Images of Power

Julija E. But

A perfect monarch: The image of Francis Joseph I in Textbooks for Habsburg schools..... 135

Viktor V. Kotov

The image of the Habsburg dynasty in Czech nationalist thinking in the 1860s and in the early 1870s (the case of the Sokol movement)..... 164

Larisa M Arzhakova

The image of power in the past and present in the writings of Jozef Szujtski .. 195

Alexander A. Silkin

The image of power in the “Constitution of the Neutral Peasant Republic of Croatia” (1921) 223

Natallia N. Prystupa

The birthday of the party leader: Klement Gottwald's image on the pages of the "Rudé Právo" newspaper 246

Irina A. Gerchikova

State and authority in the literature of socialist Czechoslovakia. Ladislav Mňačko's "The Taste of Power" 261

The Public Space of a Royal Court and Aristocratic Salon***Gábor Vaderna***

Occasional poetry – representative poetry: Poetic representation of the wedding of Palatine Joseph and Grand Duchess Alexandra Pavlovna 281

Natalia M. Filatova

Social life as a form of national resistance (from the history of protest behaviour of Poles in the constitutional Kingdom of Poland) 310

Forms of Collective Self-Organisation***Julia V. Lobacheva***

Women's organisations in Belgrade from the last quarter of the nineteenth to the early twentieth century 347

Kirill A. Popov

Austro-Hungarian press on the resistance of the Transylvanian Saxons against the Toponyms Law IV/1898. 392

**ПРЕКРАСНЫЙ
ГОЛУБОЙ ДУНАЙ**

Лайош Рац

DSc, профессор, директор Института прикладных социальных наук и политики меньшинств, факультет образования имени Д. Юхаса, Сегедский университет, Сегед, Венгрия. 6720, Szeged, Dugonics tér 13. E-mail: racz.lajos@szte.hu

Традиционные способы управления водными ресурсами в Дунайском бассейне до начала ирригационных работ: очерк истории окружающей среды

Дунайский бассейн — наряду с Чешским и Венским — является самой обширной частью Центральноевропейского бассейна. Важнейшая особенность его ландшафтной географии — значительное расширение временно или постоянно покрытых водой территорий, в домодерную эпоху существенно зависевших от климата и его изменений. В Дунайском бассейне глобальные изменения климата проявляются в первую очередь не в трансформации температуры, а в изменении количества осадков. В данном кратком эссе по экологической истории я рассматриваю эволюцию управления водными ресурсами в бассейне Дуная от венгерского завоевания до начала модернизации в первой половине XIX в. После прихода и расселения венгерских племен в Карпато-Дунайском бассейне одной из самых важных проблем стала адаптация системы жизнеобеспечения к экологическим условиям, которые не подходили для кочевого хозяйства. С точки зрения управления водными ресурсами, луговое отгонное скотоводство эффективно использовало экологический потенциал пойм, а сеть каналов позволяла решать проблемы, вызванные нехваткой или избытком воды. Управление водными ресурсами было делом деревенских общин, что снижало эффективность системы водопользования в период позднего Средневековья, но повышало ее историческую выносливость. В эпоху турецких войн площадь покрытых водой территорий существенно возросла. Этому процессу способствовали холодный и влажный климат Малого ледникового периода и необходимость организации обороны в военное время вокруг крепостей. После столетий турецких войн возникла основополагающая потребность в увеличении пахотных земель для поддержания демографического роста. Поэтому решающим вопросом венгерской модернизации стало регулирование водных путей.

Ключевые слова: история окружающей среды, регулирование водных ресурсов, аграрная история, бассейн Дуная, история Венгрии

Цитирование: Рац Л. Традиционные способы управления водными ресурсами в Дунайском бассейне до начала ирригационных работ: очерк истории окружающей среды // Центральноевропейские исследования. 2022. Вып. 5(14). М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2022. С. 13–31. DOI: 10.31168/2619-0877.2022.5.1.

Бассейн Дуная вплоть до подписания мирных договоров в конце Первой мировой войны, в результате чего с карты Европы исчезла Австро-Венгерская монархия, очерчивал географический контур Венгерского королевства. С точки зрения экологической истории бассейна Дуная, управление водными ресурсами играло и играет решающую роль. Причина этого отчасти в том, что в одни периоды года можно ожидать разливы рек и наводнения, в другие же — недостаток воды, засуху¹. В то же время глобальное изменение климата в бассейне Дуная в меньшей мере проявилось в изменении температуры, гораздо больше в количестве осадков и их изменениях в распределении по времени². В период глобальных потеплений, таких как в Средние века (IX–XII вв.), или, напротив, в Малый ледниковый период (XIV–XIX вв.) количество осадков возрастало. В статье я рассмотрю некоторые из наиболее важных результатов венгерских исследований по истории окружающей среды, посвященных системам управления водными ресурсами, которые сформировались в бассейне Дуная в домодерный период. При этом необходимо подчеркнуть, что на развитие и изменения в системах управления водными ресурсами влияли не только природные условия и климатические изменения, но и политические процессы и войны³.

Географические особенности Дунайского бассейна

На восточной окраине Центральной Европы сходятся три бассейна: Венский, Чешский и Дунайский, которые в начале XX в. — признавая важность внешних границ — все чаще стали называть «Карпатский бассейн»⁴. Самым обширным центральноевропейским бассейном был Дунайский площадью 325 тыс. км², окруженный протяженным горным хребтом. На севере, востоке и частично на юге он граничит с Карпатскими горами, на юго-западе и западе — с массивом

¹ Frisnyák 1999: 47.

² Rác 1999; Rác 2013: 24.

³ Rác 2013.

⁴ Rác 2013.

Альп, на юге — с Динарскими горами. Бассейн имеет два естественных выхода, один на северо-запад в сторону Венского бассейна, другой на юг в сторону Балкан, и оба «шлюза» открываются в долину Дуная. Определяющей чертой поверхности территории, отделенной таким образом от своего непосредственного географического окружения в Центральной Европе, является ее «бассейновый характер».

Три четверти Дунайского бассейна расположено ниже отметки 500 м над уровнем моря, и почти половина его, или 150 тыс. км², представляет специфическую низменность — не выше 200 м. Почти весь бассейн является частью водосборного бассейна, который очень однороден с гидрографической точки зрения: только две реки Спишского бассейна, Попрад и Дунаец, на северной периферии, несут воды через Вислу в Балтийское море. Дунай — вторая по величине река Европы — берет начало в Шварцвальде на высоте 1125 м и через 2850 км впадает в Черное море.

От истока до устья Дунай делится на три части: от истока до устья Моравы — Верхний Дунай, от Девинской плотины до ущелья Железные Ворота — Средний Дунай и далее — Нижний Дунай. На территории Дунайского бассейна река Дунай втекает с территории Австрии через Девинскую плотину, а выходит на 805 км ниже по течению сквозь Железные Ворота⁵.

Ежегодно на реках Дунайского бассейна наблюдаются два периода повышенной водности: половодье — подъем уровня воды ранней весной, вызванный таянием снега в Альпах, Карпатах и внутри бассейна (в отдельные годы на волну половодья накладывается ледоход) — и дождевые паводки в начале лета, вызванные выпадением большого количества осадков, а в случае усиления влияния средиземноморского климата — после осенних дождей вплоть до октября. Самым опасным из дунайских наводнений является затор льда, для формирования которого необходимо сочетание многих факторов, в первую очередь это наличие в русле реки значительного количества льда и препятствий для его свободного продвижения, в том числе когда в верховьях Дуная и его притоках начинается ледоход, а в среднем и нижнем течении еще наблюдается ледостав. В низменной части Дуная нет значительных притоков, которые могли бы способствовать разрушению ледяного покрова, поэтому в сужающихся руслах

⁵ Somogyi 1996: 12.

у островов и резких изгибов ледяные глыбы легко застревают и слипаются, не давая воде течь вниз по течению. Подъем уровня воды, вызванный ледяной плотиной, на коротких отрезках может быть очень высоким, и тогда выходящая из русла река сметает все на своем пути. Благодаря обширному и разнообразному водоснабжению течение Дуная относительно сбалансировано. Отношение максимального расхода воды (9600 м³/с) к минимальному (600 м³/с) составляет 16 у Будапешта, по сравнению со 120 у самого крупного притока, Тисы⁶, у Тисабеча (3360 м³/с и 29 м³/с соответственно).

Система каналов в эпоху династии Арпадов (XI–XII вв.)

Согласно результатам исследований Кароя Такача, система управления водными ресурсами начала создаваться в Венгрии после основания государства⁷. Структурно-типологическое сходство археологических остатков бывших земляных сооружений позволяет предположить, что средневековые системы каналов по всей стране были очень похожи. Конечно, особенности географии каждого региона могли привести к некоторым различиям, но это вряд ли меняло основную функцию. Сети каналов, обнаруженные в ходе археологических раскопок, неизменно делились на два или три канала, а вырытая земля укладывалась между каналами, образуя насыпи. Ширина каналов варьировалась от 4–5 до 30–35 м, а глубина — от 0,5 до 4 м. В случае тройных каналов размер и форма трех русел всегда различны, при этом центральный обычно шире и глубже, чем два крайних. Двухпочтовые каналы могли быть симметричными или асимметричными.

Одной из наиболее ярких особенностей поверхности являлись растения, покрывавшие территорию вокруг каналов. Есть отдельные виды, которые регулярно встречаются на остатках каналов или на их месте, некоторые из них относятся к колючим кустарникам: чистотел, овсяница, козлобородник. Встречаются фруктовые деревья: слива, вишня, черешня, яблоня. Присутствие таких видов не случайно: это потомки растений, намеренно высаженных на насыпи во время эксплуатации системы: растительность, как своими корнями, так и густыми ветвями, защищала канал от внешних

⁶ Lászlóffy 1982: 237.

⁷ Takács 2003: 291.

воздействий, эрозии или повреждения животными. С другой стороны, смешанная, часто влажная почва насыпей могла обеспечить растениям благоприятные условия для роста и плодоношения. Грунтовые дороги нередко проходили вдоль каналов или их остатков. Можно предположить, что связь между сетью дорог и сетью каналов восходит к тому времени, когда они еще использовались. Результаты этого исследования дают детальную реконструкцию роли каналов в управлении водными ресурсами. В целом все водные системы связаны с конкретной системой земледелия, и их структура и функционирование определяются потребностями этой системы. Тройные каналы выполняли несколько функций. Центральное русло с обеих сторон было зажато между насыпями, что позволяло нести воду выше, чем окружающая поверхность. Высота водяного потока, ограниченного насыпями, колебалась от 2 до 4 м в зависимости от условий местности. Насыпные каналы не имели равномерного уклона, дно было в основном горизонтальным, не считая незначительных колебаний. В этих заполненных бассейнах вода могла течь в любом направлении в зависимости от уровня воды на тот момент⁸.

Каналы, ответвлявшиеся от основных водотоков, почти всегда имели тройную структуру. Поэтому очевидно, что при высоком уровне воды центральные, запруженные плотинами русла этих каналов использовались для отвода воды из реки — при необходимости выше окружающей поверхности — и распределения ее по другим каналам в соответствии с той или иной системой. Вода могла удерживаться между насыпями до нужного уровня, а могла сбрасываться в определенных местах, например, в рыбные пруды, которые, с гидрологической точки зрения, по сути, были водохранилищами. С другой стороны, если уровень воды был достаточно высок, она могла распределяться по отдельным районам для орошения. Когда уровень воды в системе начинал падать, вода текла вспять. В таких случаях те же три канала собирали воду из сети и сбрасывали ее в реки. Каждая точка дна каналов глубже, чем самые глубокие части окружающей территории, поэтому каналы могли быть использованы для осушения всей территории⁹.

⁸ Takács 2000: 91.

⁹ Rácz 2013: 34.

В описанном выше процессе, особенно в плане дренажа, важную роль играли боковые русла тройных каналов и двойные каналы. Первые использовались не только для достаточного поднятия уровня насыпей, но и для поглощения части воды, просачивавшейся через них, и для ее отвода. Боковые русла спускались до определенных точек, где вода, слитая в них, направлялась в средний пласт с помощью шлюзов. Во время прилива те же точки использовались для сброса воды с дамб. Барьеры устанавливались не только между отдельными каналами, но и на стыке каналов, как тройных, так и двойных. Основное отличие двойных каналов от тройных заключалось в том, что по ним было нельзя транспортировать воду в определенное место, расположенное выше, чем окружающая территория, поэтому они использовались только локально и периодически, в то время как поток воды в центральном канале тройных каналов шел практически непрерывно. Главные особенности двойных каналов — расположение на разных высотах и переменный уклон. Они предназначались для того, чтобы распределять и отводить воду из переполненных русел, а также собирать и сбрасывать ее. Их специфическая структура служит лучшей иллюстрацией этой функции. Благодаря тому что выкопанная земля насыпалась между двумя руслами, а не по их обе стороны, вода могла беспрепятственно уходить из русел при их затоплении и так же беспрепятственно возвращаться обратно при их осушении. Насыпь между руслами также выполняла особую функцию. Прежде всего она позволяла двум водохранилищам функционировать независимо друг от друга, так что разделенные ими территории могли быть затоплены или осушены по отдельности. Она также разделяла водную поверхность пруда на определенные участки, что служило главным условием для рационального управления водным ресурсом¹⁰.

Благодаря распределению воды из рек в ряд искусственных каналов и прудов проблема наводнений была практически устранена, позволяя средневековым людям контролировать уровень воды. Блокируя или открывая те или иные каналы, они могли манипулировать уровнем воды в мельчайших деталях, поднимая его до нужного уровня, чтобы затопить определенные участки, а затем быстро сливая излишки воды. Пруды играли очень важную роль гидрологического

¹⁰ Takács 2003: 301.

баланса, поглощая большие объемы воды, которые во время засухи можно было использовать для орошения. Однако не следует забывать о борьбе с наводнениями, которую, возможно, правильнее было бы назвать гидроманипуляцией, поскольку еще одной гидротехнической функцией системы каналов являлось осушение земель. За исключением паводков, дренаж был непрерывным, как описано выше, так что вода сначала попадала в двойные и боковые русла тройных каналов, откуда через шлюзы стекала в водные резервуары, которые сбрасывали ее в реки. Орошение осуществлялось в основном путем затопления, но также могло сочетаться с другими методами. Отчасти из-за наводнений, а отчасти из-за характера изучаемой местности считается, что в основном речная вода использовалась для орошения лугов и пастбищ. В связи с этим необходимо также учитывать взвешенный в воде мелкий осадок, который постоянно «удобрял» почву. Сочетание этих двух факторов, а также постоянное осушение после затопления должно было приводить к значительному улучшению качества и количества производимой травы. Не следует исключать возможность некоторой формы систематического орошения возделываемых территорий, поскольку сеть каналов предоставляла такую возможность¹¹.

Больше всего функционированию каналов угрожал скот: животные на выпасе их разрушали. Помогала система особых, «окопных», каналов, которая также выполняла защитную функцию, не давая животным пересекать ее. Структура, напоминающая ряд окопов, могла также ограждать территории, где присутствие животных было нежелательно. Содержание пасущихся животных вдали от обрабатываемых площадей, скошенных полей или их частей было постоянной проблемой в крестьянском хозяйстве. Решение нашлось в густой посадке кустарников, которые иногда сочетались с небольшими каналами. С этой точки зрения, данную систему каналов можно рассматривать как одну огромную систему ограждений. Таким образом, существование густой сети каналов сочеталось с интересами животноводства¹².

Их наличие говорит о высоком уровне социальной организации, относительно высокой плотности населения и процветающей

¹¹ Rącz 2013: 89.

¹² Rącz 2013: 78.

системе земледелия. В XI и XII в. подавляющее большинство населения Венгрии было обязано выполнять значительный объем общественных работ, в том числе рытье «рвов», то есть каналов. Эти данные сами по себе свидетельствуют о проведении гидротехнических работ и позволяют выявить формы их организации. В этот период решающее значение имели обширные королевские владения, которые составляли основу государственного организма. Замковые и придворные владения, занимавшие большую часть территории комитатов, были основой сложно-иерархической организации, объединявшей проживавший там люд. Население владений было организовано в десятки (*decurionatus*) и сотни (*centurionatus*), во главе которых соответственно стояли десятники (*decurio*) и сотники (*centurio*). Руководили всей структурой ишпан (*comes*) и его заместитель (*vice-comes*). Десятки и сотни специальных людей собирали налоги, осуществляли правосудие и, не в последнюю очередь, организовывали общественные работы. Эти иерархические институты охватывали большую часть общества и, следовательно, большую часть страны. В XIII в. раздача королевских владений привела к распаду этих иерархических структур и возникновению классического средневекового мира с его децентрализованным характером собственности и, соответственно, атомизированным обществом. По мнению К. Такача, система каналов эпохи Арпадов, претерпев разрушения, сохранялась в позднее Средневековье и раннее Новое время в пойменном земледелии¹³.

Пойменное земледелие в Венгрии в позднее Средневековье и раннее Новое время

Функционирование пойменного земледелия и сети пойм первым описал этнограф Берталан Андрашфалви¹⁴. Пойма не только обеспечивала естественную кормовую базу для животноводства, но и была классической зоной дифференцированной экономической деятельности, адаптированной к колебаниям уровня реки. Центрами контроля и действий при пойменном земледелии были уже не королевские поместья, а деревенские общины, что объясняет большое пространственное

¹³ Takács 2003: 305.

¹⁴ Andrásfalvy 1965: 18; Andrásfalvy 1973: 24.

разнообразии этой формы сельскохозяйственных работ¹⁵. Реки Альфельда за счет регулярных селевых потоков намывали по обе стороны русла насыпь высотой несколько метров и шириной несколько сотен метров (1–2 км для крупных рек). Паводковые воды отводились на низменные поймы с помощью «артерий», или небольших каналов, по берегам реки. Постоянный уровень воды в поймах Дуная и Тисы обеспечивался природными протоками и притоками. Более мелкие протоки и каналы были созданы человеком: на них и основывалось пойменное земледелие. В бассейне Центральной Тисы пороговый уровень предгорий обычно колебался между +4 и +5 м над нулевым уровнем воды. Таким образом, протоки представляли собой выходы каналов (рукавов) с достаточно глубоким дном, ответвлявшиеся от центрального русла, в которых вода текла в двух направлениях в зависимости от уровня воды в реке. Когда он повышался, протоки выводили паводковые воды на низкую пойму. Когда река спадала, протоки отводили воду обратно в русло. Мелководные пойменные озера и крупные старицы различной протяженности, питаемые протоками и каналами, не только служили «природными водными резервуарами», но и играли важную роль в позднесредневековом управлении поймой.

Помимо главной отрасли хозяйства — животноводства, экологический потенциал пойм использовался обществом для самых различных целей. В позднесредневековых источниках регулярно упоминается об изобилии рыбы в равнинных реках и экономическом значении рыболовства. Даже в период династии Арпадов рыболовство в низменных поселениях на водоемах уже выполняло более важную функцию, чем побочный промысел. Некоторые рыбацкие деревни перевозили живую, соленую, сушеную и замороженную рыбу в районы, расположенные вдали от рек и озер. Рыболовство заполняло мертвые сезоны земледельческого цикла и играло важную роль в пропитании населения. Взаимосвязанные заливы, ручьи и озера служили маршрутами для местного водного транспорта (сплав древесины, тростника и сена). Кинетическая энергия воды, вытекающей из реки при половодьях и стекающей обратно во время обмелений, использовалась на водяных мельницах начиная с XI в. До середины XIX в. самыми важными местами разведения плодовых деревьев (в основном сливовых и яблонь) в низменности были поймы рек. Заготовки

¹⁵ Rącz 2013: 41.

тростника и древесины в пойме, изготовление самана (кирпича-сырца из суглинка с добавлением соломы) и сбор урожая для продажи также давали небольшие излишки. Жители низменных пойм, болот и топей возделывали небольшие незатопляемые участки. Пространственная структура, сложившаяся в раннем Средневековье, когда поймы были животноводческими территориями, а свободные от паводков мезо- и микрорегионы — аграрными, сохранялась на протяжении веков. Изменения в количестве и качестве сельскохозяйственного производства не привели к коренному изменению характерного профиля двух типов ландшафта. Лесостепные равнины делятся на два уровня: пойменные и незатопляемые. Земледелие началось на незатопляемых уровнях, в местах, которые Шандор Фришняк назвал «жизненными камерами». По краям пойм — вокруг зимовок, а затем вокруг постоянных поселений — возникли очаги, которые сформировали основные области современного земледелия. Из поселений на пойме, использовавших преимущества обоих ландшафтов, развились рыночные и ярмарочные площади, сельские центры эпохи феодализма¹⁶.

Влияние войн с османами на управление водными ресурсами (XVI–XVII вв.)

Судьбу средневекового венгерского государства решили поражение в битве при Мохаче (1526) и переход столицы Буды в руки османов (1541). Прежнее Венгерское королевство разделилось на три части: северные и западные области вошли в состав владений Австрийского дома, в центральных и южных районах была создана османская администрация, на востоке Трансильвания превратилась в сателлита Османской империи. В условиях затянувшейся на десятилетия войны погибли леса в Альфёльде и вокруг приграничных крепостей, в других же частях страны на месте заброшенных пашен и лугов выросли кустарниковые редколесья. Вырубка лесов в горах и по берегам рек способствовала изменению ландшафта, что и привело к перераспределению форм и видов водных объектов¹⁷. Ручьи, впадавшие в реки, стекали с вырубленных холмов, принося с собой много ила, заполняя долины и перекрывая русла рек. На равнине, где

¹⁶ Frisnyák 1999: 87.

¹⁷ Szabó 2005: 37.

уровень воды в реках уменьшился, такие заторы создавали как небольшие, так и значительные запруды. Межевые документы той эпохи полны упоминаний об озерах в таких местах, где в наши дни о воде не осталось и воспоминаний. Это усугублялось военными действиями, которые препятствовали проведению работ по поддержанию русел рек в порядке, как в предыдущие века. Фактически, именно война привела к заболачиванию обширных территорий. Защиту замков, построенных в горах, обеспечивала сама природа. В равнинных районах оккупированных османами территорий эта защита обеспечивалась путем строительства замков в устьях и изгибах рек или отводом воды из близлежащих рек, ручьев и болот в рвы вокруг замка¹⁸.

Планы управления водными ресурсами до начала работ по регулированию русла Дуная

После антиосманских освободительных войн территориальное единство Венгерского королевства к началу XVIII в. было восстановлено, а благодаря экономическому росту мирных лет и стихийным или организованным переселениям население Дунайского бассейна за одно столетие выросло с 3,8 до 9,9 млн человек. Прохладный и влажный климат Малого ледникового периода, увеличение водных поверхностей из-за строительства укреплений и деградация ландшафта, вызванная депопуляцией, затрудняли хозяйственную деятельность поселенцев, чьи намерения по приобретению земли поддерживались меркантилистским правительством. И помещики, и крестьяне хотели увеличить площадь возделываемых земель, и главным препятствием здесь стали обширные водоразделы, которые с коммерческой точки зрения считались нерентабельными¹⁹.

Судьбу оборонительных гидротехнических сооружений бывшей крепостной системы решили непредвиденные обстоятельства. В то время высказывались предположения, что обширное водное пространство, представлявшее собой сочетание каналов, канав и прудов, могло быть восстановлено и превращено в рыбную ферму. На практике, однако, судьба этих в значительной степени заброшенных водных сооружений сложилась по-разному. В одних

¹⁸ Szabó 2010: 208.

¹⁹ Frisnyák 1999.

случаях они высохли, в других — были засыпаны, в третьих — заброшены и пришли в запустение. Лица, ответственные за принятие решений, полагали, что если ликвидировать природное регулирование пойм, сократить их площади, заключить реки в узкие дамбы и осушить болота, то на обширных землях можно будет выращивать зерновые, а зарегулированные реки и рукотворные каналы использовать в качестве судоходных путей для коммерческих перевозок²⁰. С этой целью высококвалифицированные инженеры, такие как Шамуэль Миковини (1700?–1750), Шамуэль Кригер (1730?–1786) и Антал Балла (1739–1815), составили карту страны и провели измерения.

Разработанные ими планы по управлению водными ресурсами отличала известная смелость. Согласно расчетам инженеров, даже такие фантастические идеи, как водный путь, соединяющий Вену с Днестром, включая озеро Балатон и судоходный канал через северо-восточный перевал Карпат, считались осуществимыми. Но были также планы связать Коложвар с австрийским Грацем судоходным путем. В 1766 г. Шамуэль Кригер составил детальный и подробный план осушения озера Балатон. Его скрупулезная работа была благосклонно принята в правительственных кругах, и он дополнил инженерные планы осушения исследованием влияния гидротехнических работ на экономику, в котором рассчитал ожидаемые урожаи пшеницы и сена на осушенном дне озера и оценил размеры предполагаемого дохода. Смертный приговор Балатону был подписан Марией Терезией (1740–1780 гг.) и заинтересованными комитетами. План дренажа мог быть реализован в соответствии с техническими возможностями того времени, но частично из-за нехватки средств, вызванной войнами, а частично из-за проволочек комитатских администраций, так и остался на бумаге. Важной особенностью планов водного регулирования в XVIII в. была их раскоординированность. То, что работа часто прерывалась, а иногда была завершена лишь наполовину или даже на треть, часто становилось причиной серьезного ущерба. Как правило, превалировали региональные экономические и политические интересы, а накопленный поколениями опыт местных жителей не принимался во внимание. Реализовали лишь несколько детально проработанных и реалистичных планов, таких как строительство

²⁰ Várkonyi [R.] 2000: 182.

Францева канала²¹, соединившего Дунай и Тису в конце XVIII в. — работа морского инженера Йозефа Киша (1748–1813), который также изучал водное хозяйство в Англии. Иногда технически безупречные планы, не учитывавшие местные условия, срывались местными жителями, которые утверждали, что унаследовали опыт своих отцов: «Мы знаем наши водоемы»²².

Традиционные системы управления водными ресурсами и работы по регулированию рек в бассейне Дуная

Важнейшей региональной особенностью Малого ледникового периода в Дунайском бассейне было увеличение осадков, что привело к сокращению посевных площадей, которых и так не хватало для пропитания численно растущего населения. Не случайно эта проблема стала ключевой для модернизации и актуализировала вопрос об управлении водными ресурсами. Однако сведения о последствиях гидротехнических работ, проведенных во второй половине XIX в., весьма противоречивы. Резко сократилась как длина рек, так и протяженность водных путей. Эти изменения наиболее были заметны в долине Тисы, крупнейшего притока Дуная. В результате регулирования русла длина реки сократилась примерно на треть (с 1500 до 960 км), но около 25 тыс. км² территории защитили от паводков. Гидротехнические работы, несомненно, сделали транспорт безопасным: больше не опасались, что обширные затопленные территории парализуют транспортные и грузовые перевозки на недели, а иногда и месяцы. Профессионально возведенные дамбы временно обеспечили большую защиту населенных пунктов, расположенных за ними. Однако в долгосрочной перспективе высоту дамб приходилось увеличивать снова и снова, так как из-за узкой поймы и заполнения русла реки паводковые воды поднимались все выше и выше. Кроме того, система управления водными ресурсами, основанная на быстром сбросе паводковых вод, не позволяла сохранять временные излишки воды. В конце концов, гидротехнические работы XIX в. из-за стремления увеличить площадь возделываемых

²¹ *Францев канал (Franzenskanal)* — назван в честь императора Франца II (I), правившего Священной Римской империей, а с 1804 г. Австрийской империей (1792–1835 гг.); впоследствии носил имя Франца Иосифа I (1848–1816 гг.); ныне называется Малый Бачский канал и является частью канала Дунай — Тиса — Дунай (*прим перев.*).

²² Várkonyi [R.] 2000.

земель привели к новым проблемам. После нескольких лет высоких урожаев земля переставала плодоносить, становилась малопродуктивной для сельского хозяйства и могла использоваться только для разведения овец. Однако перестройка системы управления водными ресурсами оказалась необратимым процессом, что, конечно, не означает, что в наши дни не предпринимается попыток смягчить ее последствия.

Заключение

Географы и историки нередко называют Дунай самым западным заливом евразийского степного океана. Оказавшись на его берегах, кочевые народы Востока обнаружили, что не могут и далее вести кочевой образ жизни. С точки зрения истории окружающей среды, ключевым фактором адаптации стала главная региональная особенность глобального изменения климата — варьирование количества осадков. В теплые периоды (такие как Средневековый теплый период или даже нынешнее глобальное потепление) количество осадков уменьшалось, в то время как в холодные периоды (похолодание эпохи Великого переселения народов и Малый ледниковый период) количество осадков увеличивалось, а вместе с ним росла площадь временно или постоянно заболоченных территорий. В статье на основе результатов венгерских исследований я рассмотрел водные экосистемы, возникшие за тысячелетие после прихода венгерских племен в Среднее Подунавье (конец IX в.), до начала современной эпохи (первая половина XIX в.) под влиянием натурального хозяйства, политических и военных факторов. Эволюцию процесса управления водными ресурсами можно разделить на четыре периода.

*Обретение венграми родины*²³ и расселение в Среднем Подунавье. Уже в X в. стало ясно, что традиционный кочевой образ жизни не является в Карпато-Дунайском бассейне ни экологически, ни политически устойчивым. Значительному увеличению плодородности обширных территорий способствовали как преобразование лугов, эффективно использовавшее экологический потенциал пойм, так и сеть каналов, созданная в рамках королевских владений, охватывавших

²³ *Обретение родины* (венг. *honfoglalás*, дословно «завоевание родины») — термин, закрепившийся в российской исторической науке для обозначения расселения венгерских племен в Карпато-Дунайском бассейне в конце IX в. (*прим. перев.*).

большую часть страны. Важно отметить, однако, что успешная европейская интеграция, как экологическая, так и политическая, могла быть достигнута только к середине XII в., когда сложилась система феодальной аграрной экономики.

Позднее Средневековье. В первой половине XIII в. доминированию королевских владений пришел конец и доходы двора приобрели форму поступлений в казну (налоги, таможенные пошлины). В рамках этого процесса трансформации система управления водными ресурсами, находившаяся в ведении администрации королевских владений, была демонтирована и перешла к деревенским общинам, что привело к ее децентрализации. Водохозяйственные мероприятия и работы, проводившиеся сельскими общинами, значительно отставали от работ, осуществлявшихся в королевских владениях, как по масштабам, так и по эффективности, но их живучесть и приспособляемость к меняющимся условиям была совершенно исключительной. Методы управления водными ресурсами, разработанные в позднем Средневековье, пережили османские войны и период послевоенного восстановления. Система была упразднена только в результате масштабных водохозяйственных работ XIX в.

Эпоха турецких войн. Раннее Новое время, когда Османская империя оккупировала центральные и южные территории Венгерского королевства, было одним из самых критических периодов в истории Венгрии не только в военном и политическом, но и в экологическом плане. Кроме того, на XVII в. пришлось Малый ледниковый период и максимальное увеличение количества осадков в бассейне Дуная. Направление изменения климата и военные нужды страны сошлись в одной точке: площади покрытых водой территорий радикально увеличивались как по естественно-природным причинам, так и искусственным путем. Это не вызвало проблем с продовольствием главным образом потому, что население страны за два века турецких войн остановилось на уровне чуть менее 4 млн человек.

Реконструкция и модернизация. После окончания турецких войн в XVIII в. население королевства прирастало необычайно быстрыми темпами и к концу столетия приблизилось к 10 млн человек. Поскольку рост населения не сопровождался техническим прогрессом в сельском хозяйстве, единственным способом повысить урожайность было расширение посевных площадей. Не случайно уже в XVIII в. вопрос регулирования рек и управления водными ресурсами был

связан с вопросом модернизации страны. В результате управление водными ресурсами стало важным политическим вопросом, что привело к разработке ряда соответствующих программ, но только в середине XIX в. они были реализованы в национальном масштабе.

Перевод с венгерского О. В. Хавановой

Список исторических географических названий

Коложвар — ныне Клуж-Напока в Румынии

Литература

- Andrásfalvy 1965 — *Andrásfalvy B.* A sárköziek gazdálkodása a 18. és 19. században. Pécs: A Janus Pannonius Múzeum, 1965. 52 old. (Dunántúli dolgozatok. 3).
- Andrásfalvy 1973 — *Andrásfalvy B.* A Sárköz és a környező Duna-menti területek ősi ártéri gazdálkodása és vízhasználatai a szabályozás előtt = Die Wassernutzung im Sárköz und in den umgebenden Überschwemmungsgebieten der Donau vor den Gewässerregulierungen = Water utilisation on the flood plain areas in the environment of Sárköz and along the Danube before flow regulation. Budapest: VIZDOK, 1973. 74 old. (Vízügyi történeti füzetek. 6).
- Frisnyák 1999 — *Frisnyák S.* Magyarország történeti földrajza. Budapest: Tankönyvkiadó, 1999. 213 old.
- Lászlóffy 1982 — *Lászlóffy W.* A Tisza: vízi munkálatok és vízgazdálkodás a tiszai vízrendszerben. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1982. 609 old.
- Rác 1999 — *Rác L.* Climate history of Hungary since the sixteenth century: Past, present and future. Pécs: Centre for Regional Studies of the Hungarian Academy of Sciences, 1999. 160 p. (Centre for Regional History of the Hungarian Academy of Sciences. Discussion Papers. 28).
- Rác 2001 — *Rác L.* Magyarország éghajlattörténete az újkor idején. Szeged: Juhász Gyla Felsőoktatási Kiadó, 2001. 304. old.
- Rác 2013 — *Rác L.* The steppe to Europe. An environmental history of Hungary in the traditional age. Cambridge: White Horse Press, 2013. 268 p.
- Somogyi 1996 — *Somogyi S.* A magyar honfoglalás földrajzi környezete // A Kárpát-medence történeti földrajza / szerk. S. Frisnyák. Nyíregyháza: Bessenyei György Tanárképző Főiskola; Debrecen: Piremon, 1996. 7–17. old.
- Szabó 2005 — *Szabó P.* Woodlands and forests in medieval Hungary. Oxford: BAR Publishing, 2005. 187 p.
- Szabó 2009 — *Szabó P.* Open woodland in Europe in the Mesolithic and in the Middle Ages: Can there be a connection? // Forest Ecology and Management. 2009. Vol. 257. P. 2327–2330.

- Szabó 2010 — Szabó P. Ancient Woodland Boundaries in Europe // Journal of Historical Geography. 2010. Vol. 36. P. 205–214.
- Takács 2000 — Takács K. Árpád-kori csatornarendszerek kutatásáról // Táj és történelem. Tanulmányok a történeti ökológia világából / szerk. Á. [R.] Várkonyi, Budapest: Osiris, 2000. P. 73–106.
- Takács 2003 — Takács K. Medieval hydraulic systems in Hungary: Written sources, archeology and interpretation // People and nature in historical perspective / ed. by J. Laszlovszky, P. Szabó. Budapest: CEU Press, 2003. P. 289–312.
- Tóry 1952 — Tóry K. A Duna és szabályozása. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1952. 454 old.
- Várkonyi [R.] 1991 — Várkonyi [R.] Á. Pelikán a fiaival. Budapest: Liget Kiadó, 1991. 331. old.
- Várkonyi [R.] 2000 — Várkonyi [R.] Á. Táj és történelem a XVIII. századi Magyarországon // Táj és történelem. Tanulmányok a történeti ökológia világából / szerk. Á. [R.] Várkonyi. Budapest: Osiris, 2000. 156–183. old.

References

- Andrásfalvy, B., 1965. *A sárköziek gazdálkodása a 18. és 19. században*. Pécs: A Janus Pannonius Múzeum, 52 p. (Dunántúli dolgozatok. 3).
- Andrásfalvy, B., 1973. *A Sárköz és a környező Duna-menti területek ősi ártéri gazdálkodása és vízhasználatai a szabályozás előtt = Die Wassernutzung im Sárköz und in den umgebenden Überschwemmungsgebieten der Donau vor den Gewässerregulierungen = Water utilisation on the flood plain areas in the environment of Sárköz and along the Danube before flow regulation*. Budapest: VIZDOK, 74 p. (Vízügyi történeti füzetek. 6).
- Lászlóffy, W., 1982. *A Tisza: vízi munkálatok és vízgazdálkodás a tiszai vízrendszerben*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 609 p.
- Rác, L., 1999. *Climate history of Hungary since the sixteenth century: Past, present and future*. Pécs: Centre for Regional Studies of the Hungarian Academy of Sciences, 160 p. (Centre for Regional History of the Hungarian Academy of Sciences. Discussion Papers. 28).
- Rác, L., 2001. *Magyarország éghajlattörténete az újkor idején*. Szeged: Juhász Gyla Felsőoktatási Kiadó, 304 p.
- Rác, L., 2013. *The steppe to Europe. An environmental history of Hungary in the traditional age*. Cambridge: White Horse Press, 268 p.
- Somogyi, S., 1996. A magyar honfoglalás földrajzi környezete. In: Frisnyák, S., ed. *A Kárpát-medence történeti földrajza*. Nyíregyháza: Bessenyei György Tanárképző Főiskola; Debrecen: Piremon, pp. 7–17.
- Szabó, P., 2005. *Woodlands and forests in medieval Hungary*. Oxford: BAR Publishing, 187 p.

- Szabó, P., 2009. Open woodland in Europe in the Mesolithic and in the Middle Ages: Can there be a connection? *Forest Ecology and Management*, 257, pp. 2327–2330.
- Szabó, P., 2010. Ancient Woodland Boundaries in Europe. *Journal of Historical Geography*, 36, pp. 205–214.
- Takács, K., 2000. Árpád-kori csatornarendszerek kutatásáról. In: Várkonyi [R.], Á., ed. *Táj és történelem. Tanulmányok a történelmi ökológia világából*. Budapest: Osiris, pp. 73–106.
- Takács, K., 2003. Medieval hydraulic systems in Hungary: Written sources, archaeology and interpretation. In: Laszlovszky, J., Szabó, P., eds. *People and nature in historical perspective*. Budapest: CEU Press, pp. 289–312.
- Tóry, K., 1952. *A Duna és szabályozása*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 454 p.
- Várkonyi [R.], Á., 1991. *Pelikán a fiaiival*. Budapest: Liget Kiadó, 331 p.
- Várkonyi [R.], Á., 2000. Táj és történelem a XVIII. századi Magyarországon. In: Várkonyi [R.], Á., ed. *Táj és történelem. Tanulmányok a történelmi ökológia világából*. Budapest: Osiris, pp. 156–183.

Lajos RÁCZ

DSc, Professor, Director, Institute of Applied Social Sciences and Minority Politics, Pedagogical Faculty Named after Gyula Juhász, University of Szeged, Hungary. 6720, Szeged, Dugonics tér 13.
E-mail: racz.lajos@szte.hu

Traditional Water Management Systems in the Danube Basin before the Introduction of River Regulation: An Essay on Environmental History

The Danube Basin is the most extensive part of the Central European basin area (with the Czech- and the Vienna Basins). The critical peculiarity of the geographical landscape of the basin is the significant expansion of temporarily or permanently water-covered areas. In the traditional age, the size of the water-covered regions depended to a significant degree on the climate and climate changes. The important regional peculiarity of the Danube Basin is that global changes in climate are reflected primarily not in the temperature but rather in levels of precipitation. In my short environmental history essay, I survey the history of water management in the Danube Basin from the Hungarian conquest to the beginning of modernisation in the first half of the nineteenth century. Following the conquest and settling of nomadic tribes, one of the most critical challenges was adapting the subsistence system to the environmental conditions, which was inappropriate for nomadism. From a water management viewpoint, meadow transhumance efficiently takes advantage of the ecological potential of the floodplains, and the channel network manages the problems caused by water shortage or water surplus. Water management became the responsibility of the village communities, which reduced the system's efficiency in the feudal world of the late Middle Ages, but increased its historical stamina. The water-covered areas grew radically in the age of the Turkish wars. This process supported the cold and wet climate regime of the Little Ice Age and demonstrated the need for wartime defence around the forts. After centuries of the Turkish wars, a fundamental need arose to increase the cropland to support demographic growth. Therefore a crucial question of Hungarian modernisation became the regulation of waterways.

Keywords: environmental history, water regulation, agrarian history, Danube Basin, Hungarian history

How to cite: RÁCZ, L., 2022. Traditsionnye sposoby upravleniia vodnymi resursami v Dunaiskom basseine do nachala irrigatsionnykh rabot: ocherk istorii okruzhaiushchei sredy. *Tsentral'noevropeiskie issledovaniia*, 2022, 5(14). Moscow: Institut slavianovedeniia RAN; Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, pp. 13–31. doi: 10.31168/2619-0877.2022.5.1.

Андраш Вадаш

PhD, доцент, кафедра истории Средних веков, Университет имени Лоранда Этвеша, Будапешт, Венгрия. 1088, Budapest, Múzeum krt. 6–8. E-mail: vadas.andras@btk.elte.hu

Ледовый режим на Дунае и переправа через реку в раннее Новое время (1529–1650)

Цель статьи, с одной стороны, охарактеризовать некоторые элементы ледового режима Дуная в раннее Новое время, обращая особое внимание на возможные историко-климатические аспекты рассматриваемых событий, с другой стороны — показать потенциал изучения частной корреспонденции в реконструкции погоды и климата прошлого. В ней представлены результаты изучения более 10 тыс. частных писем в период между 1529 и 1650 гг. В результате были выявлены десятки прежде неизвестных упоминаний о замерзании верхнего течения реки Дунай в Карпато-Дунайском бассейне, которые доказывают факт крайне холодных продолжительных зим, и сформулированы их некоторые, общие для той эпохи характеристики. В статье показано, что, по-видимому, в прошлом Дунай замерзал чаще, чем в модерную эпоху, и помимо других причин (в особенности таких, как человеческий фактор) это можно объяснить изменениями природно-климатических условий. Рассмотренные в статье 120 лет считаются особенно холодным временем Малого ледникового периода и в этой связи особенно важно продемонстрировать сходные климатические тенденции в колебаниях средних зимних температур в Карпато-Дунайском бассейне и сопредельных территориях (Австрия, Чехия, Бавария и т. д.). Статья не только демонстрирует потенциал изучения ледового режима при реконструкции климатических особенностей зим в Карпато-Дунайском бассейне, но и показывает необходимость дальнейшего изучения такого рода свидетельств для сбора данных по истории окружающей среды.

Ключевые слова: история климата, Малый ледниковый период, режим замерзания, история окружающей среды

Цитирование: *Вадаш А.* Ледовый режим на Дунае и переправа через реку в раннее Новое время (1529–1650) // Центральноевропейские исследования. 2022. Вып. 5(14). М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2022. С. 32–56. DOI: 10.31168/2619-0877.2022.5.2.

Вводные замечания

Шимон Печи (?–1640), будущий трансильванский канцлер, писал 4 марта 1620 г. князю Трансильвании Габору Бетлену (1580–1629):

[Б]удайский паша отправляет в Пешт пригодный для моста лес, и как только Дунай очистится ото льда, он скрепит его между собой. <...> Точно так же Драву у Эсека стянули мостом, который, очевидно, является военной дорогой и знаком, указывающим на нее¹.

Пространное письмо о приготовлениях Порты позволяет сделать вывод, что как для османского войска, так и для венгров ключевое значение имел вопрос, когда происходит вскрытие реки и полное очищение русла ото льда на всех реках Карпато-Дунайского бассейна. Не менее важным для всех сторон был вопрос, когда на реках появляются первые устойчивые ледовые явления. В источниках эпохи Средневековья и раннего Нового времени — грамотах, частных письмах, иных источниках (личных заметках, дневниках, донесениях, хрониках) довольно часто упоминается лед на реках, например на Дунае, ледостав, разрешение льда и иные подобные явления. В статье я анализирую упоминания о ледовых явлениях в сходных источниках XVI–XVII вв. с целью установить, как часто, исходя из имеющихся документальных свидетельств, Дунай покрывался прочным слоем льда, а также ищу ответ на вопрос, была ли регулярность замерзания рек в раннее Новое время связана с предположительно гораздо более холодными по сравнению с XX в. зимами. Для этого я сопоставляю более или менее регулярные данные, собиравшиеся с конца XVIII в., и данные для периода с 1530 по 1650 г., чтобы показать возможные совпадения и расхождения в ледовом режиме Дуная. Первая половина раннего Нового времени ознаменовалась в Европе приходом холодных зим, этот факт венгерские историки до сих пор могли лишь частично подтвердить документальными свидетельствами.

Результаты исследований по Западной и отчасти Центральной Европе подтверждают, что в Малый ледниковый период зимы были более холодными, что же касается данных по Карпато-Дунайскому

¹ Цит. по: *Szilágyi S. Bethlen Gábor és a porta. I. közlemény // Történelmi Társ. 1881. Vol. 4. 627–628. old.*

бассейну, их изучение только началось. Влияние Малого ледникового периода в регионе пока вызывает много вопросов². Для периода до 1650 г. число исследований, в которых бы точно датировалось, когда в Карпато-Дунайском бассейне началось похолодание, или Малый ледниковый период, невелико. В этой связи решающее значение приобретает ответ на вопрос: случались ли в течение этих 120 лет в Западном Задунавье зимы, сопоставимые с западноевропейскими.

Об источниках

Изучение ледового режима рек Карпато-Дунайского бассейна затрудняет то обстоятельство, что источники, в которых так или иначе освещается проблема, довольно разрознены. Практически в каждом нарративном источнике или дневнике XVI–XVII вв. встречаются упоминания замерзших рек, но нет такого документа, в котором ледовый режим в проточной или стоячей воде в данном конкретном месте фиксировался бы систематически. Газеты, издававшиеся регулярно с середины XVIII в., прежде всего *Pressburger Zeitung* («Пресбургская газета»), стали первым источником, в которых систематически упоминалось замерзание Дуная³. Для более раннего периода таких данных нет, поэтому о периоде Средних веков и раннего Нового времени можно делать выводы, опираясь на используемые в статье типы опубликованных и неопубликованных источников.

Сведения о ледовом режиме, содержащиеся в нарративных источниках, можно почерпнуть из антологии Антала Регли, не раз критикованной за невысокий научный уровень. За прошедшие годы стало ясно, что, хотя материал накоплен значительный, компиляцию текстов о погоде, составленную под руководством авторитетного метеоролога, нельзя использовать без проверки сообщаемых сведений⁴. На нарративные источники и фрагменты дневников, в которых речь идет о замерзании рек, часто встречаются ссылки и в специальной научной литературе, в то же время ледовый режим, если речь не идет об обычном явлении, редко становится предметом анализа, и авторы

² Vadas 2020.

³ Rácz 2016.

⁴ Kiss 2009: 317–320; Rácz 2001: 26–34. Réthly A. Időjárási események és elemi csapások Magyarországon 1700-ig. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1962. 450 old.

ограничиваются констатацией факта ледостава или разрушения льда⁵. Про лед на реках также часто говорится в частной корреспонденции. Эту группу источников венгерские исследователи истории окружающей среды ранее практически не использовали, хотя, как я ранее показал в ряде исследований, там содержатся данные, необходимые для изучения истории наводнений⁶, и, как отмечено в статье, они представляют интерес для изучения ледового режима и истории климата.

В большом массиве частных писем я отобрал написанные в определенные периоды и упоминавшие географические области, изучению которых хотел бы уделить преимущественное внимание. Затем я постарался максимально полно изучить опубликованную личную переписку на латинском и венгерском языках за 1530–1650 гг., а также частично просмотреть эпистолярное наследие в архивах ряда семейств, связанных с Западным Задунавьем и северо-западными комитатами, составляющими ныне часть Словакии. Для пополнения источниковой базы я воспользовался материалами Венгерского национального архива (регестами и полнотекстовыми базами данных). За последние полтора столетия частная переписка была издана в нескольких сотнях больших и малых публикаций. Их характер и качество серьезно различаются. Далеко не все из них соответствуют принятым сегодня публикационным принципам, но они оказались полезны при сборе и изучении упоминаний о ледовом режиме. В числе неопубликованных источников использованы материалы из семейных архивов — фонды аристократических родов Палфи и Эрдеди, хранящиеся в Вене. Наконец, я проработал сборник копий писем, хранящийся в рукописном отделе Венгерской национальной библиотеки: большая их часть связана с западными районами Задунавья⁷. В настоящее время число опубликованных и неопубликованных писем, составляющих базу данных, перевалило за несколько тысяч, но это не означает, что тем самым возможности данного типа источника относительно одного только Западного Задунавья исчерпаны.

⁵ Важным исключением является статья А. Киш о природно-климатических аспектах монгольского нашествия на Венгрию, см.: Kiss 2003.

⁶ Vadas 2011.

⁷ OSZK K. Fol. Hung. 2638/I–III. A Magyar Asszonyok Könyvtárának Levélmásolatgyűjteménye.

Ледовый режим Дуная в раннее Новое время: анalogии и возможные расхождения

Вначале я рассмотрю ледовый режим Дуная раннего Нового времени, поскольку именно он служит отправной точкой при анализе того или иного события в погодно-историческом контексте⁸. Для моего исследования особое значение имеют четыре параметра, относящиеся к замерзанию реки: даты появления первых устойчивых ледовых явлений, даты образования ледостава, вскрытия и дата освобождения реки ото льда. Кроме того, для раннего Нового времени сохранились наблюдения за толщиной льда. Наконец, там, где это возможно, я безусловно принимаю в расчет сведения о продолжительности и регулярности ледовых явлений.

Дунай относится к сильно зарегулированным рекам, и это следует особо подчеркнуть при анализе ледового режима современной эпохи⁹. Попытки регулирования участка реки Дунай в бассейне Карпат предпринимались с незапамятных времен, однако эти дамбы и изменения русла реки служили для защиты лишь короткого берегового участка или поселения и практически никак не влияли на условия стока Дуная¹⁰. Общациональные работы по регулированию течения Дуная проходили несколькими волнами в XIX и начале XX в. В верхней трети среднего течения, в Карпато-Дунайском бассейне, гидротехническое строительство началось уже в 1830-е годы, во многих крупных городах появились искусственные набережные и русла. Хотя уже в это время имело место серьезное вмешательство в течение реки, коренное переустройство участка в районе Сигеткёза¹¹ произошло в 1880–1890-е годы, когда была устранена причина наводнений. Гидротехнические работы в среднем течении начались в начале XIX в. и после катастрофического выпадения града в 1838 г. достигли апогея с полным переустройством русла в районе Пешта и Буды¹². К регулированию Нижнего Дуная приступили несколько

⁸ См.: Horváth 1960; [Vízgazdálkodási Tudományos Kutató Intézet] 1974; Takács, Kern, Nagy 2003; Lászlóffy 1934.

⁹ Lászlóffy 1934: 425–433.

¹⁰ Töry 1952.

¹¹ *Szigetköz* (венг. *Szigetköz*) — остров, образованный течением Дуная и его притоками (*прим. перев.*).

¹² Lászlóffy 1938; Masát 1998.

позже, хотя на основании планов Пала Вашархеи (1795–1846) можно предположить: что-то было сделано уже в 30-е годы XIX в. Непосредственные работы по предотвращению наводнений пришлось на 1890-е годы, хотя следует подчеркнуть, что регулирование русла в полной мере не завершено по сей день¹³. В рамках статьи нет возможности детально осветить, как это повлияло на ледовый режим, единственное, что необходимо отметить: в результате этих мероприятий существенно сократились продолжительность периодов замерзания и число дней с ледовыми явлениями¹⁴. Этот факт, а также факторы потепления климата в XX в. и усилившееся антропогенное воздействие на природу (сточные воды) существенно изменили ледовый режим. Учитывая все это, смело можно предположить, что в раннее Новое время лед на Дунае образовывался чаще и ледяной покров держался дольше, чем в модерную эпоху, не говоря уже о XX в.¹⁵ Подавляющее большинство данных по раннему Новому времени позволяют проследить ситуацию на западно-задунайском отрезке. Из-за большой географической рассредоточенности источников по XVI–XVII вв. за основу взяты данные, относящиеся к Пресбургу.

По пресбургскому отрезку Дуная историки располагают исключительно богатыми данными для средневекового периода — практически полным набором приходно-расходных книг, в которых довольно часто делались отметки о ремонте мостов. Их в конце XIX в. обобщили Янош Кирай и Тивадар Ортваи, но при повторных обращениях к этим книгам обнаруживаются новые, ранее не известные случаи наводнений и ледостава¹⁶. Что касается исследований ситуации на рубеже раннего Нового и Нового времени, в последние годы появились интересные результаты. Номера первых венгерских газет, в особенности *Pressburger Zeitung*, позволяют довольно точно отследить случаи замерзания реки в районе Пресбурга в XVIII в.¹⁷ Кроме того, новостные свидетельства этого периода дают ценнейшую информацию о первых инструментальных измерениях Дуная в районе

¹³ Töry 1972.

¹⁴ Lászlóffy 1934: 426–427.

¹⁵ Takács, Kern, Nagy 2003.

¹⁶ Király 1890; Ortway 1895; Ortway 1898, Ortway 1900. Об использовании пресбургских приходно-расходных книг см.: Kiss 2019.

¹⁷ См.: Réthly 1970; Konček 1972.

Буды, которые вместе с данными о замерзаниях позволяют сделать некоторые выводы о климатическом фоне ледового режима в период до регулирования русла реки.

Ледовые явления на Дунае в Карпато-Дунайском бассейне в Новое время

Анализ ледовых явлений на Дунае раннего Нового времени я начал с самой ранней временной точки появления льда в конкретном году¹⁸. С конца XVIII в. самое раннее появление льда на Дунае приходилось на ноябрь. В 1788 г., в номере газеты *Pressburger Zeitung* от 29 ноября, уже сообщалось о ледоставе на реке, что потребовало досрочного демонтажа понтонного моста; в 1902 г. о появлении корки льда говорилось уже 20 ноября. В то же время в 1788 г. еще две недели можно было пересекать Дунай по воде, только в номере газеты за 10 декабря говорилось, что лед достиг такой толщины, что пользоваться лодками стало невозможно. Однако бывали и такие годы, когда лед появлялся гораздо позже. В 1780 г. лед только 20 декабря окреп настолько, что пришлось поднимать мост¹⁹. Похожие сведения содержатся в пресбургских материалах XVI в. Например, в январе 1536 г. под руководством мастера-мостостроителя Пала проводились работы по освобождению от льда опоры тогдашнего моста, имевшего более или менее постоянную конструкцию²⁰. Относительно пресбургского ледового режима следует отметить, что на любом пункте наблюдений по берегам Дуная отмечаются более ранние даты образования льда, чем там. Иными словами, за несколькими исключениями формирование тех или иных ледовых явлений начинается раньше у Мохача или Будапешта, чем у Пресбурга, и это явление гидрологи называют обратным замерзанием.

С точки зрения данных раннего Нового времени и историко-погодных последствий, важен не столько день появления первичных ледовых явлений, сколько установление сплошного ледяного покрова и особенно время и продолжительность периода замерзания. Для

¹⁸ Источники данных о ледовых явлениях см.: Horváth 1960; Lászlóffy 1934; [Vízgazdálkodási Tudományos Kutató Intézet] 1974.

¹⁹ Magyar Hírmondó. 1780. 23 XII.

²⁰ "Die wochen convers[ionis] Pauli prukmayster samt andern die Tonauprugken ausgeeysst". Цит. по: Király J. A pozsonyi nagy-dunai vám- és révjog. 85. old.

образования ледостава в том или ином районе есть вполне конкретные предпосылки, но на этом нет возможности останавливаться подробнее. Важно отметить, что для этого требуется продолжительная холодная погода²¹. Ученые накопили большой объем данных об образовании льда начиная с раннего Нового времени. Однако на протяжении этих веков лишь небольшое количество данных позволяет сделать вывод о времени ледостава. В лучшем случае, ледостав ожидаемо упоминается прежде всего в связи с упрощением перехода через реку, но это верно только для небольшого количества случаев.

Начиная с 1780-х годов в периодике довольно регулярно сообщалось о ледоставе в Пресбурге. Данные не непрерывные, многое в них вызывает вопросы, но по ним прослеживаются существенные расхождения в отдельные годы. В случае особо холодных зим, как в 1783/1784 или 1788/1789 гг., Дунай полностью замерзал более чем на один месяц (по крайней мере на 50 и на 43 дня соответственно)²². В то же время бывали годы (1780), когда река предположительно ни одного дня не была скована ледяным панцирем, и в газетах сообщалось только о ледоходе²³. В первой половине XX в. (1900–1956 гг.) в Пожони/Братиславе самое раннее образование ледостава, как и в XIX в., произошло 13 декабря 1902 г. Самый долгий период ледостава — 65 дней — пришелся на 1947 г. При этом средняя продолжительность ледостава на реке в эти 56 лет — шесть дней, а вероятность образования сплошного ледостава довольно низка (21,4%).

Необходимо упомянуть и о ледоходе. Хотя для раннего Нового времени сохранилось не так много сведений о точном дне его начала, несколько писем и фрагментов нарративных источников частично восполняют этот пробел. В пресбургской периодике встречаются интересные данные о ситуации в конце XVIII в. Прежде всего, ледостав необязательно разрушался один раз. В тот период было несколько лет, когда после начала ледохода Дунай снова замерзал, потом, спустя несколько дней, лед опять ломался. Так случилось в Пресбурге зимой 1796–1797 или 1784–1785 гг., и во втором случае, согласно заметке в *Pressburger Zeitung*, 1 марта 1785 г. вода в Дунае замерзла

²¹ Lászlóffy 1954: 6–21.

²² Ср.: Csernus Molnár 2009: 25; Kiss, Sümeghy, Danku 2006: 353–362; Kiss, Csernus Molnár 2008: 101–106.

²³ Эта зима была предположительно холоднее, чем обычно в Карпато-Дунайском бассейне, см.: Csernus Molnár 2009: 25. О ситуации в Европе см.: Kingston 1988.

третий раз за зиму²⁴. В новейшей истории самое позднее образование ледяного покрова пришлось на 15 марта 1929 г.

Последнее, что следует упомянуть в связи с периодом ледовых явлений, это день полного исчезновения льда на реке. Конечно, это находилось в тесной связи с ледоходом, два этих события порой разделяли всего несколько дней, на незарегулированных участках реки вслед за вскрытием, при значительном подъеме уровня воды русло полностью освобождалось ото льда за один день. Однако в то же время бывали впечатляющие исключения: годы, когда на реке вообще не формировался сплошной ледостав или же его продолжительность составляла один-два дня, зато по Дунаю продолжительное время наблюдался ледоход. Например, зимой 1780–1781 гг. в районе Пресбурга на Дунае в течение двух месяцев то и дело появлялся лед, но прочный ледяной покров так и не образовался. В то же время в Буде и Пеште во второй половине января и начале января 20 дней держался прочный лед, затем последовал необычно продолжительный ледоход на этом отрезке Дуная.

Средние и крайние даты разрушения льда — это те данные, которые позволяют провести параллели с имеющейся в распоряжении ученых информацией по раннему Новому времени. Уже для конца XVIII в. сохранилось достаточно данных о ледоходе в районе Пресбурга. По сообщениям *Magyar Hírmondó* («Венгерский вестник»), зимой 1779/1780 г. лед в Пресбурге растаял 12 марта, что довольно поздно по сравнению с серединой столетия²⁵ и данными XX в., но в 1780-е годы это не было редкостью. В это десятилетие суровых зим ледоход не раз приходился на март (1780–1781 гг., 1784–1785 гг.). Исключительно холодная зима 1784–1785 гг., о которой упоминалось выше, сопровождалась самым поздним из известных до сих пор лет разрушением льда: он полностью исчез на рассвете 22 марта²⁶. Кстати, самое позднее полное исчезновение льда в XX в., насколько известно, пришлось на тот же самый день.

Итак, о ледовых явлениях на Дунае в раннее Новое время можно сказать, что примерно за 200 лет постепенно изменились характерные время и регулярность проявления всех его элементов. Различные

²⁴ Pressburger Zeitung. 1784. 5 III.

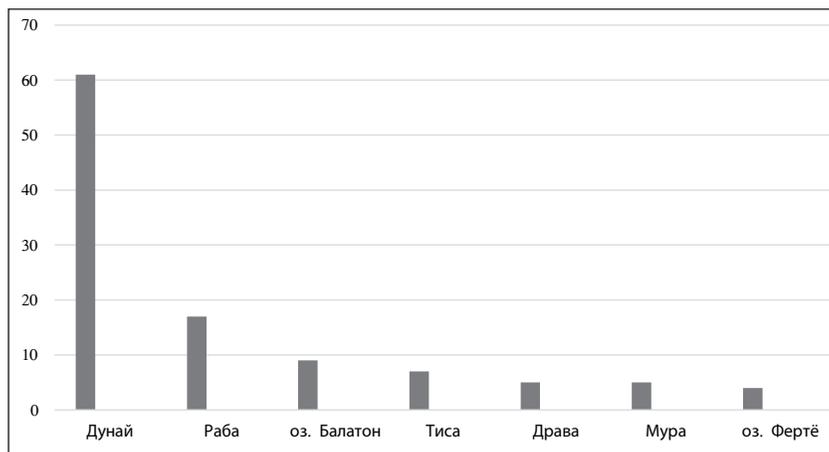
²⁵ Kiss 2007: 275–276.

²⁶ Pressburger Zeitung. 1785. 23 III.

фазы ледовых явлений ограничивались все более короткими периодами, а образование прочного ледового покрова со второй половины XX в. на Дунае не наблюдалось. Отчасти это связано с изменениями климата, отчасти вследствие антропогенных факторов (слив сточных вод, регулирование русла, ледокольные работы и пр.). Поскольку впоследствии река на ряде отрезков стала объектом радикального вмешательства человека, использование рассмотренных выше данных — в особенности сведений из газет конца XVIII в. — существенно повышает ценность данных раннего Нового времени: они позволяют не только продемонстрировать конкретные ледовые явления, но и вывести на их основании возможную последовательность погодных явлений.

Ледовые явления на Дунае — крайности и их погодный фон

Выше при детальном рассмотрении источников раннего Нового времени я пришел к выводу, что из всех рек Карпато-Дунайского бассейна только ледовые явления на Дунае можно анализировать как за отдельные годы, так и за многолетний период. Иными словами, источники позволяют показать регулярность замерзания только Дуная в раннее Новое время.

Упоминания ледовых явлений в исследуемой частной переписке в распределении по рекам и озерам, 1529–1650 гг.

На основании имеющейся погодной информации в районе Дуная с известной осторожностью можно прийти к определенным выводам о различиях в ледовых явлениях раннего Нового времени. За 120 лет (1530–1650 гг.) ученые располагают данными о каких-либо ледовых явлениях на Дунае за 39 лет. Этот массив данных наверняка можно пополнить за счет привлечения новых архивных источников, но и в таком виде они достаточны для того, чтобы показать относительно высокую частоту замерзания Дуная в изучаемый период и экстремальные годы, погодный фон которых хорошо известен.

Прежде всего, на основании собранной мною базы данных я детально рассмотрел экстремальные случаи ледовых явлений, описанных выше, а также, насколько возможно, их погодный фон. Главным образом я искал ответ на вопрос: насколько мнение ученых о том, что центральноевропейские зимы Малого ледникового периода были холодными, подтверждается данными ледовых условий в Карпато-Дунайском бассейне²⁷.

Для начала я кратко остановлюсь на экстремальных значениях, зафиксированных в изучаемый период. Первые данные, к которым я обратился, относятся к времени самого раннего появления льда на Дунае. Магнат Элек Турзо (1490–1543) в письме от 26 ноября 1530 г. из Семпте упомянул о близости ледостава на реке. При датировке непременно следует принять во внимание расхождение между юлианским и григорианским календарями, которое в XVI в. составляло 10 дней²⁸. Иными словами, когда в письме, датированном 26 ноября, идет речь о появлении льда на реке, на самом деле описываются погодные явления начала декабря²⁹. Этот предположительно холодный отрезок времени в конце ноября — начале декабря позволяет сделать вывод о более раннем, чем обычно в изучаемую эпоху, наступлении зимы. В XIX–XX вв., как говорилось выше, не раз бывало, что лед на Дунае появлялся в середине — конце ноября, но здесь особый интерес вызывает то, что в письме Турзо в начале декабря 1530 г. говорилось о скором наступлении ледостава, что в свете

²⁷ Dobrovolný 2010.

²⁸ Далее в статье после дат, указанных в письмах, в скобках приведены даты по астрономическому календарю. О реформе календаря в Венгрии см.: Hoffman 1894; Nagy 1986: 60–67.

²⁹ Bethlenfalvi Thurzó Elek levelezése, 1526–1532 / szerk. G. Erdélyi. Budapest: Lymbus, 2005. 229–230. old. № 64.

имеющихся данных можно назвать ранним (сведений о замерзании реки до 10 декабря нет).

В письме, написанном 9 (19) декабря 1560 г., когда в изучаемую эпоху река обычно сковывалась льдом, говорилось о состоянии Дуная. По-видимому, в данном случае речь также шла о льде, образовавшемся недавно: автор письма Михай Шаркань предостерегал Тамаша Надашди об опасности пересечения реки³⁰. У ученых нет данных о погоде в Карпато-Дунайском бассейне в ту эпоху, однако на чешских и немецких территориях к западу от Венгерского королевства и ноябрь, и декабрь бывали очень холодными, и это могло бы быть причиной образования ледостава³¹. О подобном явлении говорится в пресубургской приходно-расходной книге: ледостав упоминается в записи, датированной 4 декабря 1594 г.³²

Наконец, 1560 г. датировано еще одно интересное свидетельство о ледовых явлениях на Дунае. Янош Пакши, капитан крепости Комаром, в письме к будущему императору Максимилиану II (1564–1576 гг., как венгерский король Максимилиан I) от 19 (29) декабря сообщил о постепенном замерзании Дуная: у г. Пакш реку уже сковал лед, и ледяной покров приближался к Комарому. На основании письма можно сделать вывод, что замерзание Дуная, как и в Новое время, наступало инверсивно, но еще более интересно то, что уже в XVI в. это прекрасно понимали³³. В распоряжении ученых есть свидетельство о сильном похолодании примерно в то же время в 1628 г.: согласно письму Миклоша Эстерхази (1582–1645), начиная с 18 декабря в течение нескольких дней нельзя было пересечь Дунай³⁴. Не менее интересно, что в том же послании Эстерхази отметил, что стоят сильные холода. Эти обстоятельства — формирование сплошного ледостава и сильный мороз — противоречат друг другу. Несколько холодных недель могло бы быть достаточно, чтобы река замерзла настолько, что ее можно было бы пересечь по льду. Ситуацию еще более

³⁰ Komáromy 1911: 103.

³¹ Dobrovlný 2010. Новейшие данные см. на сайте *National Centers for Environmental Information* (Национальные центры информации об окружающей среде). URL: <https://www.ncdc.noaa.gov/paleo-search/study/1003404> (дата обращения: 10.05.2021).

³² Király 1890: 97.

³³ ÖStA. HHStA. Türkei I. Karton 14. Konv. 4 (1560). Fol. 165, 167.

³⁴ Merényi L. Esterházy Miklós levelei Nyáry Krisztinához // Történelmi Tár. 1900. ÚF 1. 43–44. old. № 48–49.

запутывает обстоятельство, что, по отдельным источникам, в декабре 1628 г. в других иных частях Центральной Европы наступило потепление: в одном из дневников говорилось, что в Славонии установилась необычно мягкая погода³⁵. Не сохранилось данных, замерзла ли река к концу декабря, но из письма Пала Эстерхази Иштвану Палфи точно известно, что 28 января (7 февраля) Дунай замерз³⁶.

Известен случай в изучаемую эпоху, когда, согласно пресбургским приходно-расходным книгам, на Дунае не наблюдалось никаких ледовых явлений (зима 1529/1530 г.) и мостом можно было пользоваться круглый год³⁷.

Следует также обратиться еще к одному письму, даже если в нем содержатся неточные и не вполне понятные сведения о замерзании Дуная. Во время осады Буды в 1542 г. находившийся там английский посол Томас Сеймур сообщил в письме, датированном августом того года, что — поскольку в конце октября Дунай обычно замерзает и турки не могут бесперебойно транспортировать грузы по реке — походы османского войска обычно длятся только до наступления осени³⁸. Конечно, это некоторое преувеличение, но указывает на то, что замерзание Дуная и даже образование ледостава на реке в это время было ожидаемым явлением и принималось в расчет при планировании военных операций³⁹.

В данных XVI–XVII вв. также есть сведения о полном замерзании Дуная. Многочисленные письма и другие источники сообщают о замерзании реки, образовании сплошного и даже полного ледостава. Хотя число таких писем относительно высоко, в них говорится только об одном случае ледостава, который в свете данных Нового времени можно назвать экстремальным. Об этом исключительном явлении сообщается в письме 1570 г. Тогда в субботу, предшествовавшую второму воскресенью Великого поста (*Reminiscere*), 25 февраля

³⁵ Dobrovlný 2010. Новейшие данные см.: URL: <https://www.ncdc.noaa.gov/paleo-search/study/1003404> (дата обращения: 10.05.2021). Также см.: *Deák F. Keglevich Péter naplója // Magyar Történelmi Társ. 1867. 13. évf. 241. old.*

³⁶ *Jedlicska P. Eredeti részletek a gróf Pálffy-család okmánytárához 1401–1653 s gróf Pálffyak életrajzi vázlatai. Budapest: Stephaneum, 1910. 63–64. old. № 115.*

³⁷ Király 1890: 83.

³⁸ В переводе на венгерский язык см.: *Angol és skót utazók a régi Magyarországon, 1542–1737 / szerk. G. Hausner, Cimpian Péterné ford. Gy. Gömöri. Budapest: Argumentum, 1994. 15. old. № 3.*

³⁹ Об этом см.: Molnár 2003: 212.

(8 марта), Дунай в Пресбурге можно было перейти пешком⁴⁰. Большинство сведений о полном ледоставе относятся к началу января — середине февраля. Но и они ценны уже тем, что позволяют зафиксировать ледостав в тот или иной год. Упомянутый случай в XVI в. во всех смыслах исключителен в контексте данных раннего Нового и Нового времени. Для XIX–XX вв. самый поздний зарегистрированный случай образования ледового покрова в районе Пресбурга, как говорилось выше, 15 марта, и это близко к дате, когда это явление наблюдалось в 1570 г.

Кроме этого, есть еще одно упоминание об образовании ледяного покрова, которое не менее важно. В феврале 1629 г., на следующий день после свадьбы в Пеште, гости отправились в Буду по замерзшему Дунаю, однако вынуждены были отказаться от затеи, потому что один из мужчин провалился в реку⁴¹. В том же письме говорилось, что ранее уже лед уже трогался, но накануне свадьбы река снова замерзла, а потом лед подтаял. Иными словами, в период до 10 февраля лед ломался, что гораздо раньше, чем обычно наблюдалось в случае образования ледяного покрова в районе Пешт — Буда в XVIII–XIX вв. (20 февраля).

Ученые также располагают многочисленными свидетельствами о полном исчезновении льда в конце зимы — начале весны. Исходной точкой могут служить самые ранние и самые поздние данные о ледоставе и ледоходе. Зима 1620 г. длилась, скорее всего, исключительно долго: в двух письмах, написанных 4 и 19 марта, упоминаются приготовления османов к походу в конце зимы. В обоих говорится, что турки лишь тогда двинутся в путь — их целью был захват г. Вац, — когда там лед на Дунае сойдет⁴². 19 марта очень близко к самой поздней дате схода льда в Новое время — 22 марта, к тому же в письме говорится о ледовом покрове, а не о полном сходе льда, что можно расценивать как свидетельство об одном из самых холодных мартовских месяцев с начала наблюдений. Зима 1625 г., возможно, тоже была чуть длиннее, чем обычно: в письме Миклоша Эстерхази к жене Кристине Няри, написанном близ Комарома в последний день февраля,

⁴⁰ A körmendi Batthyány-levéltár reformációra vonatkozó oklevelei. I. 1527–1625. Iványi Béla anyaggyűjtése / sajtó alá rendezte L. Szilasi. Szeged: JATE, 1990. 83. old.

⁴¹ *Jedlicska P.* Eredeti részletek. 68. old. 121. sz.

⁴² *Szilágyi S.* Bethlen Gábor és a porta. 626–627. old.; *Szerémi [Odescalchi A.]*, Emlékek Barsvármegye hajdanából. IV. közl // Magyar Történelmi Tár. 1892. Vol. 15. 348–349. old.

упоминаются высокие волны и шум сталкивающихся льдин⁴³. То, что 1620-е годы сопровождались исключительно длинными зимами, подтверждает уже упомянутая зима 1629/1630 г.: в письме от 12 марта 1629 г., говорится о ледоходе, мешавшем сообщению по Дунаю между Веной и Пресбургом⁴⁴.

Из послания, датированного 24 февраля 1631 г. и посвященно-го доставке вин из Сентдёрдя и Базина в Вену для бракосочетания эрцгерцога Фердинанда (1608–1657, будущего императора Фердинанда III (1637–1657 гг.)) и Марии Анны Испанской (1606–1646), следует, что в это время пересечь Дунай было невозможно. Скорее всего, причиной были плывущие по реке льдины⁴⁵. Ледоход наверняка не прекратился в одночасье: жители деревни Маруш (Надьмарош), которые поставляли рыбу для Венгерской казенной палаты, согласно письму от 11 марта, не выполнили обязательств, потому что лову рыбы в предшествующие дни мешал ледоход. После схода льда деревня отправила в Вену 100 белуг⁴⁶. Помимо этой исключительно долгой зимы, по всей вероятности, продолжительные зимы выпадали на 1636 и 1638 гг., поскольку сохранились данные о ледоходах на Дунае в последние дни февраля⁴⁷.

Наконец, в распоряжении историков есть еще одна переписка, где говорится о необычно долгих зимах. Фердинанд III созвал на 25 января 1649 г. Государственное собрание в Пресбурге. Открывать его полагалось лично королю, но из-за непрекращавшегося схода льдин он неделями не мог или не хотел этого сделать. Сначала он перенес открытие на 18 февраля, но наступило 10 марта, а надор (палатин) Пал Палфи (1592–1653) — у которого в этот

⁴³ *Merényi L. Esterházy Miklós újabb levelei Nyári Krisztinához // Történelmi Tár ÚF. 1901. Vol. 2. 365. old. № 15.*

⁴⁴ MNL OL. Magyar Kamara Archivuma, Litterae ad Cameram exaratae. E 41. 1629. № 32.

⁴⁵ ÖStA. FHKA. HFU. Fasz. r. Nr. 143. Konv. 1631. März. Fol. 102, 107–109.

⁴⁶ MNL OL. E 41. 1631, № 26.

⁴⁷ О 1636 г. см. дневник Д. Добронки, хранящийся в рукописном отделе Университетской библиотеки: *Egyetemi Könyvtár Kézirattár. Collectio Prayana. Tom. XXX/1. [Georgius Dobronoki]. Actuum Academicorum Collegii Societatis Jesu Tyrnaviae Tomus Decimus Septimus. Fol. 11r (1636. február 24.)*. В частности, в нем говорится: *Danubius glacie plenus negavit facultatem transeundi Posonii*. О дневнике см.: Báthory 2001. О Добронки см.: Kádár 2011. Далее см.: Réthly 1970: 272; MNL OL. E 41. 1638. № 25; Király 1890: 108.

период во всех письмах упоминался ледоход — писал, что лед на Дунае до сих пор не сошел⁴⁸. Причиной тому могли быть непривычно более холодные по меркам Центральной Европы февраль и март⁴⁹. Это был не единственный случай, когда ледоход помешал открытию Государственного собрания: веспремский епископ Янош Листи (?–1577) в письме от 20 февраля 1572 г. сообщил императору Максимилиану II (1764–1676 гг.), что часть депутатов не смогли переправиться через Дунай, поэтому дату начала работы форума пришлось перенести⁵⁰.

Ледовые явления на Дунае и климатические отношения в Центральной Европе в целом: обзор

Наряду с анализом климатических экстремумов несомненный интерес представляет рассмотрение регулярности ледовых явлений на Дунае в изучаемую эпоху. Как говорилось выше, из 120 лет ученые располагают достоверными данными только за 39 лет, когда на Дунае они наблюдались в том или ином виде. С другой стороны, было только два года, 1530 и 1555 г., когда река не замерзала на длительное время⁵¹.

Что касается 39 зим в означенные годы, накопленных сведений о 70 ледовых явлениях на Дунае недостаточно, чтобы в полном объеме реконструировать изменение температуры воздуха. Для этого потребуется собрать и обобщить в разы больше данных. И все-таки уже сейчас можно сделать два важных вывода: во-первых, выделить особенно холодные десятилетия и, во-вторых, отметить увеличение частоты замерзания реки в раннее Новое время.

⁴⁸ См.: *Komáromy A.* Magyar országgyűlési emlékek: követutasítások, követjelentések // *Történelmi Tár.* 1908. Vol. 9. 542–543. old.; письма П. Палфи см.: *Pálffy Pál nádor levelei, 1644–1653. Pálffy Pál levelei Batthyány Ádámhoz és Borbálához / szerk. É. S. Lauter.* Budapest: ELTE Közép- és Koraijkori Magyar Történelmi Tanszék, 1989. 84–88. old. № 43–46.

⁴⁹ Dobrovolný 2010. Необработанные данные см.: National Center for Environmental Information. URL: <https://www.ncdc.noaa.gov/paleo-search/study/1003404> (дата обращения: 10.05.2021).

⁵⁰ ÖStA. HHStA. Ungarische Akten. Allgemeine Akten. Fasc. 98. Konv. A. Fol. 76–77. Благодарю Габора Мико за ценную информацию. Далее см. публикацию: Németh [H.] 1994.

⁵¹ Utóbbít sem a Duna, hanem az erdélyi folyók viszonyai alapján gondolhatjuk.

Из десятилетий, на которые выпадали холодные зимы, следует особо отметить 50-е годы XVI в., в особенности их вторую половину, когда в 1557–1560 гг. одна за другой случились четыре холодные зимы в верхней части Карпато-Дунайского бассейна. Период с 1567 по 1575 г. равным образом характеризовался холодными зимами: на Дунае в это время ежегодно наблюдались ледовые явления. Эти холодные зимы не были локальным явлением, исследования по центральноевропейскому региону в целом демонстрируют, что 60-е годы XVI в. и последующий период стали самыми холодными, самыми критическими за всю историю Малого ледникового периода, начало 1567 г. стало самым холодным за минувшие 500 лет⁵². Едва ли не такая же череда морозных зим пришлось на 20-е годы XVII в., когда ежегодно в первой половине года наблюдался сильный ледоход.

В связи с этими тремя десятилетиями следует отметить, что специалисты по истории климата в Венгрии ранее не рассматривали данные периоды как исключительно холодные. Согласно реконструкции, произведенной Лайошем Рацем, зимы тех лет в целом не сильно отличались от средних показателей, но следует учитывать, что сохранилось довольно мало данных по периоду до 50-х годов XVII в., потому и в свое время Ретли, и в наши дни Рацу пришлось работать на основании немногочисленных источников. В свете этих данных зима, по всей вероятности, была несколько холоднее средних показателей, что важно со многих точек зрения. С одной стороны, данные примеры указывают на необходимость пересмотра данных, приводимых Ретли, и реконструкции, выполненной Рацем. В особенности это касается периода до XVIII в. С другой стороны — и это, возможно, более важный вывод, — морозные десятилетия в рассмотренные 120 лет совпадали с исключительно холодными периодами в Центральной Европе⁵³. Есть все основания утверждать, что на рубеже XVI–XVII вв. наблюдалась тесная погодная взаимосвязь между западом Карпато-Дунайского бассейна, немецкими, чешскими и швейцарскими территориями.

Если рассмотреть тенденции на более протяженном, чем десятилетие, отрезке, становится очевидным, что в этот период на Дунае наблюдались многочисленные мощные ледоходы и сплошные

⁵² Pfister 2005; Pfister 1999: 291.

⁵³ Ehhez lásd 47. jegyz.

ледоставы. Как говорилось выше, в первой половине XX в. регулярность ледоставов на карпатском отрезке Дуная относительно невысока, не чаще, чем в 20 % лет. Образовавшийся прочный ледовый покров держался в среднем шесть дней. Источники раннего Нового времени лишь в исключительных случаях позволяют определить продолжительность ледостава на отдельных реках и озерах, но из частной переписки, где упоминается замерзающий или замерзший Дунай, очевидно, что это были события не одного-двух дней (многодневное отсутствие рыбы, постоянный ледяной мост, пеший переход через реку и пр.). Из рассмотренных выше 39 случаев ледохода и ледостава для 19 есть дополнительные свидетельства, что Дунай покрывался прочным слоем льда, а из этих 19 в пяти случаях (1535, 1565, 1586, 1629, 1641 гг.), вне всяких сомнений, река замерзала не менее чем на две недели.

При сопоставлении долгосрочных тенденций в замерзании Дуная в раннее Новое и Новое время необходимо учитывать два обстоятельства. Во-первых, как говорилось выше, антропогенное вмешательство существенно повлияло на вероятность замерзания рек. Это означает, что в зависимости от климатических условий Дунай в конце XVI в. замерзал чаще, чем в середине XX в. В то же время есть все основания ожидать, что, несмотря на привлечение большого числа источников, в будущем еще появится немало новых документальных свидетельств о замерзании Дуная в раннее Новое время. Соответственно, тот факт, что на основании уже известных источников можно продемонстрировать, что ледостав на Дунае в раннее Новое время случался почти так же часто, как в XX в., и в XVI–XVII вв. длился дольше, чем в Новое время, позволяет предположить, что Малый ледниковый период действительно мог влиять на среднюю температуру зим в Карпато-Дунайском бассейне.

Перевод с венгерского О. В. Хавановой

Список исторических географических названий

- Базин — ныне Пезинок в Словакии
- Пресбург — ныне Братислава в Словакии, в венгерской традиции Пожонь
- Семпте — ныне Шинатва в Словакии
- Сентдёрдь — ныне Свети-Юр в Словакии
- Эсек — ныне Осиек в Хорватии

Список сокращений

FHKA – Finanz- und Hofkammerarchiv
 HFU – Hofffinanz Ungarn
 HHStA – Haus-, Hof- und Staatsarchiv
 JATE – József Attila Tudományegyetem
 OSZK K – Országos Széchenyi Könyvtár Kézirattára, Budapest
 ÖStA – Österreichisches Staatsarchiv, Wien
 ÚF – Új Folyam

Литература

- Csernus 2009 – *Csernus Molnár I.* XVIII. század végi hőmérsékleti- és légnyomás-mérési sorozatok és napi csapadék-megfigyelések. A temesvári méréssorozat (1780–1803) és összevetése más magyarországi adatsorokkal. OTDK dolgozat. Szeged; Szegedi Tudományegyetem, 2009. 38 old. (рукопись).
- Báthory 2001 – *Báthory O.* Dobronoki György S.J. latin nyelvű diáriuma // Pázmány Péter és kora / szerk. E. Harittay. Piliscsaba: PPKE BTK, 2001. 372–394. old.
- Dobrovolný 2010 – *Dobrovolný P.* [et al.] Monthly and seasonal temperature reconstructions for Central Europe derived from documentary evidence and instrumental records since AD 1500 // *Climatic Change*. 2010. Vol. 101. P. 69–107.
- Hoffman 1894 – *Hoffman V.* Adatok a Gergely-féle naptár behozatalához Magyarországon // *Történelmi Tár*. 1894. 17. évf. 745–747. old.
- Horváth 1960 – *Horváth S.* Jégviszonyok a Duna Engerhaltszell és Sulina közötti szakaszán, különös tekintettel a Budapest alatti szakaszra. Kandidátusi értekezés. Budapest, 1960. 232 old. (рукопись).
- Jedlicska 1910 – *Jedlicska P.* Eredeti részletek a gróf Pálffy-család okmánytárához 1401–1653 s gróf Pálffyak életrajzi vázlatai. Budapest, Stephaneum, 1910. 760 old.
- Kádár 2011 – *Kádár Zs.* A soproni jezsuita kollégium kezdetei (1636–1640). Dobronoki György SJ superiorisége, 1. rész // *Soproni Szemle*. 2011. 65. évf. 381–402. old.
- Kingston 1988 – *Kingston J.* The weather of the 1780s over Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 180 p.
- Király 1890 – *Király J.* A pozsonyi nagy-dunai vám- és révjog története. Pozsony, Drottleff, 1890.
- Kiss, Csernus Molnár 2008 – *Kiss A., Csernus Molnár I.* Időjárási viszonyokhoz kapcsolható szélsőségek területi vonatkozásai a Temesi Bánságban 1780–1800. In: Gy. Füleky (szerk.), 2008. A táj változásai a Kárpát-medencében. Az erdélyi táj változásai. Gödöllő. Szent István Egyetem, 101–106. old.

- Kiss 2003 — Kiss A. “Ecce, in hyemis nivis et glaciei habundantia supervenit”. Időjárás, környezeti krízis és a tatárjárás // Tatárjárás / szerk. B. B. Nagy. Budapest: Osiris Kiadó, 2003. 439–452. old.
- Kiss 2007 — Kiss A. “Suburbia autem maxima in parte videntur esse deleta”. Danube icefloods and the pitfalls of urban planning: Pest and its suburbs in 1768–1799 // From villages to cyberspace / ed. by Cs. Kovács. Szeged: Szeged University Press, 2007. P. 271–282.
- Kiss 2009 — Kiss A. Historical climatology in Hungary: Role of documentary evidence in the study of past climates and hydrometeorological extremes // Időjárás. 2009. № 113. P. 315–339.
- Kiss 2019 — Kiss A. Floods and long-term water-level changes in medieval Hungary. Cham: Springer, 2019. 915 p.
- Kiss, Sümeghy, Danku 2006 — Kiss A., Sümeghy Z., Danku Gy. Az 1783–1784. évi szélsőséges tél és a Maros jeges árvize // Táj, környezet és társadalom / szerk. A. Kiss [et al.]. Szeged: SZTE, 2006. 353–362 old.
- Komáromy 1911 — Komáromy A. Magyar levelek a XVI. századból. Kilenczedik közlemény // Történelmi Tár. 1911. ÚF 12. 9–113. old.
- Komáromy 1908 — Komáromy A. Magyar országgyűlési emlékek: követutasítások, követjelentések // Történelmi Tár. 1908. ÚF 9. 523–551. old.
- Konček 1972 — Konček M. Über die ersten meteorologischen Aufzeichnungen in Bratislava (Pressburg) aus dem Ende des 18. Jahrhunderts // Időjárás. Quarterly Journal of the Hungarian Meteorological Service. 1972. Vol. 76. № 1. P. 51–53.
- Lászlóffy 1934 — Lászlóffy W. A folyók jégviszonyai különös tekintettel a magyar Dunára // Vízügyi Közlemények. 1934. 16. évf. 369–435. old.
- Lászlóffy 1938 — Lászlóffy W. Az 1838-i árvíz és a Duna szabályozása. Budapest: [Egyetemi Nyomda], 1938. 40 old.
- Lászlóffy 1954 — Lászlóffy W. Folyóink jégviszonyai. Budapest: Felsőoktatási Jegyzetellátó Vállalat, 1954. 79 old. (Mérnöki Továbbképző Intézet 1953–54. évei előadássorozatából, 2437).
- Masát 1998 — Masát Á. 1998: Az 1838. évi pest-budai árvíz hatása a városfejlesztésre // Pest-Buda egyesítésének 125. évfordulója, 1873–1998 / szerk. Á. Hajdú, F. Ósz. Budapest: M[agyar] Történezhallgatók Egyesülete, 1998. 16–30. old.
- Molnár 2003 — Molnár A. Ismeretlen inkvizíciós forrás a hódolt Budáról // Levéltári Közlemények. 74. évf. 199–220. old.
- Nagy 1986 — Nagy B. A gregorián naptárreform sorsa Magyarországon // Magyar Könyvszemle. 1986. 103. évf. 60–67. old.
- Németh [H.] 1994 — Németh [H.] I. A kassai követelek jelentése az 1572. évi február–áprilisi országgyűlésről. I. rész // Fons. 1994. 1. sz. 31–51. old.
- Ortvay 1895 — Ortvay T. A város középkori topográfiája, 1300–1526. Pozsony: Pozsonyi Első Takarékpénztár, 1895. 451 old. (Pozsony város története. II/1. köt.).

- Ortvay 1898 — *Ortvay T.* A város középkori jogszervezete, 1300–1526. Pozsony: Pozsonyi Első Takarékpénztár, 1898. 528 old. (Pozsony város története. II/2. köt.).
- Ortvay 1900 — *Ortvay T.* A város középkori háztartása, 1300–1526. Pozsony: Pozsonyi Első Takarékpénztár, 1900. 412 old. (Pozsony város története. II/3. köt.).
- Pfister 1999 — *Pfister Ch.* Wetternachhersage — 500 Jahre Klimavariationen und Naturkatastrophen. Bern: Haupt Verlag, 1999. 304 S.
- Pfister 2005 — *Pfister Ch.* Weeping in the Snow. The Second Period of Little Ice Age-Type Impacts, 1570–1630 // Kulturelle Konsequenzen der “Kleinen Eiszeit” / hrsg. von W. Behringer [et al.]. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2005. S. 31–86.
- Rácz 2001 — *Rácz L.* Magyarország éghajlattörténete az újkor idején. Szeged: Juhász Gyula Felsőoktatási Kiadó, 2001. 304 old.
- Rácz 2016 — *Rácz L.* The Danube pontoon bridge of Pest-Buda (1767–1849) as an indicator and victim of the climate change of the Little Ice Age // Global Environment: A Journal of Transdisciplinary History. 2016. Vol. 9. P. 458–493.
- Réthy 1962 — *Réthy A.* Időjárási események és elemi csapások Magyarországon 1700-ig. Budapest, Akadémiai Kiadó, 1962. 450 old.
- Réthy 1970 — *Réthy A.* Időjárási események és elemi csapások Magyarországon 1701–1800-ig. Budapest, Akadémiai Kiadó, 1970. 622 old.
- Takács, Kern, Nagy 2013 — *Takács K., Kern Z., Nagy B.* Impacts of anthropogenic effects on river ice regime: Examples from Eastern Central Europe // Quaternary International. 2013. Vol. 293. P. 275–282.
- Töry 1952 — *Töry K.* A Duna és szabályozása. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1952. 454 old.
- Töry 1972 — *Töry K.* Az Al-Duna szabályozása. Budapest: Vízdok, 1972. 81 old.
- Vadas 2011 — *Vadas A.* Floods in the Hungarian Kingdom as reflected in private letters (1541–1650): sources and possibilities // Anuarul Scolii Doctorale. “Istorie. Civilizație. Cultură” / ed. N. Toader. Cluj-Napoca: Accent, 2011. Vol. 5. P. 77–101.
- Vadas 2020 — *Vadas A.* Little Ice Age and the Hungarian Kingdom? Sources and research perspectives // The Crisis of the 14th century: Teleconnections between environmental and societal change? / ed. by M. Bauch, G.J. Schenk. Berlin: De Gruyter, 2020. P. 263–279. (Das Mittelalter. Perspektiven mediävistischer Forschung, 13).
- [Vízgazdálkodási Tudományos Kutató Intézet] 1974 — [Vízgazdálkodási Tudományos Kutató Intézet]. Adatgyűjtemény folyóink jégviszonyairól. Budapest: VI-TUKI, 1974. 183 old.

References

- Csernus Molnár, I. 2009: *XVIII. század végi hőmérsékleti- és légnyomásmérési sorozatok és napi csapadék-megfigyelések. A temesvári méréssorozat (1780–1803) és összevetése más magyarországi adatsorokkal*. OTDK dolgozat. Szeged, Szegedi Tudományegyetem, 38 p.
- Báthory, O. 2001: Dobronoki György S.J. latin nyelvű diáriuma. In: E. Hargittay, E., ed. *Pázmány Péter és kora*. Piliscsaba. PPKE BTK, pp. 372–394.
- Dobrovolný, P., et al. 2010. Monthly and Seasonal Temperature Reconstructions for Central Europe Derived from Documentary Evidence and Instrumental Records since AD 1500. *Climatic Change*, 101, pp. 69–107.
- Hoffman, V., 1894. Adatok a Gergely-féle naptár behozatalához Magyarországon. *Történelmi Tár*, 17, pp. 745–747.
- Horváth, S., 1960. *Jégviszonyok a Duna Engerhaltszell és Sulina közötti szakaszán, különös tekintettel a Budapest alatti szakaszra*. PhD Dis. Budapest, 232 p. (manuscript).
- Jedlicska, P., 1910. *Eredeti részletek a gróf Pálffy-család okmánytárához 1401–1653 s gróf Pálffyak életrajzi vázlatai*. Budapest, Stephaneum, 760 p.
- Kádár, Zs., 2011. A soproni jezsuita kollégium kezdetei (1636–1640). Dobronoki György SJ superiorása, 1. rész. *Soproni Szemle*, 65, pp. 381–402.
- Kingston, J., 1988. *The weather of the 1780s over Europe*. Cambridge: Cambridge University Press, 180 p.
- Király, J., 1890. *A pozsonyi nagy-dunai vám- és révjog története*. Pozsony, Drodteff, 1890.
- Kiss, A., 2003. “Ecce, in hyemis nivis et glaciei habundantia supervenit”. Időjárás, környezeti krízis és a tatárjárás. In: Nagy B. B., ed. *Tatárjárás*. Budapest. Osiris Kiadó, 439–452 pp.
- Kiss, A., 2007: “Suburbia autem maxima in parte videntur esse deleta”. Danube icefloods and the pitfalls of urban planning: Pest and its suburbs in 1768–1799. In: Kovács, Cs., ed. *From villages to cyberspace*. Szeged: Szeged University Press, pp. 271–282.
- Kiss, A., 2009. Historical climatology in Hungary: Role of documentary evidence in the study of past climates and hydrometeorological extremes. *Időjárás*, 113, pp. 315–339.
- Kiss, A., 2019. *Floods and long-term water-level changes in medieval Hungary*. Cham: Springer, 915 p.
- Kiss, A., Csernus Molnár, I., 2008. Időjárási viszonyokhoz kapcsolható szélsőségek területi vonatkozásai a Temesi Bánságban 1780–1800. In: Füleky, Gy., ed. *A táj változásai a Kárpát-medencében. Az erdélyi táj változásai*. Gödöllő. Szent István Egyetem, pp. 101–106.

- Kiss, A., Sümeghy, Z., Danku, Gy., 2006. Az 1783–1784. évi szélsőséges tél és a Maros jeges árvize. In: Kiss A., ed., *Táj, környezet és társadalom*. Szeged: SZTE, 353–362. p.
- Komáromy, A., 1911. Magyar levelek a XVI. századból. Kilenczedik közlemény. *Történelmi Tár*, ÚF 12, pp. 89–113.
- Komáromy, A., 1908. Magyar országgyűlési emlékek: követutasítások, követjelentések. *Történelmi Tár*, ÚF 9, pp. 523–551.
- Konček, M., 1972. Über die ersten meteorologischen Aufzeichnungen in Bratislava (Pressburg) aus dem Ende des 18. Jahrhunderts. *Időjárás. Quarterly Journal of the Hungarian Meteorological Service*, 76, pp. 51–53.
- Lászlóffy, W., 1934. A folyók jégviszonyai különös tekintettel a magyar Dunára. *Vízügyi Közlemények*, 16, pp. 369–435.
- Lászlóffy, W., 1938. *Az 1838-i árvíz és a Duna szabályozása*. Budapest: [Egyetemi Nyomda], 40 p.
- Lászlóffy, W., 1954. *Folyóink jégviszonyai*. Budapest: Felsőoktatási Jegyzetellátó Vállalat, 79 p. (Mérnöki Továbbképző Intézet 1953–54. évei előadásorozatából, 2437).
- Masát, Á., 1998. Az 1838. évi pest-budai árvíz hatása a városfejlesztésre. In: Hajdú, Á., Ósz, F., eds, 1998. *Pest-Buda egyesítésének 125. évfordulója, 1873–1998*. Budapest: M[agyar] Történezhallgatók Egyesülete, pp. 16–30.
- Molnár, A., 2003. Ismeretlen inkvizíciós forrás a hódolt Budáról. *Levéltári Közlemények*, 74, pp. 199–220.
- Nagy, B., 1986. A gregorián naptárreform sorsa Magyarországon. *Magyar Könyvszemle*, 103, pp. 60–67.
- Németh [H.], I., 1994. A kassai követek jelentése az 1572. évi február–áprilisi országgyűlésről. I. rész. *Fons*, 1, pp. 31–51.
- Ortvay, T., 1895. *A város középkori topográfiája, 1300–1526*. Pozsony: Pozsonyi Első Takarékpénztár, 451 p. (Pozsony város története. II/1. köt.).
- Ortvay, T., 1898. *A város középkori jogszervezete, 1300–1526*. Pozsony: Pozsonyi Első Takarékpénztár, 528 p. (Pozsony város története. II/2. köt.).
- Ortvay, T., 1900. *A város középkori háztartása, 1300–1526*. Pozsony: Pozsonyi Első Takarékpénztár, 412 p. (Pozsony város története. II/3. köt.).
- Pfister, Ch., 1999. *Wettermachersage – 500 Jahre Klimavariationen und Naturkatastrophen*. Bern, Haupt Verlag. 304 p.
- Pfister, Ch., 2005. Weeping in the snow. The second period of Little Ice Age-type impacts, 1570–1630. In: Behringer, W., et al. eds, 2005. *Kulturelle Konsequenzen der "Kleinen Eiszeit"*. Göttingen. Vandenhoeck & Ruprecht, pp. 31–86.
- Rác, L., 2001. *Magyarország éghajlattörténete az újkor idején*. Szeged, Juhász Gyula Felsőoktatási Kiadó. 304 p.
- Rác, L., 2016. The Danube pontoon bridge of Pest-Buda (1767–1849) as an indicator and victim of the climate change of the Little Ice Age. *Global Environment: A Journal of Transdisciplinary History*, 9, pp. 458–493.

- Réthy, A., 1962. *Időjárási események és elemi csapások Magyarországon 1700-ig*. Budapest, Akadémiai Kiadó, 450 p.
- Réthy, A., 1970. *Időjárási események és elemi csapások Magyarországon 1701–1800-ig*. Budapest, Akadémiai Kiadó, 622 p.
- Takács, K., Kern, Z., Nagy, B., 2013. Impacts of anthropogenic effects on river ice regime: Examples from Eastern Central Europe. *Quaternary International*, 293, pp. 275–282.
- Töry, K., 1952. *A Duna és szabályozása*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 454 p.
- Töry, K., 1972. *Az Al-Duna szabályozása*. Budapest: Vízdok, 80 p.
- Vadas, A., 2011. Floods in the Hungarian Kingdom as Reflected in Private Letters (1541–1650): Sources and Possibilities. In: Toader, N., ed. *Anuarul Scolii Doctorale. "Istorie. Civilizație. Cultur "*, V. Cluj-Napoca: Accent, pp. 77–101.
- Vadas, A., 2020. Little Ice Age and the Hungarian Kingdom? Sources and research perspectives. In: Bauch, M., Schenk, G.J., eds. *The Crisis of the 14th century: Teleconnections between environmental and societal change?* Berlin: De Gruyter, pp. 263–279. (Das Mittelalter. Perspektiven mediävistischer Forschung, 13).
- [Vízgazdálkodási Tudományos Kutató Intézet], 1974. *Adatgyűjtemény folyóink jégviszonyairól*. Budapest: VITUKI, 1974. 183 p.

Andr as Vadas

PhD, Assistant Professor, Department of Medieval History, E tv s Lor nd University, Budapest, Hungary. 1088, M zeum krt. 6-8.
E-mail: vadas.andras@btk.elte.hu

The Ice-Regime of the Danube and Winter Crossing Over Rivers in the Early Modern Times (1529–1650)

The aim of this paper is to show the potential of study of private correspondence both in the reconstruction of past weather and climate on the one hand, and on the other in presenting some elements of the ice-regime of the Danube in the early modern period with its possible historical climate implications. The paper shows the results of the study of more than 10,000 private letters from the period between 1529 and 1650. The investigation resulted in dozens of previously unknown mentions of the presence of ice in the upper section of the Danube in the Carpathian Basin. Based upon this, it is possible to show some extremely cold or lasting winters and also to derive some general characteristics of the winters of the period. The paper shows that it is likely that the Danube froze over more frequently in the early modern period than it has done in the modern (instrumental) period which, amongst other reasons (human intervention in particular), could be attributable to change in the natural climatic conditions. Overall, the 120 years studied are considered a characteristically cold period of the Little Ice Age and it may be of primary importance to demonstrate similar climatic trends in the fluctuation of winter average temperatures in the Carpathian Basin and neighboring territories (Austria, Bohemia, Bavaria, and so forth). Apart from showing the potential of the study of the ice regime of rivers in reconstructing the past winter climates of the Carpathian Basin, the paper shows the need for the study of under-investigated types of evidence to gain historical environmental data.

Keywords: climate history, Danube, Little Ice Age, ice-regime, environmental history

How to cite: Vadas, A. 2022. Ledovyi rezhim na Dunae i pereprava cherez reku v rannee Novoe vremia (1529–1650). *Tsentral'noevropeiskie issledovaniia*, 2022, 5(14). Moscow: Institut slavianovedeniia RAN; Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, pp. 32–56. doi: 10.31168/2619-0877.2022.5.2.

Далибор Денда

PhD, экстраординарный профессор, ведущий научный сотрудник Института стратегических исследований Университета обороны, Белград, Сербия. 11000, Beograd, Veljka Lukića Kurjaka, 1. E-mail: dalibor.denda@mod.gov.rs

Дунай как важная коммуникационная артерия и стратегическая преграда для Сербии и Югославии в первой половине XX в.

В первой половине XX в. Дунай был исключительно важен для Сербии, а затем и Югославии в двух смыслах. Во-первых, он служил коммуникационной линией, игравшей значительную роль в экономике, прежде всего Королевства Сербия. Во-вторых, он выполнял функцию стратегического барьера в военное время. Важность Дуная стала особенно очевидна в период так называемой Таможенной, или Свиной, войны с Австро-Венгрией в 1906–1911 гг., в результате которой Сербия завоевала экономическую независимость. Во время Первой мировой войны Дунай стал не только естественным препятствием на австрийском фронте, но и стратегической линией связи и снабжения как для стран Антанты, так и для Центральных держав. Контроль над рекой, вместе с установлением полного контроля над линией железной дороги Белград – Ниш – София – Константинополь стали главной причиной совместной австро-венгерской, немецкой и болгарской кампании против Сербии в октябре 1915 г. В ходе нее немцы пересекли Дунай на своем отрезке линии фронта, что на тот момент стало крупнейшей операцией по форсированию реки в военной истории. После Первой мировой войны Королевство Югославия благодаря репарациям получило крупнейший коммерческий флот на Дунае. В период между двумя мировыми войнами более 40% югославских товаров экспортировалось по Дунаю. В конце 1930-х годов возросла роль Дуная в снабжении нацистской Германии сырьем с Балкан, в особенности румынской нефтью. Единственным местом, пригодным для диверсионных операций с целью дестабилизации снабжения германской военной машины, было ущелье Железные Ворота – сужение течения Дуная на югославо-румынской границе. Важность Дуная показала Апрельская война 1941 г., когда Германия напала на Югославию в ночь с 5 на 6 апреля 1941 г., захватив охранявшийся армией Югославии Сипский канал – самый важный из семи каналов, прорубленных в Железных Воротах. Во время Второй мировой войны союзники бомбили многие порты на Дунае и германские корабли, перевозившие нефть. Снабжение было прервано совместной

советско-югославской наступательной операцией, завершившейся освобождением Белграда. Наконец, крупнейшее сражение Второй мировой войны в Югославии, данное Красной армией и Народно-освободительной армией Югославии, произошло 11–29 ноября 1944 г. близ деревни Батина в Баранье, на правом берегу Дуная.

Ключевые слова: Дунай, коммуникации, стратегический барьер, Сербия, Югославия, история, первая половина XX в.

Цитирование: Денда Д. Дунай как важная коммуникационная артерия и стратегическая преграда для Сербии и Югославии в первой половине XX в. // Центральноевропейские исследования. 2022. Вып. 5(14). М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2022. С. 57–79. DOI: 10.31168/2619-0877.2022.5.3.

В начале XX в. северная граница между Сербией и Австро-Венгрией проходила по рекам Дунай и Сава. Сербь контролировали 325 км течения Дуная, из которых 255 км приходились на границу с монархией Габсбургов (от Белграда до Текии) и около 70 км — с Румынией (от Текии до Радуетаца). После окончания Первой мировой войны новосозданному Королевству сербов, хорватов и словенцев досталось 588 км берега, протянувшегося от границы с Венгрией до Румынии и Болгарии¹. В первой половине XX в. контроль над Дунаем приносил Сербии и Югославии двойную выгоду. Во-первых, он представлял собой важную с экономической точки зрения транспортную артерию, значение которой для Королевства Сербия было трудно переоценить, так как река обеспечивала ему выход в открытое море. Во-вторых, она служила стратегическим препятствием в военное время.

Хотя Сербия состояла членом Европейской дунайской комиссии со времени ее основания, — сначала как вассальное княжество в составе Османской империи, а с 1878 г. как независимое и международно признанное государство, — ей не удавалось вплоть до конца XIX в. создать торговый флот и воспользоваться собственным статусом придунайского государства. Главными конкурентами, препятствовавшими развитию сербского флота, стали мощное австрийское Первое дунайское пароходное общество и (с 1896 г.) венгерское пароходство *MFTR (MAHART)*², которые располагали более чем

¹ Гулић 2014: 15.

² *Magyar (Királyi) Folyam- és Tengerhajózási RT* (ООО «Венгерское (королевское) речное и морское пароходство»), сокращенно *MFTR*, в 1954 г. преобразованное

200 пароходами и 1000 грузовых барж. Им принадлежала монополия на перевозку всех сербских товаров и пассажиров по Дунаю, который из-за неразвитости железнодорожной сети в Сербии представлял собой ее главную транспортную артерию. Высокие тарифы этих компаний, которые в четыре раза превосходили цены на аналогичные услуги в других регионах, должны были сделать Сербию зависимой от торговых кругов Вены, Будапешта и Триеста, а также в принципе помешать установлению торговых связей с Причерноморьем. Препятствием для последнего также служила, наряду с отсутствием собственного торгового флота и указанным состоянием железных дорог, низкая проходимость Дуная в районе Джердапского ущелья. Впрочем, обстановка начала стремительно меняться в 1890-е годы. В значительной степени этому поспособствовало строительство железной дороги в предыдущее десятилетие. А именно, во второй половине 1889 г. Сербия располагала 532,2 км железных дорог, 51 железнодорожной станцией, 27 паровозами, 127 пассажирскими и 701 грузовым составами³.

Позитивный опыт строительства и использования железных дорог все больше открывал сербской элите глаза на то, какие выгоды сулит развитие транспортной инфраструктуры. Решения сербской Народной скупщины, принятые в апреле 1890 г., а также льготы, предоставленные с целью основания Сербского пароходного общества, позволили тому приступить к работе уже три года спустя — 1 октября 1893 г.⁴ Импульс развитию речного транспорта в Сербии придало открытие в 1896 г. Сипского канала, который, как предполагалось, «привяжет» сербскую торговлю к Австро-Венгрии. Это гидротехническое сооружение длиной в 1843 м и шириной в 80 м появилось на правом (сербском) берегу Джердапского ущелья. Трехметровая глубина в межень обеспечивала проход даже крупных речных судов. Цель строительства состояла в повышении пропускной способности Дуная. Работы обошлись в пять раз дороже, чем прокладка технически более совершенного Кильского канала. Если сравнивать тарифы обоих каналов, то в два раза были выше сборы за проход по первому и в три раза — за

Magyar Hajózási Részvénytársaság (ООО «Венгерское речное пароходство»), сокращенно *MAHART* (нрим. *непев.*).

³ Stojanović 2011: 3–4.

⁴ Гулић 2014: 151.

каждую тонну перевезенных грузов⁵. И все-таки благодаря Сипскому каналу, навигация по наиболее опасным участкам Джердапского ущелья стала легче и безопасней. В течение следующих 20 лет развитие Сербского пароходного общества происходило постепенно. К началу Первой мировой войны оно располагало шестью пассажирскими пароходами, шестью буксирами и 57 баржами общей мощностью 4880 лошадиных сил и грузоподъемностью в 27 380 т. В то время на Королевство Сербия приходилось 3,66 % моторных мощностей и 1,86 % грузоподъемности совокупного речного флота на Дунае⁶.

Для Сербии, воспринимавшейся в контексте международной торговли едва ли не как австро-венгерская колония, значение Дуная особенно выросло в начале XX в., а именно, в 1906–1911 гг., когда Белград повел борьбу за экономическую эмансипацию от двуединой монархии. К тому времени, когда Вена ввела запрет на ввоз сербской продукции, Австро-Венгрия была для Белграда главным торговым партнером, на долю которого приходилось 85 % сербского экспорта⁷. В тот момент Дунай сыграл важную роль для Сербии, озабоченной поиском новых рынков и поддержанием экономической стабильности. Дабы открыть путь своим товарам, Сербия планировала строительство железнодорожных путей, которые соединили бы с адриатическим побережьем порты на Дунае Радуевац (с портами Дуррес или Бар) и Кладово (через Ниш и турецкую территорию). А в соответствии с конвенцией о строительстве моста между Кладово и Турну-Северином, подписанной в Бухаресте 3 июля 1898 г., новая ветка была бы напрямую связана с румынской железнодорожной сетью⁸. В то время сербская продукция чаще всего перевозилась по Дунаю по двум маршрутам: к Черному морю (Сулина) и средним течением реки до Германии (Регенсбург). По Дунаю, Средиземному и Черному морям в основном переправляли зерно, чернослив и повидло. В результате предпринятой кампании Австро-Венгрия перестала выступать в роли главного торгового партнера Сербии, которым теперь стала Германия, потреблявшая более 40 % сербского экспорта⁹. Так

⁵ Stojanović 2011: 3.

⁶ Гулић 2014: 152–153.

⁷ Stojanović 2011: 8.

⁸ Гулић 2014: 191.

⁹ Ђорђевић 1962: 504.

Сербия добилась экономической независимости. Хотя мощностей флота Сербского пароходного общества не хватало, оно сыграло важную роль в достижении этого результата.

Доля в сербском экспорте, %¹⁰

Страна	до 1906 г.	1906 г.	1907 г.
Австро-Венгрия	86,5	41,96	15,78
Германия	5,63	26,64	40,4
Бельгия	0,49	8,75	15,97
Прочие	7,38	22,65	27,85

Стратегическое значение Дуная отчетливо проявилось в начале Первой мировой войны. Великая европейская река из-за своей ширины представляла мощное препятствие на пути нападавших на Сербию. Ведь для ее форсирования требовались огромные людские, технические и организационные ресурсы. Агрессору приходилось предпринимать масштабные и долгосрочные приготовления к переправе, что предоставляло оборонявшимся необходимое время для организации отпора¹¹.

По сути, Первая мировая война и началась на Дунае, когда вечером 28 июля 1914 г. мониторы австро-венгерской речной флотилии *Temes*, *Bodrog* и *Szamos* открыли огонь по сербской столице Белграду. Тогда обстрелу подверглись позиции около железнодорожного моста, а также села на Топчидерском холме, а на рассвете следующего дня — станция беспроводного телеграфа, расположенная в Белградской крепости. К концу сентября городу был нанесен значительный материальный ущерб. По словам очевидца, «23 сентября, когда взошло солнце, крепость и город нельзя было узнать. Все разрушено, разрыто и изуродовано разрывами снарядов»¹². В первые месяцы войны австро-венгерская Дунайская флотилия продемонстрировала эффективность в обстреле и остальных сербских прибрежных городов и оборонительных позиций сербских войск, а также в уничтожении сербских судов. Снаряды падали на Велико-Градиште, а в районе Костолаца обстрелу подверглись сербские патрули¹³.

¹⁰ Там же.

¹¹ Подробнее см.: Денда 2021.

¹² Шаренац 2014: 105–106.

¹³ Гулић 2014: 25.

В тот период Дунай как судоходный путь использовался для снабжения сербской армии необходимым оружием и снаряжением, поставляемым из России. С этой целью в сентябре 1914 г. российская сторона сформировала Дунайскую экспедицию особого назначения во главе с капитаном 1-го ранга М. М. Веселкиным. Экспедиция действовала от российского порта Рени на Дунае до сербской пристани Прахово. Два первых конвоя с помощью прибыли в Сербию 21 октября и 24 ноября 1914 г.¹⁴, благодаря чему сербской армии удалось остановить австро-венгерское наступление и очистить государственную территорию Сербии от войск неприятеля. После этого, дабы парализовать действия австро-венгерской Дунайской флотилии и обезопасить навигацию сербских и российских судов по нижнему течению Дуная, союзники в конце 1914 — начале 1915 г. отправили в Сербию несколько батарей тяжелой береговой артиллерии, русский отряд моряков-минеров¹⁵ и патрульные катера.

Первыми в ноябре 1914 г. прибыли два французских орудия, в конце года — два российских, а в марте 1915 г. — четыре британских батареи по два орудия в каждой, а также еще одна французская береговая пушка. Орудия расположились на доминирующих высотах вдоль берега. Одна британская батарея в составе двух длинных орудий калибра 120 мм поставлена под Белградом — справа от разрушенного железнодорожного моста через Саву, а еще два орудия — в районе Велики-Врачар (в настоящее время — верхняя точка Звездарского леса в Белграде)¹⁶. Одна русская батарея в составе двух орудий калибра 152 мм, прибывших из Очакова, находилась рядом с церковью Ружица на Калемегдане, а вторая (две пушки калибра 75 мм) — в нижней крепости¹⁷. Французская береговая батарея в составе трех орудий калибра 140 мм располагалась на Топчидерском холме вместе с еще двумя английскими батареями калибра 120 мм¹⁸. В феврале 1915 г. из России в Сербию под командованием старшего лейтенанта Семенова отправился отряд саперов, которому предстояло расставлять мины и железные сети вблизи австрийского

¹⁴ Вишняков 2019: 78–79.

¹⁵ Каширин 2010.

¹⁶ Шаренац 2014: 75–77.

¹⁷ Руска војна помоћ Србији за време Првог светског рата / приред. Д. Кремић, А. Ј. Тимофејев. Београд: Институт за новију историју Србије, 2014. С. 44.

¹⁸ Шаренац 2014: 75–77.

берега и в Джердапском ущелье, а также бронированные патрульные катера «Кинжал» и «Сабля» под командованием мичманов Иванова и Шахова¹⁹. Необходимо, разумеется, упомянуть русских инженеров под командованием инженер-полковника Доброва, которые налаживали и поддерживали речные переправы в тылу сербской армии, готовили понтонный парк для форсирования Савы и Дуная, а также российскую зенитную батарею орудий калибра 76 мм под командованием капитана М. С. Миклашевского, которая, находясь на позициях у села Велика-Каменица, прикрывала дунайский порт Кладово (в августе-сентябре 1915 г. ей удалось сбить три вражеских самолета)²⁰. Благодаря их действиям навигация по нижнему течению Дуная оставалась почти безопасной для кораблей союзников вплоть до падения Сербии осенью 1915 г.

Не должно удивлять то, какое значение Россия придавала защите сербского берега Дуная, так как в конце 1914 г. тот превратился в важный коридор снабжения ее военными материалами, поставлявшимися союзниками. Причиной послужило вступление Османской империи в войну на стороне Центральных держав, в результате чего Босфор и Дарданеллы оказались закрытыми для кораблей Антанты. С этого времени союзники стали использовать территорию Сербии и Дунай для осуществления «тайных поставок». Тот факт, что Сербия располагала в порту Салоник свободной таможенной зоной, сделал возможным отправку французского и британского оружия и военного оборудования, прибывавших в Россию под этикеткой «товаров из Сербии». Эти поставки включали важнейшие компоненты, необходимые российской военной промышленности, а именно, автомобильные и авиационные двигатели, самолеты, автомобили и автозапчасти, прожектора, бинокли, оптику, радио и телеграфное оборудование и т. д. Все это перевозилось французскими пароходами до формально нейтрального порта Салоники, а оттуда — по железной дороге до города Парачин в Сербии. От Парачина до Заечара груз транспортировали в фургонах и по узкоколейке, а от Заечара — по обычной железной дороге до порта Прахово на Дунае. Оттуда суда и баржи экспедиции под командованием Веселкина плыли до

¹⁹ Вишняков 2019: 80.

²⁰ Руска војна помоћ Србији за време Првог светског рата / приред. Д. Кремић, А. Ј. Тимофејев. Београд: Институт за новијисторију Србије, 2014. С. 45–46.

Рени²¹. В противоположном направлении 45 конвоев перевезли из России в Сербию артиллерийские орудия, понтонные мосты, материалы для налаживания телефонной связи, боеприпасы, винтовки, бензин и спирт. Со времени Колубарской битвы (середина декабря 1914 г.) до 15 марта 1915 г. из России в Сербию прибыли военные материалы общей стоимостью в 15 млн рублей. В то же время Франция через Сербию поставила России 206 тыс. винтовок разного калибра и 231 544 снаряда для полевой артиллерии²². Также по Дунаю осуществлялась переброска добровольцев — попавших в русский плен австро-венгерских солдат, преимущественно сербов. Их вербовка, одобренная российским правительством, началась летом 1915 г.²³ Первая тысяча добровольцев прибыла в Сербию по Дунаю 27 сентября 1915 г. Они сформировали 4-й добровольческий батальон в составе Добровольческого отряда под командованием подполковника Воина Поповича — воеводы Вука²⁴. Переброска добровольцев по Дунаю продолжалась до вступления в войну Болгарии осенью 1915 г. Именно в этот момент в Сербию направлялась группа добровольцев в составе семи офицеров и 250 унтер-офицеров и солдат, которым из-за решения Болгарии, закрывшей Дунай для российских судов, пришлось вернуться в Одессу²⁵.

Центральные державы придавали огромное значение установлению контроля над Дунаем, который, наряду с Моравско-Вардарской долиной, рассматривался после вступления в войну Османской империи в качестве важнейшей транспортной артерии. Германия и Австро-Венгрия использовали Дунай как один из главных маршрутов поставок вооружений и боеприпасов новому союзнику, контроль которого над проливами имел стратегическое значение. Закрытие выхода в теплые моря не позволяло России поддерживать связи с союзниками по Антанте. Поэтому требовалось «очистить от сербов берег Дуная от Оршовы до Видина»²⁶. Это и послужило главной причиной

²¹ Вишняков 2019: 88–89.

²² Вишняков 2019: 92.

²³ Југословенски добровољачки корпус у Русији. Прилог историји добровољачког покрета (1914–1918). Београд: Војноисторијски институт ЈНА, 1954. С. 12–13.

²⁴ Мишић 2014: 38–39.

²⁵ Југословенски добровољачки корпус у Русији. Прилог историји добровољачког покрета (1914–1918). Београд: Војноисторијски институт ЈНА, 1954. С. 13.

²⁶ Гулић 2014: 21.

совместного австро-венгерско-германского и болгарского наступления на Сербию в октябре 1915 г.

Австро-венгерско-германские силы, намеревавшиеся форсировать приграничные реки Дунай, Саву и Дрину, 5 октября приступили к артиллерийской подготовке, которая началась с пристрелки и продолжилась на следующий день после полудня шквальным огнем из орудий всех калибров.²⁷ Наиболее сильному обстрелу подверглись Белград и Смедерево, а также Текия, Рам, Обреновац и Шабач (на Саве). Немцы тогда с целью огневой поддержки 11-й армии, форсировавшей Дунай, использовали и батарею супертяжелых осадных гаубиц М14 калибра 420 мм, известных как «Большая Берта». По словам очевидца, «Смедерево охватил огонь, белградские предместья превратились в развалины, а траншеи и укрытия наполнились трупами». Переправа началась ночью с 6 на 7 октября в районе Рама, где 10-й резервный корпус 11-й германской армии после отступления подвергшихся артиллерийскому обстрелу сербов беспрепятственно форсировал Дунай между впадения в него рек Караш и Нера, а также в районе Базияша. Действовавший по соседству 4-й резервный корпус до 9 октября занимался возведением надежных предместных укреплений. Западнее 3-й армейский корпус 8–9 октября приступил к переправе по обе стороны острова Смедеревская ада (с западной и восточной стороны Смедерево) и к вечеру 9 октября уже занял позиции на правом берегу Дуная. Таким образом, к 9 октября 11-я армия располагала тремя предместными укреплениями на отрезке от Смедерево до Велико-Градиште. На левом фланге неприятельской 3-й армии действовавший в районе Белграда австро-венгерский 8-й корпус в ночь с 6 на 7 октября перебросил часть своих сил на правый берег к востоку от Калемегдана, которым удалось закрепиться благодаря огневой поддержке речных мониторов. Одновременно германский 22-й резервный корпус сумел переправить небольшой отряд на южный берег Савы непосредственно вверх по течению от острова Ада-Циганлия и занял его западную и восточную часть. Несмотря на

²⁷ О наступлении Центральных держав на Сербию в 1915 г. подробнее см., например: *Недевъ Н.* България въ съѣтовната война (1915–1918). София: Армейски военнo-издателски фондъ, 1927. 167 с.; *Gallwitz M.* Meine Führertätigkeit im Weltkriege 1914–1916, Berlin: E. S. Mittler und Sohn, 1929. 528 S.; Glaise-Horstenau (Hrsg.) 1931; Glaise-Horstenau (Hrsg.) 1932; Зеленика 1954; Reichsarchiv (Hrsg.) 1931, Reichsarchiv (Hrsg. 1932).

большие потери, оба неприятельских корпуса продолжили переправу 7–8 октября. В результате после отступления отрядов Обороны Белграда на окраины города 9 ноября австро-венгерские и германские войска заняли сербскую столицу. Таким образом форсирование оказалось успешным на главных направлениях: 3-я австро-венгерская армия уже 10 октября соорудила два моста через Саву в районе Белграда. Однако возведение моста через Дунай представляло собой гораздо более тяжелую задачу, решить которую 11-я германская армия не могла без подвоза тяжелых понтонных материалов. Кроме того, для этого требовалось овладеть всем правым берегом Дуная от Белграда до Смедерево, а также обезвредить минные поля. Поэтому фельдмаршал Макензен направил правый фланг своей 11-й армии на запад от Смедерево, полагая, что неспешное планомерное наступление гарантирует достижение цели²⁸. Хотя Дунай представлял собой мощное препятствие, и сооружение переправы через него требовало значительных людских, технических и организационных ресурсов, а также заблаговременных приготовлений, на этот раз великая река не смогла остановить многочисленные, хорошо подготовленные и снаряженные силы противника. Следует подчеркнуть, что переход 11-й германской армии через Дунай на участке фронта между Смедерево и Рамом стал крупнейшей речной десантной операцией в военной истории на тот момент.

Поражение Сербии в 1915 г. позволило установить прямое транспортное сообщение между Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией. Наряду с железной дорогой Центральные державы получили возможность задействовать и дунайский коридор, который стал использоваться как никогда ранее. Навигация судов перечисленных государств через Джердап активно продолжалась с 1916 по 1918 г. Только в течение 1917–1918 гг. через ущелье прошло 7925 барж, которые перевезли 3 002 465 т грузов²⁹.

После Первой мировой войны Королевство СХС превратилось в центральный узел всей навигационной системы на Дунае. Югославия контролировала 12,5% судоходного течения Дуная и 37,5% судоходного течения рек дунайского бассейна³⁰. На ее территории

²⁸ Томас 1973: 285–287.

²⁹ Гулић 2014: 32.

³⁰ Гулић 2014: 15.

находились некоторые наиболее значимые для навигации сооружения, как, например, Сипский канал, который обеспечивал безопасный проход через Джердапское ущелье (Железные Ворота). Благодаря военным репарациям королевство располагало мощнейшим торговым флотом на Дунае. После окончательного раздела австро-венгерского флота югославы получили 97 речных судов совокупной мощностью 27 235 лошадиных сил, а также 807 барж и танкеров грузоподъемностью 354 428 т³¹. Белграду также достались четыре вражеских монитора. Благодаря этому в течение всего межвоенного периода более 40 % югославского экспорта товаров осуществлялось через Дунай, а основные речные порты, по сравнению с «конкурентами», находившимися на Адриатическом побережье, отличались более высокой торговой активностью и уровнем развития. Согласно данным Международной дунайской комиссии от 1936 г., Югославия располагала 1109 плавсредствами, что составляло 32,17 % совокупного флота на Дунае, который насчитывал 3448 судов³².

В конце 1930-х годов Дунай играл исключительно важную роль в поставках с Балкан полезных ископаемых, в первую очередь румынской нефти, а также сельскохозяйственных продуктов, предназначенных нацистской Германии. Росту стратегического значения дунайского бассейна способствовали планы строительства канала Рейн – Майн – Дунай, который связал бы Дунай с Северным морем и Атлантическим океаном, а также с Балтийским морем через канал Дунай – Одер³³. Значение дунайского судоходного маршрута для германской военной промышленности иллюстрируется тем фактом, что еще до войны 39,6 % югославского экспорта в Третий рейх и 33,1 % импорта осуществлялось по реке, а Румыния в 1938 г. отправила в Германию по морю 682 652 т товаров, а по Дунаю – 748 381 т³⁴.

Накануне Второй мировой войны Дунай как транспортный коридор и Джердапское ущелье стали объектами противостояния разведывательных служб противоборствующих сторон. Британская разведка готовила диверсионные акции, направленные на то, чтобы в районе Джердапского ущелья воспрепятствовать транспортному

³¹ Гулић 2014: 52.

³² Гулић 2014: 186.

³³ Гулић 2014: 225.

³⁴ Ristović 1991: 272–273.

сообщению в интересах Германии³⁵. Согласно разработанному плану, имелось три варианта действий. Первый состоял в выкупе плававших под германским флагом кораблей, что ослабило бы торговый флот рейха. Второй предусматривал подкуп корабельных команд и убеждение лоцманов отказаться от прохода судов через ущелье в обмен на полную плату, которую бы им выплачивали британцы. Согласно третьему, наиболее радикальному, следовало с помощью взрывчатки обрушить в протекавшую по дну ущелья реку нависавшие над ней скалы³⁶.

С 1939 г. британцы предприняли немало попыток в указанном направлении, однако все они закончились неудачно. Согласно донесению сотрудника Управления специальных операций Джорджа Тейлора, отправленному из Афин 26 февраля 1941 г., британцы развернули диверсионную деятельность на Дунае в сентябре 1939 г. Предполагалось заминировать высокую скалу на южной стороне ущелья Казан, дабы обрушилась достаточная масса камней и земли, чтобы полностью заблокировать Дунай на несколько месяцев. Тайная подземная прокладка британцами туннелей была обнаружена в декабре 1939 г., когда удалось завершить лишь десятую часть необходимых работ. После этого подготовкой минирования занялся югославский Генеральный штаб. Вплоть до Апрельской войны 1941 г. британцы посредством своих связей в югославских военных кругах безуспешно пытались убедить Генштаб закончить приготовления и в нужный час совершить подрыв, невзирая на позицию гражданских властей. Однако правительство и Генштаб в первые месяцы 1941 г. твердо придерживались позиции, что не следует провоцировать немцев, которым было разрешено срубить деревья, росшие на скалах над Казаном. Раньше эта растительность служила маскировкой для британцев, активность которых оставалась незаметной для наблюдателей с северной стороны ущелья. В феврале 1941 г. для завершения приготовлений по минированию казанского хребта требовалось еще около трех месяцев, если бы работы проводились тайно, и около шести недель, если бы их не приходилось скрывать. Лондон не прекращал оказывать политическое давление на князя-регента Павла Карагеоргиевича, который издавна был настроен пробритански, а также подкупать

³⁵ Barker 1978: 51.

³⁶ Гулић 2014: 225–226.

югославских высших чиновников, от которых требовалось возобновить выполнение плана «Казан». Параллельно британцы предложили югославскому Генштабу новый план, который им казался более реалистичным. Предполагалось одновременно подорвать плотину на Гребене и стремнине Юц, результатом чего стало бы такое снижение уровня воды в канале Гребен, что он перестал бы быть судоходным. Согласно этому плану, непосредственно перед взрывом следовало пустить вниз по течению 16 кораблей флотилии Шульца, купленных британцами в начале 1940 г. для проведения диверсий и переданных затем югославскому Генштабу. Нагруженные цементом суда были бы затоплены в Казанском ущелье, что сделало бы реку между Гребеном и Юцом слишком мелкой. После этого немцам потребовалось бы много времени, чтобы убрать корабли со дна. Эту операцию могли реализовать только югославы, а задача британцев состояла в том, чтобы убедить Генштаб и князя-регента закончить подготовку к ней. Воздействовать на офицеров, от которых непосредственно зависело выполнение задуманного, предполагалось через воеводу Илию Трифуновича-Бирчанина (1877–1943), который возглавлял Объединение четников и сотрудничал с британцами. В качестве последней подготовительной меры Трифунович должен был отправить группу подчинившихся ему чехов-диверсантов совершить диверсию на железной дороге, проходившей по дну Джердапского ущелья. Чехам следовало разрушить железнодорожное полотно и направить в реку два паровоза, которые перетаскивали вверх по течению буксиры и баржи³⁷. Ввиду того, что Югославия находилась в экономической зависимости от Третьего рейха, а его политическое и военное давление становилось все более заметным, Белграду приходилось тщательно взвешивать каждый свой шаг на международной арене в целом и по дунайскому вопросу в частности. О вероятности британского саботажа в районе Джердапа германскому МИД докладывал посланник в Белграде Виктор фон Херен. Эти действия предотвращались в сотрудничестве с югославскими разведывательными службами. Из-за опасности диверсий на Джердапском отрезке предпринимались меры в интересах безопасности передвижения как людей, так и судов. По предложению югославского МИД, был сформирован Постоянный комитет по безопасности судоходства на Дунае. Кроме того, югославские власти

³⁷ Pivac 2010: 211–212.

отправили для охраны Сипского канала пехотную роту, артиллерийский взвод, а также взвод зенитных пулеметчиков из состава 9-го пехотного полка. Из Нови-Сада прибыли речные мониторы «Драва» (в Текию) и «Сава» (в Велико-Градиште), а также четыре моторных катера в Кладово, Текию, Дони-Милановац и Велико-Градиште³⁸. Все перечисленное сделало невозможным выполнение британских планов до начала Апрельской войны.

В конце 1939 — начале 1940 г. французский генерал Максим Вейган (1867–1965), поддерживавший связи с югославским, румынским, греческим и турецким генштабами, разработал планы открытия балканского фронта на Дунае против немцев. Эти планы утратили смысл после поражения Франции в мае-июне 1940 г.³⁹ Дунай как стратегическая преграда фигурировал и в югославских планах, которые составлялись в годы, предшествовавшие вторжению сил Оси. Так, согласно плану Р40, оборонительная линия проходила по следующим географическим объектам: Дунай — Сава — Уна — Велебит. После генерального сражения предполагалось отступление в южном направлении⁴⁰.

Апрельская война 1941 г. показала, какое значение придавали силы Оси Дунаю, с которого началось вторжение немцев в Королевство Югославия. В ночь с 5 на 6 апреля в 2 часа утра усиленная германская полурота — авангард усиленного батальона из состава полка «особого назначения» Бранденбург — из Турну-Северина (Румыния) форсировала Дунай и, атаковав югославские силы (пехотную роту и взвод орудий калибра 80 мм), заняла Сипский канал — важнейший из семи каналов, которые вели через Джердапское ущелье. Прибегнув к шпионажу и саботажу, немцы сумели обеспечить беспрепятственное судоходство по Дунаю, а именно, взяли в плен большую часть гарнизона, дислоцированного в секторе Сип — Кладово, и помешали югославской речной флотилии перекрыть Сипский канал, что предусматривал имевшийся план⁴¹.

Вслед за оккупацией Югославии перед странами Оси встала задача охраны побережья Дуная и обеспечения безопасности прохода по реке германских конвоев. В этот момент румынские месторождения

³⁸ Гулић 2014: 227–228.

³⁹ См.: Денда 2020: 601–619.

⁴⁰ Денда 2019: 645–646.

⁴¹ Terzić 1984: 279–280.

служили едва ли не единственным источником снабжения германской военной машины нефтью. Почти 80 % поставок горючего осуществлялось Румынией по Дунаю. Согласно данным югославской разведки, относящимся к июлю 1943 г., ежедневно мимо Белграда проходило от 100 до 200 барж, груженных нефтью⁴². Поэтому неудивительно, что югославский берег Дуная охранялся весьма строго. В разведывательном и контрразведывательном отношении надзор над навигацией осуществлялся Центром связи в Белграде, а контроль — судоходной и речной полицией, отделения которой находились в Земуне, Белграде, Панчево, Смедерево, Велико-Градиште, Дони-Милановаце, Кладово и Прахово⁴³. Немецкие гарнизоны имелись даже в небольших придунайских городках Голубац, Добра и Дони-Милановац, а военные корабли рейха регулярно патрулировали сербский участок Дуная⁴⁴.

Несмотря на многочисленные диверсии, совершенные югославским движением сопротивления, германским оккупационным силам вплоть до сентября 1944 г. удавалось надежно контролировать район Джердапского ущелья. В результате налетов авиации союзников, предпринятых в апреле-сентябре 1944 г., ущерб был нанесен как некоторым городам на Дунае, так и, разумеется, немецким транспортам, перевозившим нефть. За это время Белград подвергся бомбежкам 11 раз, Земун — 4, Нови-Сад — 3 и Смедерево — 2. В столице были разрушены два моста на Дунае⁴⁵. Неудержимое наступление Красной армии в конце августа — начале сентября 1944 г. и ее приближение к югославской границе имели следствием отступление германских сил из районов нижнего течения Дуная, а также переход Румынии и Болгарии на сторону антигитлеровской коалиции. С этого времени снова увеличилось значение Дуная как стратегической преграды, однако на этот раз — в интересах немцев. Что касается советской стороны, важную роль в наступательных операциях сыграли не только соединения 3-го и 2-го Украинских фронтов, но и Дунайская речная флотилия, сформированная летом 1944 г. В ее состав входила бригада бронекатеров (22 бронекатера, 10 полуглиссеров и 10 катеров «ЗИС»), 4-я самостоятельная бригада речных кораблей (монитор

⁴² Терзић 2009: 76.

⁴³ Гулић 2014: 244.

⁴⁴ Терзић 2009: 74.

⁴⁵ Гулић 2014: 253–255.

«Железняков», 14 бронекатеров, 12 катеров, вооруженных системами залпового огня «Катюша», 22 минных катера и 15 полуглиссеров), 5 сухопутных артиллерийских батарей, зенитный дивизион, батальон морской пехоты и тыловые службы. Всего около 6500 человек⁴⁶.

20 октября 1944 г. совместная операция соединений 3-го Украинского фронта Красной армии и НОАЮ закончилась освобождением столицы Югославии Белграда⁴⁷. После этого, 22 октября, разведывательная группа советских морских пехотинцев из состава Дунайской флотилии, не встречая серьезного сопротивления, вошла в Нови-Сад, из которого отступали последние германские части. Тем не менее немцы не отказывались от намерения использовать Дунай как широкую природную водную преграду, дабы как можно дольше удерживать Красную армию. Поэтому крупнейшее сражение Второй мировой войны на территории Югославии, в котором участвовали Красная армия и НОАЮ, состоялось 11–29 ноября 1944 г. в районе села Батина в Баранье — на правом берегу Дуная. А именно, после формирования Сремского фронта частям 3-го Украинского фронта пришлось обходить германскую линию обороны и снова форсировать Дунай. Переправа должна была состояться в трех местах: Вуковаре, Апатине и Батине. Главный удар пришелся на последнее село, которое находилось на правом (хорватском) берегу Дуная у подножья Беломонастырской гряды, с востока и запада доминировавшей над равниной.

Немцы превратили Батину в мощное укрепление с несколькими линиями обороны. Ширина Дуная в районе села составляет 500 м, а левый (сербский) берег низкий и болотистый, что дополнительно затрудняло форсирование реки и переброску войск. Важность овладения этими позициями состояла в том, что позади Беломонастырской гряды простиралась широкая равнина без природных препятствий, на которой можно было в полной мере использовать возможности бронетанковых войск Красной армии. В Батинском сражении с германской стороны участвовало около 60 тыс. солдат (200 артиллерийских орудий), в числе которых находилась 13-я дивизия СС «Ханджар», составленная из мусульман Боснии и Герцеговины, а также небольшие хорватские и венгерские части. Им противостояла 57-я армия

⁴⁶ Тимофе́ев 2011: 320, 323.

⁴⁷ Подробнее: Hamović, Biriuzov 1989.

3-го Украинского фронта, усиленная двумя бригадами НОАЮ (21-я и 51-я Воеводинские бригады). Общая численность советско-югославских войск составляла 90 тыс. солдат (1200 орудий), воздушную поддержку которым оказывала 17-я воздушная армия. После продолжительных и изнурительных боев частям КА и НОАЮ, форсировавшим Дунай в районе Батины и Апатина, удалось соединиться, что открыло путь для наступления от селения Кнежеви-Виногради к городу Бели-Манастир. После занятия последнего перед частями КА открылся оперативный простор вплоть до озера Балатон. Дунай все-таки оказался трудно преодолимым препятствием, что выразилось в упорстве, с которым германские и хорватские части обороняли подступы к городу Вуковар. При этом артиллерия противника, размещенная в городе, не позволяла кораблям Дунайской флотилии подняться вверх по течению реки. Штурм Вуковара, предпринятый Красной армией и НОАЮ 9 декабря 1944 г., не принес успеха. Поэтому проход по Дунаю оставался заблокированным вплоть до прорыва Сремского фронта в апреле 1945 г.⁴⁸ Только после этого Дунай на всем его югославском отрезке открылся для судоходства. По окончании войны река снова стала играть роль важнейшей международной транспортной артерии, имевшей первостепенное значение для народного хозяйства социалистической Югославии.

Для Сербии Дунай приобрел транспортное и торговое значение только в конце XIX — начале XX в., хотя страна являлась членом Дунайской комиссии, еще будучи вассальным княжеством в составе Османской империи. До указанного времени вся навигация по сербскому участку реки находилась в руках австро-венгерских пароходных компаний. Транспортная зависимость Сербии от Двуетидной монархии уменьшилась в конце XIX в. благодаря развитию железнодорожной сети в стране и на Балканах в целом, а также сооружению Сипского канала на Дунае и строительству собственного торгового флота. Для внешнеторговых связей Сербии значение Дуная как международной судоходной артерии особенно проявилось во время Таможенной войны с Австро-Венгрией (1906–1911). Тогда значимая часть сербского экспорта, который ранее по большей части предназначался Австро-Венгрии, стала перевозиться по реке в Германию, а также в румынские и российские порты на Черном море. Решающее

⁴⁸ Тимофе́ев 2011: 326–333.

значение для экономической независимости Сербии от мощного соседа, достигнутой в указанные годы, имело транспортное сообщение с Салониками, Варной и Константинополем, обеспечивавшееся как по Дунаю, так и посредством балканских железных дорог. После окончания Первой мировой войны Дунай, немалый отрезок которого приходился на вновь сформированное Королевство сербов, хорватов и словенцев, стал его главным торговым коридором. При этом Югославия, будучи одной из наследниц Австро-Венгрии, получила в свое распоряжение крупнейшую дунайскую коммерческую флотилию.

В первой половине XX в., и особенно в ходе войны Сербии с Центральными державами, Дунай играл важную роль как канал снабжения и как стратегическая преграда. По реке в Сербию прибывали военные поставки из России, а в обратном направлении от союзников шли поставки военного снаряжения, которое от Салоник перевозилось по сербским железным дорогам и по Дунаю до российского порта Рени — на судах экспедиции особого назначения под командованием капитана 1-го ранга Веселкина. О роли Дуная как стратегической преграды говорит тот факт, что переправа австро-германских войск в ходе наступления Центральных держав на Сербию осенью 1915 г. стала крупнейшей на тот момент операцией по форсированию водной преграды в военной истории. Стратегическое значение реки в международном плане особенно отчетливо проявилось незадолго до начала Второй мировой войны. По Дунаю Третий рейх получал львиную долю нефти из Румынии, а также руды и продовольствия из Югославии и Болгарии. Поэтому особое значение немцы придавали поддержанию судоходности Дуная, прежде всего в районе Джердапского ущелья и Сипского канала, которую могла бы на длительный срок нарушить умело осуществленная диверсия. Поэтому первой задачей германских сил в ходе вторжения в Королевство Югославия, состоявшегося в апреле 1941 г., был именно захват и предотвращение минирования Сипского канала. В период германской оккупации Сербии (1941–1944) на Дунае принимались особые меры безопасности, что позволило немецким судам беспрепятственно использовать Дунай вплоть до лета-осени 1944 г., когда Красная армия прорвалась к реке в ее нижнем течении. После освобождения Белграда и северных областей Сербии (территория современного автономного края Воеводина) на Дунае — в районе Батины — состоялось крупнейшее сражение на территории Югославии, в котором силам Оси вместе противостояли соединения Красной армии и Народно-освободительной

армии Югославии. О том, насколько значительной стратегической преградой был Дунай, говорит тот факт, что, несмотря на совместные усилия советских и югославских войск, стремившихся разблокировать реку, свободное судоходство по ней возобновилось только после прорыва Сремского фронта в апреле 1945 г. После войны Дунай вновь стал играть для Югославии роль важнейшего с экономической точки зрения международного транспортного пути.

Перевод с сербского А.А. Силкина

Список сокращений

КА — Красная армия

КСХС — Королевство сербов, хорватов и словенцев

НОАЮ — Народно-освободительная армия Югославии

Литература

Вишняков 2019 — *Вишняков J. B.* На таласима Дунава: руско-српска војноекономска сарадња пре и у току Првог светског рата // Војноисторијски гласник. 2019. № 2. С. 70–96.

Гулић 2014 — *Гулић М.* Краљевина Југославија и Дунав: Дунавска политика југословенске краљевине 1918–1944. Београд: Институт за савремену историју, 2014. 275 с.

Денда 2019 — *Денда Д.* Шлем и шајкача: војни фактор и југословенско-немачки односи (1918–1941). Нови Сад: Матица српска, 2019. 734 с.

Денда 2020 — *Денда Д.* Королевство Югославия и французские планы открытия балканского фронта в 1939–1940 гг. // Русский Сборник: Исследования по истории России. Т. 29. 2020. С. 601–619.

Денда 2021 — *Денда Д.* Сербская армия. 1804–1918 / пер. с сербск. и коммент. А. А. Силкина. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2021. 160 с.

Борђевић 1962 — *Борђевић Д.* Царински рат Аустро-Угарске и Србије 1906–1911. Београд: Историјски институт, 1962. 733 с.

Зеленика 1954 — *Зеленика М.* Рат Србије и Црне Горе 1915. Београд: Војноиздавачки завод «Војно дело», 1954. 582 с.

Каширин 2010 — *Каширин В.* Дунайская одиссея лейтенанта Григоренко. Воспоминания командира русского отряда моряков-минеров в Сербии // Родина. 2010. № 11. С. 132–138.

Мицић 2014 — *Мицић М.* Српско добровољачко питање у Великом рату (1914–1918). Ново Милошево: Банатски културни центар; Београд: РДУ Радио-телевизија Србије, 2014. 264 с.

- Терзић 2009 — *Терзић М.* Дунав, најважнији пловни пут између Европе и Истока (извештаји југословенској краљевској влади у другом светском рату) // Војноисторијски гласник. 2009. № 1. С. 72–80.
- Тимофејев 2011— *Тимофејев А.Ј.* Руси и Други светски рат у Југославији: утицај СССР-а и руских емиграната на догађаје у Југославији 1941–1945. Београд: Институт за новију историју Србије, 2011. 464 с.
- Шаренац 2014— *Шаренац Д.* Топ, војник и сећање: Први светски рат и Србија 1914–2009. Београд: Институт за савремену историју, 2014. 311 с.
- Barker 1978— *Barker E.* Britanska politika prema Jugoistočnij Evropi u II svjetskom ratu. Zagreb: Globus, 1978. 508 s.
- Glaise-Horstenau (Hrsg.) 1931 — Österreich-Ungarns Letzter Krieg 1914–1918 / hrsg. von E. Glaise-Horstenau. 2. Bd. *Brauner J., Czegka E., Diakov J.* [et al.]. Das Kriegsjahr 1915, erster Teil. Vom Ausklang der Schlacht bei Limanowa-Łapanów bis zur Einnahme von Brest-Litowsk. Wien: Verlag der Militärwissenschaftlichen Mittelungen, 1931. 814 s.
- Glaise-Horstenau (Hrsg.) 1932 — Österreich-Ungarns Letzter Krieg 1914–1918 / hrsg. von E. Glaise-Horstenau. 2. Bd. *Brauner, J., Czegka, E., Diakov, J.* [et al.]. Das Kriegsjahr 1915, zweiter Teil. von der Einnahme von Brest-Litowsk bis zur Jahreswende. Wien: Verlag der Militärwissenschaftlichen Mittelungen, 1932. 624 s.
- Hamović, Biriuzov 1989 — *Hamović R., Biriuzov S.* Beogradska operacija. Beograd: Institut za vojnu istoriju Ministarstva odbrane SSSR i Vojnoistorijski institut JNA, 1989. 368 s.
- Pivac 2010— *Pivac M.* Rad britanske tajne službe u Jugoslaviji u predvečerje Aprilskog rata 1941. godine // Istorija 20. veka. 2010. № 3. S. 192–212.
- Reichsarchiv (Hrsg.) 1931 — Der Weltkrieg 1914–1918 / begl. bei Reichsarchiv. Berlin: E. S. Mittler und Sohn, 1931. Bd. VII. Die Operationen des Jahres 1915. Die Ereignisse im Winter und Frühjahr. 493 s.
- Reichsarchiv (Hrsg.) 1931 — Der Weltkrieg 1914–1918 / begl. bei Reichsarchiv. Berlin: E. S. Mittler und Sohn, 1932. Bd. VIII. Die Ereignisse im Westen im Frühjahr und Sommer, im Osten vom Frühjahr bis zum Jahreschluß. 666 s.
- Ristović 1991 — *Ristović M.* Nemački «Novi poredak» i Jugoistočna Evropa 1940/41–1944/45. Beograd: VINC, 1991. 418 s.
- Stojanović 2011 — *Stojanović T.* “Racionalizacija” ekonomije malog prostora: Srbija i velike sile 1881–1914 // Агенција за заштиту животне средине. URL: <http://www.sepa.gov.rs/download/odrziviRazvoj/Trajan.pdf> (дата обраћања: 07.06.2022) (рукописъ).
- Terzić 1984 — *Terzić V.* Slom Kraljevine Jugoslavije 1941. godine. Uzroci i posledice poraza. Beograd: Narodna knjiga; Ljubljana: Partizanska knjiga; Titograd: Pobjeda, 1984. Knj. 2. 963 s.
- Tomac 1973 — *Tomac P.* Prvi svetski rat: 1914–1918. Beograd: Vojnoizdavački zavod, 1973. 733 s.

References

- Barker, E., 1978. *Britanska politika prema Jugoistočnoj Evropi u II svjetskom ratu*. Zagreb: Globus, 508 p. (In Serb.-Croat.)
- Denda, D., 2019. *Šlem i šajkača: vojni faktor i jugoslovensko-nemački odnosi (1918–1941)* [The helmet and the šajkača: the military factor and Yugoslav-German relations (1918–1941)]. Novi Sad: Matica srpska, 734 p. (In Serb.)
- Denda, D., 2020. Korolevstvo Jugoslavija i frantsuzskie plany otkrytiia balkanskogo fronta v 1939–1940 gg. [The Kingdom of Yugoslavia and the French plans for the opening of the Balkan Front in 1939–1940]. In: *Russkii Sbornik: Issledovaniia po istorii Rossii*, vol. 29, pp. 601–619. (In Rus.)
- Denda, D., 2021. *Serbskaia armia. 1804–1918* [The Serbian army. 1804–1918]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN; Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, 160 p. (in Rus.)
- Dorđević, D., 1962. *Carinski rat Austro-Ugarske i Srbije 1906–1911* [The Customs war between Austria-Hungary and Serbia 1906–1911]. Beograd: Historijski institut, 733 p. (In Serb.-Croat.)
- Glaise-Horstenau, E., ed. 1931. Österreich-Ungarns Letzter Krieg 1914–1918. 2 Bde. *Brauner, J., Czegka, E., Diakov, J.* [et al.]. Das Kriegsjahr 1915, erster Teil. Vom Ausklang der Schlacht bei Limanowa-Lapanów bis zur Einnahme von Brest-Litowsk. Wien: Verlag der Militärwissenschaftlichen Mittelungen, 1931, 814 p.
- Glaise-Horstenau, E., ed. 1932. Österreich-Ungarns Letzter Krieg 1914–1918. 2. Bde. *Brauner, J., Czegka, E., Diakov, J.* [et al.]. Das Kriegsjahr 1915, zweiter Teil. von der Einnahme von Brest-Litowsk bis zur Jahreswende. Wien: Verlag der Militärwissenschaftlichen Mittelungen, 1932, 624 p.
- Gulić, M., 2014. *Kraljevina Jugoslavija i Dunav: Dunavska politika jugoslovenske kraljevine 1918–1944* [The Kingdom of Yugoslavia and the Danube: The Danube policy of the Yugoslav Kingdom 1918–1944.]. Beograd: Institut za savremenu istoriju, 275 p. (In Serb.)
- Hamović, R., Biriuzov, S., 1989. *Beogradska operacija*. Beograd: Institut za vojnu istoriju Ministarstva odbrane SSSR i Vojnoistorijski institut JNA, 368 p. (In Serb.-Croat.)
- Kashirin, V., 2010. Dunaiskaia odisseia leitenanta Grigorenko. Vospominaniia komandira russkogo otriada moriakov-minerov v Srbii [The Danube Odyssey of Lieutenant Grigorenko. The Memoirs of the Commander of the Russian Detachment of Sailors-Miners in Serbia]. *Rodina*, 11, pp. 132–138. (In Rus.)
- Mićić, M., 2014. *Srpsko dobrovoljačko pitanje u Velikom ratu (1914–1918)* [The Serbian volunteer issue in the Great War (1914–1918)]. Novo Miloševo: Banatski kulturni centar; Beograd: RDU Radio-televizija Srbije, 264 p. (In Serb.)

- Pivac, M., 2010. Rad britanske tajne službe u Jugoslaviji u predvečerje Aprilskog rata 1941. godine. *Istorija 20. veka*, 3, pp. 192–212. (In Serb.)
- [Reichsarchiv], ed., 1931. *Der Weltkrieg 1914–1918*, 7, *Die Operationen des Jahres 1915. Die Ereignisse im Winter und Frühjahr*. Berlin: E. S. Mittler und Sohn, 493 p.
- [Reichsarchiv], ed., 1932. *Der Weltkrieg 1914–1918*, 8, *Die Operationen des Jahres 1915. Die Ereignisse im Westen im Frühjahr und Sommer, im Osten vom Frühjahr bis zum Jahresschluß*. Berlin: E. S. Mittler und Sohn, 666 p.
- Ristović, M., 1991. *Nemački “Novi poredak” i Jugoistočna Evropa 1940/41–1944/45*. Beograd: VINC, 418 p. (In Serb.)
- Stojanović, T. “Racionalizacija” ekonomije malog prostora: Srbija i velike sile 1881–1914. In: *Agencija za zaštitu životne sredine*. URL: <http://www.sepa.gov.rs/download/odrziviRazvoj/Trajan.pdf> (accessed: 7.06.2022) (manuscript). (in Serb.)
- Šarenac, D., 2014. *Top, vojnik i sećanje: Prvi svetski rat i Srbija 1914–2009* [Cannon, soldier and memory: The First World War and Serbia 1914–2009]. Beograd: Institut za savremenu istoriju, 311 p. (In Serb.)
- Terzić, M., 2009. Dunav, najvažniji plovni put između Evrope i Istoka (izveštaji jugoslovenskoj vladi u Drugom svetskom ratu). *Vojnoistorijski glasnik*, 1, pp. 72–80. (In Serb.)
- Terzić, V., 1984. *Slom Kraljevine Jugoslavije 1941. godine. Uzroci i posledice poraza* [The collapse of the Kingdom of Yugoslavia in 1941. Causes and consequences of defeat], 2. Beograd: Narodna knjiga; Ljubljana: Partizanska knjiga; Tigrad: Pobjeda, 963 p. (In Serb.-Croat.)
- Timofejev, A. J., 2011. *Rusi u Drugi svetski rat u Jugoslaviji: uticaj SSSR-a i ruskih emigranata na događaje u Jugoslavije 1941–1945*. Beograd: Institut za noviju istoriju Srbije, 464 p. (In Serb.)
- Tomac, P., 1973. *Prvi svetski rat: 1914–1918*. [The First World War: 1914–1918] Beograd: Vojnoizdavački zavod, 733 p. (In Serb.-Croat.)
- Višnjakov, J. V., 2019. Na talasima Dunava: rusko-srpska vojnoekonomska saradnja pre i u toku Prvog svetskog rata [On the waves of the Danube: Russian-Serbian military and economic cooperation before and during the First World War]. *Vojnoistorijski glasnik*, 2, pp. 70–96. (In Serb.)
- Zelenika, M. *Rat Srbije i Crne Gore 1915* [The war of Serbia and Montenegro in 1915]. Beograd: Vojnoizdavački zavod “Vojno delo”, 1954, 582 p. (in Serb.-Croat.)

Dalibor Denda

PhD, Extraordinary Professor, Senior Research Fellow, Strategic Research Institute, University of Defence, Belgrade, Serbia. 11000, Beograd, Veljka Lukića Kurjaka, 1. E-mail: dalibor.denda@mod.gov.rs

The Danube as a Significant Line of Communication and Strategic Barrier for Serbia and Yugoslavia in the First Half of the Twentieth Century

In the first half of the twentieth century, the Danube was extremely important to Serbia and Yugoslavia in two ways. Firstly, it served as a communication line that played a significant role in the economy, especially that of the Kingdom of Serbia. Secondly, it served as a strategic barrier in wartime. The Danube's importance became even more evident during the so-called "Customs War", or "Pig War" with Austria-Hungary between 1906 and 1911, which resulted in Serbia's economic independence. During the First World War, the Danube was not only a natural obstacle on the Austrian front, but also a strategic communication and supply line for both the Entente and the Central Powers. The control of the river, together with gaining full control of the Belgrade – Niš – Sofia – Constantinople railway line, was the main reason for the joint Austro-Hungarian, German and Bulgarian campaign against Serbia in October 1915. During the campaign, the Germans crossed the Danube in their section of the front line, which at the time was the largest crossing operation of the river in military history. After the First World War, the Kingdom of Yugoslavia gained the largest commercial fleet on the Danube through reparations. Between the two world wars, more than 40% of Yugoslavian goods were exported along the Danube. In the late 1930s, the Danube's role in supplying Nazi Germany with raw materials from the Balkans, especially Romanian oil, increased. The only place suitable for sabotage operations to destabilize the supply of the German war machine was the Iron Gate, a narrowing of the Danube at the Yugoslav-Romanian border. The importance of the Danube River was demonstrated during the April 1941 war, when Germany actually attacked Yugoslavia on the night of 5–6 April 1941, capturing the Sij Canal, the most important of the seven canals cut through the Iron Gate Gorge, guarded by the Yugoslav Army. In the Second World War, the Allies bombed many ports on the Danube and German ships carrying oil. Supplies were interrupted by the joint Soviet-Yugoslav offensive, which ended in the liberation of Belgrade. Finally, the largest battle of the Second World War in Yugoslavia, fought by the Red Army and the Yugoslav People's Liberation Army, took place from 11 to 29 November 1944, near the village of Batina, on the right bank of the Danube.

Keywords: Danube, communication line, strategic barrier, Serbia, Yugoslavia, history, first half of the twentieth century

How to cite: Denda, D., 2022. Dunai kak vazhnaia kommunikatsionnaia arteriia i strategicheskaia pregrada dlia Serbii i Iugoslavii v pervoi polovine 20 v. *Tsentral'noevropeiskie issledovaniia*, 2022, 5(14). Moscow: Institut slavianovedeniia RAN; Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, pp. 57–79. doi: 10.31168/2619-0877.2022.5.3.

Милан Н. Гулич

PhD, ведущий научный сотрудник, Институт современной истории, Белград, Сербия. 11000, Beograd, Trg Nikole Pašića, 11/4.
E-mail: milan.gulic@gmail.com

Разрушения дунайских мостов в Югославии в XX в.

За «короткий XX век» югославское государство несколько раз участвовало в крупных международных конфликтах, в результате которых оно на какой-то срок прекращало существовать. Так, Вторая мировая война уничтожила королевскую Югославию. Она была оккупирована, разделена на части, а общественно-политическая система страны полностью изменилась. Когда в апреле 1941 г. боевые действия начались на территории Югославии, от них страдали и дунайские мосты. Во время отступления их уничтожала югославская армия, стремясь замедлить продвижение немецких войск. Были разрушены мосты в Белграде и Нови-Саде, ставшие символами двух крупнейших югославских городов на Дунае. В 1944 г. на заключительном этапе войны мосты, временные или восстановленные, еще раз сильно пострадали, теперь в результате бомбардировок союзников или действий немецких войск, пытавшихся замедлить наступление сил советской армии и югославских партизан. В 1999 г. во время агрессии НАТО против Союзной республики Югославии целью ударов стали в том числе и важные транспортные узлы. Были разрушены все три моста через Дунай в Нови-Саде, как и многие другие. Таким образом, мосты разделяли судьбу страны, которая их строила. Они разрушались и восстанавливались, а рассказ о них — небольшая часть истории того государства на берегах Дуная, которого больше нет.

Ключевые слова: Дунай, Югославия, Вторая мировая война, агрессия НАТО, мосты, разрушение, строительство

Цитирование: *Гулич М.* Разрушения дунайских мостов в Югославии в XX в // Центральноевропейские исследования. 2022. Вып. 5(14). М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-история, 2022. С. 80–106. DOI: 10.31168/2619-0877.2022.5.4.

На протяжении десятилетий Дунай был границей двух великих держав — монархии Габсбургов и Османской империи, отделяя Восток от Центральной Европы. В начале XIX в. в результате национальной революции на берегах Дуная в границах Османской

империи появилось автономное Сербское княжество. Формально находясь под властью султана, Сербия крепла, расширяла границы, создавала собственные институты власти. Кульминацией этого процесса стало признание ее независимым государством на Берлинском конгрессе (1878). С 1878 по 1918 г. часть границы между Австро-Венгрией и Королевством Сербия проходила по Дунаю, однако на этом участке реки не было ни одного моста.

1 декабря 1918 г. было провозглашено объединение югославянских народов, а в Европе появилось новое государство — Королевство сербов, хорватов и словенцев. В этот момент никто еще до конца не понимал, какую территорию оно охватит. Его частями определенно должны были стать прежние территории сербского и черногорского королевств, а также ряд земель Австро-Венгрии, распадавшейся на глазах. Залогом будущих границ Югославии стали успешные действия сербской армии, форсировавшей некогда пограничные реки — Дунай, Саву и Дрину — и продвинувшейся в Банат, Баранью, Бачку, Срем и Славонию вплоть до побережья Адриатического моря. Благодаря этому югославское государство захватило 588 км (12,5%) Дуная, из которых 358 км река текла внутри страны, а на протяжении 230 км служила границей с Румынией. Это была важная, а возможно, даже самая значимая часть Дуная. На территории Югославии в него впадали важнейшие притоки: Драва, Тиса, Сава, Тимиш и Велика-Морава; в совокупности это составляло около 37% водных путей в бассейне Дуная. Кроме того, югославы контролировали Сипский канал, через который суда проходили на паровозной тяге. С конца XIX в. он стал ключом к навигации по району Джердапа и, следовательно, по всему Дунаю¹.

Один из важнейших европейских водных путей, Дунай имел огромное значение для югославского государства. Он связывал северные районы страны с морем, а всю Югославию — с Центральной и Восточной Европой. Благодаря этому через Дунай проходили важнейшие маршруты для экспорта югославской продукции, а также доставки дефицитных товаров из-за границы. Кроме того, река соединяла несколько югославских регионов, позволяя обмениваться товарами и связывая различные народы, которые жили на этом пространстве.

¹ ДАМСП ПА. 1948, Дунав. Ф. 38. Д. 7. № 432077; АЈ. Кабинет Маршала Југославије. I–4–е/1. Географија Подунавља; Дукић 1976: 129–176; Дукић 1983: 15–49.

Югославское государство унаследовало три австро-венгерских моста через Дунай, два постоянных и один временный. Самым старым из них был железнодорожный мост Франца Иосифа I, соединявший Нови-Сад и Петроварадин, то есть Бачку и Срем. Его построили как часть железной дороги Будапешт — Суботица — Нови-Сад — Земун, связывавшей столицу Венгерского королевства с крайней южной точкой империи. Проект разработал венский архитектор Карл Бауман, а строительство моста началось 9 сентября 1881 г. Работы вела французская компания *Fives Lites*; общая стоимость строительства оценивалась в 1,37 млн форинтов. Стальная решетчатая конструкция, имевшая форму удлиненного прямоугольника, была установлена на шести бетонных столбах, четыре из которых находились в воде, а два — на берегу. Мост был построен в очень узком месте, на 1253-м км Дуная, так что его длина составляла всего 432 м. Он был торжественно открыт 11 ноября 1883 г. и назван в честь императора Австрии и короля Венгрии Франца Иосифа I (1848–1916 гг.)².

В 1911 г. ниже по течению, на 1366-м км Дуная между Эрдутом (недалеко от Осиека) и Боегово (около Оджака) был построен еще один железнодорожный мост, 620 м длиной, состоявший из семи простых решетчатых балок. Он имел исключительно важное транспортное значение: в этом месте поезда пересекали Дунай по специально спроектированной конструкции. Он появился незадолго до начала Первой мировой войны и очень недолго прослужил стране, которая его построила³.

С декабря 1914 до марта 1915 г. между Нови-Садом и Петроварадином велось строительство временного дорожно-пешеходного моста. Он имел длину 384 м и представлял собой легкую металлическую конструкцию, которая опиралась на шесть деревянных столбов, четыре из которых стояли в воде, а два — на берегу. Он был возведен для военных нужд, поэтому в просторечии его называли военным мостом Потioreка, в честь австро-венгерского генерала Оскара Потioreка (1853–1933), командовавшего войсками во время балканской кампании 1914 г. В беспорядке краха Австро-Венгрии армия

² Уже после вхождения в состав югославского государства, в 1929 г., он был официально переименован в мост Королевича Андрея, в честь третьего, самого младшего сына югославского короля Александра Карагеоргиевича, родившегося 28 июня того года. Вукмановић 2009: 91–98; Гулић 2014: 198–199.

³ Вукмановић 2009: 392–393; Гулић 2014: 198.

«распадавшегося государства» планировала уничтожить мост, но вооруженные сербы из Нови-Сада сорвали эту попытку. 9 ноября 1918 г., перейдя по военному мосту Потioreка, победоносная сербская армия вошла в Нови-Сад. До 3 января 1921 г. он использовался для военных целей, а после был передан для гражданских нужд, пока 18 февраля 1924 г. под давлением льда его опоры не рухнули, а полотно не обвалилось в реку. Об этом случае писала пресса:

Утром произошла катастрофа, в результате которой половина пролетов моста обрушилась в воду. В ночной тишине внезапно раздался страшный треск. Огромная льдина длиной 250, шириной около 80, а толщиной 6 м врезалась в опору железнодорожного моста, распалась на две части и поплыла дальше по направлению к дорожному мосту. Столбы из подгнившей древесины, к тому же недавно оставшиеся без металлических заграждений, не выдержали сильного напора льда. Кусок расколовшейся льдины врезался в мост с нови-садской стороны и потащил за собой его опору вместе с металлической частью арки пролета. Другой кусок льдины врезался во вторую опору с металлической аркой и около 150 м нес их по Дунаю. После этого в реку рухнул пролет посередине моста. Оставшиеся его части с сохранившимися тремя пролетами с петроварадинской стороны сейчас ожидают той же участи, как только появятся новые большие льдины.

Обрушение этого моста приостановило сообщение между Бачкой и Сремом, что ставило под угрозу снабжение Нови-Сада. В общей сложности он использовался почти девять лет (март 1915 — февраль 1924 г.) и стал первым разрушенным югославским мостом, впрочем, в результате явлений природы, а не действий человека. Это событие символически положило начало разрушению югославских мостов в XX в.⁴

В межвоенный период в королевской Югославии было построено два моста через Дунай. Оба они имели большое значение, потому что через них шло сообщение между Бачкой и Сремом, а точнее, Банатом и Белградом. Строительство постоянного дорожного моста, соединяющего Нови-Сад и Петроварадин, планировалось еще до начала Первой мировой войны. Было определено его местоположение,

⁴ Политика. 1924. 19 II. С. 6; Време. 1924. 19 II. С. 4; Вукмановић 2009: 111–122; Гулић 2014: 200.

проект разработал инженер Силард Зелинский, началась экспроприация земли под строительство, на эти цели был одобрен кредит в размере 2,8 млн крон. Однако начало Великой войны (1914–1918) остановило дальнейшие работы над проектом. Учитывая, какое значение имело установление постоянного сообщения между Бачкой и Сремом, уже в апреле 1919 г. строительное управление в Нови-Саде выступило с новым предложением о возведении постоянного моста, а 16 сентября в Министерство строительства Королевства СХС был доставлен соответствующий проект. 14 декабря 1920 г. на заседании Совета министров по предложению министра строительства Йована П. Йовановича было принято окончательное решение, а 2 сентября 1921 г. начались соответствующие работы⁵.

К августу 1925 г. белградская фирма *Ђајс и Мајзл* установила четыре бетонных опоры, две в воде и две по берегам. Нижняя часть моста была построена благодаря инвестиционному займу под 7% годовых, а верхняя — за счет германских репараций. С 20 октября 1926 г. до 15 июля 1927 г. немецкие фирмы *J. Golnow & Sohn* из Штеттина и *August Klönne* из Дортмунда монтировали железную конструкцию. 20 мая 1928 г. после почти семи лет строительства постоянный дорожно-пешеходный мост между Нови-Садом и Петроварадином был торжественно введен в эксплуатацию. На церемонии присутствовали около 15 тыс. человек. Этот день был назван одним из самых значительных «для сербов в Воеводине и Среме» после освобождения. Мост имел 341 м длины, находился на 1255-м км Дуная, а на его строительство было потрачено около 39 млн динаров. Он получил официальное название мост Королевича Томислава в честь второго сына Александра Карагеоргиевича, родившегося 19 января того же года⁶.

Второй мост через Дунай, построенный королевской Югославией, связал Белград и Панчево. В 1923 г. договор о его строительстве был заключен с некой немецкой фирмой, однако работы так и не начались. Поэтому югославское правительство расторгло это соглашение, а 15 января 1927 г. подписала новое, которое предусматривало

⁵ АЈ. Ф. 62. К. 1250. Мост преко Дунава у Новом Саду; Политика. 1926. 30 X. С. 5; Вукмановић 2009: 125–127; Гулић 2014: 200–201.

⁶ АЈ. Ф. 62. К. 1250.; Политика. 1928. 20 V. С. 5; 1928. 21 V. С. 9; Време. 1928. 21 V. С. 5; Правда. 1928. 21 V. С. 4; Вукмановић 2005: 22–27; Вукмановић 2009: 127–144; Гулић 2014: 201.

выполнение проекта в четырехлетний срок. На XVIII заседании Международной дунайской комиссии, прошедшем в Праге (15–29 июня 1927 г.), на основании доклада группы экспертов было сделано заключение, что мост через Дунай около Белграда не мешает судоходству. Это давало возможность начать строительство⁷.

Конструкция моста опиралась на десять столбов, восемь из которых были установлены в воде, а два — на берегах. Опоры изготовила немецкая фирма *Siemens Bauunion* из Берлина, а металлические конструкции — консорциум из семи немецких компаний. В ходе строительства применялись самые передовые технологии мостостроения, поэтому работы привлекли большое внимание белградской общественности⁸. Однако, они продолжались много дольше, чем ожидалось, поэтому торжественный ввод моста в эксплуатацию произошел только 10 ноября 1935 г. Это событие было приурочено к годовщине вступления сербской армии в Панчево в 1918 г. Мост открыл принц-регент Павел Карагеоргиевич (1934–1941 гг.), на церемонии присутствовали премьер-министр Милан Стоядинович (1888–1961), председатель Народной скупщины Стеван Чирич (1886–1955), два других регента, а также ряд министров, сенаторов и народных депутатов. Автомобильно-железнодорожный мост на 1166-м км Дуная около Белграда был 1516 м в длину, на нем располагались одна проезжая часть и одна железнодорожная колея. Это был самый сложный объект на линии железной дороги, связывающей Белград и Панчево, а через него — югославскую столицу и Банат. Он получил название мост Короля Петра II в честь юного югославского монарха, взшедшего на престол в детстве, так как его отец был убит во время официального визита во Францию в октябре 1934 г. Однако еще во время строительства его неофициально стали называть Панчевский мост⁹.

После этого в королевской Югославии не было построено ни одного моста через Дунай, хотя планировалось еще несколько: в Апатине, чтобы соединить Бачку и Баранью; автостом между Богоево

⁷ АЈ. Ф. 334. К. 660. Ј. 1941. № 2464; АЈ. Ф. 369. К. 11/. Procès-verbaux des séances tenues à Prague les 15, 16, 17, 18, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 27, 28 et 29 juin 1927; Политика. 1927. 16 I. С. 2; Гулић 2014:202.

⁸ Политика. 1927. 27 XI. С. 7; 1928. 20 V. С. 6; 1931. 30 VI. С. 7; Antić, Marković, Šarenac (red.) 2012: 127; Гулић 2014: 202–204.

⁹ Политика. 1935. 08 XI. С. 8; 1935. 11 XI. С. 1–2; Правда. 1935. 11 XI. С. 1–2; Гулић 2014: 204–206.

и Эрдутом, чтобы наряду с железной дорогой между Бачкой и Славонией также осуществлять автомобильное сообщение; между Бачкой-Паланкой и Илотом (около Вуковара), чтобы связать Бачку и Срем; между Смедерево и Ковином, чтобы улучшить сообщение Баната со Сремом и Поморавьем. Однако начало войны сделало невозможной реализацию хотя бы части этих планов. В нее Югославия вступила всего с четырьмя мостами через Дунай, по одному на каждые 147 км реки¹⁰.

Разрушение мостов в годы Второй мировой войны

Королевской Югославии удавалось держаться в стороне от военного конфликта с сентября 1939 по апрель 1941 г. Однако 27 марта 1941 г. в результате переворота пало югославское правительство, подписавшее соглашение о присоединении к Тройственному пакту, а ранним утром 6 апреля немецкие и итальянские войска перешли государственную границу. Югославия подверглась нападению такой силы, что не могла серьезно сопротивляться. Север страны, в основном равнинный, был быстро оккупирован. Чтобы хоть немного приостановить продвижение немецких войск, югославское Верховное командование отдало приказ подготовиться к уничтожению мостов, «прежде чем их пересечет вражеская боевая техника». Учитывая, что после разрушительных бомбардировок мосты остались нетронутыми, было ясно, что они имеют большое значение для немецкой армии¹¹.

Исполняя полученный приказ, югославские военные взорвали все мосты через Дунай: железнодорожный между Эрдутом и Богоево; мосты Королевича Андрея и Королевича Томислава около Нови-Сада; мост Короля Петра II рядом с Белградом. Железнодорожный мост рухнул в воды Дуная, в год, когда ему исполнилось 30 лет (1911–1941 гг.). Новисадские мосты были уничтожены за несколько минут до наступления полуночи 11 апреля. Взрывчатку заложили саперы 7-го пехотного полка «Король Петр I». Приказ об этом отдал командир третьей четы капитан первого класса Светозар Попов. Мост

¹⁰ АЈ. Ф. 74. К. 85. Ј. 126. Пројекат о подизању мостова на Дунаву, Сави и Тиси; Политика. 1928. 22 XII. С. 10; Гулић 2014: 211–212.

¹¹ ВА. ВКЈ. К. 3. Ф. 4 № 29.

*Разрушенный мост Королевича Томислава
(Частная коллекция Душана Натияла)*

Королевича Андрея разрушили после 57 лет использования (ноябрь 1883 г. — апрель 1941 г.), а мост Королевича Томислава — символ развития межвоенного Нови-Сада — успел прослужить почти 13 лет (май 1928 г. — апрель 1941 г.). При взрыве моста Королевича Томислава погибли один гражданский (Йосип Марольд) и один военный, невовремя оказавшиеся на нем, хотя мост заминировали несколькими днями ранее и, очевидно, готовили к уничтожению¹².

Самый новый дунайский мост, названный в честь короля Петра II, был разрушен 12 апреля в первом часу ночи, после всего пяти лет эксплуатации (ноябрь 1935 — апрель 1941 г.), когда последние солдаты югославской шестой армии уходили из Баната. О судьбе мостов Королевича Александра на Саве между Белградом и Земунем и Короля Петра II на Дунае между Белградом и Панчево свидетельствовал майор Велимир Курич: «Красивые мосты, украшение моего родного города, нашли покой на дне своих рек. Враг не будет использовать вас, говорю я в утешение»¹³.

¹² Вукмановић 2005: 15–17, 23, 29–35; Вукмановић 2009: 149–153; Gulić 2012: 39–62.

¹³ Miletić 1987: 845; Petranović 1992: 105; Пилетић 2002: 45; Гулић 2014: 241–242.

Поврежденный мост короля Петра II (Частная коллекция Душана Напьяла)

Летом 1942 г. для улучшения транспортной ситуации немецкие оккупационные власти восстановили железнодорожное сообщение и вновь соединили Нови-Сад и Петроварадин. Конструкция была создана из опор разрушенного моста Королевича Андрея на Дунае и частей демонтированного советского моста с Дона. Военный мост, как его называли в просторечии, состоял из трех различных решетчатых конструкций и связывал Бачку и Срем, то есть Венгерское королевство и Независимое государство Хорватию. Он не предназначался для передвижения пешеходов или автомобилей, но использовался исключительно для нужд немецких оккупационных войск, поэтому находился под строгим наблюдением: любое движение возле него или фотографирование не допускались. Хотя авиация союзников несколько раз пыталась бомбить мост, он был уничтожен только во второй половине дня 22 октября 1944 г., когда немецкие войска отступали из Нови-Сада. Его опоры можно увидеть и сегодня как памятник бурной истории города и его мостов¹⁴.

В июне 1942 г. коллаборационистское правительство Сербии инициировало процесс восстановления сильно поврежденного моста Короля Петра II. Это имело большое значение и для оккупационных властей, и для оккупированной страны, поскольку новый мост должен был установить связь между ее двумя разделенными частями как

¹⁴ Вукмановић 2009: 155–156; Гулић 2014: 246.

в географическом, так и в административном смысле — Центральной Сербией и Банатом. Восстановленный мост между Белградом и Панчево использовался до 7 мая 1944 г., пока в результате действий 15-й авиационной армии США не получил два прямых попадания бомб. 8 сентября 1944 г. он снова стал мишенью для авиации союзников, было разрушено 180 м поверхности, что делало его непригодным для использования. Однако наибольший ущерб ему нанесли отступавшие немецкие части незадолго до вступления в Белград Красной армии, а также Народно-освободительной армии и партизанских отрядов Югославии (НОА и ПОЮ)¹⁵.

К концу Второй мировой войны в Югославии не осталось ни одного моста через Дунай, а остатки их конструкций торчали из реки, мешая нормальной навигации¹⁶. Для того чтобы сделать возможным хоть какое-то движение через Дунай, были наведены две понтонные переправы. 28 мая 1945 г. движение между Нови-Садом и Петроварадином вновь запустил министр строительства во Временном правительстве Демократической Федеративной Югославии Стеван Зечевич, а в июне того же года завершилось сооружение понтонного моста между Эрдутом и Богоево. Мост в Нови-Саде, установленный на 13 понтонах, играл очень важную роль, по нему двигались поезда, автомобильный транспорт и пешеходы. 28 декабря 1945 г. из-за движения льда использование этой переправы стало опасным, поэтому 17 января 1946 г. конструкцию демонтировали¹⁷.

Строительство мостов через Дунай после Второй мировой войны

Как только в Югославии наступил мир, началось строительство первых постоянных послевоенных мостов, в ходе которого использовались опоры или части конструкции их предшественников,

¹⁵ АЈ. Ф. 62. К. 1255. Дунавски мост код Београда; АЈ. Ф. 62. К. 1257. Дунавски мост код Београда; Dželebdžić 1970: 7–61; Zbornik dokumenata i podataka o Narodnooslobodilačkom ratu naroda Jugoslavije. Dokumenti nemačkog Rajha 1944–1945. Beograd: Vojnoistorijski institut 1979, Т. XII/4. S. 458–459; Трипковић 1987: 175–195; Трипковић 1999: 63; Митровић 2010: 159–167; Gulić 2012: 59–60; Гулић 2014: 246–247, 253–254.

¹⁶ АЈ. Ф. 331. К. 2. Месечни извештај о стању пловног пута за март 1945.

¹⁷ Слободна Војводина. 1945. 29 V. С. 3; Политика. 1945. 16 VI. С. 6; Вукмановић 2009: 163–164; Гулић 2015: 73–74.

разрушенных в годы войны. Прежде всего, 1 августа 1945 г. на опорах прежнего моста Королевича Томислава стали возводить новые конструкции с целью связать Бачку и Срем, то есть плодородные поля Воеводины с остальной частью изголодавшейся страны. Мост имел три пролета и был 345 м длиной. Спроектировали его югославские инженеры Джордже Проданович, Миодраг Живкович, Пантелиа Яковлевич и Сава Атанацкович. Конструкция состояла из остатков разрушенного Военного моста и деталей, изготовленных на металлургических заводах в Мариборе, Зенице и Смедерево. Строительство вели около 200 югославских рабочих и около 200 немецких военнопленных. Этот автомобильно-железнодорожный мост между Нови-Садом и Петроварадином получил официальное название мост Маршала Тито. 20 января 1946 г. его торжественно открыл премьер-министр ФНРЮ Йосип Броз Тито (1892–1980) в присутствии 15 тыс. граждан¹⁸. Поскольку работы были закончены всего за пять месяцев, он считается первым постоянным дунайским мостом, построенным после войны¹⁹.

В конце 1945 г. на опорах моста Короля Петра II в Белграде начались подготовительные работы для нового строительства. Основную их часть выполнило советское строительное управление № 300 под руководством генерал-лейтенанта Владимира Александровича Головки (1895–1956) и главного инженера полковника Н. М. Колоколова. На объекте трудились около 800 советских и 400 югославских рабочих, а также около 700 немецких военнопленных. Часть конструкций была доставлена из СССР, а часть — выполнена на югославских фабриках в Мариборе, Смедеревска-Паланке и Славонски-Броде. Также были использованы извлеченные из Дуная две части старого моста общим весом около 2300 т. Мост представлял собой решетчатую непрерывную конструкцию 1260 м длиной. 29 ноября 1946 г. состоялось его торжественное открытие. Дата была выбрана в ознаменование годовщины Второй сессии Антифашистского вече народного освобождения Югославии (АВНОЮ) (29 ноября 1943 г.),

¹⁸ В июле 1998 г. решением скупщины города Нови-Сад мост Маршала Тито был переименован в Варадинский мост.

¹⁹ АЈ. Ф. 331. К. 3. № 5002; Слободна Војводина. 1946. 20 I. С. 3; Политика. 1946. 20 I. С. 5; Борба. 1946. 20 I. С. 3; Политика. 1946. 21 I. С. 4; Борба. 1946. 21 I. С. 3; Бродарски гласник. 1946. I–II. С. 66–70; Вукмановић 2002: 416–417; Вукмановић 2009: 164–183; Гулић 2015: 74–76.

на котором были заложены основы нового государства, а также дня провозглашения республики (29 ноября 1945 г.). Мост, названный в честь Красной армии, открывал Тито в присутствии ряда министров и советского посла. На церемонии присутствовали около 100 тыс. человек²⁰.

Как только строительство в Белграде было завершено, советские специалисты взялись за разработку проекта реконструкции железнодорожного моста между Эрдутом и Богоево, а в январе 1947 г. начались строительные работы. Этот мост был в особенно плохом состоянии, так как немцы использовали в своих целях часть его конструкций, а оставшаяся часть пролежала на дне Дуная более пяти лет. Ситуацию усугубляло и то, что его опоры были повреждены. Новая конструкция состояла из частей двух разрушенных мостов через Тису, реставрировавшихся в Тителе и Смедеревска-Паланке. Наряду с советскими и югославскими рабочими в строительстве были задействованы около 670 немецких военнопленных. 24 августа 1947 г. мост был торжественно открыт в присутствии около 50 тыс. человек. Он представлял собой стальную решетчатую конструкцию длиной 620 м и, помимо инфраструктурного, имел политическое значение. Он соединил две крупнейшие югославские республики — Сербию и Хорватию, поэтому получил официальное название мост Братства и Единства²¹.

В дальнейшем Югославия построила еще десять мостов через Дунай. 15 февраля 1957 г. на 1254-м км Дуная между Нови-Садом и Петроварадином началось строительство автомобильно-железнодорожного моста. Он был торжественно открыт для движения 23 октября 1961 г. и также назван мост Братства и Единства. Построенный из железобетона и предварительно напряженного бетона, он был 466 м в длину и в народе назывался Жежелевым (по имени главного конструктора академика Бранко Жежеля (1910–1995)), или Бетонным, мостом

²⁰ АЈ. КМЈ. I–3–6/630; АЈ. Ф. 162. Ф. 37. № 85617; Борба. 1946. 16 X. С. 5; Политика. 1946. 08 XI. С. 8; Политика. 1946. 29 XI. С. 6; Политика. 1946. 30 XI. С. 1–2; Гулић 2015: 77–80. После начала советско-югославского конфликта (1948 г.) мост утратил свое официальное название, в употреблении сохранилось только разговорное — Панчевский мост, которое используется и сейчас. Следует отметить, что нынешний вид он приобрел после масштабной реконструкции и значительного расширения в 1961 г.

²¹ АЈ. Ф. 162. Ф. 1. J. 6; АЈ. Ф. 162. Ф. 10. J. 7; Борба. 1946. 08 X. С. 4; Политика. 1947. 25 VIII. С. 3; Zečević 2004: 103–104; Гулић 2015: 81–82.

(из-за материала, из которого был сделан). Он стоил около 2 млрд 300 млн динаров и имел большое транспортное значение, поскольку разгрузил трафик железнодорожных перевозок, прежде шедший по мосту Маршала Тито, и обеспечил более быстрый транзит через Нови-Сад. Кроме того, по этому мосту проходили водопроводные и газовые трубы, а также электрические и телекоммуникационные линии²².

После нескольких десятилетий планирования и продолжительных переговоров 7 сентября 1964 г. был заложен первый камень при строительстве гидроэлектростанции в югославно-румынском пограничном секторе Дуная. Проект имел не только энергетическое, но и транспортное значение, поскольку улучшал условия судоходства в районе Джердапа, а также устанавливал сухопутное сообщение между Югославией и Румынией по плотине. Гидроэлектростанция была построена на 942-м км Дуная между Гура-Ваи (недалеко от Дробета — Турну-Северина) и Нови-Сипом (около Кладово). 16 мая 1972 г. гидроэнергетическая и судоходная система Джердап была торжественно открыта в присутствии президента Социалистической Федеративной Республики Югославии (СФРЮ) Йосипа Броза Тито и президента Социалистической Республики Румыния (СРР) Николае Чаушеску (1918–1989)²³.

В 1974 г. Югославия закончила строительство еще трех новых мостов через Дунай. Между Бачка-Паланкой и Илоком на 1297-м км Дуная был построен автомобильный мост длиной 725 м. Его спроектировал инженер Драган Симич; работы велись с 7 июня 1971 г. до 19 мая 1974 г. Он был открыт Йосипом Брозом Тито в присутствии 70 тыс. человек и получил название мост 25 мая. Эта дата считалась днем рождения президента Югославии и отмечалась как государственный праздник — День молодости. Таким образом появился еще один путь, соединявший Бачку и Срем, то есть две югославские республики — Сербию и Хорватию²⁴.

Дорожный мост 636 м длиной был построен между Безданом (около Сомбора) и Батиной (около Бели-Манастира) на 1427-м км Дуная. Он был назван мост 51-й Дивизии, в честь подразделения НОВ и ПОЮ, которое сыграло важную роль в знаменитой Батинской

²² В июле 1998 г. решением скупщины города Нови-Сад мост Братства и Единства был официально переименован в Железев мост, см.: Вукмановић 2009: 185–206.

²³ Gulić 2015: 511–528.

²⁴ Вукмановић 2009: 394–396.

операции в ноябре 1944 г., и торжественно открыт для движения в 30-ю годовщину битвы — 10 ноября 1974 г. Таким образом, была установлена дорожная связь между Бачкой и Бараньей.

И, наконец, по третьему дунайскому мосту, построенному Югославией в 1974 г., проходил трубопровод для транспортировки нефти и газа. Он связал Смедерево и Ковин на 1112-м км Дуная, имел 865 м в длину и был единственным мостом, по которому не осуществлялось какое-либо транспортное сообщение²⁵.

В 1975 г. в рамках первого этапа строительства автострады Белград — Нови-Сад — Суботица был открыт мост между Бешкой (около Инджии) и Ковилем (около Нови-Сада), что означало появление еще одной дорожной магистрали между Бачкой и Сремом. Автором проекта стал Бранко Жежел, а работы вела белградская строительная компания *Мостоградња*. Построенный на 1232-м км Дуная из предварительно напряженного бетона, он был самым длинным югославским и одним из крупнейших бетонных мостов в мире (2250 м). Проезжая часть находилась на высоте 50 м над поверхностью реки. Конструкция моста была размещена на двух опорах в воде, пяти на сремском и еще 20 на бачском берегу. Он играет важнейшую роль в транспортной системе всего региона, находящегося между Белградом и Нови-Садом, поэтому имеет большое значение для всей страны. Поскольку он так и не получил официального названия, обычно его называют мост около Бешки²⁶.

25 ноября 1976 г. на 1112-м км Дуная, между Ковином и Смедерево, недалеко от трубопроводного моста, был открыт автомобильный мост, еще в одном месте соединивший Банат и Поморавье, то есть Воеводину с центральными районами Сербии. Его длина составляет 1424 м, он не имеет официального названия, обычно его называют мост Ковин — Смедерево, или Ковинский мост²⁷.

Как уже неоднократно отмечалось, между Богоево и Эрдутом много десятилетий существовало железнодорожное сообщение, а с июня 1980 г. Бачка и Славония в этом месте были также соединены и автомобильной дорогой. На 1366-м км Дуная появился мост Эрдут — Богоево 668 м в длину. Он был спроектирован инженером Йосипом

²⁵ Вукмановић 2009: 391–393.

²⁶ Недић, Перин, Шрам 1994: 29–34; Вукмановић 2009: 396–398.

²⁷ Нешић, Павловић, Пауновић 1977; Вукмановић 2009: 393–394.

Вукшей, а двухкомпонентную стальную конструкцию изготовила фабрика колесного транспорта, промышленных и энергетических установок и стальных конструкций им. Джуро Джаковича в Славонски-Броде. Строительство моста обошлось примерно в 370 млн динаров, а движение по нему запустил председатель Президиума Союзной Республики Хорватии Яков Блажевич (1912–1996)²⁸.

Последний построенный социалистической Югославией мост через Дунай соединил Нови-Сад и Сремска-Каменицу. Он был сооружен на 1257-м км Дуная, и стал первым вантовым мостом в Югославии. Его длина составляла 1312 м, а конструкция была украшена двумя пилонами, выступающими над проезжей частью на 57 м. Проект был разработан в Институте Кирила Савича в Белграде, автором и главным проектировщиком стал академик Никола Хайдин, а проектировщиками — Гойко Ненадич, Предраг Желалич и Благое Зарич. Большую часть строительных работ выполнила компания *Мостоградња*. Он был открыт 23 октября 1981 г. в присутствии около 40 тыс. человек. Появление этого моста позволило продолжить расширение городской черты Нови-Сада и развести транспортные потоки в центре города. Его назвали мост 23 Октября в честь дня освобождения Нови-Сада в годы Второй мировой войны²⁹.

После успешного завершения строительства системы Джердап Югославия и Румыния начали работу над строительством второй гидроэлектростанции в пограничном секторе Дуная. Задачи проекта, как и в первом случае, не сводились исключительно к добыче электроэнергии, но предполагали и улучшение навигации в этой части Дуная, а также строительство еще одной дороги между Югославией и Румынией, проходившей по кромке плотины. Гидроэлектростанция была построена на участке Дуная между Прахово (недалеко от Неготина) и Балта-Верде (недалеко от Гогошу), открытие объекта состоялось 12 апреля 1985 г. Его постройка означала, что теперь в Югославии появился тринадцатый мост через Дунай, хотя движение по нему началось не сразу. В общей сложности к моменту начала гражданской войны и распада социалистической Югославии в стране было построено по мосту на каждые 45 км Дуная.

²⁸ Вукмановић 2009: 392.

²⁹ В июле 1998 г. решением скупщины города Нови-Сад мост 23 Октября был переименован в мост Свободы, см.: Urban 1981; Hajdin 1986: 70–79; Gojković, Perin, Petković, 1994: 19–24; Вукмановић 2009: 207–234.

Разрушения мостов во время агрессии НАТО (1999)

Учитывая, что по Дунаю проходит часть границы между бывшими югославскими республиками Сербией и Хорватией, с началом гражданской войны под угрозой оказались четыре моста в этой части реки. Однако Югославская народная армия установила над ними контроль прежде, чем начались боевые действия. Ночью с 6 на 7 мая 1991 г. она заняла мост 51-й Дивизии, на следующий день — мосты между Богоево и Эрдутом, а 8 июня — мост 25 Мая. Поскольку на хорватской стороне реки была создана Сербская автономная область Восточная Славония, Баранья и Западный Срем, которая 19 декабря 1991 г. вошла в состав Республики Сербская Краина, на Дунае не происходило вооруженных столкновений, не считая неудачную попытку диверсии со стороны хорватов на мосту 51-й Дивизии в феврале 1992 г. В 1995–1998 гг. этот район реинтегрировался в состав Республики Хорватия сравнительно мирно, поэтому мосты сохранились.

Через год после того, как процесс реинтеграции подунайской части Хорватии был полностью завершен, начались события, повлекшие за собой новые разрушения югославских мостов. Поскольку многолетние террористические акты Освободительной армии Косова переросли в настоящую войну против полицейских сил и югославской армии, руководство Североатлантического альянса (НАТО) приняло решение вмешаться в конфликт, полностью встав на сторону косовских албанцев. 24 марта 1999 г., после провала переговоров между югославскими и сербскими властями и представителями албанского меньшинства автономной республики Косово и Метохия, произошло нападение 19 стран-участниц НАТО на Союзную Республику Югославию (СРЮ). Во время агрессии, продолжавшейся 78 дней, — с 23 марта по 10 июня 1999 г. — бомбардировкам подверглись военные объекты, заводы, жилые дома, школы, больницы, аэропорты, а также мосты и дороги. По официальным данным югославских властей, были разрушены или повреждены 82 моста, в том числе и те, что вели через Дунай. Из 11 дунайских мостов семь были уничтожены или выведены из строя. Удары по ним наносились в первый месяц операции «Союзная сила». На рассвете 1 апреля 1999 г. прямое попадание получил Варадинский мост между Нови-Садом и Петроварадином. Вся конструкция обрушилась в реку, завершив его более чем 53-летнюю историю (январь 1946 — апрель 1999 г.). Во время

бомбардировки моста погиб молодой человек Олег Насов, а несколько окружающих объектов получили повреждения ударной волной³⁰.

3 апреля 1999 г. в 19.55 целью для натовских бомбардировщиков стал Мост Свободы между Нови-Садом и Сремска-Каменицей. Он получил повреждения в трех местах, и движение транспорта по нему стало невозможным после менее чем 18 лет использования (октябрь 1981 — апрель 1999 г.). Полностью была разрушена средняя часть моста, а также пострадали въезды на него на обоих берегах реки. На момент взрыва на мосту было несколько машин и около десяти пешеходов. Семь человек получили ранения. Важную роль в спасении людей сыграл рыбак Велимир Теодорович, который оказался неподалеку³¹.

Мост Жежеля между Нови-Садом и Петроварадином впервые подвергся ракетному обстрелу 5 апреля 1999 г. в 22.20. Его мощная бетонная конструкция не получила значительных повреждений, поэтому дорожное движение удалось восстановить через несколько дней. Его снова бомбили 21 апреля в 02.30, 22 апреля в 02.26 и 24 апреля в 03.15. Окончательно он был разрушен в результате пятого удара натовской авиации 26 апреля в 01:20, и Нови-Сад остался без своего Бетонного моста спустя 38 лет после начала его эксплуатации (октябрь 1961 — апрель 1999 г.). Это означало, что железнодорожное сообщение между Белградом и Суботицей прервалось, а Нови-Сад лишился какой-либо сухопутной связи со Сремом³².

Помимо трех новисадских, мишенью бомбардировщиков НАТО стали еще четыре югославских моста через Дунай. Автомобильный мост между Бачка-Паланкой и Илоком (бывший мост 25 Мая) подвергся ракетным обстрелам дважды. В ходе первого, 4 апреля 1999 г., он не получил серьезных повреждений. Гораздо более разрушительным был второй обстрел — 19 апреля, во время которого мост не был полностью разрушен, однако движение по нему стало невозможным, поэтому он был выведен из эксплуатации после почти 25 лет существования (с мая 1974 г. по апрель 1999 г.)³³. 5 апреля железнодо-

³⁰ Политика. 1999. 02 IV. С. 15; Вукмановић 2009: 239, 283.

³¹ Вукмановић 2009: 239–240.

³² Вукмановић 2009: 241–242. В 2018 г. на месте старого был построен новый мост Жежеля в память об архитекторе и одной из самых известных его построек — бетонном мосте между Нови-Садом и Петроварадином.

³³ Вукмановић 2009: 242–243, 396.

рожный и автомобильный мосты между Богоево и Эрдутом, также соединявшие Югославию и Хорватию, были серьезно повреждены натовской авиацией. Железнодорожный мост использовался 52 года, а автомобильный — менее 19 лет³⁴. Дорожный мост между Ковином и Смедерево был выведен из строя 15 апреля в 22.58, а мост между Бешкой и Ковилем обстреливался дважды. Впервые он попал под прицел 21 апреля, а 28 апреля, после второй бомбардировки, движение по нему прекратилось.

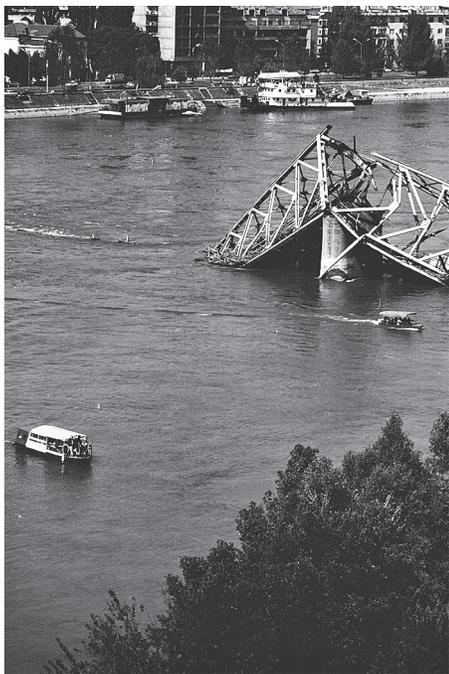
Теперь в Югославии оставалось только четыре переправы через Дунай. А если исключить мост между Безданом и Батиной на границе Югославии, Венгрии и Хорватии и дороги, проложенные по двум плотинам гидроэнергетической и транспортной системы Джердап, оставался только один дунайский мост, соединявший Белград и Панчево. Особенно тяжелой была ситуация в Нови-Саде, втором по величине городе СРЮ, оставшемся без всех своих мостов через Дунай. По этой причине 15 сентября 1999 г. в качестве временной меры была наведена понтонная переправа между Нови-Садом и Петроварадином для того, чтобы связать Бачку и Срем. Она должна была использоваться до момента постройки постоянного моста³⁵.

Однако даже мосты свидетельствуют о том факте, что жизнь побеждает смерть. До конца XX в. Югославии удалось во многих местах навести мосты через Дунай. Сообщение между Бешкой и Ковилем было восстановлено вскоре после прекращения бомбардировок, 20 июля 1999 г. Белградское предприятие *Мостоградња* закончило работы всего за 35 дней, поэтому в этом месте трафик через Дунай был прерван только на три месяца³⁶. Мост между Ковином и Смедерево также был отремонтирован в кратчайшие сроки. 23 декабря 1999 г. по нему вновь запустили движение, так что в этом месте оно было нарушено только на восемь месяцев. С 12 февраля по 29 мая 2000 г. между Нови-Садом и Петроварадином был построен сборно-разборный автомобильный и железнодорожный мост 432 м длиной.

³⁴ 15 декабря 2006 г. железнодорожный мост между Богоево и Эрдутом был восстановлен и открыт для движения, см.: *Otvoren željeznički most između Erduta i Bogojeva // Republika Hrvatska Ministarstvo mora, prometa i infrastrukture*. URL: <https://mmpi.gov.hr/vijesti-8/otvoren-zeljeznicki-most-izmedju-erduta-i-bogojeva/3724> (дата обращения: 15.08.2021).

³⁵ Вукмановић 2009: 244–247.

³⁶ Вукмановић 2009: 398–399.

*Разрушенный Варадинский мост
(Музей города Нови-Сада)*

Он находился на 1254-м км Дуная, в 75 м от разрушенного моста Жежеля. После его появления было восстановлено сообщение между Сремом и Бачкой и железнодорожный транзит по маршруту Белград – Нови-Сад – Суботица. Строительство финансировало Управление по реконструкции страны. Проект был разработан Институтом путей сообщения в Белграде инженером Синишей Михайловичем. Движение по мосту торжественно открыл президент Югославии Слободан Милошевич (1941–2006), по его предложению он получил название Мост Бошко Перошевича в честь председателя Исполнительного вече Воеводины, убитого на ярмарке в Нови-Саде 13 мая 2000 г.³⁷

До завершения XX в. Нови-Сад получил еще один мост. С 1 марта до 19 октября 2000 г. на месте бывшего моста Королевича Томислава/Маршала Тито/Варадинского моста был построен мост Варадинская Дуга, по которому снова стало возможным дорожное сообщение между Нови-Садом и Петроварадином. Он имеет 356 м в длину, был спроектирован Институтом путей сообщения в Белграде, а финансировался Управлением по реконструкции страны. Проектировали работы Гойко Ненадич и Лиляна Джукич, а монтаж вел завод оборудования *Гоша* из Смедеревска-Паланки, машиностроительное предприятие *Ниш*, фабрика «14 октября» из Крушеваца

³⁷ Gospić, Lukić 2000: 131–136; Вукмановић 2009: 257–268. Мост Бошко Перошевича использовался 18 лет, до октября 2018 г., когда он был демонтирован в связи с постройкой нового моста Жежеля.

*Поврежденный, позднее разрушенный Жежелев мост
(Музей города Нови-Сада)*

и белградская компания *Мостоградња*. Варадинская дуга стала последним югославским мостом, построенным через Дунай³⁸.

Однако ко времени конца существования югославского государства в последней форме — Союзная Республика Югославия/Сербия и Черногория — были восстановлены еще два моста, пострадавших от агрессии НАТО. 30 апреля 2002 г. открылся для движения мост между Бачка-Паланкой и Илоком, а 2 сентября 2002 г. началась реконструкция моста Свободы. 7 октября 2005 г. он был открыт мэром Нови-Сада Майей Гойкович, снова соединив этот город со Сремска-Каменицей³⁹.

В последующие годы были восстановлены другие дунайские мосты, связывавшие его берега, области страны или отдельные государства. В это же время закончилась история югославского государства, а на берегах Дуная остались две его бывшие республики — Хорватия и Сербия. После всех разрушений и восстановлений сегодня в этой части течения реки есть 14 мостов, которые связывают Сербию и Хорватию, расположены внутри Сербии или соединяют Сербию и Румынию. Из-за исчезновения государства, в котором они возникли, мосты, которые сегодня соединяют Сербию и Хорватию, потеряли то значение, которое они имели во время строительства, хотя и представляют собой связующее звено для двух независимых государств. Вместе с тем существует реальная потребность в строительстве новых мостов, особенно в районе Белграда. Насколько существенна эта проблема для сегодняшней Сербии, нагляднее всего иллюстрирует тот факт, что на Дунае между Белградом и Нови-Садом, крупнейшими городами страны, есть только один мост. В самой сербской столице, городе, расположенном на обоих берегах Дуная, в котором живет каждый четвертый житель страны (без учета Косова и Метохии) — только два моста. А от Белграда до Джердапа переправиться через Дунай по мосту можно только в одном месте. И только кое-где в Сербии нехватку мостов пытаются компенсировать плохо развитыми паромными переправами между двумя берегами.

³⁸ Đukić, Lađinović, Nenadić 2001a: 65–72; Đukić, Lađinović, Nenadić 2001b: 117–124; Вукмановић 2009: 269–284.

³⁹ Вукмановић 2009: 285–307.

Югославские мосты на Дунае

№	Название моста	Год строительства	Какие населенные пункты соединяет	Год разрушения	Год восстановления
1	1) Мост Франца Иосифа (до 1929 г.) 2) Мост Королевича Андрея (с 1929 г.) 3) Военный мост (с 1942 г.)	1883	Нови-Сад — Петроварадин	1941/ 1944	1942
2	1) Железнодорожный мост (до 1941 г.) 2) Мост Братства и Единства (с 1947 г.) 3) Железнодорожный мост	1911	Эрдут — Богоево	1941/ 1999	1947/ 2006
3	Военный мост Потнорека	1915	Нови-Сад — Петроварадин	1924	—
4	1) Мост Королевича Томислава (до 1941 г.) 2) Мост Маршала Тито (с 1946 г.) 3) Варадински мост (с 1998 г.)	1928	Нови-Сад — Петроварадин	1941/ 1999	1946
5	1) Мост Короля Петра II (до 1941 г.) 2) Автомобильно-железнодорожный мост (с 1942 г.) 3) Мост Красной Армии (с 1946 г.) 4) Панчевский мост (с 1949 г.)	1935	Белград — Панчево	1941/ 1944	1942/ 1946
6	1) Мост Братства и Единства (до 1998 г.) 2) Мост Жежеля (с 1998 г.)	1961	Нови-Сад — Петроварадин	1999	2018
7	Гидроэнергетическая и транспортная система Джердап	1972	Нови-Сип — Гура-Ваи	—	—
8	1) Мост 25 Мая 2) Дорожный мост	1974	Бачка-Паланка — Илок	1999	2002
9	1) Мост 51-й Дивизии 2) Дорожный мост	1974	Бездан — Батина	—	—
10	Трубопроводный мост	1974	Смедерево — Ковин	—	—
11	Мост около Бешки	1975	Бешка — Ковиль	1999	1999
12	Ковинский мост	1976	Смедерево — Ковин	1999	1999
13	Дорожный мост	1980	Эрдут — Богоево	1999	1999
14	1) Мост 23 Октября 2) Мост Свободы	1981	Нови-Сад — Сремска-Каменица	1999	2005
15	Гидроэнергетическая и транспортная система Джердап II	1985	Прахово — Балта-Верде	—	—

№	Название моста	Год строительства	Какие населенные пункты соединяет	Год разрушения	Год восстановления
16	Мост Бошко Перошевича	2000	Нови-Сад — Петроварадин	2018	—
17	Мост Варадинская Дуга	2000	Нови-Сад — Петроварадин	—	—

Перевод с сербского Б. С. Новосельцева

Список исторических географических названий

Штеттин — ныне Щецин в Польше

Список сокращений

АВНОУО — Антифашистское вече народного освобождения Югославии

ФНРЮ — Федеративная Народная Республика Югославия

АЈ — Архив Југославије

ВА — Војни архив

ДАМСП ПА — Дипломатски архив министарства спољних послова. Политичка архива

НОА — Народно-освободительная армия

ПОЮ — Партизанские отряды Югославии

СРР — Социалистическая Республика Румыния

СРЮ — Союзная Республика Югославия

СФРЮ — Социалистическая Федеративная Республика Югославия

Литература

Вукмановић 2002 — *Вукмановић В.* Нови Сад на Дунаву. Скеле и понтонски мостови 294–2001. Нови Сад: Прометеј, 2002. 466 с.

Вукмановић 2005 — *Вукмановић В.* Мостови Новог Сада. Нови Сад: Прометеј, 2005. 127 с.

Вукмановић 2009 — *Вукмановић В.* Дунавски мостови: од извора до ушћа. Нови Сад: Прометеј, 2009. 593 с.

Гојковић, Перин, Петковић 1994 — *Гојковић Љ., Петковић С., Перин У.* Изградња моста Слободе преко Дунава у Новом Саду // Пут и саобраћај. 1994. №3. С. 19–24.

Гулић 2014 — *Гулић М.* Краљевина Југославија и Дунав. Дунавска политика југословенске краљевине 1918–1944. Београд: Институт за савремену историју, 2014. 275 с.

- Гулић 2015 — *Гулић М.* Од Батине до Галца. Дунав у југословенској политици према Совјетском Савезу 1944–1953. Београд: Институт за савремену историју, 2015. 332 с.
- Дукић 1976 — *Дукић Д.* Дунав: хидрографске особине и саобраћајни значај // Научни преглед. 1976. № 3. С. 129–176.
- Дукић 1983 — *Дукић Д.* Дунав: хидрографски преглед // Пловидба на Дунаву и његовим притокама кроз векове / ур. В. Чубриловић. Београд: Српска академија наука и уметности, 1983. С. 15–49.
- Митровић 2010 — *Митровић М.* Београд 20. октобра 1944. године // Ослобођење Београда 1944. године / ур. А. Животић. Београд: Институт за новију историју Србије, 2010. С. 159–167.
- Недић, Перин, Шрам 1994 — *Недић В., Перин У., Шрам С.* Друмски мост преко Дунава код Бешке // Пут и саобраћај. 1994. № 3. С. 29–34.
- Нешић, Павловић, Пауновић, 1977 — *Нешић М., Павловић Л., Пауновић Р.* Мост на Дунаву: Смедерево-Ковин 1976. Смедерево: Димитрије Давидовић, 1977. 68 с.
- Пилетић 2002 — *Пилетић В.* Судбина српског официра. Крагујевац: Нови погледи, 2002. 351 с.
- Трипковић 1999 — *Трипковић Ђ.* Београд под бомбама. Београд: Скупштина града, 1999. 131 с.
- Antić, Marković, Šarenac (red.) 2012 — *Korak ispred vremena. 125 godina Simensa u Srbiji / Č. Antić, P.J. Marković, D. Šarenac.* Beograd: Simens; Institut za savremenu istoriju, 2012. 235 s.
- Dukić, Lađinović, Nenadić 2001a — *Nenadić G., Dukić Lj., Lađinović D.* Varadinska duga — most preko Dunava u Novom Sadu // *Izgradnja.* 2001. № 3. S. 65–72.
- Dukić, Lađinović, Nenadić 2001b — *Dukić Lj., Lađinović D., Nenadić G.* Varadinska duga — dinamička analiza glavne mostovske konstrukcije // *Izgradnja.* 2001. № 4. S. 117–124.
- Dželebdžić 1970 — *Dželebdžić M.* Dejstva na komunikacije u Jugoslaviji od 1. do 7. septembra 1944. godine — operacija “Ratweek” // *Vojnoistorijski glasnik.* 1970. № 3. S. 7–61.
- Gospić, Lukić 2000 — *Gospić Ž., Lukić D.* Novi montažno-demontažni drumsko-železnički most preko Dunava u Novom Sadu // *Izgradnja.* 2000. № 5–6. S. 131–136.
- Gulić 2012 — *Gulić M.* Važnost Dunava i Đerdapa u ratnim operacijama na području Jugoslavije 1941–1944 // *Istorija 20. veka.* 2012. № 3. S. 39–62.
- Gulić 2015 — *Gulić M.* Yugoslav Authorities and Construction of the Iron Gates hydroelectric power plants // *Tibiscum.* 2015. № 5. P. 511–528.
- Hajdin 1986 — *Hajdin N.* Most “23. oktobar” preko Dunava u Novom Sadu // *Izgradnja.* 1986. № 11–12. S. 70–79.

- Miletić 1987 — *Miletić A.* Aprilski rat 1941. Beograd: Vojnoistorijski institut, 1987. T. 1058 s.
- Petranović 1992 — *Petranović B.* Srbija u Drugom svetskom ratu 1939–1945. Beograd: Vojnoizdavački i novinski centar, 1992. 789 s.
- Tripković 1987 — *Tripković D.* Izveštaj generala F. Maklejna — Beograd pod partizanima // *Istorija 20. veka.* 1987. № 1. S. 175–195.
- Urban 1981 — *Urban V.* Most slobode. Novi Sad: Urbis, 1981. 16 s.
- Zečević 2004 — *Zečević R. R.* Brodarstvo i carina na Dunavu. Beograd: Institut za međunarodnu politiku i privredu, 2004. 219 s.

Reference

- Antić, Č., Marković, P. J., Šarenac, D., eds, 2012. *Korak ispred vremena. 125 godina Simensa u Srbiji.* Beograd: Simens; Institut za savremenu istoriju, 235 p. (In Serb.)
- Dukić, D., 1976. Dunav: hidrografske osobine i saobraćajni značaj. *Naučni pregled*, 3, pp. 129–176. (In Serb.)
- Dukić, D., 1983. Dunav: hidrografski pregled. In: Čubrilović, V., ed. *Plovidba na Dunavu i njegovim pritokama kroz vekove.* Beograd: Srpska akademija nauka i umetnosti, 1983, pp. 15–49. (In Serb.)
- Đukić, Lj., Lađinović, Đ., Nenadić, G., 2001a. Varadinska duga — most preko Dunava u Novom Sadu. *Izgradnja*, 3, pp. 65–72. (In Serb.)
- Đukić, Lj., Lađinović, Đ., Nenadić, G., 2001b. Varadinska duga — dinamička analiza glavne mostovske konstrukcije. *Izgradnja*, 4, pp. 117–124. (In Serb.)
- Dželebdžić, M., 1970. Dejtva na komunikacije u Jugoslaviji od 1. do 7. septembra 1944. godine — operacija “Ratweek”. *Vojnoistorijski glasnik*, 3, pp. 7–61. (In Serb.)
- Gojković, Lj., Perin, U., Petković, S., 1994. Izgradnja mosta Slobode preko Dunava u Novom Sadu. *Put i saobraćaj*, 3, pp. 19–24. (In Serb.)
- Gospić, Ž., Lukić, D., 2000. Novi montažno-demontažni drumsko-železnički most preko Dunava u Novom Sadu. *Izgradnja*, 5–6, pp. 131–136. (In Serb.)
- Gulić, M., 2012. Važnost Dunava i Đerdapa u ratnim operacijama na području Jugoslavije 1941–1944. *Istorija 20. veka*, 3, pp. 39–62. (In Serb.)
- Gulić, M., 2014. *Kraljevina Jugoslavija i Dunav. Dunavska politika jugoslovenske kraljevine 1918–1944.* Beograd: Institut za savremenu istoriju, 275 p. (In Serb.)
- Gulić, M., 2015. *Od Batine do Galca. Dunav u jugoslovenskoj politici prema Sovjetskom Savezu 1944–1953.* Beograd: Institut za savremenu istoriju, 332 p. (In Serb.)
- Gulić, M., 2015. Yugoslav Authorities and Construction of the Iron Gates hydroelectric power plants. *Tibiscum*, 5, pp. 511–528. (In Serb.)

- Hajdin, N., 1986. Most “23. oktobar” preko Dunava u Novom Sadu. *Izgradnja*, 11–12, pp. 70–79. (In Serb.)
- Miletić, A., 1987. *Aprilski rat 1941*. Beograd: Vojnoistorijski institut, 1058 p. (In Serb.)
- Mitrović, M., 2010. Beograd 20. oktobra 1944. godine. In: Životić, A., ed. *Oslobođenje Beograda 1944. godine*. Beograd: Institut za noviju istoriju Srbije, pp. 159–167. (In Serb.)
- Nedić, V., Perin, U., Šram, S., 1994. Drumski most preko Dunava kod Beške. *Put i saobraćaj*, 3, pp. 29–34. (In Serb.)
- Nešić, M., Pavlović, L., Paunović, R., 1977. *Most na Dunavu: Smederevo-Kovin 1976*. Smederevo: Dimitrije Davidović, 68 p. (In Serb.)
- Petranović, B., 1992. *Srbija u Drugom svetskom ratu 1939–1945*. Beograd: Vojnoizdavački i novinski centar, 1992, 789 p. (In Serb.)
- Piletić, V., 2002. *Sudbina srpskog oficira*. Kragujevac: Novi pogledi, 351 p. (In Serb.)
- Tripković, Đ., 1987. Izveštaj generala F. Maklejna — Beograd pod partizanima. *Istorija 20. veka*, 1, pp. 175–195. (In Serb.)
- Tripković, Đ., 1999. *Beograd pod bombama*. Beograd: Skupština grada, 1999, 131 p. (In Serb.)
- Urban, V., 1981. *Most slobode*. Novi Sad: Urbis, 1981, 16 p. (In Serb.)
- Vukmanović, V., 2002. *Novi Sad na Dunavu. Skele i pontonski mostovi 294–2001*. Novi Sad: Prometej, 466 p. (In Serb.)
- Vukmanović, V., 2005. *Mostovi Novog Sada*. Novi Sad: Prometej, 127 p. (In Serb.)
- Vukmanović, V., 2009. *Dunavski mostovi: od izvora do ušća*. Novi Sad: Prometej, 593 p. (In Serb.)
- Zečević, R. R., 2004. *Brodarstvo i carina na Dunavu*. Beograd: Institut za međunarodnu politiku i privredu, 219 p. (In Serb.)

Milan N. Gulić

PhD, Senior Research Fellow, Institute for Contemporary History, Belgrade, Serbia. 11000, Beograd, Trg Nikole Pašića, 11/4. E-mail: milan.gulic@gmail.com

The Damage Suffered by Danube Bridges in Yugoslavia During the Twentieth Century

During the “short” twentieth century, the Yugoslav state on several occasions faced wars or conflicts in which it temporarily or permanently disappeared. The Second World War irrevocably destroyed the Kingdom of Yugoslavia. It was occupied, fragmented, and came out of the war with a changed socio-political structure. When the fire of war spread again to Yugoslavia in April 1941, the Danube bridges were also damaged. They were destroyed by the Yugoslav army in an attempt to slow down the advance of German troops. At that time, the symbolic bridges of Belgrade and Novi Sad – the Bridge of King Peter the Second and the Bridge of Prince Tomislav – were destroyed. Temporary or rebuilt bridges were also damaged in the final phase of the war in 1944, either by Allied bombing raids or during the withdrawal of German troops, who demolished them in order to slow the invasion of the Yugoslav People’s Liberation Army and the Red Army. Half a century later, the bridges were damaged again. During the NATO aggression on the Federal Republic of Yugoslavia in 1999, the most important roads were also hit. Among others, several Danube bridges were damaged, including all three bridges in Novi Sad – Varadin Bridge, Žeželj’s Bridge, and the Bridge of Freedom. The Danube bridges in Yugoslavia shared the fate of the state that built them. They were demolished and rebuilt, and their story is a metaphor for the history of a country that no longer exists, and which once covered a significant part of the course of the Danube.

Keywords: Danube, Yugoslavia, Second World War, NATO bombing campaign, bridges, destruction, building

How to cite: Gulić, M., 2022. Razrusheniia dunaiskikh mostov v Iugoslavii v XX v. *Tsentral’noevropeiskie issledovaniia*, 2022, 5(14). Moscow: Institut slavianovedeniia RAN; Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, pp. 80–106. doi: 10.31168/2619-0877.2022.5.4.

Эдит Кирай

Dr. phil. hab., научный сотрудник, Институт культурологии и истории театра, Австрийская академия наук, Вена, Австрия.
Postgasse 7/4, 1010 Wien. E-mail: edit.kiraly@oeaw.ac.at

Политика и поэтика: нарративы о (центрально-)европейской реке

Дунай — наряду с Галицией и Буковиной — был тем ландшафтом, который в период с 1955 по 1989 г. чаще всего ассоциировался с широко понимаемой (утраченной) австрийской идентичностью, а также с австрийской Центральной Европой. В статье рассмотрены две книги о Дунае, основанные на сочетании географической и исторической перспективы и устанавливающие корреляцию между габсбургской традицией и более широким центрально-европейским пространством. Оба автора лично побывали в тех местах, о которых пишут, но их произведения не сводятся к простым описаниям путешествий или отчетам о поездках. Книга Эрнста Троста «Дунай. Биография реки» была опубликована в 1968 г., спустя несколько лет после выхода в свет исследования о габсбургском наследии «Что осталось от двуглавого орла», где также содержалось описание путешествия по Дунаю. Книгу Клаудио Магриса «Дунай», в свою очередь, можно рассматривать как продолжение диссертации, написанной двадцатью годами ранее («Габсбургский миф в австрийской литературе») и посвященной литературной «жизни после смерти» империи Габсбургов. Если книга Троста несет на себе черты холодной войны, то книга Магриса — продукт новых дискурсов о Центральной Европе, возникших в 1980-е годы. Обе книги не только вписаны в политические дискуссии своего времени, но и практически «изобретают» Дунай как политическую и поэтическую тему. При сравнительном анализе двух книг отправной точкой служат основные положения двух текстов, каждый из которых является базовым дунайским нарративом. Далее в статье рассмотрен вопрос о том, как две дунайские книги структурируют пространства и устанавливают границы; затем — общие вопросы жанровой принадлежности.

Ключевые слова: пространственная семантика, концепции Центральной Европы, поэтика постмодерна, дунайские нарративы

Цитирование: *Кирай Э.* Политика и поэтика: нарративы о (центрально-)европейской реке // Центральноевропейские исследования. 2022. Вып. 5(14). М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-история, 2022. С. 107–131. DOI: 10.31168/2619-0877.2022.5.5.

Как вторая по величине река в Европе и водная артерия, пересекающая традиционно очень разнообразную часть континента, Дунай неоднократно рассматривался как символический ландшафт европейских отношений. В период политического раздела континента после Второй мировой войны его географическое положение, роль связующего звена между Западом и Востоком Европы, порождали определенные проблемы. Обе книги, о которых идет речь в статье, были написаны в 1960-х и 1980-х годах соответственно, и если их сравнивать, то возникает вопрос: как за эти двадцать лет изменилось восприятие реки и связанного с ней нарратива? В центре внимания обеих книг есть много схожих моментов.

Эрнст Трост и Клаудио Магрис: две монографии о реке

Хотя обе книги на немецком языке имеют подзаголовок «жизнеописание» или «биография» в качестве общего названия литературного жанра, они в конечном итоге представляют собой травелог — описание путешествия, какие с середины XIX в. издавались в разделе настольных книг и справочников и представляли Дунай как единое целое. Однако эти две книги не только были задуманы как своего рода путеводитель, но и основывались на личном опыте авторов — путешественников по описываемым местам. Тем не менее их произведения — это гораздо больше, чем просто описание мест или путевые заметки. Книги Эрнста Троста (1933–2015) и Клаудио Магриса (род. в 1939 г.) о Дунае зиждутся на переплетении географической и исторической точек зрения. Но связь между историей и географией в каждой из них представлена по-разному.

В обоих случаях интерес авторов проистекает из глубокого знания немецкоязычной культуры (и менее глубокого знания других культур) регионов, расположенных по течению Дуная. Эта «культурная предвзятость» соответствует традиционному взгляду на «Дунайские обозрения»¹ и только недавно была оспорена участниками журналистских и литературных проектов, принимающими иную точку зрения². Среди многих сходных черт обеих книг в первую очередь

¹ Kohl 1854; Heksch 1881; Schweiger-Lerchenfeld 1896.

² См. Graff 1998; Thorpe 2013; Stasiuk 2005.

следует упомянуть связь между темами Дуная и австрийской традицией. Обе книги напоминают о давнем интересе и длительном занятии их авторов Австрией, австрийской историей и литературой.

Эрнст Трост, чья книга «Дунай. Жизнеописание одной реки»³ была опубликована в 1968 г., был внешнеполитическим редактором и обозревателем австрийской газеты *Neue Kronen Zeitung* («Новая газета-крона»), и его интерес к вопросам внешней политики был соответствующим образом выражен. За несколько лет до выхода в свет книги о Дунае он опубликовал свои изыскания о следах Габсбургской монархии под названием «Это осталось от двуглавого орла»⁴. Помимо описаний крупных городов бывшей монархии, книга уже содержала заметки о путешествии по Дунаю. Заголовок очерка «Красный Дунай» менялся в более поздней книге о Дунае и ее различных изданиях в качестве названия главы о словацком Дунае на «Дунай — больше не такой красный» (1968 г.) или «Дунай — такой красный» (1974 г.), в зависимости от развития политической ситуации в странах Восточного блока.

В сборнике речей и эссе, изданном к столетию Первой мировой войны, Трост описал, как развивался его интерес к бывшей Габсбургской монархии и ее сегодняшним следам благодаря дружбе с Фрицем Молденом, основавшим свое издательство и нуждавшимся в книгах и авторах, а также с Хансом Дечантом, главным редактором газеты *Kronenzeitung* («Газета-крона»), который способствовал его путешествиям и очеркам. Уже в эту первую книгу был включен очерк под названием «Красный Дунай» о путешествии по Дунаю от австрийско-чехословацкой границы до Оршовой в Румынии, границы бывшей Габсбургской империи. Его можно датировать примерно концом 1964 или первой половиной 1965 г. В более позднем обзоре начала своей писательской карьеры Трост подчеркивал, что хотел познакомиться с соответствующими артефактами на «личном опыте» и увидеть их «глазами репортера», а не эксперта⁵.

В отличие от Троста, Клаудио Магрис — не журналист, а профессор современной немецкоязычной литературы в Триестском университете. Его роман-эссе 1986 г. «Дунай» (*Danubio*)⁶ можно рассматривать

³ Trost 1968. Далее по тексту ссылки на книгу обозначены логотипом Т плюс номер страницы.

⁴ Trost 1966.

⁵ Trost 2014: 20.

⁶ Magris 1986; Magris 1988; Magris 2016. Далее по тексту ссылки на использованный в статье немецкий перевод обозначены логотипом М плюс номер страницы.

как продолжение его диссертации «Миф о Габсбургах в современной австрийской литературе»⁷, опубликованной 20 годами ранее и посвященной литературному изображению жизни империи Габсбургов. Эту литературно-историческую монографию можно рассматривать как критический анализ мифа, хотя сам «Дунай» представляется его доказательством. Книга также зафиксировала растущий интерес Магриса к эссеистическим и литературным формам произведений⁸.

Книга Эрнста Троста долгое время считалась хрестоматийным произведением в немецкоязычных странах, она издавалась в 1968, 1974 и 1984 гг., а в 1970-х годах некоторые ее сюжеты в сотрудничестве с фотографом издательства *Magnum* Эрихом Лессингом были опубликованы в виде фотоальбома, сопровождавшегося историческим обзором и большим количеством комментариев⁹. Серьезный успех книги Троста, ориентированной на немецкоязычный мир, вряд ли можно сравнить с той скоростью, с которой «Дунай» Магриса вызвал ажиотаж на международном книжном рынке. Будучи впервые опубликованным в 1986 г. в издательстве *Garzanti*, он уже в 1988 г. был переведен на немецкий, французский, сербский, хорватский языки и в 1989 г. на американский и британский английский. Он пережил переводы на более чем 20 языков и многочисленные переиздания, но так никогда и не был преобразован в альбом. В то время когда фотоальбомы с сопроводительными текстами и комментариями уже давно стали основной формой передачи знаний о Дунае, «Дунай» Магриса отстоял свой литературный формат, но тем не менее (а может быть, именно благодаря этому) был многими воспринят положительно и получил продолжение в виде пародий и травести¹⁰. Причина его международного успеха, вероятно, кроется в промежуточном положении между научно-популярной и художественной литературой, а также в таланте Магриса искать и находить комбинации актуальных политических и поэтических тем.

Тем не менее «Дунай» появился тоже не без подготовки. Отрывок из книги впервые был опубликован в 1985 г. в сборнике «В глухом

⁷ Magris 1966.

⁸ См.: Pellegrini 2003: 50, 80.

⁹ Lessing, Trost 1975.

¹⁰ Самая известная: *Esterházy P. A Hahn-Hahn grófnő pillantása*. Budapest: Magvető, 1992. Магрис упоминает еще: *Maggi G. Vipacco. Una risposta a Danubio*. Trieste: L'Asterisco Editore, 1994. Cp.: Magris 1995: 37; Pellegrini 2003: 76.

углу» (*Im Blinden Winkel*) под редакцией Кристофа Рансмайра (род. в 1954 г.). Новости из Центральной Европы появились вместе с текстами австрийских писателей и журналистов, стремившихся не к ностальгическому восхвалению, а к критической оценке монархии. Но если другие австрийские мастера путевых очерков и заметок того времени, такие как Мартин Поллак (род. в 1944 г.), Кристоф Рансмайр и позже Карл-Маркус Гаусс (род. в 1954 г.), исследовали ушедшую и забытую Центральную Европу в основном создавая вымышленные или литературно-художественные путешествия по Галиции и Буковине¹¹, то Магрис после погружения в творчество Йозефа Рота (1894–1939) и, значит, историю Галиции¹², переключился на тему Дуная. В его случае это, кажется, было выбором в пользу не только другой территории, но и речных мифов.

Основные темы

Из топосов и клише, с использованием которых традиционно обсуждалось значение Дуная, важную роль для Эрнста Троста играл «мост между Востоком и Западом» (Т 19). Он вложил актуальную тему, которая проходит через его книгу, в уста представителя компании *Bayerischer Lloyd* в Регенсбурге: «Сегодня Дунай принадлежит Востоку» (Т 102). Соответственно, в центре внимания книги находятся постоянно меняющиеся отношения между Востоком и Западом, отраженные в истории городов и стран русла Дуная¹³. Наряду с расшифровкой былых следов османского владычества и гегемонии Габсбургов, любопытством по поводу повседневной жизни при коммунистах в странах Восточного блока, интерес Троста также привел его к осознанию, что значение реки для Германии недооценено.

Путешествуя по немецкому Дунаю, повсюду чувствуешь, что река в Германии течет не в ту сторону, что великие течения экономической жизни идут по другим осям, притягиваются другими полюсами, что придунайская часть страны несколько спокойнее других областей, немного менее важна и чуть беднее. На Дунае они не добрались

¹¹ Pollack 1985; Ransmayr 1985: 7–12; Gauss 1992.

¹² См. Magris 1971.

¹³ Например, в городском пейзаже Будапешта (Т 330–352) и Нови-Сада (Т 378).

даже до самого молодого статусного символа крупного немецкого города — до клуба Бундеслиги (Т 74).

Сравнение Дуная с «трубой <...>, в которой [в зависимости от всемирно-исторической метеорологической обстановки] народы гонялись друг за другом», часто использовалось в середине XIX в¹⁴. У Троста преимущество в этой гонке было определено на стороне «Востока».

«Дунай» Магриса пронизан совершенно другой (политической) основной темой. Главное различие между Рейном и Дунаем у него соответствует противопоставлению «парадигмы» немецкого национального государства и концепции наднационального государства Габсбургской монархии. В «Дунае» Магрис продолжил основную идею книги «Миф о Габсбургах в современной австрийской литературе», вышедшей двадцатью годами ранее. Помимо государственного мифа, который он изложил в первой книге, во второй он создал ландшафтный миф о разнице между Рейном и Дунаем:

В символическом контексте Дунай часто предстает как нечто противопоставляемое и враждебное «немецкому», это река, на берегах которой встречаются и перемешиваются самые разные народы, совершенно отличная от Рейна, мифического хранителя чистоты германского рода. Дунай — это река Вены, Братиславы, Будапешта, Белграда и Дакии, лента, которая — как море когда-то греческий мир — пронизывала и охватывала габсбургскую Австрию (М 30).

Таким образом, две великие европейские реки превращаются в символы радикально различающихся принципов государственного устройства: Рейн символизирует национальную, Дунай — наднациональную политическую идею.

С одной стороны, это следовало из изменившегося политического контекста 1980-х годов. Идея новой Центральной Европы, или «Дунайской Европы»¹⁵, появилась как политическая идея, которая обещала преодолеть разделение континента и в основном понималась как предложение культурной идентичности¹⁶. С другой стороны, пристрастие Магриса к этой политической идее, по-видимому,

¹⁴ Kohl 1854: 141.

¹⁵ Kühl 1958: 7.

¹⁶ Jaworski 2002: 1; Mommsen 1995: 4; Csáky 2010: 40.

было обосновано его (постмодернистским поэтическим) неприятием бинарных структур мышления — неприятием, которое особенно сильно выразилось в книге о Дунае.

Хотя габсбургские традиции были важны и для Троста, но главным образом они служили ему фоном для контраста с текущей политической ситуацией. Для Магриса, напротив, «занациональная» Ойкумена (М 30) империи Габсбургов, как это называл Йоганнес Урцидиль (1896–1970), заключала в себе возможность заново сформулировать старые представления о Центральной Европе и наделить их утопическими чертами.

Путешествие и местность

Однако для соответствующей интерпретации ситуации вдоль Дуная важны не только явно выраженные утверждения, но и то, как в произведениях описываются разные места и структурируются пространство и местность. При этом следует исходить из своего рода драматургии путевой динамики, приписывающей определяющее значение отдельным местам и в первую очередь воссоздающей дунайский регион или наделяющей его определенным смыслом. Следует также учитывать, какая местность рассматривается, в каком направлении проходит путешествие, какие области, местности, страны связываются в одно целое и каким образом поселения, области, местности, страны устроены или категоризированы.

Тот факт, что Дунай описывается в виде путешествия (реального или воображаемого), можно отнести к старой традиции. В XIX в. все многообразные литературные изображения Дуная содержали по крайней мере одну описательную часть, задуманную как путевые заметки. Многие также включали информацию из различных областей. Авторы справочных изданий о дунайском регионе второй половины XIX в. стремились ознакомить читателей с энциклопедическими знаниями о Дунае, в которых аспекты судоходства, гидротехники, гидрологии, речной биологии и истории были интегрированы в форму литературного произведения о странах и людях¹⁷. В произведениях Троста или Магриса едва ли можно найти что-либо от этого энциклопедического в научном смысле подхода, даже если каждый из них

¹⁷ Kohl 1854, Heksch 1881, Schweiger-Lerchenfeld 1896.

по-своему передает большое количество достойной изучения информации. Вместо этого они в большей степени раскрывают политическое и культурное значение Дуная.

Трост: композиция

В книге Эрнста Троста «Дунай. Жизнеописание одной реки» в центре повествования находится разделение Европы: в первых двух главах противопоставляются друг другу устье и исток реки. В первой главе автор описал советский (ныне украинский) Измаил, город у устья самого северного рукава Килии, вторая же глава посвящена истоку (или истокам). Такая структура, которая идет вразрез с обычной последовательностью, размещает в центре внимания контраст двух «конечных точек», а не как обычно расстояние между началом и концом реки. Таким образом, в отличие от восходящего к XIX в. принципа изложения, Дунай изображен не как связующее звено между Западом и Востоком, а как река, вклинившаяся между Восточной и Западной Европой. Представляя последовательность между истоком и дельтой не в соответствии с *ordo naturalis* (естественным порядком), а «наоборот», Трост указывает на это состояние как на нечто «неестественное». Кроме того, исток и устье изображены не как две точки на Дунае, а как символы двух политических блоков.

Трост: Измаил

Решение выбрать Измаил в качестве конечной точки Дуная само по себе способствует политизации ландшафта. Хотя в справочниках и путеводителях по Дунаю конца XIX в. упоминается Измаил или Измаильский рукав Дуная¹⁸, конечной точкой Дуная считалась все-таки Сулина. В книге Троста, напротив, Измаил оказывается в фокусе внимания как военный плацдарм великой державы. Он удивляет как город, отмеченный сильным военным присутствием и воинственным прошлым. Караульные и сторожевые собаки, сторожевые вышки, патрули и ночной комендантский час задают настроение.

¹⁸ См.: Heksch 1881: 738; Schweiger-Lerchenfeld 1896: 580, 586.

В своем изложении Трост обратился к различным классическим топосам описания города, структуры поселения, истории, этнического состава населения, чтобы, наконец, вернуться к стратегическому значению Дуная и сделать обзор различных империй, воевавших на этой территории за господство над устьем Дуная:

У русских было много предшественников в стремлении к господству в устье Дуная, и в результате претензий на власть отдельных правителей в этой области, где Бессарабия, Добруджа и Бараганские степи затеряны в болотах, тростниковых зарослях, джунглях, прудах и рукавах дельты Дуная, было пролито много крови. Наряду с русскими здесь сражались скифы, геты, готы, фракийцы, персы, македонцы, греки, римляне, болгары, турки, румыны, немцы и австрийцы. Дарий, Александр Македонский, Траян — это лишь немногие из великих исторических полководцев, действовавших здесь со своими войсками до Суворова. Первым, однако, был Ясон, которого с его аргонавтами в доисторические времена преследовали колхи, кавказский народ, и который искал убежища в рукавах Истра, притоках Истра — Дуная (Т 16).

Перечисление названий народов и имен правителей делает их в конечном счете взаимозаменяемыми, различия и особенности их историй сглаживаются, они становятся случайными явлениями, которые в итоге остаются неким придатком, балластом стратегически важной периферии. Такой способ изображения устья Дуная основан на принципах восприятия устья и дельты Дуная, которые уже в конце XIX в. изображались как территория, где никто не живет¹⁹. Завершая перечень историй Ясона, Трост также стирает различия между историческими событиями и вневременным нарративом мифа. Тем самым он доносит идею, что интерес всех этих завоеваний был направлен на страны, расположенные выше по течению Дуная, и, таким образом, подводит (неосознанно) к вопросу (и к главе) об истоках.

Трост: контрасты

Описание Измаила, этого стратегического пункта, за который последние два века сражались две империи, Трост построил главным образом на контрастах. Если собаки в порту лают «по службе»,

¹⁹ См.: Schweiger-Lerchenfeld 1896, S. 918.

то городские собаки, будучи разбуженными этим лаем, делают это «частным образом» (Т 9), если порт характеризуется известной открытостью миру, то, с другой стороны, он является закрытой территорией (Т 9, 18). Контрасты иногда имеют различные нюансы. Мечети стали «сначала православными храмами, а потом складами, развалинами или пустыми площадями» (Т 10), базар превратился в универмаг, из «прежнего смешения народов <...> греков, румын, молдаван, татар, липован и т.д.» образовался «айнтопф²⁰ порядочных советских граждан» (Т 11). Трост дал этой главе политически звучный заголовок: «Товарищ Дунай» (в оригинале *Genossin Dunaj* — ж. род) (Т 9), выдвинув на передний план военное и экономическое разделение Дуная. Очевидно, ни автор, ни издательство не обратили внимания на то, что название реки в русском языке (как во всех славянских и романских языках) мужского рода, и эта грамматическая ошибка так и не была исправлена в более поздних изданиях книги.

Трост: Донауэшинген

Воинствующей конечной точке во второй главе книги противопоставляется городок Донауэшинген²¹, в котором при всей его беспорядочности и мелочности есть что-то подчеркнуто гражданское, даже при упоминании размещенной в нем французской оккупационной армии (Т 26). Описание городка, где берет начало Дунай или, по крайней мере, где сливаются его притоки, начинается без пафоса с описания помойки (Т 19) и иронически резюмирует спор о статусе истока (Т 26), Трост задерживается на разных авторах, которые описали эти источники (Т 22); историческая панорама завершается в Придворной библиотеке князей Фюрстенбергов описанием хоэнемско-лассбергской²² рукописи «Песни о Нибелунгах». Эта на-

²⁰ *Айнтопф* (нем. *Eintopf*) — густой, наваристый мясной суп (*прим. перев.*).

²¹ Глава носит название «Спор об источнике».

²² Рукописная копия «Песни о Нибелунгах», созданная ок. 1220 г., в XV или XVI в., была приобретена одним из графов Хоэнемс. В XIX в. ее купил коллекционер барон Йозеф Лассберг, библиотеку которого в 1853 г. приобрела Придворная библиотека князей Фюрстенбергов. В 2001 г. княжескую библиотеку выкупил Земельный банк Баден-Вюртемберга, с тех пор рукопись хранится в Баденской земельной библиотеке в Карлсруэ (*прим. перев.*).

ходка не только свидетельствует о возрасте и зрелости местной культуры, но и послужила образцом для собственного проекта — «первого поэтического бедекера²³ по Дунаю» (Т 23).

Военная история Измаила отражена в споре об истоках Дуная, который с его «воображаемым стрекотом пишущей машинки» (Т 29) — к вопросу о том, откуда в конечном счете берет начало Дунай, — в общем и целом кажется безобидным. Тросту пафос представляется уместным только тогда, когда речь идет о водоразделе Рейн — Дунай и направлении Дуная — например, у истока Брега.

Смотришь на темный гребень и знаешь, что каждый ручеек впадает в другой океан, что следующий ручей там, на другой стороне, и этот здесь пошли такими же разными путями, как капитализм и коммунизм (Т 28).

Политическое предопределение конечных точек контрастирует с идиллией, невинностью и фрагментарностью местности (Т 28–29).

Трост: «железный занавес»

Противопоставление начала и конца, естественно, достигает апогея в «середине», на австрийско-чехословацкой границе, у «железного занавеса». Девин (словацк.) — Девень (венг.) — Тебен (нем.) всегда был местом перехода, он назывался *Porta Hungarica* (или Хайнбургские Ворота), но у Троста он становится разделяющей пространство границей.

Границы как институты могут быть описаны как технически, так и символически. Современные границы, которые уплотняются в линию, в то же время становятся узнаваемыми благодаря своего рода воображаемому или эмпирическому пространству: в феноменологических исследованиях концепции границы, опубликованных Маркусом Бауэром и Томасом Раном, современной тенденции уплотнять границу до линии или минимизировать противостоит необходимость идентифицировать эту линию через своего рода зону воображения или опыта: «Чтобы быть действенной, линия должна быть занята: в пространстве — ансамблем знаков, ритуалов, образов

²³ *Бедекер* — путеводитель, ставшее нарицательным имя составителя популярных книг этого жанра Карла Бедекера (1801–1859) (*прим. перев.*).

и построек, в голове — различными представлениями и учениями о поведении»²⁴.

В произведении Эрнста Троста «железный занавес» — одна из таких линий, которая, помимо своей технической функции, несет еще и символическую нагрузку. В описании он использует ряд риторических и повествовательных приемов:

На горизонте из дымки появляется замок Пресбурга²⁵ с четырьмя башнями. Пограничный камень на правом берегу отмечает конец того, что обычно называют западным миром. Сторожевая башня, одна из тех лагун на стальных сваях, с помощью которых государство обычно признает, что оно должно охранять своих граждан, выросла теперь и на правом берегу. Чтобы никто не оставался в неведении, что здесь проходит настоящая граница, глубокий разрез, начинается другой континент, хотя Дунай и дальше несет свои воды через Европу (Т 292).

Пограничный переход у Хайнбургских Ворот описывается неоднократно. Сначала минуем пограничный камень: «Пограничный камень на правом берегу отмечает конец того, что обычно называют западным миром» (Т 292). Потом сторожевая башня (Т 292). И наконец, кулинарный аспект: при пересечении границы «шеф» на борту теплохода сыпет в суп самую венгерскую из всех специй²⁶, как будто хочет символическим жестом отпраздновать прохождение *Porta Hungarica* (Т 293). Но повторяется не только пересечение, сила воздействия понятия «граница» подчеркнута еще четырьмя синонимами: «пограничный камень», «конец», «пограничная линия», «разрез». Конечно, нет недостатка и в дополнениях, таких как сторожевые башни, а позже и солдаты. Преодоление этого серьезного разреза интерпретируется здесь как вхождение в другой мир. Помимо внешних обозначений границы, также представлены фундаментальные дискурсивные противоположности, такие как преследования vs. свобода, что символизирует, с одной стороны, западный мир и, с другой — Восточный блок.

При этом умалчиваются различия между странами, не принадлежащими к западному миру. Например, тот факт, что Югославия,

²⁴ Bauer, Rahn (Hrsg.) 1997: 8.

²⁵ Пресбург — немецкое название современной Братиславы до 1918 г., широко употреблялось в русском языке XIX в. (например Пресбургский мир 1805 г.) (*прим. перев.*).

²⁶ Скорее всего, речь о паприке — молотом жгучем красном перце (*прим. перев.*).

которая находилась ниже по течению Дуная, чем Чехословакия и Венгрия, вообще не входила в состав Восточного блока, остается неосвященным. Всякий раз изображается та или иная инаковость:

Но теперь, когда на носу [теплохода] *Kammegg* поднят сине-бело-красный флаг с красной звездой посередине, частное лицо вновь значит немного больше. Первая остановка на югославской земле, Бездан, предлагает богатый наглядный материал, показывающий, что жизнь при коммунизме, социализме или титоизме маршала Тито лучше, чем в других придунайских странах марксистско-ленинского толка (Т 370)²⁷.

Трост: разделение пространства

Наконец, следует упомянуть еще один «драматургический штрих», а именно то, что отдельные участки пути завершаются панорамами. Это позволяет создать обзор, который помещает увиденное в некий контекст и подкрепляет его информацией. В литературе о путешествиях такие панорамы часто служат жестами прощания или проведения границ. На границе Австрии и Чехословакии в книге Троста речь идет об исторических панорамах. Здесь можно найти полный перечень всех набегов на Австрию, за которым следуют «последние места» Габсбургской империи, такие как замок Орт, где наследный принц Рудольф останавливался перед смертью (Т 278), или Эккартсау, где снималась важная сцена из экранизации романа Йозефа Рота «Марш Радецкого» (Т 279) — бал, на котором известие о смерти Франца Фердинанда произвело эффект разорвавшейся бомбы и превратило упорядоченное празднование в *dance macabre* (пляску смерти) (Т 279).

Самая жуткая сцена неоднозначной телевизионной экранизации романа Йозефа Рота «Марш Радецкого» была снята в Эккартсау — тот самый бал, который прерывается известием об убийстве наследника престола в Сараево и превращается в зловещую пляску смерти империи (Т 279).

²⁷ Ср. главу «Мини-капитализм» (Т 371). Большая на тот момент независимость Румынии от Советского Союза была весьма высоко оценена Тростом, что, принимая во внимание развитие режима Николае Чаушеску (1918–1989) в более позднее время, кажется не совсем правильным.

Упоминается также, что последний Габсбург, император Карл I (1916–1918 гг.), до своего низложения в 1918/1919 гг. был выслан в Эккартсау:

В Австрии началась новая эра; после того как император Карл в ноябре 1918 г. сложил свои полномочия, он и его семья были сосланы в Эккартсау — охотничий замок как последнее пристанище монарха, изгнанного из республики, увеселительный замок как гибельное место, жемчужина архитектуры в стиле барокко как надгробие империи (Т 280).

После Эккартсау в Карнунтуме обсуждается падение Римской империи. «На правом берегу Дуная попадаешь в древнюю погибшую империю иного рода. <...> Здесь можно без визы попасть в Рим» (Т 281 и далее).

Благодаря этим историческим заметкам граница приобретает основополагающий признак местности, выходящей за рамки ее географического и политического значения. Здесь пала Римская империя, здесь остановили турок, здесь расположены места, где в скрижали истории было вписано падение империи Габсбургов.

Трост: «синий» и «красный» Дунай

Использование Тростом относительно клишированного цветового кода вносит вклад в разделение мира по Дунаю на две принципиально разные части. От австрийско-чехословацкой границы река приобретает политическую окраску, отсюда она становится «красной». Это не только подчеркивает разницу между Востоком (красный) и Западом (синий), но сам красный цвет рассматривается как обозначение чего-то навязанного: ведь в традиции дунайского вальса «синий» считается нарочито «естественным» или само собой разумеющимся цветом реки. Однако прямо об этом упоминается только в подготовительной работе к книге о Дунае, в эссе «Красный Дунай» (*Die rote Donau*) в книге «Это осталось от двуглавого орла»: «Корабль пересек границу. Всего в 60 км от Вены Дунай покидает Австрию. Мы в ЧССР, и голубой Дунай до самого устья остается красной рекой»²⁸.

²⁸ Trost 1966: 197.

Разделению Дуная способствуют и различия при описании маршрута путешествия. Ведь о путешествии по Дунаю до Вены обычно рассказывается без указания транспортных средств, в Вене же путешественник поднимается на борт корабля. Отсюда в книге прослеживается плавание теплохода *Kammegg* весной 1968 г. (Т 14, 352, 419, 467) из Вены до Измаила и обратно. Хотя субъектом путешествия здесь тоже является «некто», на первый план от Вены и тем более от австрийско-словацкой границы выходит судно со своими матросами и коком. Отныне стук двигателей, прибытие и отход корабля, экваториальный обряд посвящения моряков у Железных Ворот (Т 414), а также проверки и все прочее, что является частью повседневной жизни дунайского буксира, оказывается предметом описания: это относится даже к виду с борта судна, направляющегося в чужой мир.

Трост: история и география

В основе описания современности лежит неоднозначный, разнонаправленный исторический нарратив. Он сочетает в себе настоящее с прошлым, потому что все на реке — относится к *ars poetica* Троста — имеет исторический масштаб. Переплетение географического и исторического описания Трост разъясняет через образ нити:

Потому что история нанизана на длинную ленту реки — городов и поселков, особняков знати и княжеских родов, полей сражений и полководцев, монастырей и церквей, философов и других представителей аристократии духа, земледельцев и воинов (Т 60).

Тем самым затрагивается старая параллель между рекой и историей, которая приводит непостоянство и изменчивость к общему знаменателю:

Вечный поток Дуная размывает эпохи, омывает века, смешивает армии Тридцатилетней войны с римскими легионами и противопоставляет мастеров монетного двора Марии Терезии немецким новобранцам-пехотинцам. Река останавливает время. История измеряется не годами, а километрами реки. По крайней мере, два тысячелетия являются современностью на Дунае (Т 60).

Соответственно, противоречие между жесткостью политических границ и подвижностью реки становится повторяющейся темой

книги. Сразу же после описания строгой границы между Австрией и Чехословакией говорится: «Дунай игнорирует эти “технические препоны”. Ему не нужна виза» (Т 292), или:

Это означает, что как только замок, который преследует вас на Дунае, как глаза на автопортрете Дюрера, исчезает, как только город тонет в лугах, а портовые сооружения уступают место природе и фабричные трубы исчезают в зелени, Дунай снова становится вне-временным, неподвластным общественным системам, подчиняющимся только законам природы (Т 305).

Даже Измаил, несмотря на всю его военную закрытость: «в конце концов, портовый город» (Т 17). Таким образом, Трост повествует о двух противоречивых историко-политических нарративах по отношению к реке, реке, разделяющей и связывающей одновременно.

Магрис: путешествие vs. блуждания

«Дунай» Магриса отличается от «Дуная» Троста уже по структуре. Автор не всегда следует течению реки, совершает небольшие или более продолжительные вылазки в разных направлениях, в Германии, например, в Мескирх, где родился и отчасти вырос Мартин Хайдеггер (1889–1976), в Австрии в Айзенштадт, в терминологии Магриса, «город Гайдна» (М 252). Еще более удаленный от Дуная экскурс содержится в разделе о Словакии, на этот раз вслед за Францем Кафкой (1883–1924), который провел несколько месяцев в санатории «Матляры» в Татрах (М 275). Первые пять глав раздела о Паннонии посвящены Шопрону, Фертёду и Загребу, затем следуют города на среднем Дунае, и, наконец, великая венгерская равнина и Тиса, «ленивый <...> венгерский <...> Нил» (М 333), не должны отсутствовать на паннонской палитре Дуная. Наиболее далеко Магрис отклоняется от реки в разделе «Баба Анка» — единственной, название которой не содержит никакой топографической информации, а относится исключительно к женщине, этому Цицерону в юбке, которая познакомилась Магриса с, вероятно, наиболее многонациональными регионами нижнего Дуная. Культурные пласты здесь оформляются в некую программу, и это тем более бросается в глаза, что описание путешествия строится преимущественно на традиционных названиях

регионов, а не на названиях стран. Далее следуют «вылазки» (М 345) из Бела-Црквы через города Баната²⁹, через Трансильванию³⁰ и Воеводину³¹, заканчивающиеся прогулкой по сербскому Дунаю³² вплоть до Железных Ворот.

Структура раздела «Баба Анка», как и других частей книги, не следует какой-либо строгой топографической логике, но всегда посвящена жизнеописаниям тех, кто является ключевыми свидетелями дунайского принципа Магриса. Вступлением в мир этого пограничного региона служит, например, биографическая справка о венгерском поэте-авангардисте Роберте Райтере (1899–1989), впоследствии ставшем «патриархом немецкоязычных писателей в Банате» (М 343) под именем Франца Либхарда. Подобному показательному нарушению идентичности на уровне страноведческого описания соответствуют такие метафоры, как «мозаика» (М 347) или «плавильный котел» (М 348). Сюда же относятся ссылки на этнические группы и другие факторы, формирующие идентичность, как, например, религия. Разнообразие этнических групп иногда также определяется количественно, например, «в документальном фильме по телевидению <...> [говорится] о 24 этнических группах Воеводины» (М 347).

В свете этих культурных переплетений и сложностей все вылазки становятся менее прямолинейными, если хотите, более прихотливыми и, в любом случае, менее систематическими. Поэтическое решение в пользу отступлений от маршрута исключительно по Дунаю стилизуется в модель с помощью примеров:

Даже антиквар, который обычно с утомительной педантичностью обходит реку метр за метром, позволяет себе в этом месте отступление и экскурсии, даже совсем покидает Дунай, чтобы пройти, например, через Темешвар, который находится примерно в ста километрах (М 346).

Под антикваром, исследователем прошлого, подразумевается Иоганн Герман Дильхельм (1702–1784), автор книг о реке, чей опус о Дунае был опубликован уже после смерти³³. Он, как и его

²⁹ Бела Црква, Тимишоара, Бечкерек, Вршац.

³⁰ Сибиу, Брашов, Сигишоара, Бистрица с воображаемым видом на Буковину.

³¹ Суботица, Нови-Сад.

³² Белград, Панчево.

³³ *Dielhelm J.* H. Antiquarius des Donaustroms. Frankfurt a. M.: Düren, 1785.

предшественники, путешествовавшие по Дунаю, так же как и баба Анка, восьмидесятилетняя жительница Триеста, судьба которой была связана с Воеводиной, Банатом и Трансильванией, являют собой модель, которая «не нуждается в систематическом порядке, [а] самостоятельно решает, что будет сначала, а что потом» (М 345).

Путешествие, представленное здесь скорее как скитание, становится, таким образом, непосредственно вопросом формы. Однако решение об этом принимает отнюдь не путешественник, оно заранее предопределено — скитание становится формой путешествия, соответствующей Дунаю и региону.

С самых первых страниц книги Магрис дает понять, что путешествие — это больше, чем просто перемена места. Среди переносных значений преобладает аллегория жизненного пути: путешественник размышляет или заставляет задуматься других, стоит ли отождествлять жизнь с путешествием (М 13) или с одиссеей и «конкретным и уникальным опытом индивидуума» (М 14). В разговоре между путешественниками читаем — на этот раз в отношении брака:

Время, проведенное вместе, — это путешествие, которое по мере своего продвижения позволяет непрерывно проходить и заново открывать места и моменты собственной одиссеи (М 171).

Но путешествие также становится метафорой с помощью эстетических категорий. Книга начинается с того, что путешественника приглашают в Венецию на выставку, посвященную теме «Архитектура путешествий: история и утопия постоянных дворов», и, хотя Магрис неизменно иронически выражает свое мнение, иногда он проводит аналогию между путешествием и письмом: «Шаги к дому подобны предложениям на листе бумаги» (М 26). В этом смысле скитание соответствует письму, полному отступлений.

Магрис: композиция и границы

Метафора путешествия как письма предполагает принципиально открытую форму и своей незавершенностью, а также разнородностью и фрагментарностью материала соответствует представлениям постмодернистской эстетики. Однако, несмотря на кажущийся беспорядок, книга Магриса строго «детально разработана». Было отмечено

структурное сходство с «Сентиментальным путешествием» Лоуренса Стерна³⁴.

Раздел о Вене и ее окрестностях, названный *Café Central* («Кафе «Централь»»), начинается с описания кафе, в последней главе раздела автор еще раз возвращается в Вену, и на этот раз говорит обо всем городе: «Этот город — одно большое кафе» (М 253). Такое обрамление, структурированное движение от конкретного к переносному, можно найти как в маленьких, так и в больших частях книги.

В основном структура описания путешествия не следует логике политических единиц, отдельные разделы часто демонстративно пересекают национальные границы, наиболее явно в разделе «Баба Анка». Магрис также подвергает сомнению радикальный характер «железного занавеса». Раздел о Паннонии начинается с названия главы «У врат Азии?» — провокационный вопрос, ответ на который выглядит следующим образом:

Железный занавес, разделяющий по границе между Австрией и Венгрией сферы влияния двух мировых держав, сводит пафос важных и упрощающих метаполитических определений к емким всемирно-историческим островам, вроде высказываний князя Меттерниха, что прямо на Реннвеге, улице, пересекающей Вену, начинаются Балканы, а значит, и Азия. <...> Этот самоотверженный пафос, претендовавший на идеологическую независимость, сам является идеологическим конструктом. Даже посещение кондитерской или книжного магазина в Будапеште опровергает представление о том, что к востоку от Австрии начинаются безликие азиатские глубины (М 283 и далее).

При этом Магрис размышляет не о границе на реке возле Девина, а о Шопроне, небольшом венгерском городе недалеко от австро-венгерской границы, где он может придать историческую глубину вопросу об Австро-Венгерской монархии:

Австро-венгерская солидарность, возможно, существует только сегодня, поскольку империи больше нет, и на основании интеграции Венгрии в Восточный блок, что породило тоску по Центральной Европе и стимулировало такие проекты, как пересмотр австрийских и венгерских школьных учебников и коррекцию националистических взглядов обеих сторон <...> и медиацию общей

³⁴ Pellegrini 2003: 84; Schlüter 2003: 47.

культуры как предпосылки для осознания этой самой культуры (М 287 и далее).

«Железный занавес» здесь также ставится под сомнение самой историей, но Магрис предлагает корректировку существующих взаимоотношений, в том числе в смысле современного центрально-европейского дискурса.

Магрис: культурное разнообразие и жанр

Вместо границ Магриса интересуют культурные различия, фрагментированные и сложные идентичности, которые нельзя просто классифицировать по принципу «или-или». Идентичность является центральным вопросом книги Магриса «Дунай». Если первоначально она обсуждалась в форме многословных рефлексий, то начиная с Вены, Братиславы и Будапешта она все больше и больше перерастает в тему, иллюстрируемую конкретными биографиями. На основе историй жизни литераторов, изменивших имя, язык и жанры.

Венгерский литературовед Миклош Сабольчи: [П]отерял из виду некоего Роберта Райтера или Райтера Роберта³⁵, венгерского поэта-авангардиста, принадлежавшего к наиболее ярким экспериментальным группам. <...> [О]н узнал, что Райтер Роберт еще жив, что он живет в Тимишоаре в Румынии, что теперь он именуется Францем Либхардом и пишет на немецком языке довольно традиционные стихи в форме сонетов и с перекрестными рифмами. Он изменил национальность, имя, язык и литературный стиль; сегодня он почитаем как патриарх немецкоязычных писателей в Банате (М 343).

Вопросы идентичности связаны, конечно, с вопросами жанра. В то время как Трост интересовался классическими темами описания путешествий, такими как пейзажи, города, экономические и этнические условия, дополняя их историческими сведениями и добросовестно распределяя по странам, Магрис неоднократно игнорировал национальные границы, опираясь на другие тексты, биографии и концепции, о которых он размышлял. Хотя его книгу можно читать как повествование о путешествии, ее жанр более сложный,

³⁵ Имеется в виду, что в немецком языке имя предшествует фамилии, а в венгерском — наоборот (*прим. перев.*).

с трудом поддающийся категоризации. Хотя было много дискуссий о том, следует ли считать «Дунай» романом или научной работой³⁶, Магрис, похоже, намеренно двусмысленен в этом вопросе. Нарушение границ жанра (как и пересечение границ стран) является в данном случае собственно целью.

Некоторые итоги

В описаниях Дуная Эрнста Троста и Клаудио Магриса речной ландшафт включен в различные политические нарративы благодаря выбору, расстановке и перспективизации пространственных элементов. В книге Эрнста Троста контрастные описания ландшафта и демонстрация границ позволяют проследить и осмыслить, как он вписывает Дунай в антагонистический нарратив холодной войны, в то время как «Дунай» Клаудио Магриса через описания периодических вылазок, через отступления и игнорирование границ представляет культурные концепции Центральной Европы 1980-х годов как почти пространственно предопределенные.

Перевод с немецкого Т. Лоок

Список исторических географических названий

Девень — ныне Девин в Словакии, немецкой традиции Тебен
 Пресбург (нем.) — ныне Братислава в Словакии, в венгерской традиции Пожонь
 Темешвар — ныне Тимишоара в Румынии

Литература

- Магрис 2016 — *Магрис К.* Дунай. М.: Издательство Ивана Лимбаха, 2016. 632 с.
 Bauer, Rahn (Hrsg.) 1997 — *Die Grenze. Begriff und Inszenierung / hrsg. von M. Bauer, Th. Rahn.* New York; Berlin: De Gruyter, 1997. 349 s.
 Csáky 2010 — *Csáky M.* Das Gedächtnis der Städte — kulturelle Verflechtungen. Wien und die urbanen Milieus in Zentraleuropa. Wien: Böhlau, 2010. 417 s.
 Dielhelm 1785 — *Dielhelm J.H.* Antiquarius des Donaustroms. Frankfurt a. M.: Düren, 1785. 878 s.
 Gauss 1992 — *Gauss K.-M.* Das reiche Land der armen Leute: literarische Wanderungen durch Galizien. Wien: J & W, 1992. 304 s.

³⁶ Pellegrini 2003, S. 50f, 80.

- Graff 1998 — *Graff M.* Donauräume. Stromaufwärts nach Europa / aus dem Französischen von D. Gilcher, H. Leck-Frommknecht, V. Staaß. München: Knesebeck, 1998. 240 s.
- Heksch 1881 — *Heksch A. F.* Die Donau von ihrem Ursprung bis an die Mündung. Eine Schilderung von Land und Leute. Wien: Hartleben, 1881. 238 s.
- Jaworski 1999 — *Jaworski R.* Zentraleuropa — Mitteleuropa — Ostmitteleuropa // MODERNE. Zeitschrift des Spezialforschungsbereichs Moderne — Wien und Zentraleuropa um 1900. 1999. Jg. 2. H. 1 (März). S. 2–4. URL: <http://www.kakanien-revisited.at/beitr/fallstudie/RJaworski1.pdf> (дата обращения: 18.08.2021).
- Kohl 1842 — *Kohl J. G.* Hundert Tage auf Reisen in den österreichischen Staaten. Teil 2. Reise von Linz nach Wien. Dresden; Leipzig: Arnoldische Buchhandlung, 1842. 325 s.
- Kohl 1854 — *Kohl J. G.* Die Donau von ihrem Ursprung bis Pesth. Triest: Österreichischer Lloyd, 1854. 314 s.
- Kühl 1958 — *Kühl J.* Föderationspläne im Donauraum und in Ostmitteleuropa. München: Oldenbourg, 1958. 147 s.
- Lessing, Trost 1975 — *Lessing E., Trost E.* Traumstraße Donau. Wien: Molden 1975. 295 s.
- Magris 1966 — *Magris C.* Der Habsburgische Mythos in der modernen österreichischen Literatur / aus dem Italienischen von M. von Pászory. Salzburg: Otto Müller, 1966. 255 s.
- Magris 1971 — *Magris C.* Lontano da dove — Joseph Roth et la tradizione ebraico-orientale. Torino: Einaudi, 1971. 317 p.
- Magis 1986 — *Magris C.* Danubio. Milano: Garzanti, 1986. 431 p.
- Magris 1988 — *Magris C.* Donau. Biographie eines Flusses / aus dem Italienischen von H.-G. Held. München: Hanser, 1988. 477 s.
- Magris 1995 — *Magris C.* Donau und Post-Donau / aus dem Italienischen von R. M. Gschwend. Bozen: AER, 1995. 47 s.
- Mommsen 1995 — *Mommsen W.* Die Mitteleuropaidee und Mitteleuropaplanungen im Deutschen Reich vor und während des Ersten Weltkrieges // Mitteleuropa-Konzeptionen in der ersten Hälfte des 20. Jahrhunderts / hrsg. von R. G. Plaschka, H. Haselsteiner, A. Suppan, A. M. Drabek, B. Zaar. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1995. S. 3–24.
- Pellegrini 2003 — *Pellegrini E.* Epica sull'aqua. L'opera letteraria di Claudio Magris. Bergamo: Moretti & Vitali, 2003. 266 p.
- Pollack 1984 — *Pollack M.* Nach Galizien: von Chassiden, Huzulen, Polen und Ruthenen: eine imaginäre Reise durch die verschwundene Welt Ostgaliziens und der Bukowina. Wien: Brandstätter, 1984. 208 s.
- Ransmayr 1985 — *Ransmayr Ch.* Im blinden Winkel. Nachrichten aus Mitteleuropa. Wien: Brandstätter, 1985. 239 s.

- Schlüter 2003 — *Schlüter G. Claudio Magris homme de lettres // Italienische Erzählliteratur der achtziger und neunziger Jahre. Zeitgenössische Autorinnen und Autoren in Einzelmonographien / hrsg. von F. Balletta, A. Barwig. Frankfurt a. M.: P. Lang, 2003. S. 39–54.*
- Stasiuk 2005 — *Stasiuk A. Unterwegs nach Babadag / aus dem Polnischen von R. Schmidgall. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 2005. 299 s.*
- Schweiger-Lerchenfeld 1896 — *Schweiger-Lerchenfeld A., Freiherr von. Die Donau als Völkerweg, Schifffahrtsstraße und Reiseroute. Wien: Hartleben, 1896. 945 s.*
- Thorpe 2013 — *Thorpe N. The Danube. A Journey Upriver from the Black Sea to the Black Forest. New Haven: Yale University Press, 2013. 328 p.*
- Trost 1966 — *Trost E. Das Blieb vom Doppeladler: Auf den Spuren der versunkenen Donaumonarchie. Wien; München: Molden, 1966. 399 p.*
- Trost 1968 — *Trost E. Die Donau. Lebenslauf eines Stromes. Wien: Molden, 1968. 499 s.*
- Trost 2014 — *Trost E. Doppeladler-Perspektiven. Geschichten von einer lebenslangen Spurensuche // Kakanische Kontexte. Reden über die Mitte Europas / hrsg. von P. Becher. Salzburg; Wien: Otto Müller, 2014. S. 11–28.*

References

- Bauer, M., Rahn, Th., eds, 1997. *Die Grenze. Begriff und Inszenierung*. New York; Berlin: De Gruyter, 349 p.
- Csáky, M., 2010. *Das Gedächtnis der Städte — kulturelle Verflechtungen. Wien und die urbanen Milieus in Zentraleuropa*. Wien: Böhlau, 417 p.
- Dielhelm, J. H., 1785. *Antiquarius des Donaustroms*. Frankfurt a. M.: Düren, 878 p.
- Gauss, K.-M., 1992. *Das reiche Land der armen Leute: literarische Wanderungen durch Galizien*. Wien: J & W, 304 p.
- Graff, M., 1998. *Donauträume. Stromaufwärts nach Europa*, transl. from French by D. Gilcher, H. Leck-Frommknecht, and V. Staaß. München: Knesebeck, 240 p.
- Heksch, A. F., 1881. *Die Donau von ihrem Ursprung bis an die Mündung. Eine Schilderung von Land und Leute*. Wien: Hartleben, 238 p.
- Jaworski, R., 1999. Zentraleuropa — Mitteleuropa — Ostmitteleuropa. *MODERNE. Zeitschrift des Spezialforschungsbereichs Moderne — Wien und Zentraleuropa um 1900*, 1999, 2, 1 (März), pp. 2–4. URL: <http://www.kakanien-revisited.at/beitr/fallstudie/RJaworski1.pdf> (accessed: 18.08.2021).
- Kohl, J. G., 1842. *Hundert Tage auf Reisen in den österreichischen Staaten, 2, Reise von Linz nach Wien*. Dresden; Leipzig: Arnoldische Buchhandlung, 325 p.
- Kohl, J. G., 1854. *Die Donau von ihrem Ursprung bis Pesth*. Triest: Österreichischer Lloyd, 314 p.
- Kühl, J., 1958. *Föderationspläne im Donauraum und in Ostmitteleuropa*. München: Oldenbourg, 147 p.

- Lessing, E., Trost, E., 1975. *Traumstraße Donau*. Wien: Molden, 295 p.
- Magris, C., 1966. *Der Habsburgische Mythos in der modernen österreichischen Literatur*, transl. from Italian by M. von Pásztor. Salzburg: Otto Müller, 255 p.
- Magris, C., 1971. *Lontano da dove — Joseph Roth et la tradizione ebraico-orientale*. Torino: Einaudi, 317 p.
- Magis, C., 1986. *Danubio*. Milano: Garzanti, 431 p.
- Magris, C., 1988. *Donau. Biographie eines Flusses*, transl. from Italian by H.-G. Held. München: Hanser, 477 p.
- Magris, C., 1995. *Donau und Post-Donau*, transl. from Italian by R. M. Gschwend. Bozen: AER, 1995. 47 p.
- Magris, K., 2016. *Dunai* [The Danube]. Moscow: Izdatel'stvo Ivana Limbakha, 632 p. (In Rus.)
- Mommsen, W., 1995. Die Mitteleuropaidee und Mitteleuropaplanungen im Deutschen Reich vor und während des Ersten Weltkrieges. In: Plaschka, R. G., Haselsteiner, H., Suppan, A., Drabek, A. M., Zaar, B. *Mitteleuropa-Konzeptionen in der ersten Hälfte des 20. Jahrhunderts*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, pp. 3–24.
- Pellegrini, E., 2003. *Epica sull'aqua. L'opera letteraria di Claudio Magris*. Bergamo: Moretti & Vitali, 266 p.
- Pollack, M., 1984. *Nach Galizien: von Chassiden, Huzulen, Polen und Ruthenen: eine imaginäre Reise durch die verschwundene Welt Ostgaliziens und der Bukowina*. Wien: Brandstätter, 208 p.
- Ransmayr, Ch., 1985. *Im blinden Winkel. Nachrichten aus Mitteleuropa*. Wien: Brandstätter, 239 p.
- Schlüter, G., 2003. Claudio Magris *homme de lettres*. In: Balletta, F., Barwig, A., eds. *Italienische Erzählliteratur der achtziger und neunziger Jahre. Zeitgenössische Autorinnen und Autoren in Einzelmonographien*. Frankfurt a. M.: P. Lang, pp. 39–54.
- Stasiuk, A., 2005. *Unterwegs nach Babadag*, transl. from Polish by R. Schmidgall. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 299 p.
- Schweiger-Lerchenfeld, A., Freiherr von, 1896. *Die Donau als Völkerweg, Schifffahrtsstraße und Reiseroute*. Wien: Hartleben, 945 p.
- Thorpe, N., 2013. *The Danube. A Journey Upriver from the Black Sea to the Black Forest*. New Haven: Yale University Press, 328 p.
- Trost, E., *Das Blieb vom Doppeladler: Auf den Spuren der versunkenen Donaumonarchie*. Wien; München: Molden, 399 p.
- Trost, E., 1968. *Die Donau. Lebenslauf eines Stromes*. Wien: Molden, 499 p.
- Trost, E., 2014. Doppeladler-Perspektiven. Geschichten von einer lebenslangen Spurensuche. In: Becher, P., ed. *Kakanische Kontexte. Reden über die Mitte Europas*. Salzburg; Wien: Otto Müller, pp. 11–28.

Edit Király

PhD, Research Fellow, Institute of Culture Studies and Theatre History, Austrian Academy of Sciences, Vienna, Austria. Postgasse 7/4, 1010 Wien. E-mail: edit.kiraly@oeaw.ac.at

Politics and Poetics: Narratives of a (Central-)European River

The Danube, along with Galicia and Bukovina, was the landscape most commonly associated—between 1955 and 1989—with a widely understood lost Austrian identity and with Austrian Central Europe. The article examines two books on the Danube which are based on a combination of geographical and historical perspectives and establishing a correlation between the Habsburg tradition and the wider Central European space. Both authors had personally visited the places they write about, but their works are not reducible to mere travel descriptions or trip reports. Ernst Trost's book *Die Donau. Lebenslauf eines Stromes* was published in 1968, a few years after the Habsburg heritage study *Das Blieb vom Doppeladler*, which also contained a description of the Danube journey. Claudio Magris's book *Danubio* can in turn be seen as a continuation of a dissertation written twenty years earlier (*Der Habsburgische Mythos in der modernen österreichischen Literatur*) on the literary "afterlife" of the Habsburg Monarchy. If Trost's book bears the hallmarks of the Cold War, Magris's is a product of the new discourses on Central Europe that emerged in the 1980s. Both books are not only embedded in the political discourses of their time, but practically "reinvent" the Danube as a political and poetic theme. In a comparative analysis of the two books, the starting point is the central theme of both texts, each of which is a Danube master-narrative. The paper then considers how the two Danube books structure spaces and set boundaries; then general questions of genre affiliation are treated.

Keywords: spatial semantics, concepts of Central Europe, postmodern poetics, Danube narratives

How to cite: Király, E., 2022. Politika i poetika: narrativy o (tsentral'no-)evropeiskoi reke. *Tsentral'noevropeiskie issledovaniia*, 2022, 5(14). Moscow: Institut slavianovedeniia RAN; Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, pp. 80–131. doi: 10.31168/2619-0877.2022.5.5.

ОБРАЗЫ ВЛАСТИ

Юлия Евгеньевна Бут

Кандидат исторических наук, доцент, департамент «Исторический факультет», Уральский федеральный университет им. Первого президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия. 620075, просп. Ленина, 51. E-mail: j.e.komleva@urfu.ru

Безупречный монарх: образ Франца Иосифа I в учебниках для габсбургских школ

Феномен необычайной популярности у населения Австро-Венгрии императора Франца Иосифа I, а также устойчивой лояльности этого населения правящей династии Габсбургов по сей день остаются в центре исследовательского интереса. Немалое содействие формированию этих феноменов оказала пропаганда, в том числе среди школьной молодежи, габсбургского династического мифа, важной частью которого была персона императора Франца Иосифа I. Исследование представляет собой попытку реконструировать представление о Франце Иосифе I, которое формировалось у сотен тысяч учащихся школ Цислейтании в ходе изучения ими обязательного курса истории. Источниковую базу исследования составили учебники по истории, рекомендованные к использованию в школах Министерством культов и просвещения и изданные в 1880–1918 гг. Содержащиеся в них нарративы о Франце Иосифе I не имели существенных сюжетных или идеологических расхождений, по сути, дублируя ключевые положения на разных языках и в разных выражениях. Итогом исследования стала реконструкция своеобразной схемы, в соответствии с которой школьникам передавалось представление об их императоре как о правителе и человеке, а также внушалось, что все граждане Австро-Венгрии должны испытывать стойкую эмоциональную привязанность и постоянное чувство благодарности императору, восхищаться им как мудрым правителем и считать его, человека практически совершенного, примером для подражания.

Ключевые слова: Австро-Венгрия, *Kaisertreue*, патриотическое воспитание, лояльность, школа, учебники, гражданское образование, уроки истории, Габсбурги, династический миф

Цитирование: *Бут Ю.Е.* Безупречный монарх: образ Франца Иосифа I в учебниках для габсбургских школ // Центральноевропейские исследования. 2022. Вып. 5(14). М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2022. С. 135–163. DOI: 10.31168/2619-0877.2022.5.6.

Габсбургская политика идентичности и ее воздействие на общество двуединой монархии на протяжении последних десятилетий остаются в центре исследовательского интереса. Многие известные историки в работах по проблемам национализма и гражданского общества в Австро-Венгрии делают акцент на сложных процессах формирования имперской и национальной идентичности ее многоэтнического населения¹. Их исследования показали, что усилия национальных элит по «пробуждению» национальных чувств у населения Цислейтании наталкивались на безразличие к национальным вопросам и общую лояльность к габсбургским институтам². Многие ученые отметили наличие парадоксально устойчивого феномена массовой лояльности императору и правящей династии (нем. *Kaisertreue*), который существенно способствовал сплочению габсбургских народов и заставлял искать способы сохранения единого государства³. Такая преданность многонациональной империи стала плодом комплекса мер, разработанных правительством и администрацией. В частности, в 1849 г. правительство запустило программу по созданию самой современной и прогрессивной в Европе государственной системы школьного образования⁴, в рамках которой гражданское образование эффективно использовалось для развития патриотизма населения и формирования у него сложной «многослойной» идентичности⁵. Чиновники эффективно использовали образовательный процесс для конструирования лояльности граждан; школьные учителя при этом выступали «агентами государства в провинциях»⁶.

Уроки истории служили наиболее удобным средством для воспитания патриотизма и верноподданства. С их помощью широко пропагандировался габсбургский династический миф — определенный комплекс представлений о правителях из династии Габсбургов с акцентом на их личные добродетели и те блага, которые принесло народам их правление⁷. В австро-венгерский период в центре этого мифа

¹ См., например: Cohen 2006; King 2018; Rozenblit 2001; Puttkamer 2003; Bruckmüller 1996; Judson 2006; Judson 2016; Unowsky 2005; Zahra 2008.

² Judson 2006; Zahra 2008.

³ Sugar 1963; Fischer-Galati 1963; Ingraio 2000: 2; Unowsky 2005: 181–182; Judson 2016: 100.

⁴ Puttkamer 2008: 20.

⁵ Moore 2020.

⁶ Lehning 1995: 35–36.

⁷ О габсбургском мифе см., например: Tanner 1993; Wheatcroft 1995.

находился правящий император Франц Иосиф I (1848–1916 гг.), который к концу жизни превратился в невероятно популярный, не подлежащий никакой критике символ монархии. Одна только мысль, что однажды монархия останется без него, казалась абсурдной⁸. Даже сегодня, спустя более 100 лет после смерти, этот император сохраняет огромную популярность у населения государств — наследников Австро-Венгрии⁹. Частично объяснить феномен такой популярности позволят результаты предпринятой в статье попытки воссоздать тот образ Франца Иосифа, который преподносился школьникам на уроках истории. Каким человеком и правителем он предстал в их глазах и оставался в их памяти? Какое отношение вырабатывалось у будущих граждан к императору? Какие чувства и эмоции вовлекались в процессе обучения тому, как «правильно» выполнять долг габсбургского подданного и австрийского гражданина?

Источниковую базу исследования составили учебники по истории для старших классов школ Цислейтании, изданные в 1880–1918 гг. Известно, что именно учебники по истории формируют мировоззренческие позиции учащихся и во многом определяют основу для политических ориентиров нового поколения, воспитывая сплоченную группу толерантных патриотов или же ярых националистов¹⁰. Политические элиты быстро поняли, что массовое школьное образование позволяет выработать у населения чувство национального единства, а также лояльность и послушание верховным властям¹¹, в связи с чем уже в XIX в. школьные учебники с их способностью оказывать широкое воздействие на подрастающие поколения находились на службе официальной идеологии и риторики правительств разных стран¹².

В данном исследовании использовались собрания школьных учебников из фондов австрийского Министерства образования, искусства и культуры¹³ в Вене. Были отобраны учебники начиная

⁸ Markus 2016: 3.

⁹ Habsburg 2016: 6.

¹⁰ Weber 2010: 13; Федорова 2007: 42.

¹¹ Svřček 2020: 3–4.

¹² См., например: Ферро 2010; Репина (ред.) 2020: 196–212; Савельева, Полетаев 2008: 75–77.

¹³ Министерство образования, искусства и культуры было создано в 2007 г. в процессе реформирования своего предшественника — Министерства образования, науки и культуры. Тогда же наука была передана вновь созданному Министерству науки,

с 1880 г. издания, поскольку именно они содержат более или менее пространные нарративы о личности Франца Иосифа и характеристику его правления. Преподавание истории этого периода было утверждено Императорско-королевским министерством культов и просвещения (1867–1918) для учащихся трех последних классов народных школ, учащихся городских школ и гимназий. Поскольку чтение текста учебника на уроках истории дополнялось устным рассказом учителя, в исследовании привлекались также учебники по истории для учащихся педагогических училищ — будущих учителей. В общей сложности было изучено порядка 60 изданий учебников на нескольких языках, имеющих гриф официального одобрения министерства.

Выяснилось, что все эти издания содержали идентичные либо схожие тексты, ни один из которых не обладал какой-либо кардинально отличной от других концепцией. Одной из причин концептуального и содержательного однообразия является достаточно ограниченный круг авторов-составителей учебников. Венское Министерство культов и просвещения очень бдительно следило за характером нарративов в учебниках¹⁴ и предпочитало «проверенных», политически благонадежных авторов, таких как Антонин Гиндели (1829–1892), Теодор Тупец (1852–1938) или Эммануэль Ханнак (1841–1899), которые адаптировали однажды подготовленный ими текст для учащихся разного возраста и разного типа школ, лишь несущественно видоизменяя содержательный материал. Во-вторых, учебники, однажды получившие одобрение в Вене и рекомендацию к использованию в школах, затем просто переиздавались на протяжении многих лет, чаще всего без всяких изменений в тексте, но с добавлением новых карт или иллюстраций. В среднем учебники каждого автора переиздавались по пять–десять раз: так, учебники Т. Тупеца выдержали за указанный период восемь переизданий, Густава Руша — девять, А. Гиндели — 13. В-третьих, учебники, изданные на разных языках, существенно не отличались по содержанию, прежде всего в связи с широкой практикой перевода учебников, составленных на немецком языке, на другие языки, используемые в школах Цислейтании¹⁵.

исследований и экономики. С 2018 г. образование, культура и наука объединены в Министерстве образования, науки и исследований.

¹⁴ Bruckmüller 2007: 28–29.

¹⁵ Подробнее о практиках перевода школьных учебников в монархии Габсбургов см.: Hofeneder, Surman 2018; Almasy 2019.

Например, учебники А. Гиндели, первоначально изданные на немецком, впоследствии были переведены на чешский, польский и итальянский языки. Переводные учебники приветствовались венским министерством, поскольку обеспечивали уверенность в том, что учебники на языках национальностей будут также следовать официальной риторике имперского центра¹⁶. Разумеется, не все учебники были переводными. В частности, в данном исследовании приводятся в том числе цитаты из учебников, изначально составленных на чешском и румынском языках.

Необходимо отметить, что составителями учебников являлись профессиональные историки — учителя, члены школьной администрации и земельных школьных советов, школьные инспекторы и профессора университетов. Они разделяли позицию так называемых староавстрийцев и в научных трудах и учебниках развивали идеи общеавстрийского самосознания, общего прошлого народов под скипетром Габсбургов и традиционной преданности правящему дому¹⁷. С одной стороны, они руководствовались принципом объективного изложения событий, но с другой, были обязаны следовать министерским инструкциям и придерживаться определенного фокуса и идеологических установок, что и служит ключевым объяснением сходства всех нарративов в учебниках по истории для габсбургских школ, в том числе текстов о периоде правления Франца Иосифа.

Начало правления Франца Иосифа I

Нарратив об императоре Франце Иосифе начинался с момента его восшествия на престол в 1848 г. и сопровождался биографической справкой. В одном из учебников на чешском языке — с замечания, что прабабкой государя была «великая императрица» Мария Терезия, и приводилось генеалогическое древо¹⁸. В большей

¹⁶ Hofeneder, Surman 2018: 145.

¹⁷ Например, А. Гиндели, профессор истории в университетах Праги и Оломоуца, член Австрийской академии наук, ставил перед собой задачу написания австрийской национальной истории с позиций транснационального подхода (см.: Бут, Баченина 2022: 101–108).

¹⁸ *Šembera Fr., Konř J. Obrazy z dějepisu všeobecného pro školy měšťanské. Praha: Bursík & Kohout, 1896. Díl. 1. S. 66.*

части учебников отмечалось, что родившийся в Шёнбрунне 18 августа 1830 г. Франц Иосиф «унаследовал снисходительность, дружелюбие и доброе сердце» от своего отца, эрцгерцога Франца Карла (1802–1878)¹⁹, «который всегда щедро жертвовал, когда нужно было облегчить беду или утешить бедных и угнетенных»²⁰. Равной мужу «по благородству ума и нежности сердца» была мать Франца Иосифа эрцгерцогиня София (1805–1872), приходившаяся дочерью королю Максу Йозефу Баварскому (1806–1825 гг.)²¹. В эрцгерцогине «живой интерес к искусству и науке сочетался с искренним благочестием», и «точно так же, в благочестии и любви к науке и искусству» она воспитывала своих сыновей²².

Составители учебников подчеркивали, что будущий император получил блестящее образование. Его играми и первоначальным воспитанием руководил сам император Франц II/I, его дед, проникшийся «симпатией к одаренному королевичу»²³. Поименно перечислялись «талантливейшие учителя» Франца Иосифа: граф Иоганн Баптист Коронини (1794–1880), Йозеф Отмар фон Раушер (1797–1875) — «впоследствии кардинал и князь-архиепископ Вены», «знаменитый географ» полковник Франц фон Хауслаб (1798–1883), «один из талантливейших историков» Австрии Альберт Егер (1801–1891)²⁴, «отличившийся в войнах против Наполеона» граф Генрих Франц Бомбель (1789–1850)²⁵. В числе учителей будущего императора назывался малоизвестный современной историографии «выдающийся государственный деятель и юрист» барон Тадеус Лихтенфельс (1798–1877)²⁶, но ни в одном из учебников не упоминался тот факт, что государственному праву престолонаследника обучал лично Клеменс фон Меттерних (1773–1859).

¹⁹ *Hannak E.* Lehrbuch der Geschichte der Neuzeit für Oberclassen der Mittelschulen. Wien: Alfred Hölder k. u. k. Hof- und Universitäts-Buchhändler, 1895. S. 221.

²⁰ *Rusch G.* Grundriss der Geschichte. Für österreichische allgemeine Volksschulen. Wien: Verlag von A. Pichler's Witwe & Sohn, 1898. S. 79.

²¹ *Ibidem.*

²² *Hannak E.* Lehrbuch. S. 221.

²³ *Konečný Š.M.* Učebnice dějepisu pro měšťanské školy. V Praze: Nakladatel I. L. Kober knihkupectví, 1914. Díl. 3. S. 62.

²⁴ *Ibidem.*

²⁵ *Rusch G.* Grundriss. 1898. S. 79.

²⁶ *Hannak E.* Lehrbuch. S. 221.

У юного эрцгерцога «было мало свободных часов на протяжении дня»²⁷. Кроме французского и немецкого языков он изучал и освоил чешский, польский, хорватский, венгерский и «итальянский (валашский) языки»²⁸. В последнем случае не ясно, имел ли составитель в виду два разных языка, или же только язык, на котором говорили жители Трансильвании. Приводилась цитата одного из учителей как свидетельство усердия высокородного ученика: «У меня никогда не было ученика с таким сильным чувством долга»²⁹.

Школьникам пояснялось, что Франц Иосиф стал императором, поскольку у предыдущего императора Фердинанда I (1835–1848 гг.) не было детей. Фердинанду I, личность которого была столь невыгодно представлена после распада Австро-Венгрии в националистической литературе, давалась очень корректная характеристика, не позволявшая бросить тень на династический миф Габсбургов³⁰. Причиной отречения Фердинанда I назывались революционные волнения в столице, в ходе которых ему дважды пришлось бежать из Вены, и он был «настолько потрясен пережитым, что 2 декабря 1848 г. добровольно отказался от короны»³¹. Поскольку его брат эрцгерцог Франц Карл «также отрекся», эрцгерцог Франц Иосиф был провозглашен императором Австрии в Оломоуце, где в то время находился двор³²:

2 декабря 1848 года члены императорской семьи и важнейшие сановники собрались в архиепископском дворце. Перед ними император Фердинанд отказался от императорской короны в пользу сына своего брата, 18-летнего эрцгерцога Франца Иосифа. Когда любимый монарх благословил своего преемника и, обнимая его, произнес слова «Храни тебя Бог», глаза всех присутствующих наполнились слезами³³.

²⁷ Rusch G. Grundriss. 1898. S. 79.

²⁸ Konečný Š.M. Učebnice. S. 62.

²⁹ Rusch G. Grundriss. 1898. S. 79.

³⁰ Pennerstorfer I. Lehrbuch der Geschichte für 6-, 7- und 8-classige Volksschulen. Wien: Manz'sche k. u. k. Hof-Verlags- und Universitäts-Buchhandlung, 1898. S. 116; Šujan Fr. Učebnice dějepisu pro měšťanské školy. V Praze: Nakladatel I.L. Kober knihkupectvi, 1899. Díl. 3. S. 96.

³¹ Tupetz T. Geschichte österreichisch-ungarischen Monarchie. Wien: Verlag von F. Tempsky, 1904. S. 202.

³² Tupetz T. Lehrbuch der Geschichte für Lehrer-und Lehrerinnenbildungs-Anstalten. Wien: Verlag von F. Tempsky, 1916. Teil 3. S. 187.

³³ Šujan Fr. Učebnice. S. 98.

В большинстве учебников текст о восшествии Франца Иосифа на престол сопровождался портретом юного императора. Чаще всего это был поясной портрет 1849 г., на котором мужественный и полный сил монарх изображен в военной форме с орденом Золотого руна, военным орденом Марии Терезии и георгиевским крестом 4-й степени, которым русский царь Николай I наградил его с формулировкой «за усмирение венгерского восстания в 1848–1849 гг.». Чешские составители Ф. Шембера и Й. Конирж поместили в учебнике погрудный портрет 1848 г., украшенный лавровыми ветвями, короной св. Вацлава и гербом Чехии с изображением двухвостого льва на щите³⁴. В переработанных учебниках А. Гиндели печаталась репродукция литографии Ф. Колларца «Вступление на престол Франца Иосифа I», на которой помимо самого императора изображены его родители, а также полководцы Йосип Елачич (1801–1859) и Альфред Виндишгрец (1787–1862)³⁵.

Все без исключения учебники эмоционально комментировали тяготы революционных лет: вступление на престол молодого императора произошло «в ужасно серьезное и мрачное время», когда «во многих землях Австрии царили разгул и смятение, а в некоторых землях даже открытый мятеж»³⁶. Трудное положение Франца Иосифа сравнивалось с ситуацией, в которой оказалась его великая прабабка Мария Терезия (1740–1780 гг.) в начале правления³⁷. Тем не менее Австрия пережила бурные события и в последовавшие затем мирные годы, «находясь под мудрой заботой своего высокочтимого монарха, смогла быстро оправиться от ран, нанесенных ее благосостоянию революцией»³⁸. Период так называемого австрийского неоабсолютизма, сегодня являющийся предметом неутихающих дискуссий среди историков³⁹, составители учебников не выделяли в отдельный этап правления Франца Иосифа и перечисляли реформы эпохи неоабсолютизма в одном разделе с успехами конституционного периода⁴⁰, да-

³⁴ Šembera Fr., Koníř J. *Obrazy*. D. 1, S. 67.

³⁵ John J. Anton Gindelys Lehrbuch der Geschichte für Knabenbürgerschulen. Wien: Verlag von Tempsky, 1908. Teil 3. S. 49.

³⁶ Pennerstorfer I. *Lehrbuch der Geschichte für 6-, 7- und 8-classige Volksschulen*. S. 116.

³⁷ Tupetz T. *Geschichte*. S. 201–202.

³⁸ Tupetz T. *Lehrbuch*. T. 2. S. 204.

³⁹ См., например: Brandt (Hrsg.) 2014.

⁴⁰ Это можно объяснить как ограниченным объемом материала, который мог быть включен в школьный учебник, так и стремлением составителей сформировать образ

вая им общую характеристику: «в делах нашего отечества за короткое время менее чем 50 лет произошел большой скачок в развитии всех отраслей»⁴¹. Именно этот «большой скачок» являлся фокусом нарративов о Франце Иосифе I в школьных учебниках. Но прежде чем приступить к его подробному описанию, составители освещали тему войн, которые Австрия вела в 1859–1866 гг. — то есть как раз ту область политики, в которой император не только не преуспел, но, по мнению многих современных исследователей, потерпел крах⁴². Однако подход к освещению этой темы в габсбургских учебниках имел свою специфику.

Император Франц Иосиф I защищает свои земли

Основной причиной вступления Франца Иосифа в войны во всех без исключения учебниках называлась необходимость защищать отечество от открытой внешней угрозы:

Избегающий войн и кровопролития, государь мирный в благороднейшем смысле слова, император Франц Иосиф был вынужден снова взять в руки меч, чтобы защитить империю от внешних врагов⁴³.

Этот образ миролюбивого правителя традиционно применялся ко всем монархам из дома Габсбургов⁴⁴. Как ни парадоксально, он прекрасно вписывался в культ войн и военных героев, широко пропагандируемый австрийским правительством во второй половине XIX — начале XX в.⁴⁵

целостного политического курса Франца Иосифа, который твердо, не меня убеждений, шел к основной цели — достижению благосостояния своих народов. Описание «возвращения к абсолютизму», как тогда историки называли период 1851–1859/60 гг. (префикс «нео», придающий значение чего-то нового, современного, вошел в научный оборот гораздо позже), вероятно, могло бросить тень на создаваемый составителями идеализированный образ государя и проводимой им прогрессивной политики.

⁴¹ *Pennerstorfer I. Lehrbuch der Geschichte für 6-, 7- und 8-classige Volksschulen.* S. 124.

⁴² Fichtner 1997: 52–57; Judson 2016: 251; Mitchell 2018: 293–299; Taylor 1990: 94, 99, 126–127. Более подробно о причинах катастрофического поражения Австрии см.: Dredger 2017: 13–38.

⁴³ *Tupetz T. Lehrbuch.* Т. 2. S. 202.

⁴⁴ Бут 2022: 164.

⁴⁵ О военном культе в Австро-Венгрии см.: Cole 2014.

Несмотря на то что в ходе войн 1850–1860-х годов габсбургские войска были разбиты и понесли потери, которые некоторые исследователи называют «смертью армии»⁴⁶, нарративы в школьных учебниках вносили существенный вклад в создание культового образа храброй австрийской армии⁴⁷. Подчеркивалось личное участие Франца Иосифа в военных действиях и его образцовое мужество. Составители поясняли, что у императора смолоду проявились «особая склонность и способности к военному делу», а его учителем стал сам фельдмаршал Йозеф Радецкий (1766–1858), когда в 1848 г. будущий правитель отправился в Италию, чтобы на месте изучать искусство ведения войны⁴⁸. В битве при Санта-Лючии «наш нынешний император, в то время 18-летний юнец, впервые оказался под дождем вражеских пуль»⁴⁹. Этот нарратив в ряде учебников иллюстрировала репродукция акварели Ф. Мирбаха «Привал в Изола-делла-Скала. Ранним утром 28 мая 1848 г.», на которой юный и молодцеватый Франц Иосиф изображен беседующим с пожилым фельдмаршалом Константином д'Аспре (1789–1850) недалеко от обедающей группы офицеров высшего командования — Йозефа Радецкого и эрцгерцога Леопольда, Альбрехта (1817–1895) и Вильгельма Австрийских⁵⁰.

В 1859 г. Франц Иосиф принял верховное командование в битве при Сольферино и проявил «великую доблесть и бесстрашие»⁵¹, «подвергаясь огню как лобой другой солдат»⁵². При этом император хорошо показал себя не только на поле боя, но и в сфере дипломатии, сделав «блестящее предложение» по реорганизации Германского союза, нацеленное на «поддержание мира и справедливости» среди германских государств⁵³. Современные биографы Франца Иосифа считают, что поражение под Сольферино, где император принял личное командование армией, «навсегда подорвало его веру в себя как полководца»,

⁴⁶ Lackey 1995: 17–22.

⁴⁷ См. подробнее: But 2022.

⁴⁸ Šembera Fr., Koníř J. Obrazy. D. 1. S. 68.

⁴⁹ Tupetz T. Bilder aus der Geschichte für 6., 7. und 8. Schuljahr. Wien: Verlag von F. Tempsky, 1912. S. 135; Rusch G. Grundriss. 1898. S. 73.

⁵⁰ Tupetz T. Bilder. 1912. S. 135.

⁵¹ Šembera Fr., Koníř J. Obrazy z dějepisu všeobecného pro školy měšťanské. Praha: Bursík & Kohout, 1898. Díl 2. S. 67.

⁵² *Isopescul S.V. Manual de Istorie Universală pentru clasele inferioare de scoale secundare.* Suceava: Editura “Scoalei Române”, 1901. P. 3. P. 131.

⁵³ Tupetz T. Lehrbuch. T. 3. S. 193.

а попытки реорганизации Германского союза «очень сильно подорвали и военную, и дипломатическую репутацию лично императора» и показали, что он не соответствовал требованиям политической игры той эпохи⁵⁴. Однако у габсбургских школьников складывалось очень высокое мнение о военных и дипломатических талантах своего государя.

Заслуги императора в деле государственного развития

По завершении войн Франц Иосиф мог «в полной мере посвятить себя благородному занятию — делать своих подданных счастливыми»⁵⁵.

Со времен великой императрицы Марии Терезии и ее благородного сына Иосифа II в Австрии не было такого правителя, при котором бы столь очевидно возросли мощь и благосостояние страны⁵⁶.

Наиболее выдающейся заслугой императора все составители учебников единодушно объявляли принятие, а точнее, дарование в 1861 г. конституции. Необходимость такой меры объяснялась тем, что «император признал, что неограниченная форма правления уже не современна, и великодушно решил поделиться своими суверенными правами с народом»⁵⁷, или же тем, что конституционная форма наилучшим образом способствовала выполнению основной задачи австрийского государства — защищать национальные права своих подданных (под которыми понимались исключительно языковые права) и свободу вероисповедания⁵⁸. В 1867 г. конституция была дополнена «специальными» положениями, касающимися Венгрии, «главным образом, по совету известного венгерского государственного деятеля Франца Деака, который как никто другой знал желания и нужды своего народа и изложил их монарху»⁵⁹. Согласно конституции «первейшим» долгом каждого «австрийца» было «оставаться верным и послушным» Его Величеству государю императору, а за нарушение полагалось

⁵⁴ Брандт 1997: 442–443.

⁵⁵ *Tupetz T.* Lehrbuch. Т. 2. S. 210.

⁵⁶ *Tupetz T.* Bilder aus der Geschichte für die Oberclassen österreichischer allgemeiner Volksschulen. Wien, Prag: Verlag von F. Tempsky, 1899. S. 158.

⁵⁷ *Rusch G.* Grundriss. 1898. S. 75.

⁵⁸ *Šujan Fr.* Učebnice. S. 104.

⁵⁹ *Tupetz T.* Lehrbuch. Т. 2. S. 210.

«суровое» наказание⁶⁰. Также каждый «добрый австриец» должен был открыто демонстрировать «при каждом удобном случае свою любовь к высочайшему императорскому дому» и пробуждать патриотические чувства у своих сограждан⁶¹.

Большое количество иллюстраций сопровождало подробный рассказ о «небывалых» успехах Австро-Венгрии при Франце Иосифе I в области добычи угля и железа, фабричного и машинного дела, железнодорожного и телеграфного сообщений⁶². В радужных тонах описывалось развитие речного транспортного сообщения и морской торговли, расцвет ремесел, почтового дела, открытие сберегательных касс, введение единых мер длины и веса. Уже на всемирной выставке в 1873 г., проходившей в Вене, достигла «молодая австрийская промышленность большого триумфа»⁶³.

В области социальной политики к числу заслуг императора Франца Иосифа относилось завершение начатой при Иосифе II (1765/1780–1790 гг.) и Фердинанде I крестьянской реформы, строительство детских домов, приютов, домов престарелых и больниц для бедных, открытие «тысяч новых народных школ»⁶⁴, введение восьмилетнего обязательного образования, благодаря которому стало возможно даже «самым бедным детям получить необходимые для жизни знания, навыки и умения»⁶⁵. Рост числа средних и высших учебных заведений, учреждение детских садов, разбивка пришкольных садов и спортивных площадок, устройство школьных библиотек — «все это те благодеяния, которыми мы обязаны нашему великому, покровительствующему школе монарху»⁶⁶.

При поддержке Франца Иосифа расцвели науки и искусства. Были организованы исследовательские экспедиции, в частности, полярные экспедиции Юлиуса Пайера (1841–1915) и Карла Вайпрехта (1838–1881) в 1870-х годах, нарратив о которых сопровождался

⁶⁰ *Šujan Fr. Učebnice*. S. 105; *Tupetz T. Bilder*. 1899. S. 161.

⁶¹ *Ibidem*; *Šujan Fr. Učebnice*. S. 105.

⁶² *Tupetz T. Lehrbuch*. T. 2, S. 212.

⁶³ *Pennerstorfer I. Lehrbuch der Geschichte für Bürgerschulen*. Wien: Manz'sche k. u. k. Hof-Verlags- und Universitäts-Buchhandlung, 1898. Teil 2. Für die II. Classe 3-classiger Bürgerschulen. S. 128.

⁶⁴ *Tupetz T. Lehrbuch*. T. 2 S. 204–205, 212.

⁶⁵ *Pennerstorfer I. Lehrbuch der Geschichte für 6-, 7- und 8-classige Volksschulen*. S. 122.

⁶⁶ *Tupetz T. Lehrbuch*. T. 2. S. 212.

репродукцией известной картины Ю. Пайера «Ни шагу назад», написанной по заказу императора⁶⁷. «Австрийцы» получили возможность исследовать Африку, проводить раскопки в Греции и Малой Азии; «никогда прежде не уделялось столько заботы» австрийской исторической науке⁶⁸.

Больших успехов достигла архитектура, особенно в Вене, которая «благодаря заботам императора Франца Иосифа I стала одним из красивейших городов мира» с особым венским архитектурным стилем, которому «подражают в других городах монархии, особенно в Будапеште»⁶⁹. В учебниках помещались крупные иллюстрации с изображением венского оперного театра, ратуши, зданий рейхсрата и университета⁷⁰, которые, несомненно, производили впечатление на учащихся, особенно провинциальных школ. Страницы учебников также украшали фотографии монументов, которыми Франц Иосиф почтил память своих великих предков, военных и народных героев. Перечислялись имена «новых австрийских» художников, «увекочивших славу австрийского искусства», музыкантов и литераторов; в частности, упоминался Роберт Хамерлинг (Гаммерлинг, 1830–1889), который «благодаря милости Его Величества императора, смог, не заботясь о средствах для пропитания, посвятить свою жизнь поэзии»⁷¹. Составители подводили итог:

То, что император Франц Иосиф сделал для Австрии, запечатлено сверкающими буквами в сердцах его современников и украшает бессмертными строками книгу истории. Искусство и наука, торговля и коммерция, сельское хозяйство и ремесла обязаны своим невероятным расцветом и победным развитием его неустанной заботе⁷².

Император Франц Иосиф как человек

Нарратив о личности и частной жизни императора Франца Иосифа сопровождался художественным или фотографическим портретом императора в зрелом возрасте, все так же в военном мундире, украшенном

⁶⁷ *John J. Anton Gindelys Lehrbuch*. S. 67.

⁶⁸ *Tupetz T. Lehrbuch*. Т. 2, S. 213.

⁶⁹ *Ibidem*.

⁷⁰ *Tupetz T. Geschichte*. S. 214–218; *Pennerstorfer I. Lehrbuch*. Т. 3. S. 115–119.

⁷¹ *Tupetz T. Lehrbuch*. Т. 2. S. 202.

⁷² *Rusch G. Grundriss*. 1898. S. 80.

наградами, с твердым уверенным взглядом⁷³. Школьники узнавали, что император Франц Иосиф ведет простой образ жизни «без лишней роскоши», «очень умерен в еде и питье, отчего имеет хорошее здоровье»⁷⁴. Он много времени проводит верхом на маневрах и «по-прежнему остается очень хорошим наездником»⁷⁵. В этом месте часто помещалась иллюстрация, на которой уже немолодой, но по-прежнему подтянутый, с прямой спиной Франц Иосиф изображен верхом на лошади⁷⁶.

Учебники неизменно содержали тезис о невероятном трудолюбии императора, его серьезном и добросовестном отношении «к своим обязанностям правителя»⁷⁷. Заботясь о благосостоянии своего народа, он постоянно пребывал в трудах, начиная работать в четыре утра летом и в пять утра зимой⁷⁸. Охота была «удовольствием, позволявшим отдохнуть от тягот своего служения»⁷⁹. Подчеркивались простота императора в общении и близость к простому народу. Франц Иосиф «мягко и дружелюбно, поскольку у него такой характер, разговаривает со всеми охотниками и всеми жителями гор, которые ему встречаются»; кроме того, у него «такая замечательная память, что даже спустя два года он узнает людей, с которыми когда-то разговаривал»⁸⁰. На общих аудиенциях монарх «принимает порой кого угодно, невзирая на лица и чины, всех, кто хочет лично передать императору свои пожелания или просьбы»⁸¹.

Составители учебников подчеркивали несомненное добросердечие императора, который всегда стремился прийти на помощь: «Движимый неподдельным благочестием, наш император совершает неисчислимые благодеяния, и едва ли какой-либо другой государь может его в этом превзойти»⁸². С. Исopesкул привел в доказательство этого тезиса поведение императора во время сопровождавшихся разрушениями и жертвами наводнений при разливе Дуная в 1862 г. в Вене и Тисы в 1879 г. в Сегеде (Венгрия):

⁷³ См., например, фото К. Пицнера в: *John J. Anton Gindelys Lehrbuch*. S. 80.

⁷⁴ *Isopescul S. V. Manual*. P. 137–138.

⁷⁵ *Ibid.* P. 138.

⁷⁶ См., например: *Pennerstorfer I. Lehrbuch*. T. 3. S. 121.

⁷⁷ *Rusch G. Grundriss*. 1898. S. 75.

⁷⁸ *Isopescul S. V. Manual*. P. 138.

⁷⁹ *Rusch G. Grundriss*. 1898. S. 75.

⁸⁰ *Ibidem*.

⁸¹ *Isopescul S. V. Manual*. P. 138.

⁸² *Rusch G. Grundriss*. 1898. S. 75.

Император поспешил на место происшествия, проехал на своей лодке по улицам города и утешил залитых слезами людей: «Сегед будет восстановлен и станет еще краше, чем прежде!». И слова императора сбылись⁸³.

Еще один описанный им случай связан с крупнейшим пожаром XIX в., произошедшим 8 декабря 1881 г. в венском Рингтеатре:

Театр загорелся во время спектакля, поэтому сгорело много людей. Чтобы максимально утешить жителей Вены, император на свои личные средства построил большое здание на месте сгоревшего театра. Значительный доход, который приносит это здание, идет на благотворительные цели⁸⁴.

Некоторые составители отдельное внимание уделяли описанию путешествий Франца Иосифа. Детальнейшим образом описывалась его паломническая поездка в Святую землю в Иерусалим, которую он совершил, желая «показать, что благочестивый дух его предка Рудольфа I (1218–1291) и благоговение перед христианской церковью все также неизменно живут в его роду»⁸⁵. Из путешествий по империи «наиболее примечательной» оказалась поездка в Далмацию:

Император, чье крепкое здоровье и закаленный характер не поддавались никаким ненастьям погоды, с легкостью переносил все тяготы путешествия по негостеприимной стране. Однажды монарху даже пришлось сушить у открытого огня промокшую под ливнем одежду и греть замерзшие от боры⁸⁶ руки и ноги в доме дорожного сторожа⁸⁷.

Таким образом, во всех жизненных ситуациях император — «простой, скромный, но всегда сохраняющий достоинство государя» — представлял собой «образец благородного, подлинного рыцарства»⁸⁸.

⁸³ *Isopescul S. V. Manual. P. 138.*

⁸⁴ *Ibid. P. 139.*

⁸⁵ *Pennerstorfer I. Lehrbuch der Geschichte für Bürgerschulen. Wien: Manz'sche k. u. k. Hof-Verlags- und Universitäts-Buchhandlung, 1891. Teil 1. S. 93.*

⁸⁶ Бора — сильный, порывистый ветер, возникающий в случае, когда поток холодного воздуха встречает возвышенность на своем пути.

⁸⁷ *Rusch G. Grundriss. 1898. S. 75.*

⁸⁸ *Ibid.*

Население обеих половин империи взирало на своего правителя «с незыблемой любовью», он же служил им «примером верности долгу, самоотверженности и готовности трудиться»⁸⁹.

Семейные трагедии

На мирное время пришлось свадьба Его Величества с Елизаветой Баварской (1837–1898). В апреле 1854 г. «с непомерным восторгом вся Австрия приветствовала молодую правительницу, отличающуюся в равной степени красотой, изяществом и добросердечием»⁹⁰. Их сын, наследный принц Рудольф (1858–1889), пошел по стопам своего отца и также покровительствовал наукам»⁹¹. Однако в то время как Австро-Венгрия «процветала при долгом и плодотворном правлении императора Франца Иосифа I», самого правителя постигли серьезные несчастья, самыми страшными из которых были «внезапная смерть его единственного сына, кронпринца Рудольфа»⁹² и убийство императрицы Елизаветы (1837–1898):

После более 44 лет брака благородная супруга его была убита подлым и трусливым убийцей во время отдыха в Женеве 10 сентября 1898 г. С ней император потерял верную спутницу, которая всегда находилась рядом с ним в дни тяжелейшего горя и, прежде всего, помогала перенести тяжелую утрату единственного сына⁹³.

Упоминания об императрице в тексте учебников иногда сопровождалась фотографией памятника из белого мрамора, открытого в ее честь в венском Фольксгартене в 1907 г.⁹⁴

В учебниках, вышедших в 1918 г., список семейных трагедий Франца Иосифа расширился. Сообщалось, что после ранней смерти кронпринца надежды императора и всей Австрии были направлены на эрцгерцога Франца Фердинанда (1863–1914), старшего

⁸⁹ Anton Gindelys Lehrbuch der Geschichte für Bürgerschulen / bearb. von J. Kraft und J. G. Rothaug. Wien, Prag: Verlag von F. Tempsky, 1902. Teil 1. S. 132–133.

⁹⁰ *Tupetz T.* Lehrbuch. Т. 2. S. 204.

⁹¹ *Tupetz T.* Geschichte. S. 213.

⁹² *Tupetz T.* Lehrbuch der Geschichte für Lehrer-und Lehrerinnenbildungs-Anstalten. Wien: Verlag von F. Tempsky, 1918. Teil 4. S. 41.

⁹³ *Rusch G.* Grundniss. 1918. S. 104.

⁹⁴ *John J.* Anton Gindelys Lehrbuch. S. 77.

племянника императора, который был назначен престолонаследником и «с энтузиазмом посвятил себя улучшению армии и флота»⁹⁵. Его успехи получили признание, «но они также вызвали ненависть и зависть врагов Австрии»⁹⁶. 28 июня 1914 г. эрцгерцог Франц Фердинанд и его супруга герцогиня София фон Гогенберг (урожденная графиня Хотек, 1868–1914) «были предательски убиты наемными убийцами» во время визита в Сараево⁹⁷. После «гнусного преступления», по ряду подробно излагаемых в учебниках причин «мирный император» Франц Иосиф был в очередной раз вынужден «взять в руки меч», чтобы «защитить честь отечества и благополучие его народа», и это стало началом мировой войны⁹⁸.

Народное признание и любовь народов к императору

Известно, что путешествия по империи и проведение пышных имперских празднеств являлись частью пропаганды в период правления Франца Иосифа I⁹⁹. Интересно, что во всех школьных учебниках в той или иной форме обязательно упоминалось массовое народное участие в таких празднествах, описывался восторг и ликование, которые австрийские граждане при этом испытывали, а также четко констатировались причины их любви и благодарности своему императору.

Школьникам внушалась мысль, что с самого начала правления Франца Иосифа все народы его огромной империи выказывали «равное уважение и любовь к императору, умеющему разговаривать со всеми на их родном языке»¹⁰⁰. Со временем, когда «отеческая забота» императора охватила всех жителей империи, их любовь к «прославленному императору стала «безграничной»¹⁰¹. Везде, где появлялся император, народ встречал его ликующими приветствиями, криками радости и возгласами «Боже, храни, боже, защити нашего императора!»¹⁰².

⁹⁵ *Tupetz T.* Lehrbuch. Т. 4. S. 41.

⁹⁶ *Ibidem.*

⁹⁷ *Rusch G.* Grundriss. 1918. S. 104.

⁹⁸ *Ibidem.*

⁹⁹ Подробно об этом см.: Unowsky 2005.

¹⁰⁰ *Rusch G.* Grundriss. 1898. S. 80.

¹⁰¹ *Pennerstorfer I.* Lehrbuch der Geschichte für 6-, 7- und 8-classige Volksschulen. S. 118.

¹⁰² *Isopescul S. V.* Manual. P. 139; *Pennerstorfer I.* Lehrbuch der Geschichte für 6-, 7- und 8-classige Volksschulen. S. 123.

Составители учебников подчеркивали, что народы Австро-Венгрии принимали самое близкое участие «во всех радостных и печальных событиях, происходивших в благородной императорской семье»¹⁰³. Каждое радостное событие — будь то серебряная свадьба императора в 1879 г., 40-, 50- или 70-летний юбилей его царствования — было «желанным поводом для населения, чтобы выразить императору и его семье свою истинную, беззаветную преданность»¹⁰⁴. Юбилеи отмечались во всех частях империи не просто «выставками и празднествами, но прежде всего делами любви» — основанием благотворительных фондов, носящих «имя нашего прославленного правителя», которые «на века вперед будут свидетельствовать о его кротком человеколюбивом духе»¹⁰⁵. Однако «еще сильнее, чем праздничная радость, связывает людские сердца общая боль»¹⁰⁶ и «каждое несчастье, постигшее наш правящий дом, вызывало искреннее сочувствие у молодых и старых и потрясало миллионы сердец»¹⁰⁷. Когда император терял своих близких, «самые разнообразные и трогательные проявления сердечного участия всех народов» еще сильнее укрепляли «союз взаимной любви и верности», который объединял «все народы монархии с их благородными правителями и их царственным домом»¹⁰⁸.

Для описания взаимоотношений императора и австрийских народов составители широко задействовали образы любящего отца и благодарных детей:

Глубоко эмоциональная благодарность народа своему императору часто проявлялась как сыновняя любовь. Во время празднования его серебряной свадьбы в апреле 1879 г. император, отвечая на народные приветствия, назвал народ Австро-Венгрии своей большой семьей, которой он может похвалиться. И действительно, император Франц Иосиф относится ко всем своим подданным, независимо от религии и языка, с такой же любовью, как добрый и нежный родитель к членам своей семьи¹⁰⁹.

¹⁰³ *Isopescul S. V. Manual*. P. 139.

¹⁰⁴ *Pennerstorfer I. Lehrbuch der Geschichte für Bürgerschulen*. Wien: Manz'sche k. u. k. Hof-Verlags- und Universitäts-Buchhandlung, 1899. Teil 3. S. 122.

¹⁰⁵ *Ibidem*; *Isopescul S. V. Manual*. P. 139; *Sujan Fr. Učebnice*. S. 102.

¹⁰⁶ *Hannak E. Lehrbuch*. S. 236.

¹⁰⁷ *Pennerstorfer I. Lehrbuch*. T. 3. S. 122.

¹⁰⁸ *Hannak E. Lehrbuch*. S. 236.

¹⁰⁹ *Isopescul S. V. Manual*. P. 139.

«Отеческие усилия» императора «всегда заключались в том, чтобы сделать народы Австрии членами единой семьи, которые объединенными силами (*Viribus unitis*) будут заниматься благородным трудом в области сельского хозяйства, промышленности, торговли, науки и искусства»¹¹⁰. Отсюда вытекал ключевой для габсбургского династического мифа тезис идентичности австрийского отечества и правящего дома Габсбургов: «австрийский император и отечество едины»¹¹¹, «для австрийца его император и его отечество — одно и то же»¹¹².

Итак, нарративы о Франце Иосифе, выстраиваемые составителями школьных учебников по одной схеме, вне зависимости от языка изложения, формировали у габсбургских школьников определенный образ их правителя, для создания которого использовался комплекс приемов. Во-первых, задействовался традиционный набор ключевых характеристик правителя из дома Габсбургов в соответствии с канонами династического мифа¹¹³: исключительно миролюбивый государь, которого злые недруги вынуждают вести войны; образцово благочестивый католик, воплощающий идею *pietas Austriaca*¹¹⁴; государь, не просто заботящийся об общем благе, а прилагающий максимальные усилия для достижения благосостояния австрийских народов. Для легитимации политики императора было важно подчеркнуть, что он является продолжателем дела своих великих предков, поэтому в нарративах о Франце Иосифе I неоднократно упоминается Мария Терезия, Иосиф II и другие правители из дома Габсбургов.

Во-вторых, в век революций и научно-технического прогресса опоры на традицию было недостаточно, в связи с чем на первый план выдвигались таланты Франца Иосифа как политика и управленца, мецената и благоустроителя, а также человека самых современных и прогрессивных взглядов, основателя конституционного государства.

¹¹⁰ Šujan Fr. Učebnice. S. 102.

¹¹¹ Rusch G. Grundriss. 1898. S. 80.

¹¹² Rusch G. Grundriss. 1918. S. 105.

¹¹³ В качестве примера такого канона см.: Frank J. Einzelne Züge aus dem Leben und Wirken der Habsburgischen und Habsburg-Lothringischen Herrscher // Jahresbericht über das k. k. akademische Gymnasium in Wien während des Schuljahres 1853–54. Wien, 1854. S. 3–14.

¹¹⁴ О концепции благочестия дома Габсбургов *pietas Austriaca* на английском языке см. подробнее, например: Schulze Wessel 2011: 347.

В-третьих, образ императора создавался в соответствии с культом военных, царившим в габсбургском обществе в тот период: акцентировались военные таланты императора и его любовь к военному делу, регулярное присутствие на маневрах и смотрах войск. Внешний облик императора на иллюстрациях в учебниках — всегда в мундире и с наградами — определял его как военного героя, что должно было вызывать у школьников симпатию, уважение и гордость своим императором — главным защитником отечества и их самих.

В-четвертых, для характеристики императора использовались общечеловеческие морально-нравственные ценности: проявление таких качеств, как доброта, великодушие, гуманность, щедрость, любовь и забота о ближних, в лице императора достигало невероятного размаха. Также образу Франца Иосифа придавался ряд стереотипных черт, традиционно приписываемых немцам и ряду других национальностей — особенное трудолюбие, пунктуальность, дисциплинированность, ответственность, чувство долга. Такие черты государя давали ощущение надежности, стабильности, уверенности в завтрашнем дне. Кроме того, с помощью этих характеристик достигалась и воспитательная цель школьного образования: император служил образцом для подражания школьникам и всем прочим гражданам, о чем прямо заявлялось в тексте учебников.

В-пятых, использовались приемы, которые делали недостижимо высокую персону императора психологически ближе и роднее учащимся габсбургских школ. Неоднократно подчеркивалась простота императора в обиходе и в общении с людьми любого ранга. Трогательные детали семейной жизни и горестная утрата государем самых близких людей были понятны всем школьникам и вызывали сострадание к почти безупречному человеку, вынужденному безвинно подвергаться тяжелым испытаниям. Этот аспект образа Франца Иосифа существенно подкреплялся обширной художественной литературой для юношества, содержавшей множество подробностей и анекдотов (поучительных историй) из жизни императора¹¹⁵.

Важно отметить, что школьникам не просто внушали, что Франц Иосиф I — очень мудрый государь и самый лучший человек, а потому самый легитимный правитель, которого следует непременно любить и слушаться, но еще и предписывали, какие чувства следует

¹¹⁵ Unowsky 2005: 129–132.

испытывать и какие действия предпринимать для выполнения своего гражданского и человеческого долга. Более того, им поясняли, как следует правильно проявлять свою любовь и преданность: описание в учебниках имперских празднеств свидетельствует о том, что последние служили форумом для проявления *Kaisertreue*. Школьникам твердо внушалась мысль о том, что их отечество и правящий дом Габсбургов — вещи, друг от друга неотделимые, что без Габсбургов не может быть Австрии.

Известно, что особенностью гражданско-патриотического воспитания в монархии Габсбургов являлась его прочная связь с идеей преданности династии¹¹⁶. Как минимум с середины XIX в. для «пробуждения» в школьниках любви к «дорогому отечеству» использовались образы правителей из дома Габсбургов, воплощавшие идеал доброго государя¹¹⁷. В этой связи результаты данного исследования раскрывают один из аспектов тех мер, которые габсбургское правительство предпринимало для формирования патриотических настроений и лояльности у населения. Школьные учебники по истории и, в частности, содержащиеся в них нарративы о Франце Иосифе I, можно считать эффективным инструментом для достижения указанной цели, поскольку сотни тысяч школьников изучали эти нарративы, часто заучивая наизусть, под бдительным надзором учителей Цислейтании, которых Д. Уновски называет «профессиональными патриотами»¹¹⁸. Эти нарративы, без сомнения, способствовали воспитанию у школьников патриотических чувств и преданности правящему императору и всей династии, а также влияли впоследствии на формирование их политических взглядов и австрийской имперской идентичности.

Таким образом, рассмотренные нарративы из школьных учебников вносят вклад в объяснение феномена устойчивости династического патриотизма у жителей Австро-Венгерской монархии и роста популярности персоны Франца Иосифа I на протяжении нескольких десятилетий до начала Первой мировой войны. Несмотря на то, что этот период был отмечен обострением национальных конфликтов и ростом социальной

¹¹⁶ Cole, Unowsky 2007.

¹¹⁷ См., например: *Frank J. Einzelne Züge aus dem Leben und Wirken der Habsburgischen und Habsburg-Lothringischen Herrscher // Jahresbericht über das k. k. akademische Gymnasium in Wien während des Schuljahres 1853–54. Wien, 1854. S. 3.*

¹¹⁸ Unowsky 2005: 129.

напряженности, национальные элиты, выдвигая различные предложения по поводу политического переустройства дуалистического государства, в целом разделяли идею сохранения многонациональной империи под эгидой дома Габсбургов. Провинциальные элиты использовали образ императора, стремясь добиться политических преимуществ и укрепить собственные позиции. Христианско-социальная партия Карла Люэгера (1844–1910), например, организовывала торжества в честь императора, чтобы продемонстрировать, что австро-германская идентичность совместима с габсбургским патриотизмом. Разумеется, были и радикальные политические фракции, вроде пангерманистов Георга фон Шённера (1842–1921), которые выступали против династического патриотизма, но их идеи были менее успешны и не получили массовой поддержки вплоть до Первой мировой войны. В правление Франца Иосифа потенциальный электорат всех национальных партий, представленных в рейхсрате, добровольно выражал свою преданность императору по всей Цислейтании, молясь за здоровье императора в день его рождения и принимая массовое участие в имперских торжествах. Люди преодолевали большие расстояния, чтобы мельком увидеть лицо императора в проходящем поезде, жертвовали деньги на строительство церквей и финансировали благотворительные организации, названные в честь императора, покупали открытки, кружки, брошюры, портреты, марки по случаю императорских юбилеев¹¹⁹. «Польскость», «чешскость», «немецкость» и т. д. определялась как один из элементов более высокого понятия лояльности императорскому дому, а через него и более широкому «австрийскому» обществу и государству. Династический патриотизм на протяжении нескольких десятилетий помогал сохранять монархию, оказавшуюся под серьезным ударом после событий 1848 г. Его спад стал побочным продуктом тягот и разрушений, вызванных Первой мировой войной, и распадом самой монархии. После смерти Франца Иосифа, разрыв между нарративами об императоре как о живом воплощении «австрийской идеи», творце мира и процветания, гаранте национальных и общественных интересов, и реальностью вызванных войной потрясений оказался слишком велик: фигура почившего Франца Иосифа стала неинтересна большинству живых людей, боровшихся за свое выживание¹²⁰.

¹¹⁹ Ibid, 2005: 184.

¹²⁰ Ibid, 2005: 182.

Литература

- Брандт 1997 — *Брандт Х.-Х.* Франц Иосиф I Австрийский, 1848–1916 // Кайзеры / под ред. А. Шиндлинга, В. Циглера. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. С. 411–477.
- Бут 2022 — *Бут Ю.Е.* Династическая мифология Габсбургов в школьной программе XIX в. // *Imagines mundi: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв.* № 12. Сер. Германика. Вып. 1. Екатеринбург: Издательский отдел УрГПУ, 2022. С. 162–186.
- Бут, Баченина 2022 — *Бут Ю.Е., Баченина В.В.* Воспитатели нации: Вильгельм фон Гизебрехт и Антонин Гиндели // *Imagines mundi: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв.* № 12. Сер. Германика. Вып. 1. Екатеринбург: Издательский отдел УрГПУ, 2022. С. 93–110.
- Савельева, Полетаев 2008 — *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Социальные представления о прошлом, или Знают ли американцы историю. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 456 с.
- Репина (ред.) 2020 — *Прошлое для настоящего: История-память и нарративы национальной идентичности* / под общ. ред. Л. П. Репиной. М.: Аквилон, 2020. 464 с.
- Федорова 2007 — *Федорова Н.Г.* Историческое сознание, историческая память и учебник истории: взаимосвязь и взаимовлияние (к вопросу о формировании социальной идентичности средствами школьного обучения) // *Вестник Чувашского университета.* № 4. 2007. С. 40–46.
- Ферро 2010 — *Ферро М.* Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М.: Книжный клуб 36,6, 2010. 480 с.
- Almasy 2019 — *Almasy K.* Setting the canon, translating the canon. Translations in Slovene school readers and translation policy within the school system of the Habsburg monarchy (1848–1918) // *Chronotopos: A Journal of Translation History.* 2019. № 2. P. 43–62.
- Brandt (Hrsg.) 2014 — *Der österreichische Neoabsolutismus als Verfassungs- und Verwaltungsproblem Diskussionen über einen strittigen Epochenbegriff* Herausgegeben / hrsg. von H.-H. Brandt. Wien: Böhlau Verlag, 2014. 515 S.
- Bruckmüller 1996 — *Bruckmüller E.* Nation Österreich: kulturelles Bewußtsein und gesellschaftlich-politische Prozesse. Wien: Böhlau Verlag, 1996. 465 S.
- Bruckmüller 2007 — *Bruckmüller E.* Patriotic and national myths: National consciousness and elementary school education in imperial Austria // *The Limits of loyalty: Imperial symbolism, popular allegiances, and state patriotism in the Late Habsburg Monarchy* / ed. by L. Cole, D. L. Unowsky. New York: Berghahn Books, 2007. P. 12–29.
- But 2022 — *But Yu.* The Austro-Sardinian War (1859) and the Seven Weeks' War (1866) in Habsburg Schoolbooks // *Hungarian Historical Review.* 2022. Vol. 11. № 1. P. 44–70.

- Cohen 2006 — *Cohen G.* The Politics of ethnic survival: Germans in Prague, 1861–1914. 2nd ed. West Lafayette (IN): Purdue University Press, 2006. 332 p.
- Cole 2014 — *Cole L.* Military culture and popular patriotism in late imperial Austria. Oxford: Oxford University Press, 2014. 356 p.
- Cole, Unowsky 2007 — *Cole L., Unowsky D.* Introduction // The Limits of loyalty: Imperial symbolism, popular allegiances, and state patriotism in the late Habsburg monarchy / ed. by L. Cole, D. L. Unowsky. New York: Berghahn Books, 2007. P. 1–10.
- Cvrček 2020 — *Cvrček T.* Schooling under control: The Origins of public education in imperial Austria 1769–1869. Tübingen: Mohr Siebeck, 2020. 312 p.
- Dredger 2017 — *Dredger J. A.* Tactics and procurement in the Habsburg military, 1866–1918. London: Palgrave Macmillan, 2017. 303 p.
- Fichtner 1997 — *Fichtner P. S.* The Habsburg Empire: From dynasticism to multinationalism. Malabar, FL: Krieger Publishing Company, 1997. 224 p.
- Fischer-Galati 1963 — *Fischer-Galati S.* Nationalism and Kaisertreue // Slavic Review. 1963. Vol. 22. № 1. P. 31–36.
- Habsburg 2016 — *Habsburg K., von.* Vorwort // Kurier-History: Das österreichische Geschichtsmagazin. 2016. № 1. S. 6–7.
- Hofeneder, Surman 2018 — *Hofeneder P., Surman J.* Wissen übersetzen: Schulbücher in der Habsburgermonarchie als Gegenstand translationswissenschaftlicher Forschung // Lehrbücher für den Geschichtsunterricht in Galizien / hrsg. von B. Dybaś, I. Kačkolewski. Wien: Polnische Akademie der Wissenschaften, Wissenschaftliches Zentrum in Wien, 2018. S. 142–159.
- Ingrao 2000 — *Ingrao Ch.* The Habsburg monarchy, 1618–1815. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 268 p.
- Judson 2016 — *Judson P. M.* The Habsburg Empire: A new history. Cambridge, Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press, 2016. 567 p.
- Judson 2006 — *Judson P. M.* Guardians of the nation: Activists on the language frontiers of imperial Austria. Cambridge: Harvard University Press, 2006. 313 p.
- King 2018 — *King J.* Budweisers into Czechs and Germans: A local history of Bohemian politics, 1848–1948. Princeton: Princeton University Press, 2002. 284 p.
- Lackey 1995 — *Lackey S. W.* The Rebirth of the Habsburg army. Friedrich Beck and the rise of the General Staff. London: Greenwood Press, 1995. 272 p.
- Lehning 1995 — *Lehning J. R.* Peasant and French: Cultural contact in rural France during the nineteenth century. New York: Cambridge University Press, 1995. 239 p.
- Markus 2016 — *Markus G.* Vor 100 Jahren starb Kaiser Franz Joseph I // Kurier-History: Das österreichische Geschichtsmagazin. 2016. № 1. S. 3.
- Mitchell 2018 — *Mitchell, A. W.* The Grand strategy of the Habsburg Empire. Princeton: Princeton University Press, 2018. 416 p.

- Moore 2020 — *Moore S.O.* Teaching the empire: Education and state loyalty in late Habsburg Austria. West Lafayette: Purdue University Press, 2020. 294 p.
- Puttkamer 2008 — *Puttkamer J., von.* Framework of modernization: Government legislation and regulations on schooling in Transylvania 1780–1914 // Cultural dimensions of elite formation in Transylvania (1770–1950) / ed. by V. Karády, B. Z. Török. Cluj-Napoca: Ethnocultural Diversity Resource Centre, 2008. P. 15–23.
- Puttkamer 2003 — *Puttkamer J., von.* Schulalltag und nationale Integration in Ungarn: Slowaken, Rumänen und Siebenbürger Sachsen in der Auseinandersetzung mit der ungarischen Staatsidee 1867–1914. München: R. Oldenbourg Verlag, 2003. 531 S.
- Rozenblit 2001 — *Rozenblit M.L.* Reconstructing a national identity: The Jews of Habsburg Austria during World War I. New York: Oxford University Press, 2001. 272 p.
- Schulze Wessel 2011 — *Schulze Wessel M.* Religion, politics and the limits of imperial integration. Comparing the Habsburg monarchy and the Russian empire // Comparing empires. Encounters and transfers in the long nineteenth century / ed. by J. Leonhard, U. von Hirschhausen. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2011. P. 337–358.
- Sugar 1963 — *Sugar P.F.* The Nature of the non-Germanic societies under Habsburg rule // Slavic Review. 1963. Vol. 22. № 1. P. 1–30.
- Tanner 1993 — *Tanner M.* The Last descendant of Aeneas. The Habsburgs and the mythic image of the emperor. New Heaven, London: Yale University Press, 1993. 333 p.
- Taylor 1990 — *Taylor A.J.P.* The Habsburg monarchy, 1809–1918. London: Penguin UK, 1990. 304 p.
- Unowsky 2005 — *Unowsky D.L.* The Pomp and politics of patriotism: Imperial celebrations in Habsburg Austria, 1848–1916. West Lafayette: Purdue University Press, 2005. xiii+263 p.
- Weber 2010 — *Weber C.* Camillo Cavour in den Schulbüchern des liberalen Italien: nationale Selbstdarstellung im Geschichtsunterricht zwischen Risorgimento und Faschismus. Frankfurt am Main: Lang, 2010. 427 S.
- Wheatcroft 1995 — *Wheatcroft A.* The Habsburgs. Embodying empire. London: Viking, 1995. 384 p.
- Zahra 2008 — *Zahra T.* Kidnapped souls: National indifference and the battle for children in the Bohemian lands, 1900–1948. Ithaca: Cornell University Press, 2008. 279 p.

References

- Almasy, K., 2019. Setting the canon, translating the canon. Translations in Slovene school readers and translation policy within the school system of the

- Habsburg monarchy (1848–1918). *Chronotopos: A Journal of Translation History*, 2, pp. 43–62. (In Rus.)
- Brandt, H. H., 1997. Frants Iosif I Avstriiskii, 1848–1916 [Francis Joseph I of Austria]. In: Schindling A., Ziegler W., eds. *Kaizery* [Emperors]. Rostov-on-Don: “Feniks”, pp. 411–477. (In Rus.)
- Brandt, H.-H., ed., 2014. *Der österreichische Neoabsolutismus als Verfassungs- und Verwaltungsproblem Diskussionen über einen strittigen Epochenbegriff Herausgegeben*. Wien: Böhlau Verlag, 515 p.
- Bruckmüller, E., 1996. *Nation Österreich: kulturelles Bewußtsein und gesellschaftlich-politische Prozesse*. Wien: Böhlau Verlag, 465 p.
- Bruckmüller, E., 2007. Patriotic and national myths: National consciousness and elementary school education in imperial Austria. In: Cole L., Unowsky D. L., eds. *The Limits of loyalty: Imperial symbolism, popular allegiances, and state patriotism in the late Habsburg Monarchy*. New York: Berghahn Books, pp. 12–29.
- But, Iu.E., 2022. Dinsticheskaia mifologija Gabsburgov v shkol'noi programme 19 v. [The dynastic mythology of Habsburgs in the school curriculum of the nineteenth century]. *Imagines mundi: al'manakh issledovanii vseobshchei istorii 16–20 vv.* 2022, 1(12). Ekaterinburg: Izdatel'skii otdel UrGPU, pp. 162–186. (In Rus.)
- But, Iu.E., Bachenina V.V., 2022. Vospitateli natsii: Wilhelm von Gisebrecht i Antonin Gindey [Educators of a nation: Wilhelm von Gisebrecht and Antonin Gindely]. *Imagines mundi: al'manakh issledovanii vseobshchei istorii 16–20 vv.* 2022, 1 (12). Ekaterinburg: Izdatel'skii otdel UrGPU, pp. 93–110. (In Rus.)
- But, Yu., 2022. The Austro-Sardinian War (1859) and the Seven Weeks' War (1866) in Habsburg Schoolbooks. *Hungarian Historical Review*, 11, 1, pp. 44–70.
- Cohen, G., 2006. *The politics of ethnic survival: Germans in Prague, 1861–1914*. 2nd ed. West Lafayette, IN: Purdue University Press, 332 p.
- Cole, L., 2014. *Military culture and popular patriotism in late imperial Austria*. Oxford: Oxford University Press, 356 p.
- Cole, L., Unowsky, D., 2007. Introduction. In: Cole L., Unowsky D. L., eds. *The Limits of loyalty: imperial symbolism, popular allegiances, and state patriotism in the late Habsburg Monarchy*. New York: Berghahn Books, pp. 1–10.
- Cvrček, T., 2020. *Schooling under control: The origins of public education in imperial Austria 1769–1869*. Tübingen: Mohr Siebeck, 312 p.
- Dredger, J. A., 2017. *Tactics and procurement in the Habsburg military, 1866–1918*. London: Palgrave Macmillan, 2017, 303 p.
- Fedorova, N. G., 2007. Istoricheskoe soznanie, istoricheskaia pamiat' i uchebnik istorii: vzaimosviaz' i vzaimovliianie (k voprosu o formirovanii sotsial'noi identichnosti sredstvami shkol'nogo obucheniia) [Historical consciousness, historical memory and a history textbook: interconnection and

- mutual influence (to the question of the social identity development by means of school education)]. *Vestnik Chuvashskogo Universiteta*, 4, pp. 40–46. (In Rus.)
- Ferro, M., 2010. *Kak rasskazyvaiut istoriiu detiam v raznykh stranakh mira* [The use and abuse of history: Or how the past is taught to children]. Moscow: Knizhnyi klub 36,6, 480 p. (In Rus.)
- Fichtner, P.S., 1997. *The Habsburg Empire: From dynasticism to multinationalism*. Malaber, FL: Krieger Publishing Company, 224 p.
- Fischer-Galati, S., 1963. Nationalism and Kaisertréue. *Slavic Review*, 22, 1, pp. 31–36.
- Habsburg, K., von, 2016. Vorwort. *Kurier-History: Das österreichische Geschichtsmagazin*, 1, pp. 6–7.
- Hofeneder, P., Surman, J., 2018. Wissen übersetzen: Schulbücher in der Habsburgermonarchie als Gegenstand translationswissenschaftlicher Forschung. In: Dybaś, B., Kałolewski, I., eds. *Lehrbücher für den Geschichtsunterricht in Galizien*. Wien: Polnische Akademie der Wissenschaften, Wissenschaftliches Zentrum in Wien, pp. 142–159.
- Ingrao, Ch., 2000. *The Habsburg monarchy, 1618–1815*. Cambridge: Cambridge University Press, 268 p.
- Judson, P.M., 2006. *Guardians of the nation: Activists on the language frontiers of imperial Austria*. Cambridge: Harvard University Press, 313 p.
- Judson, P.M., 2016. *The Habsburg Empire: A new history*. Cambridge, Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press, 567 p.
- King, J., 2018. *Budweisers into Czechs and Germans: A local history of Bohemian politics, 1848–1948*. Princeton: Princeton University Press, 284 p.
- Lackey, S. W., 1995. *The rebirth of the Habsburg army. Friedrich Beck and the rise of the General Staff*. London: Greenwood Press, 272 p.
- Lehning, J. R., 1995. *Peasant and French: Cultural contact in rural France during the nineteenth century*. New York: Cambridge University Press, 239 p.
- Markus, G., 2016. Vor 100 Jahren starb Kaiser Franz Joseph I. *Kurier-History: Das österreichische Geschichtsmagazin*, 1, p. 3.
- Mitchell, A. W., 2018. *The grand strategy of the Habsburg Empire*. Princeton: Princeton University Press, 416 p.
- Moore, S. O., 2020. *Teaching the empire: Education and state loyalty in late Habsburg Austria*. West Lafayette: Purdue University Press, 294 p.
- Puttkamer, J., von., 2003. *Schulalltag und nationale Integration in Ungarn: Slowaken, Rumänen und Siebenbürger Sachsen in der Auseinandersetzung mit der ungarischen Staatsidee 1867–1914*. München: R. Oldenbourg Verlag, 531 p.
- Puttkamer, J., von., 2008. Framework of modernization: Government legislation and regulations on schooling in Transylvania 1780–1914. In: Karády, V., Török, B. Z., eds. *Cultural dimensions of elite formation in Transylvania (1770–1950)*. Cluj-Napoca: Ethnocultural Diversity Resource Centre, pp. 15–23.

- Repina, L., ed., 2020. *Proshloe dlia nastoiashchego: Istoriia-pamiat' i narrativy natsional'noi identichnosti* [The past for the present: History / memory and narratives of national identity]. Moscow: Aquilo, 464 p. (In Rus.)
- Rozenblit, M. L., 2001. *Reconstructing a national identity: The Jews of Habsburg Austria during World War I*. New York: Oxford University Press, 272 p.
- Savel'eva, I. M., Poletaev, A. V., 2008. *Sotsial'nye predstavleniia o proshlom, ili Znaiut li amerikantsy istoriiu* [Social ideas about the past, or do Americans know history]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 456 p. (In Rus.)
- Schulze Wessel, M., 2011. Religion, politics and the limits of imperial integration. Comparing the Habsburg Monarchy and the Russian Empire. In: Leonhard, J., Hirschhausen, U., von, eds. *Comparing empires. Encounters and transfers in the long nineteenth century*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, pp. 337–358.
- Sugar, P. F., 1963. The nature of the non-Germanic societies under Habsburg rule. *Slavic Review*, 22, 1, pp. 1–30.
- Tanner, M., 1993. *The last descendant of Aeneas. The Habsburgs and the mythic image of the emperor*. New Heaven, London: Yale University Press, 333 p.
- Taylor, A. J. P., 1990. *The Habsburg monarchy, 1809–1918*. London: Penguin UK, 304 p.
- Unowsky, D. L., 2005. *The pomp and politics of patriotism: Imperial celebrations in Habsburg Austria, 1848–1916*. West Lafayette: Purdue University Press, xiii+263 p.
- Weber, C., 2010. *Camillo Cavour in den Schulbüchern des liberalen Italiens: nationale Selbstdarstellung im Geschichtsunterricht zwischen Risorgimento und Faschismus*. Frankfurt am Main: Lang, 427 p.
- Wheatcroft, A., 1995. *The Habsburgs. Embodying empire*. London: Viking, 384 p.
- Zahra, T., 2008. *Kidnapped souls: National indifference and the battle for children in the Bohemian Lands, 1900–1948*. Ithaca: Cornell University Press, 279 p.

Julija E. But

PhD, Associate Professor, Department "History Faculty", Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia. 620075, Prospekt Lenina, 51. E-mail: j.e.komleva@urfu.ru, komleva79@mail.ru

A Perfect Monarch: The Image of Francis Joseph I in Textbooks for Habsburg Schools

The extraordinary popularity of Emperor Francis Joseph I among the population of Austria-Hungary and the phenomenon of sustainable loyalty to the ruling dynasty of Habsburgs still remain on the immediate research agenda of historians today. The development of these phenomena was strongly contributed to by the Habsburg government politics on the patriotic education of school youth and promotion of the Habsburg dynastic myth, an important part of which was the figure of Francis Joseph. This paper is an attempt to reconstruct the idea of Francis Joseph I that was transmitted to hundreds of thousands of students in Cisleithania during their compulsory history classes at school. The history textbooks are well-known to be widely exploited, in a way no other means could match, in order to convey official historical images and relevant political beliefs to young people. For this reason, the history textbooks recommended by the Ministry of Culture and Education between 1880 and 1918 were selected as primary sources for this research. The author maintains that narratives about Francis Joseph in these textbooks have hardly any significant discrepancies either in plot or in ideological concepts and, in fact, they duplicate key thoughts in different languages and different terms. The research resulted in a reconstruction of a peculiar scheme, according to which Habsburg schoolchildren learn about their emperor as a sovereign and a person. According to this scheme, they were also led to believe that all good citizens of Austria-Hungary ought to be emotionally attached and constantly grateful to the emperor; they also ought to admire their wise ruler and regard him, with his perfect human characteristics, as an excellent role model.

Keywords: Austria-Hungary, *Kaisertreue*, patriotic education, loyalty, schooling, schoolbooks, civil education, history classes, Habsburgs, dynastic myth

How to cite: But, Ju.E., 2022 Bezuprechnyi monarkh: obraz Frantsa Iosifa I v uchebnikakh dlia gabsburgskikh shkol. *Tsentral'noevropeiskie issledovaniia*, 2022, 5(14). Moscow: Institut slavianovedeniia RAN; Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, pp. 135–163. doi: 10.31168/2619-0877.2022.5.6.

Виктор Викторович Котов

Независимый исследователь, Москва, Россия.
E-mail: vikvikkot@gmail.com

Образ династии Габсбургов в мышлении чешских националистов в 1860-е — начале 1870-х годов (на примере сокольского движения)

В статье анализируется восприятие чешскими националистами австрийского императора Франца Иосифа I и других представителей династии Габсбургов. Затрагиваемая в ряде работ по чешской политической истории, эта проблема впервые рассматривается на примере периода становления сокольского движения, возникшего на рубеже 1861–1862 гг. Сокольские общества объединяли приверженность чешскому национализму и занятия широко понимаемой гимнастикой. Изучение данной проблемы осуществляется в первую очередь на материале чешской националистической прессы 1860-х — начала 1870-х годов. В работе затрагиваются такие вопросы, как соотношение республиканских и монархических ценностей; связь образа Габсбургов с различными интерпретациями австрийской идеи (надэтническая, многонациональная и германская); балансирование «австрийскости» между положением вторичной идентичности и антиидентичности в мышлении чешских националистов; различные пласты монархизма жителей так называемых чешских земель (традиционный, конституционный и националистический); религиозный характер идеологий австрийского подданства и чешского национализма; отличие образа Габсбургов в мышлении австро-немецких националистов (включая гимнастов-турнеров — конкурентов «соколов»); связь церемонии коронации и концепции чешского исторического государственного права; формы высказывания критики монарха; образы Иосифа II и Фердинанда I. Отдельно рассматриваются ряд событий, послуживших поводом для выражения изменчивых представлений чешских националистов о соответствии династии Габсбургов их интересам, включая визиты в Богемию и Моравию Франца Иосифа I в 1866 и 1868 гг. и его сына и наследника Рудольфа в 1871 г., а также влияние на эти представления заключения Австро-венгерского соглашения в 1867 г. и, наконец, подготовки и провала «Фундаментальных статей» в 1871 г. Представленное исследование подтверждает тезис об изменчивом и многогранном характере образа династии Габсбургов в мышлении чешских националистов и может послужить подспорьем для дальнейшего сравнительного изучения трансформаций множественных лояльностей подданных различных империй «долгого XIX в.».

Ключевые слова: Австро-венгерское соглашение, австрийская идентичность, кронпринц Рудольф, чешский монархизм, чешский национализм, Франц Иосиф I, «Фундаментальные статьи» (1871), политическая лояльность, сокольское движение

Цитирование: *Котов В. В.* Образ династии Габсбургов в мышлении чешских националистов в 1860-е — начале 1870-х годов (на примере сокольского движения) // *Центральноевропейские исследования.* 2022. Вып. 5(14). М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2022. С. 164–194. DOI: 10.31168/2619-0877.2022.5.7.

Сравнение исторических явлений с различными теоретическими моделями представляется действенным способом расширения круга вопросов исследования. Историк Алексей Ильич Миллер подверг критике предложенное философом Эрнестом Геллнером (1925–1995) определение большей части «долгого XIX в.» в Центральной Европе как «эпохи ирредентизма» в том числе в связи с несоответствием этой модели примеру чешского национального движения¹. Известно, что среди представителей последнего лозунг борьбы за государственную независимость не пользовался значительной поддержкой вплоть до начала Первой мировой войны. Позднее подобным образом историк Петер Бугге обратил внимание на несоответствие чешского национализма данному Геллнером определению такого рода движений². Философ связывал национальные движения с удовлетворением от осуществления националистического принципа или с негодованием от его нарушения. Этот принцип заключался в том, что «этнические границы не должны пересекаться с политическими и <...> отделять власть имущих от остальных людей»³. Одним из государств, устройство которых воспринималось многими людьми XIX в. как нарушающее этот принцип, была монархия Габсбургов. При этом образ правящей династии в мышлении представителей различных центральноевропейских национальных движений, включая чешское, носил изменчивый и многогранный, а не устойчиво негативный и однозначный характер.

1860-е годы стали началом нового, более массового периода развития чешского национального движения. Одним из проявлений перемен было возникновение множества чешских добровольных

¹ Миллер 1994: 9; Gellner 1997: 41–43.

² Bugge 2017: 137.

³ Gellner 1983: 1.

объединений, включая общества «Сокол»⁴. Эти организации объединяли приверженность чешскому национализму и занятия широко понимаемой гимнастикой. Образцом для гимнастов-«соколов» послужило немецкое турнерское движение, также сочетавшее политическую и спортивную деятельность.

Осенью 1861 г. в столице Богемии началась подготовка к созданию «Пражского гимнастического общества»⁵. 16 февраля 1862 г. в его учредительном общем собрании участвовало 75 человек⁶. К концу 1871 г. общее число сокольских обществ в Богемии и Моравии превысило 120, а количество их членов составляло более 10 000 человек⁷. Накануне Первой мировой войны в Чешский сокольский союз входило уже более 1100 организаций (в том числе из Австрийской Силезии и Нижней Австрии), в которых состояло более 120 000 человек (включая женщин-«соколок»)⁸. Еще большей массовости сокольство достигло в последующий период. Оно стало одним из наиболее значимых факторов чешской истории второй половины XIX — первой половины XX в. Исследование этого фактора представляется важным звеном в изучении процессов появления и стабилизации современных чешской культуры и чешской (чехословацкой) государственности. Общий объем работ на данную тему позволяет говорить о существовании «сокологии» как научной интердисциплины⁹.

Члены «Пражского Сокола» и возникших по его образцу других чешских националистических гимнастических обществ составляли единое сокольское движение и разделяли общую сокольскую культуру. Основные элементы последней возникли или были задуманы именно в 1861–1871 гг.: она включала не только спортивные практики, но и, например, ношение особой формы, обращения «брат» и «ты», использование знамен и др. Возникшая в результате немецко-чешского трансфера сокольская культура затем в свою очередь стала объектом множества подобных заимствований: важным элементом идеологии сокольства была идея славянской взаимности, и поэтому вслед за чешскими националистами это движение вскоре

⁴ Kořalka 1996: 100.

⁵ Позднее — «Пражский Сокол».

⁶ Národní listy. 1862. 20 VII: 2.

⁷ Sokol. 1871. № 9: 74; Ibid. № 23: 185.

⁸ Sokol. 1915. № 9–10: 181.

⁹ См.: Havránková 1996; Jandásek 1936; Kopriva 2017; Nolte 2002; Sak 2012.

привлекло внимание их словенских, польских и других «соплеменников» (в том числе за пределами монархии Габсбургов).

Первое десятилетие истории сокольского движения приходится на период, связанный с достижением чешской культурой нового уровня развития, увеличением числа носителей чешской идентичности и началом замещения чешскими националистическими структурами ряда функций австрийских государственных органов, а также преобразования части последних в чешские структуры. Это своего рода чешское параллельное государство представляло скрытую альтернативу монархии Габсбургов. Оно включало, помимо гимнастических и других добровольных обществ, чешские фракции в земельных сеймах, отдельные муниципальные органы власти, финансируемые ими учебные заведения, а также периодические издания, сберегательные кассы и иные находившиеся в распоряжении чешских националистов коммерческие организации.

История всех этих националистических структур связана не только с распространением ценностей национализма, но и с другими модернизационными процессами, включая секуляризацию, утверждение принципа политического представительства и др. Один из вопросов, возникающих при изучении данных структур и процессов, касается того, как в мышлении чешских националистов сочетались, во-первых, лояльность нации, государству и правящей династии, а во-вторых, республиканские и монархические ценности. Чешский образ династии Габсбургов в «век национализма» затрагивается в обеих чешских научных биографиях императора Франца Иосифа I (1848–1916 г.), написанных историками Отто Урбаном (1938–1996) и Йиржи Пернесом¹⁰, во множестве обобщающих и «сквозных» работ по политической истории так называемых чешских земель XIX в.¹¹, а также в отдельных специальных исследованиях¹². Лояльному спектру чешской мысли габсбургского периода посвящены работы Йиржи Рака¹³. В 2016 г. ряд историков обратились к чешскому образу Габсбургов в связи со

¹⁰ Pernes 2005; Urban 1999.

¹¹ Во второй половине XIX в. уже не существовало особой административной связи между Богемией, Моравией и Австрийской Силезией, анахронично обозначаемых в историографии как «Чешские земли», поэтому в статье этот термин используется в сочетании с определением «так называемые».

¹² Agnew 2007a; Bugge 2017.

¹³ Rak 2013; Rak 2014.

100-летием со дня смерти Франца Иосифа¹⁴. Сокольскому аспекту данной проблемы пока еще не было посвящено отдельных работ. В отличие от публицистов, между исследователями, занимающимися в настоящее время данным вопросом, не ведется публичной дискуссии — объектом критики в их текстах выступают скорее отдельные положения научных теорий национализма (включая вышеупомянутые определения Э. Геллнера) и, в первую очередь, националистического нарратива, оказавшего значительное влияние на историографию XX в. Подобным ревизионистским путем движется развитие исследований образа правящей династии в мышлении жителей других периферийных областей монархии Габсбургов, дополняемое изучением усилий, которые прилагались государством для формирования данного образа¹⁵. Дальнейшая разработка этих связанных проблем представляется вкладом в сравнительное исследование трансформаций множественных лояльностей подданных различных империй «долгого XIX в.»¹⁶.

Функцию «несущей стены» чешской националистической культуры изучаемого периода выполняли газеты, включая пражское издание с недвусмысленным названием *Národní listy* («Национальная газета»), начавшее выходить в 1861 г. Последнее послужило основным из задействованных автором исторических источников. В 1867–1869 гг. данная газета также печаталась под названиями *Národní noviny* («Национальная газета») и *Naše listy* («Наша газета») (*de jure* в качестве новых изданий).

Образ мышления чешских националистов и австрийская идея

Сущностной характеристикой чешского сокольского движения была приверженность национализму. При этом в рассматриваемый период значительная часть населения Богемии, Моравии и австрийской Силезии еще не воспринимала чешскую, немецкую или какую-либо другую национальную идентичность как главную и даже свою. Относительно широко были распространены переключения с одной национальной идентичности на другую. Возникновение

¹⁴ Hanuš 2016; Hlavačka 2017; Pernes 2017; Pešek 2016.

¹⁵ Judson 2016: 233–237; Unowsky 2005. Также см. статью Юлии Евгеньевны Бут в данном выпуске.

¹⁶ Osterkamp, Schulze Wessel 2016: 563–570.

сокольства совпало с периодом острой борьбы за сознание людей, характерной для всего центральноевропейского региона¹⁷. Постепенное устранение текучести идентичности означало все более широкое распространение чешского и немецкого националистического мышления. Это мышление строилось на таких взаимосвязанных принципах, как историзм, органицизм, прогрессизм, эгалитаризм, владение общим набором символов и тотальность.

В случае национализма тотальность означает восприятие своей нации как наивысшей ценности, исходя из которой должны были совершаться все умозаключения и действия. Владимир Израилевич Фрейдзон (1922–2004) писал применительно к Центральной Европе XIX в. о «созревании новой системы ценностей, в центре которой находились национальные интересы»¹⁸. Свидетельством распространения этого принципа может служить речь, произнесенная в марте 1865 г. одним из основателей сокольского движения, Мирославом Тыршем (1832–1884), в которой он обозначил императив, повторявшийся затем во множестве его выступлений и текстов: «Пусть все наши искренние стремления будут посвящены не самим себе, но Родине и нации»¹⁹. Тотальность позволяет определить чешский национализм как политическую религию. Такие религии, писал философ Эрик Фёгелин (1901–1985), принимают за «реальнейшее сущее» не абсолютного Бога, а нечто частное²⁰. Культ чешской нации вел к инструменталистскому отношению ко всем остальным известным идентичностям, включая религиозные (в традиционном понимании), словесные, профессиональные, гендерные и территориальные.

Что касается последних, в качестве элемента чешского националистического мышления изучаемого периода может быть выделена система территориальных идентификационных установок, включавшая вторичные идентичности (земельные, локальные, славянская и франкофильская), антиидентичности (немецкая) и идентичности, выполнявшие обе эти функции (еврейская и австрийская). Двойственное положение австрийской идентичности было связано с одновременным существованием нескольких интерпретаций австрийской идеи. Историк Йиржи Коржалка (1931–2015) выделял ее

¹⁷ Фрейдзон 1999: 82.

¹⁸ Фрейдзон 1999: 40–41.

¹⁹ *Národní listy*. 1865. 28 III: 3.

²⁰ Voegelin 1938: 15–16.

надэтнический, многонациональный и германский варианты²¹. Первый из них, ставивший принадлежность к Австрии над принадлежностью к нации, разделялся рядом государственных служащих и предсказуемо воспринимался чешскими националистами негативно. Примером поддержки чехами второго варианта австрийскости, предполагавшего ее служебную роль относительно многочисленных национальных идентичностей, была концепция австрославизма, заключающаяся в сотрудничестве славянских наций, якобы составлявших в монархии Габсбургов большинство, с целью поставить политику государства на службу совместным интересам. Основная интерпретация данной концепции предусматривала переустройство Австрии в федеративное государство. Известно, что в 1868 г. проект «Союза сокольских обществ» предполагал именно «австрославянский» охват этого объединения²². Также в изучаемый период чешские «соколы» контактировали с рядом представителей различных националистических организаций словенцев²³, хорватов²⁴ и галицийских поляков²⁵. Главные конкуренты «соколов», гимнасты-турнеры, в основном предпочитали германский вариант австрийской идеи, который предполагал интеграцию или союз Австрии с другими немецкими государствами и приоритет немецкой нации. Сравнивая три этих варианта, можно отметить, что многонациональный отличался от остальных тем, что соответствовал федералистскому, а не унитаристскому представлению о государственном устройстве монархии Габсбургов, а надэтнический — тем, что придавал принадлежности к Австрии основное, а не вторичное значение.

Значимость образа немцев как «Других» стала причиной того, что в мышлении чешских националистов надэтнический вариант австрийской идентичности во многом слился с германским. Такое видение позволило связать образ представителей государственной власти с главной чешской антиидентичностью и усилило негативную реакцию «соколов» и их единомышленников на те действия чиновников, которые могли быть интерпретированы как проявления недоверия, неодобрения или несправедливости, например, отказы

²¹ Kořalka 1996: 21, 64.

²² Národní listy. 1868. 12 I: 3.

²³ Národní listy. 1868. 10 V: 3.

²⁴ Národní listy. 1862. 27 X: 1.

²⁵ Národní noviny. 1868. 23 IX: 2.

в утверждении изменений в текстах уставов сокольских обществ²⁶, открытое и тайное наблюдение за деятельностью «соколов»²⁷ и различные судебные процессы²⁸.

Обвинения в нелояльности воспринимались «соколами» и другими чешскими националистами как несправедливые. В качестве испытания верности династии Габсбургов современникам виделась Австро-прусская война 1866 г. Преддверие войны было связано с получившим широкое обсуждение предложением создать чешский добровольческий корпус на базе «Пражского Сокола»²⁹. Отказ принять данное предложение был воспринят чешскими националистами как одно из многих проявлений несправедливого отношения властей к чехам, якобы являвшихся, в отличие от немцев, неоцененными австрийскими патриотами³⁰. В свою очередь в австро-немецкой публицистике периода прусской оккупации Праги чешские гимнасты обвинялись в стремлении служить захватчикам³¹. В феврале 1869 г. испытание войной упоминалось в показаниях пльзеньского «сокола» Йозефа Релиха, выступавшего в качестве обвиняемого на судебном процессе, связанном с дракой в пивной между чешскими и немецкими гимнастами в июне 1868 г. Реагируя на приписываемые ему слова о необходимости «отделения Богемии от Австро-Венгерской империи», он заявил:

Когда вообще чехи стремились к чему-нибудь подобному? Во время прусской оккупации, когда побеждавший враг распространял по всей нашей Родине революционные прокламации, никто на них не откликнулся. Вся чешская нация придерживается программы нашего прославленного Палацкого — общеизвестным является его высказывание: «Если бы Австрии не существовало, мы должны были бы создать ее»³². Будучи верным сыном чешского народа, я никогда бы не отверг программу федеративного устройства Австрии!³³

²⁶ *Národní listy*. 1867. 23 II: 1.

²⁷ *Národní listy*. 1868. 13 I: 2.

²⁸ *Národní listy*. 1870. 25 I: 3.

²⁹ *Národní listy*. 1866. 11 V: 1.

³⁰ *Národní listy*. 1866. 25 V: 1.

³¹ *Neue Freie Presse*. 1866. 17 VII: 3.

³² Сокращенная цитата из письма историка и политика Франтишека Палацкого (1798–1876) «Комитету 50-ти» Франкфуртского предварительного парламента от 11 апреля 1848 г.

³³ *Naše listy*. 1869. 10 II: 2.

Хотя эти лояльные заявления можно интерпретировать как следствие влияния адвоката и того, что обвинение запрашивало для Й. Релиха 12-летний тюремный срок за измену родине, они также опирались на австрийский патриотизм как одну из идентификационных установок чешских националистов. Событием, способным ослабить влияние такого рода идей, стало Австро-венгерское соглашение 1867 г., воспринимавшееся чешскими националистами как неприемлемый немецко-венгерский сговор. Например, в столице Моравии Брно правление местного «Сокола» в ходе одного из судебных разбирательств отказалось от подачи апелляции в суд высшей инстанции в Вене. Причиной было то, что обращение в этот орган означало бы признание Моравии землей, не обладавшей особой связью с Богемией и Силезией, и являвшейся лишь одной из многих частей Цислейтании, то есть немецкой половины Австро-Венгрии³⁴.

Противоречивое сочетание чешских про- и антиавстрийской идентификационных установок отражалось в том числе в сфере символического. Образ монарха был, вероятно, единственной репрезентацией Австрии, которая регулярно задействовалась в акциях и текстах чешских националистов. При этом ряд элементов сокольской культуры имел антиавстрийскую направленность, например, почитание участников восстания чешских сословий в 1618–1620 гг.³⁵ Кроме того, «соколы» задействовали образ швейцарцев, противостоявших Габсбургам в Средние века. М. Тырш упоминал в одной из своих статей битвы при Моргартене (1315 г.) и Земпахе (1386 г.) как примеры силы духа, которым должны были следовать «соколы»³⁶. Также известно, что первый староста «Пражского Сокола», Йиндржих Фигнер (1822–1865), положительно оценивал оперу «Вильгельм Телль» (1829 г.) Джоаккино Россини (1792–1868) как антиавстрийский и демократический манифест³⁷. С увертюры к этой опере началось гимнастическое выступление общества в марте 1865 г.³⁸, а в июле 1869 г.

³⁴ Zpráva výroční tělocvičné jednoty «Sokol» v Brně, přednešená ve valné hromadě dne 26. ledna 1873. Brno, 1873. S. 4–5, см.: MZA. Fond G 106 (Krajský výbor Sokola Brno). Karton 224. № 1. 1873.

³⁵ Národní listy. 1871. 30 VI: 2.

³⁶ Sokol. 1871. № 11. S. 86.

³⁷ *Tyršová R.* Jindřich Fügner: paměti a vzpomínky na mého otce. D. I. Praha: Český čtenář, 1924. S. 73.

³⁸ Národní listy. 1865. 28 III: 3.

постановка этой оперы была приурочена к открытию надгробного памятника Фигнеру³⁹.

Об отношении первого старосты «Пражского Сокола» к монархии и надэтнической австрийскости свидетельствует в том числе его шуточная характеристика своего обучавшегося в Вене племянника, Зденека Хелферта, как «какого-то Габсбурга»⁴⁰. Также известно, что именно Й. Фигнер предложил включить в состав сокольской формы гарибальдийские красные рубашки⁴¹. Учитывая поражения Австрии в Италии, это также воспринималось как проявление нелояльности⁴². При этом характерным является то, что чешская националистическая пресса некоторое время отрицала факт подражания «соколов» образу гарибальдийцев⁴³. Открытой демонстрации антиавстрийских настроений препятствовало, помимо законодательных ограничений, распространение описываемых ниже разнообразных пластов монархических идей. Подобным образом в изучаемый период лидеры «соколов» еще избегали выражений прямой поддержки популярных в их среде антиклерикальных идей и начинавшего формироваться младочешского направления.

В мае 1871 г. немецкое издание *Mährischer Correspondent* («Моравский корреспондент») отметило отсутствие моравских и австрийских флагов у участников шествия в день освящения знамени общества «Сокол» в Брно⁴⁴. Несмотря на использование чешскими националистами антиавстрийских символов, они в свою очередь неоднократно осуждали редкое использование австрийскими турнерами государственного флага и частое — германских черно-красно-золотых цветов, что трактовалось как свидетельство «предательства империи»⁴⁵. Неприемлемость германского варианта австрийскости в целом была важным положением чешской идеологии. Так, в марте 1867 г. М. Тырш высказал надежду на то, что в будущем Австрия станет «австрийской», то есть будет исходить из своих, а не германских

³⁹ Národní listy. 1869. 20 VII: 3.

⁴⁰ *Tyršová R.* Jindřich Fügner: paměti a vzpomínky na mého otce. D. II. Praha: Český čtenář, 1926. S. 49–50.

⁴¹ Sokol. 1873. № 14. S. 111.

⁴² *Červinka V.* U kolébky Sokola. Praha: Šolc a Šimáček, 1920. S. 22.

⁴³ Národní listy. 1862. 11 VI: 2.

⁴⁴ Mährischer Correspondent. 1871: 31 V: 3.

⁴⁵ Moravská orlice. 1869. 10 XII: 2; Ibid. 1871. 29 VII: 2.

интересов⁴⁶. Предметом возмущения «соколов» было название объединения австрийских турнеров, являвшегося частью общегерманской организации «Немецкое турнерство» — «Пятнадцатый край»: мысль о том, что Австрия является лишь одной из областей Германии, была для чешских националистов оскорбительной⁴⁷. Негативным также был чешский националистический образ ряда членов централистских венских правительств второй половины изучаемого десятилетия, например, Карла Гискры (1820–1879): его имя обыграл в своей речи один из ораторов, выступавших на церемонии вручения знамени «Сокола» Брно в 1871 г., заявивший, что братской связи Богемии и Моравии не страшна никакая «искра»⁴⁸.

Три пласта монархических представлений жителей так называемых чешских земель

Сложное взаимодействие австрийской идентичности с чешской националистической идеологией влияло и было подвержено влиянию взаимодействия с этой идеологией образов императора Франца Иосифа и всей династии Габсбургов. Хотя в исследуемый период республиканские ценности все более широко принимались жителями так называемых чешских земель, важным элементом их мышления оставался монархизм, в котором можно выделить несколько переплетенных пластов: традиционный, конституционный и националистический.

Примером влияния традиционного пласта является бал, который «соколы» Пршибрама (Богемия) планировали провести в ноябре 1865 г. в честь именин императрицы Елизаветы (1837–1898), жены Франца Иосифа⁴⁹. В следующем году интерьеры помещения, в котором местные гимнасты организовали концерт, украшал портрет императора⁵⁰. В 1867 г. в честь его сына и наследника, Рудольфа, назовут улицу в Брно⁵¹, на которой в следующем году расположился временный гимнастический зал местного «Сокола»⁵². В 1873 г.

⁴⁶ *Národní listy*. 1867. 26 III: 2.

⁴⁷ *Sokol*. 1871. № 1. S. 10.

⁴⁸ *Národní listy*. 1871. 30 V: 1.

⁴⁹ *Národní listy*. 1865. 31 X: 2.

⁵⁰ *Národní listy*. 1867. 22 I: 3.

⁵¹ *Moravská orlice*. 1867. 17 V: 2.

⁵² *Moravská orlice*. 1868. 1 XI: 3.

это общество переехало на улицу, носившую имя Елизаветы⁵³. В свою очередь в Праге дворец «Жофин» и одноименный остров, где прошел ряд сокольских и других националистических мероприятий, получил название в честь матери Франца Иосифа, эрцгерцогини Софии Баварской (1805–1872)⁵⁴. Другим местом проведения сокольских акций был Стрелецкий остров, путь к которому шел по мосту императора Франца II(I) (1792–1835 гг.)⁵⁵. Именем его супруги Каролины Августы Баварской (1792–1873) было названо пражское предместье Карлин, где в 1867 г. было учреждено одно из сокольских обществ⁵⁶. Наконец, трактир «У эрцгерцога Стефана», где в 1863 г. располагалось временное бюро «Пражского Сокола»⁵⁷, носил имя бывшего богемского наместника Стефана Франца Виктора Габсбурга (1817–1867), являвшегося, как и отец императора, внуком Леопольда II (1790–1792 гг.). Предполагаю, что все эти топонимы, как и, например, идеологизированные школьные учебники, а также изображения монарха на деньгах, могли влиять на мышление жителей Австрии XIX в., в повседневной жизни которых постоянно присутствовал образ правителя, его предшественников и их родственников⁵⁸. Подобным образом в одном из изданных в Брно календарей между уставом местного «Сокола» и списком почтовых отделений было размещено перечисление членов австрийского императорского дома⁵⁹.

Традиционный пласт был связан с ценностями патернализма и имперскости, а также с католичеством, к которому причисляло себя большинство жителей монархии. Образ Франца Иосифа I строился в том числе на представлениях о том, что власть была дана ему «Божьей милостью»⁶⁰. Неслучайно австрийский гимн представлял из себя молитву за императора (и страну)⁶¹, а вышеупомянутые практики традиционного монархизма были распространены среди членов «Сокола»

⁵³ Moravská orlice. 1873. 15 I: 1–2.

⁵⁴ Národní listy. 1862. 6 X: 1.

⁵⁵ Národní listy. 1862. 29 III: 3.

⁵⁶ Národní listy. 1867. 22 I: 2.

⁵⁷ Národní listy. 1863. 3 XI: 3.

⁵⁸ Hlavačka 2017: 26.

⁵⁹ Nejnovější Moravsko-slezský Domácí Přítel. Užitečný Občanský Kalendář na rok obyčejný 1870. Brno: Karel Winiker, 1869. S. 89.

⁶⁰ Allgemeines Reichs-Gesetz- und Regierungsblatt für das Kaiserthum Österreich. Jahrgang 1852. Wien: Kaiserlich-Königliche Hof- und Staatsdruckerei, 1852. S. 1109.

⁶¹ Rak 2013: 106–107.

Пришбрама, руководство которого также отличалось стремлением регулярно взаимодействовать с католической церковью⁶².

Как отмечается в историографии, возникающая в раннее Новое время идеология австрийского подданства обладала чертами религиозного культа⁶³. Согласно Э. Фёгелину, такого рода обожествление правителей западноевропейских государств, рассматриваемое им на примере «Левиафана» Томаса Гоббса (1588–1679), было одним из ранних примеров политических религий, которые дополняли «вечного» Бога государством как «Богом смертным»⁶⁴. Углубление разносторонних секуляризационных процессов в XIX в., включая распространение антиклерикальных идей, а также связанное с этими процессами преобразование чешского национализма в политическую религию (не делавшую акцент на особой связи с Богом), десакрализовали императора.

Помимо традиционного авторитета, монарх воспринимался сквозь призму добровольного ограничения им своей власти и предоставления австрийцам права на представительство. Проявлениями конституционного пласта были проходившие в первой половине 1860-х годов празднования годовщин Октябрьского диплома (изданного императором 20 октября 1860 г.) и Февральского патента (26 февраля 1861 г.). При этом первый из этих документов считался, с оговорками, федералистским, а второй — наоборот, унитаристским. Соответственно, в проходивших в так называемых чешских землях празднованиях годовщин первого из них в большом количестве участвовали чешские националисты, а в годовщинах второго — немецкие, включая турне-ров⁶⁵. 19 октября 1865 г. во время особо масштабного празднования в Праге заложили основание моста имени Франца Иосифа и городского газового завода. Местные чешские гимнасты приняли участие в шествии, организованном в поддержку этих двух инициатив, и отвечали за обеспечение порядка⁶⁶. Вечером пражские «соколы» и члены певческого общества «Глагол» организовали плавание с факелами по Влтаве на месте будущего строительства моста, сопровождавшееся исполнением националистических песен⁶⁷. 20 октября столичные

⁶² *Národní listy*. 1864. 23 VI: 3.

⁶³ *Hlavačka* 2017: 26; *Rak* 2013: 107, 141.

⁶⁴ *Voegelin* 1938: 44–45.

⁶⁵ *Bohemia*. 1863. 3 III: 553.

⁶⁶ *Národní listy*. 1865. 20 X: 2.

⁶⁷ *Ibid.*

гимнасты также участвовали в торжествах в соседнем Смихове⁶⁸, а в различных местных юбилейных мероприятиях — члены 11 других богемских сокольских обществ и их «братья» из моравского Валашске-Мезиржичи⁶⁹ и представители люблянского «Южного Сокола»⁷⁰.

В конце изучаемого десятилетия немецкие националисты, включая турнеров, стали ежегодно праздновать другую дату — 21 декабря, когда была издана «Декабрьская конституция» (1867 г.)⁷¹, тогда как чешские октябрьские празднования прекратились. В целом, однако, конституционный пласт монархизма являлся для многих жителей Богемии и Моравии вторичным относительно националистического, так как политическое представительство воспринималось ими как осуществляемое нациями, а не отдельными гражданами. Так, «соколы» поддерживали кандидатов и избранных политиков, выступавших от имени так называемой Национальной партии. Последние, в свою очередь, оказывали помощь чешским гимнастам, являясь одной из структур вышеупомянутого чешского параллельного государства. Соответственно, националистический образ отдельных представителей органов муниципальной власти мог заметно отличаться от образа земельных и имперских властей. Если сохранение в мышлении чешских и немецких националистов традиционного пласта восприятия монарха свидетельствовало об ограниченности влияния принципа тотальности, то слияние конституционного и националистического пластов — наоборот, о силе этого влияния.

Применительно к чешскому слою последнего пласта значение имело то, что, хотя император Франц Иосиф носил титул короля Богемии, церемония коронации не была проведена. Чешские националисты воспринимали этот факт негативно, поскольку с этим ритуалом была связана идея чешского исторического государственного права. Согласно этой концепции, многовековая чешская государственность являлась национальной, суверенной и непрерывной⁷². На протяжении всего изучаемого периода они надеялись на скорое исправление этого «недостатка»⁷³, разъединявшего Франца Иосифа с чешской нацией

⁶⁸ Národní listy. 1865. 22 X: 3.

⁶⁹ Moravská orlice. 1865. 28 X: 3.

⁷⁰ Národní listy. 1865. 1 XI: 2.

⁷¹ Deutsche Volks-Zeitung (Prag). 1869. 31 XII: 662.

⁷² Velek 2008: 301–304.

⁷³ Hlavačka 2017: 26–27, 34; Rak 2013: 133.

и лишавшего его в глазах тотально мысливших приверженцев новой политической религии легитимности.

В чешских националистических текстах Франц Иосиф чаще определялся именно как король, а не император⁷⁴. Так, в 1870 г. «соколы» Брно заявили о готовности оспаривать запрет на проведение церемонии освящения их знамени во всех инстанциях «вплоть до трона Е. В. чешского короля»⁷⁵. Для чешского движения в Моравии вопрос о коронации имел особое значение, так как эта церемония могла бы компенсировать ослабление административной связи между чешскими землями. В 1871 г. во время все же состоявшегося праздника освящения знамени «Сокола» Брно староста общества, Флориан Зедник, заявил, что единство трех «частей Короны святого Вацлава чтится всеми нами как священные узы, соединяющие нашу нацию с нашим просвещенным правящим родом»⁷⁶. Желая стереть следы этого бывшего единства, немецкие националисты пытались избавиться от слова «королевский» в названиях моравских городов Зноймо и Кийов⁷⁷. При этом они не были настроены против династии: наоборот, в отчетах об общих собраниях и праздниках турнеров значительно чаще, чем в соответствующих материалах о «соколах», встречаются сообщения о тостах и иных выражениях одобрения монарху⁷⁸. Дискуссионным является вопрос о том, в какой мере в различные периоды приверженность чешскому или немецкому национализму означала столкновение лояльности жителей так называемых чешских земель австрийским Габсбургам с симпатиями к соответственно российским Романовым или прусским Гогенцоллернам.

«Соколы» и инструменталистское отношение чешских националистов к династии Габсбургов

Если многогранность чешского националистического образа Габсбургов была связана с влиянием традиционного и конституционного пластов монархических идей, то его изменчивость — с непостоянством

⁷⁴ Rak 2014: 120.

⁷⁵ Moravská orlice. 1870. 8 IV: 2.

⁷⁶ Národní listy. 1871. 30 V: 1.

⁷⁷ Moravská orlice. 1869. 25 XII: 3.

⁷⁸ Bohemia. 1862. 1 III: 499.

представлений о соответствии монарха чешским национальным интересам. Событиями, послужившими поводом для выражения этих изменчивых представлений, стали визиты в Богемию и Моравию Франца Иосифа в 1866 и 1868 г. и его сына Рудольфа (1858–1889) в 1871 г.

Первому с 1858 г. посещению Праги монархом предшествовала Австро-прусская война. Рост патриотических настроений накануне прусского вторжения 1866 г. проявлялся в манифестации лояльности монарху. 7 мая на открытии бюста Й. Фигнера в «соколовне», то есть гимнастическом зале «Пражского Сокола», один из лидеров общества Эдуард Грегр (1827–1907) заявил о готовности «соколов» погибнуть «как только наша Родина и наш король позовут»⁷⁹. 9 мая на заседании правления «Пражского Сокола» обсуждалось обращение М. Тырша по поводу создания добровольческого корпуса, содержащее в том числе следующие восклицания: «Слава нашей Родине! Слава королю! Слава нации!»⁸⁰. Эти отрывки отражают тесное переплетение приверженности монарху и нации. Данная тенденция также проявилась в прошедшем 17 августа 1866 г. в оккупированной прусскими войсками Праге праздничном театральном представлении накануне дня рождения императора: на сцене бюст монарха возвышался над фигурой льва, которого охраняли четыре чешских гимнаста⁸¹.

Поездка Франца Иосифа по чешским землям состоялась уже после завершения проигранной войны. 24 октября 1866 г. столичные «соколы» участвовали во встрече приехавшего из Опавы императора, а 25 октября — в факельном шествии в честь монарха⁸². В гимнастическом обществе обсуждалось приглашение императора в «соколовню» и даже проведение специального публичного выступления⁸³. Согласно газете *Národní listy*, 25 октября Франц Иосиф кратко побеседовал со старостой «Пражского Сокола» Петром Матейем Фишером (1809–1892), «которого он спрашивал о количестве членов и их прилежности

⁷⁹ *Národní listy*. 1866. 8 V: 3.

⁸⁰ Nolte 2002: 76.

⁸¹ *Národní listy*. 1866. 18 VIII: 3; Rak 2013: 144. Лев был изображен на гербе Богемии.

⁸² Havráňková 1996: 36; Jandásek 1936: 42; *Národní listy*. 1866. 25 X: 2; Ibid. 26 X: 1; Rak 2013: 148–149; Sak 2012: 75.

⁸³ Havráňková 1996: 36; Jandásek 1936: 42; *Tyrš M. Statistický přehled jednot Sokolských pro rok 1866*. Praha: B. Stýblo, 1867. S. 9.

в гимнастических занятиях и заверил в том, что «Сокол», построившийся на помосте за святым Георгием⁸⁴, смотрелся чудесно»⁸⁵. Среди встречавших императора в столице Богемии были и турнеры⁸⁶. При этом они не приняли участия в факельном шествии, так как, в отличие от «соколов», чешский муниципалитет не пригласил их⁸⁷. Известные источники не позволяют дать ответ на вопрос о том, было ли это решение политическим. Также во время этой поездки Франца Йосифа встречали турнеры⁸⁸ и «соколы»⁸⁹ ряда других городов.

В августе 1867 г. столичные и провинциальные «соколы» приняли участие в праздновании возвращения в Прагу коронационных регалий Королевства Богемия, эвакуированных в Вену накануне прусского вторжения⁹⁰. Согласно данным историографии, именно чешские националистические структуры определили масштаб и посыл данного мероприятия⁹¹. Пражские турнеры отсутствовали на этом торжестве, что, вероятно, было политическим жестом⁹². Праздничные мероприятия были организованы «соколами» также за пределами Праги⁹³. Изображения короны святого Вацлава как символа чешскости регулярно задействовались чешскими националистами. Так, копия короны венчала навес над камнем, который был положен в основание Национального театра в ходе торжественной церемонии 16 мая 1868 г.⁹⁴ Один из самых массовых, дорогостоящих и обсуждаемых праздников чешских националистов стал также самой многочисленной акцией «соколов» в изучаемый период — в нем приняли участие около 1500 «соколов»⁹⁵. Особое отношение чешских националистов к регалиям Королевства Богемия и негативная реакция на высмеивание этих символов чешскости⁹⁶ контрастировали

⁸⁴ Статуя XIV в., располагавшаяся рядом с собором св. Вита.

⁸⁵ Havránková 1996: 36; Jandásek 1936: 42–43; *Národní listy*. 1866. 27 X: 1.

⁸⁶ *Národní listy*. 1866. 25 X: 2.

⁸⁷ *Bohemia*. 1866. 26 X: 998.

⁸⁸ *Bohemia*. 1866. 22 X: 961.

⁸⁹ *Národní listy*. 1866. 1 XI: 2; Pernes 2005: 165.

⁹⁰ Havránková 1996: 35; Jandásek 1936: 42; *Národní listy*. 1867. 30 VIII: 2; Nolte 2002: 78; Sak 2012: 75.

⁹¹ Agnew 2007b: 332–333.

⁹² *Národní listy*. 1867. 30 VIII: 2.

⁹³ *Tyrš M., Čermák F. Sborník sokolský pro rok 1868*. Praha: Pražský Sokol, 1869. S. 62.

⁹⁴ Agnew 2007a: 93, 95; *Národní listy*. 1868. 17 V: 3.

⁹⁵ *Národní listy*. 1868. 17 V: 3.

⁹⁶ *Moravská orlice*. 1871. 6 I: 3.

с изготовлением в феврале 1871 г. шуточной копии державы германского императора для «шибржинок», то есть маскарада «Пражского Сокола»: яблоко представляло из себя стеклянный шар с пивом, к которому вместо креста был прикреплен прусский полицейский. Этот предмет предназначался для несостоявшейся многофигурной пародии на прошедшую месяцем ранее в Версале церемонию провозглашения Вильгельма I германским императором⁹⁷.

Летом 1868 г. Франц Иосиф I вновь посетил чешские земли, однако в этот раз «Пражский Сокол» демонстративно проигнорировал организованное муниципалитетом открытие моста имени императора (21 июня). Эта перемена настроений части чешских националистов, еще за два года до этого проявлявших подчеркнутую лояльность, была связана с заключением в 1867 г. Австро-венгерского соглашения и коронацией Франца Иосифа I в Буде, совокупно воспринимавшихся как попрание чешского государственного права.

В день приезда монарха «Пражский сокол», а также его «братья» из городского района Мала-Страна и соседнего Карлина посетили освящение знамени общества «Сокол» в Колине (Богемия)⁹⁸. Свою роль в этот момент сыграло то, что за два дня до этого чешские гимнасты приняли решение отказаться от проведения сокольского съезда, не согласившись с требованием полиции ограничить программу мероприятия публичным выступлением⁹⁹. Полное сарказма выступление Э. Грегра на общем собрании общества 19 июня 1868 г. свидетельствует о том, что эта поездка была своеобразной формой протеста¹⁰⁰. Среди лозунгов на фасадах колинских домов был и «Троны падают, нации — бессмертны»¹⁰¹. В литературе отмечается негативное впечатление современников от совпадения дня празднования открытия моста и годовщины казни участников восстания чешских сословий на Староместской площади (21 июня 1621 г.)¹⁰², что также могло повлиять на позицию «соколов».

⁹⁷ *Národní listy*. 1871. 20 II: 1–2.

⁹⁸ Agnew 2007a: 95; Havránková 1996: 36; Jandásek 1936: 43; *Národní listy*. 1868. 22 VI: 2; Sak 2012: 90; *Tyrš M., Čermák F. Sborník sokolský...* S. 54.

⁹⁹ Jandásek 1936: 43.

¹⁰⁰ *Národní listy*. 1868. 20 VI: 3.

¹⁰¹ *Národní listy*. 1868. 22 VI: 2.

¹⁰² Agnew 2007a: 93; Pernes 2005: 176; Rak 2013: 158; Sak 2012: 90; Urban 1999: 117. См. *Národní listy*. 1868. 20 VI: 2.

Символическое значение имело то, что неделей ранее, 13 июля 1868 г., в столице Богемии состоялось факельное шествие в честь 70-летия «отца нации» Ф. Палацкого, организованное при участии «Пражского Сокола»¹⁰³. Масштаб этой демонстрации ставил лидера чешских националистов и монарха на одну плоскость. Подобным образом, согласно воспоминаниям лингвиста Йозефа Зубатого (1855–1931), посещавшего смиховский «Сокол» в первой половине 1870-х годов, молодых членов общества специально готовили к случайной встрече с Палацким: в этой ситуации они должны были приветствовать его тем же способом, какой использовали австрийские военные для выражения почтения императору¹⁰⁴. В 1878 г. Палацкий стал первым человеком не из правящей династии, в честь которого назвали один из пражских мостов¹⁰⁵. Согласно О. Урбану, это воспринималось как проявление нелояльности, так как изначально предполагалось, что это сооружение будет носить имя наследного принца Рудольфа¹⁰⁶. В 1898 г. торжества по поводу 100-летия со дня рождения Палацкого могли противопоставляться празднованию 50-летнего юбилея вступления императора на престол¹⁰⁷. Ряд исследователей отметили связь между чешскими образами Франца Иосифа I, Томаша Гаррига Масарика и других глав Чехословакии и Чехии в XX–XXI вв.¹⁰⁸ При этом подобного рода перенос монархических форм почитания на некоронованных политических лидеров, выступавших в качестве представителей всей чешской нации, начался уже с культа Палацкого.

В июне 1868 г. пражская немецкая газета *Bohemia* («Богемия») назвала неучастие пражских «соколов» в открытии моста имени Франца Иосифа I демонстрацией, а поездку в Колин — отговоркой¹⁰⁹. В венской прессе это событие трактовалось как пример нелояльности прорусских «соколов»¹¹⁰. Можно предположить, что в качестве примера могла выступить подобная акция, организованная месяцем

¹⁰³ Havránková 1996: 36; Národní listy. 1868. 14 VI: 3; Pernes 2005: 175; Urban 1999: 117.

¹⁰⁴ Památník Palackého / ed. F. Konvička. Valašské Meziříčí: Sokolská župa Palackého, 1926. S. 72.

¹⁰⁵ Národní listy. 1878. 22 XI: 2.

¹⁰⁶ Urban 1999: 142.

¹⁰⁷ Unowsky 2005: 176.

¹⁰⁸ Hlavačka 2017: 35–36; Rak 2013: 415–418.

¹⁰⁹ Bohemia. 1868. 24 VI: 1943.

¹¹⁰ Die Debatte. 1868. 21 VI: 2.

ранее немецкими националистами, уехавшими в день закладки камня в основание чешского Национального театра (16 мая) из Праги в Литомержице, расположенное в преимущественно немецкой части Богемии¹¹¹. В июне пражские турнеры, наоборот, приняли участие в открытии моста¹¹². Согласно данным газет, изначальный план мероприятия 21 июня и отмененной впоследствии встречи императора 20 июня предполагал участие как чешских, так и немецких гимнастов¹¹³. 23 июня Франц Иосиф I посетил Литомержице, где его также приветствовали местные турнеры¹¹⁴. Что касается провинциальных «соколов», программа поездки императора была слишком короткой, чтобы они могли поддержать или отвергнуть протест пражских обществ. Демонстративное игнорирование визита монарха в 1868 г. и присвоение празднования возвращения коронационных регалий в 1867 г. представляли две формы инструментализации монархических мероприятий чешскими националистами¹¹⁵, которые также задействовались представителями других австрийских национальных и иных политических движений¹¹⁶.

В августе 1868 г. часть депутатов Богемского сейма подписала меморандум, известный под названием «Государственно-правовая декларация». На основе программы исторического государственного права в нем обосновывалась тактика пассивной оппозиции, то есть бойкота чешскими политиками заседаний сейма и Рейхсрата, созданных Францем Иосифом I¹¹⁷. Согласие с этим решением выразили в телеграммах представители семи сокольских обществ¹¹⁸. В свою очередь члены «Сокола» Брно поддерживали чешских депутатов моравского сейма, также подписавших подобный меморандум¹¹⁹.

Протестные акции 1868 г. не означали конца веры в монархию. Так, после избрания депутатом Богемского сейма в сентябре 1869 г. М. Тырш заявил: «Мы не хотим ни гибели нашего светлейшего государя, ни нашей дорогой Родины, мы хотим, чтобы Корона святого

¹¹¹ *Národní listy*. 1868. 21 V: 6.

¹¹² *Bohemia*. 1868. 22 VI: 1927.

¹¹³ *Bohemia*. 1868. 18 VI: 1883; *Ibid.* 20 VI: 1904.

¹¹⁴ *Bohemia*. 1868. 25 VI: 1959.

¹¹⁵ Agnew 2007b: 332–334.

¹¹⁶ Unowsky 2005: 177, 180–181, 183–184.

¹¹⁷ *Národní noviny*. 1868. 23 VIII: 1.

¹¹⁸ *Národní noviny*. 1868. 24 VIII: 1.

¹¹⁹ *Moravská orlice*. 1869. 6 I: 2.

Вацлава засияла новым блеском на его челе»¹²⁰. В этом типичном для чешских националистов выступлении требование перемен выразилось посредством апелляции к прошлому, а нелояльность правительству — посредством лояльности назначившему его монарху¹²¹. Характерными в этом отношении являются и судебные показания вышеупомянутого пльзеньского «сокола» Й. Релиха, данные им в том же году. Ему приписывались различные антиавстрийские высказывания, включая фразы о том, что Богемии необходимы собственный король и независимость¹²². Релих утверждал, что «имел в виду такую самостоятельность, которой обладает в настоящий момент Венгерское королевство»¹²³.

В 1871 г. действия правительства Карла Зигмунда фон Гогенварта (1824–1899) воспринимались как шаги именно в этом направлении. В июне-июле Моравию и Богемию посетил наследный принц Рудольф. «Соколы» Брно планировали присоединиться к праздничному выступлению чешских певческих обществ, однако им не было позволено это сделать¹²⁴. Газета *Národní listy* призывала не придавать политического значения этой поездке 13-летнего юноши и прозорливо отмечала, что не имеет смысла заранее праздновать казавшееся близким достижение компромисса между Прагой и Веной¹²⁵. С этой позицией было, вероятно, связано решение «Пражского Сокола», «Глагола» и ряда других националистических организаций не участвовать в торжественных мероприятиях, организованных муниципальными властями¹²⁶. В них, однако, приняли участие пражские турнеры¹²⁷.

Сигналы пражских лидеров о необходимости сдерживать энтузиазм не были достаточно отчетливыми для считывания на провинциальном уровне чешской националистической организационной сети. Помимо традиционного монархизма, свою роль играло и отсутствие пятен на репутации юного кронпринца. Значимыми

¹²⁰ *Národní listy*. 1869. 1 X: 2. Своим мандатом, в соответствии с «Декларацией», М. Тырш не воспользовался.

¹²¹ *Ср. Rak* 2013: 132, 152.

¹²² *Naše listy*. 1869. 9 II: 2.

¹²³ *Naše listy*. 1869. 10 II: 2.

¹²⁴ *Moravská orlice*. 1871. 2 VII: 2.

¹²⁵ *Národní listy*. 1871. 12 VII: 1.

¹²⁶ *Opavský Týdenník*. 1871. № 29: 231.

¹²⁷ *Národní listy*. 1871. 12 VII: 2.

обстоятельствами также могли быть отмечавшиеся в историографии в связи с визитами монарха любопытство и тяга к зрелищам¹²⁸. В итоге в журналистских отчетах о поездках Рудольфа по различным городам Богемии встречается множество сообщений о его встречах с «соколами»: от *de jure* не входившего в состав Праги Смихова¹²⁹ до Ческе-Будейовице¹³⁰.

Визит Рудольфа был связан со встречей с его двоюродным дедом, императором Фердинандом I (1835–1848 гг.), отказавшимся в 1848 г. от престола¹³¹. Отношение чешских националистов к предшественникам Франца Иосифа во многом зависело от того, были ли они коронованы. Так, в июне 1869 г. священник Йозеф Каспер (1817–1886) начал речь, открывшую церемонию освящения знамени «Сокола» города Рокицаны (Богемия), с прославления Фердинанда Доброго, на которого корона святого Вацлава была возложена в 1836 г. Бывший правитель, также, как и его племянник, обычно назывался националистами королем, а не императором. Каспер отмечал факт проживания Фердинанда I в Богемии и идеализировано описывал его действия в 1848 г. как добровольное предоставление нациям всех прав, включая права на представительство¹³². Ранее, в октябре 1867 г., на вокзале Млада-Болеслава (Богемия) местные «соколы» приняли участие в торжественной встрече поезда, на котором Фердинанд I ехал из своей летней резиденции Рейхштадт в Прагу¹³³.

Иным было отношение к двоюродному деду Фердинанда I, императору Иосифу II (1765/1780–1790 гг.). Некоронованный чешский король ассоциировался с «противоестественной» германизацией¹³⁴. В августе 1869 г. в моравской деревне Славиковице прошел праздник, организованный в честь столетия со дня легендарного посещения этой местности Иосифом II, который вспахал часть поля. Чешское сатирическое издание *Humoristické listy* («Юмористическая газета») опубликовало в связи с этим песню, в которой утверждалось,

¹²⁸ Rak 2013: 160–161, 187; Urban 1999: 277.

¹²⁹ Opavský Týdenník. 1871. № 29: 231.

¹³⁰ Bohemia. 1871. 23 VII: 2644.

¹³¹ Národní listy. 1871. 12 VII: 1.

¹³² Národní listy. 1869. 8 VI: 2.

¹³³ Boleslavan. 1867. 11 X: 165. Об отношении чешских националистов к Фердинанду после его отречения см. Rak 2013: 187–203.

¹³⁴ Rak 2013: 18, 169.

что немецкие политики якобы приглашали и «храбрых соколов», однако в итоге там присутствовали лишь те, кто «вопит “*Gut Heil!*”»¹³⁵, то есть турнеры¹³⁶.

В конце концов Франц Иосиф I последовал именно примеру Иосифа II, а не Фердинанда I, и коронация, как и подписание «Фундаментальных статей», то есть проекта австро-богемского соглашения, не состоялась. Проявления разочарования и гнева чешских националистов сдерживались не только силой влияния традиционного пласта монархических идей, но также опасностью судебного преследования, ведь Декабрьская конституция 1867 г. гласила, что «особа императора священна, неприкосновенна и безответственна»¹³⁷. Своеобразной скрытой формой протеста была массовая покупка и демонстрация отдельного издания послания Франца Иосифа Богемскому сейму от 12 сентября 1871 г., в котором он обещал короноваться¹³⁸. Издатель Ян Станислав Скрейшовский разместил немаркированную рекламу этой репродукции в журнале *Vlast'* («Родина»), где она рекомендовалась в том числе и «соколам»¹³⁹. Этот призыв, вероятно, достиг своей цели: послание императора хранится в архиве «Пражского Сокола»¹⁴⁰. В этом же издательстве несдержанное сентябрьское обещание монарха и его послание от 30 октября, воспринимавшееся как отречение от первого, вышли в виде туалетной бумаги¹⁴¹, а в *Národní listy* была размещена набранная нестандартно крупным шрифтом реклама исторического романа «Король — подлец!» Йозефа Йиржи Станковского (1844–1879)¹⁴².

Заключение

Подводя итоги, следует отметить, что изучение истории соколовского движения в 1860-е — начале 1870-х годов подтверждает тезис об изменчивом и многогранном характере образа династии Габсбургов в мышлении чешских националистов. Многогранность этого образа

¹³⁵ *Gut Heil* — турнерское приветствие.

¹³⁶ *Humoristické listy*. 1869. № 36: 144.

¹³⁷ *Národní listy*. 1867. 25 XII: 1.

¹³⁸ *Hermann I. Před padesáti lety. Drobné vzpomínky z minulosti. Díl 1. Praha: Nakladatel F. Topič*, 1924. S. 18–19; Velek 2008: 308–309.

¹³⁹ *Vlast'*. 1871. № 16: 128.

¹⁴⁰ ATVS NM. Fond Sokol. Karton 21. № 289.

¹⁴¹ *Hermann I. Před padesáti lety...* S. 19–20; Velek 2008: 315, 317–327.

¹⁴² *Národní listy*. 1871. 27 X: 4.

была связана с одновременным распространением нескольких переплетенных пластов монархических идей: традиционного, националистического и конституционного. Изменчивость этого образа может быть объяснена непостоянством представлений о соответствии монарха и всего австрийского государства чешским национальным интересам. Приоритет этих интересов отражал религиозный характер националистической идеологии и тотальность мышления приверженцев данной идеологии, получавшей в изучаемый период все более широкое распространение. В сочетании с одновременным существованием нескольких интерпретаций австрийской идеи приоритет чешских интересов означал балансирование австрийскости в мышлении чешских националистов между положением вторичной идентичности и антиидентичности. Первая из них была связана с федералистским представлением о государственном устройстве монархии (а именно — с концепцией австрославизма), а вторая — с унитаристским.

Другими отражениями тотальности как принципа мышления чешских националистов были поглощение конституционного пласта монархических воззрений националистическим, инструментализация монархических мероприятий в форме их присвоения или демонстративного игнорирования, перенос монархических форм почитания на Ф. Палацкого как лидера чешских националистов, их дифференцированное отношение к предшественникам Франца-Иосифа I и чередование проявлений лояльности и нелояльности монарху. Первые из них были связаны в том числе с перспективой его коронации в Праге, значимой в свете концепции чешского исторического государственного права, а вторые — с откладыванием этой церемонии и с неудовлетворительным с националистической точки зрения правовым положением так называемых чешских земель. Проявления нелояльности сдерживались законодательными ограничениями и силой влияния традиционного пласта монархических идей.

Что касается последующего периода, акция пражских «соколов» в июне 1868 г. стала исключительным случаем, а не началом новой традиции. Так, когда в 1874 г. император вновь посетил Богемию, среди приветствовавших монарха в Праге и других городах были в том числе чешские гимнасты¹⁴³. Подобным образом они неоднократно прини-

¹⁴³ Jandásek 1936: 91; Národní listy. 1874. 8 IX: 2; Pernes 2005: 203; Rak 2013: 186; Sak 2012: 90.

мали участие и в других торжественных встречах императора, а также иных монархических мероприятиях¹⁴⁴. Свой последний официальный визит в столицу Богемии Франц Иосиф I совершил в 1907 г.: лидеры «соколов» воспринимали его как повод для демонстрации силы движения и призывали своих соратников явиться на торжественную встречу монарха в возможно полном составе¹⁴⁵. В целом в историографии отмечено определенное усиление культа Франца Иосифа I в последние десятилетия его правления вплоть до начала Первой мировой войны¹⁴⁶.

Для межвоенной Чехословакии было характерно широкое распространение антимонархических, а значит, антигабсбургских представлений¹⁴⁷, что можно связать с потерей актуальности концепции чешского исторического государственного права и республиканским устройством государства. Сокольство, ставшее одной из опор новой государственности, ретроспективно рассматривалось как сущностно антиавстрийское и революционное¹⁴⁸. В этот период вышеупомянутая акция «соколов» 1868 г. «обросла» новыми малодостоверными подробностями о якобы имевшем место гневе императора по поводу отсутствия «красных рубашек» в рядах встречавших его жителей Праги¹⁴⁹. Сомнения также вызывает появившаяся в одном из вторичных источников межвоенного периода информация о том, что осенью 1871 г. после провала «Фундаментальных статей» М. Тырш участвовал в обсуждении перспектив чешского вооруженного восстания, ведущая роль в котором отводилась бы «соколам»¹⁵⁰. Восприятие сокольских обществ как антигабсбургских организаций получило распространение и за пределами Чехословакии, свидетельством чему может служить роман «Марш Радецкого» (1932 г.) Йозефа Рота (1894–1939)¹⁵¹.

¹⁴⁴ Hlaváč B. František Josef I.: život, povaha, doba. Praha: Fr. Borový, 1933. S. 549; Jandásek 1936: 107.

¹⁴⁵ Národní listy. 1907. 12 IV: 4.

¹⁴⁶ Urban 1999: 282.

¹⁴⁷ Крючков, Крючкова 2019: 91; Agnew 2007a: 86; Rak 2013: 414–415; Slačálek 2019: 918.

¹⁴⁸ Červinka V. U kolébky Sokola... 96–97; Kunz J. Sokol a Rakousko. Praha: Československá obec sokolská, 1930.

¹⁴⁹ Hermann I. Před padesáti lety... S. 37–38; Hlaváč B. František Josef I... S. 446; Národní listy. 1921. 16 X: 9.

¹⁵⁰ Havlíček V. Tyršovy snahy vojenské. Tyrš či Hanuš? Vliv Darwinovy nauky na Tyrše. Praha: Československá obec sokolská, 1923. S. 22–23.

¹⁵¹ Koptřiva 2017: 263–264; Urban 1999: 236.

Вероятно, межвоенный чехословацкий антимонархизм и подобные установки социалистического периода сыграли важную роль в формировании современного чешского образа монархии Габсбургов, определяемого историком Й. Раком как деформированный: этот образ, по мнению ученого, не предполагает участие «соколов» в приветствии императора, посещавшего Богемию¹⁵². При этом заметным явлением чешской мысли конца XX — первых десятилетий XXI в. стала габсбургская ностальгия¹⁵³, способная повлиять на историческую память о взаимоотношениях власти и людей, живших в XIX в. на территории современной Чешской республики. С другой стороны, в литературе отмечается ограниченный характер распространения этой ностальгии, а также ее культурный, а не политический характер¹⁵⁴.

Список сокращенных слов

Е. В. — Его Величество

ATVS NM — Archiv dějin tělesné výchovy a sportu Národního muzea, Praha

MZA — Moravský zemský archiv, Brno

Список исторических географических названий

Буда — ныне Будапешт в Венгрии

Карлин — ныне в черте Праги в Чехии

Рейхштадт — ныне Закупы в Чехии

Славиковице — ныне Роусинов в Чехии

Смихов — ныне в черте Праги в Чехии

Литература

Крючков, Крючкова 2019 — *Крючков И. В., Крючкова Н. Д.* Историческая память и габсбургский миф: посттравматический синдром человека XX в. и товар общества массового потребления // Диалог со временем. 2019. № 66. С. 86–99.

Миллер 1994 — *Миллер А. И.* Теория национализма Эрнеста Геллнера и ее место в литературе вопроса // Национализм и формирование наций.

¹⁵² Rak 2014: 122.

¹⁵³ Крючков, Крючкова 2019: 93; Agnew 2007a: 87; Rak 2013: 9–10.

¹⁵⁴ Slačálek 2019: 913, 919–920.

- Теории — модели — концепции / под ред. А. И. Миллера. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1994. С. 3–18.
- Фрейдзон 1999 — *Фрейдзон В. И.* Нация до национального государства. Историко-социологический очерк Центральной Европы XVIII в. — начала XX в. Дубна: Феникс, 1999. 96 с.
- Agnew 2007a — *Agnew H. L.* The flyspecks on Palivec's portrait: Francis Joseph, the symbols of Monarchy, and Czech popular loyalty // The limits of loyalty: Imperial symbolism, popular allegiances, and state patriotism in the late Habsburg Monarchy / ed. by L. Cole, D. L. Unowsky. New York: Berghahn Books, 2007. P. 86–112.
- Agnew 2007b — *Agnew H. L.* Symbol and ritual in Czech politics in the era of the «tábory lidu» // Nacionalismus, společnost a kultura ve střední Evropě 19. a 20. století: pocta Jiřímu Kořalkovi k 75. narozeninám / ed. J. Pokorný, L. Velek, A. Velková. Praha: Karolinum, 2007. S. 331–342.
- Bugge 2017 — *Bugge P.* Loyal in word and deed: The Czech national movement and the Habsburg Monarchy in the long nineteenth century // Exploring loyalty / ed. by J. Osterkamp, M. Schulze Wessel. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2017. P. 137–155.
- Gellner 1983 — *Gellner E.* Nations and nationalism. Ithaca: Cornell University Press. 150 p.
- Gellner 1997 — *Gellner E.* Nationalism. London: Weidenfeld & Nicolson. 114 p.
- Hanuš 2016 — *Hanuš J.* Editorial: Zachovej nám, Hospodine! // Kontexty: časopis o kultuře a společnosti. 2016. Vol. 8. № 6. S. 1.
- Havránková 1996 — *Havránková H.* Vznik Sokola a jeho vývoj do utvoření České obce sokolské // Blecking D., Havránková H., Kössl J., Roček A., Waic M. Sokol v české společnosti 1862–1938. Praha: Fakulta tělesné výchovy a sportu University Karlovy, 1996. S. 9–54.
- Jandásek 1936 — *Jandásek L.* Přehledné dějiny Sokolstva. Část I. Od vzniku Sokola (1862) do založení České obce sokolské (1889). Praha: Československá obec sokolská, 1936. 142 s.
- Judson 2016 — *Judson P. M.* The Habsburg Empire: A new history. Cambridge: The Belknap Press of the Harvard University Press, 2016. 567 p.
- Hlavačka 2017 — *Hlavačka M.* O ambivalentním vztahu Čechů k císaři Františku Josefovi I. // František Josef I. Sto let od smrti / ed. M. Loužek. Praha: Institut Václava Klause, 2017. S. 25–37.
- Kopřiva 2017 — *Kopřiva R.* Das Attentat von Sarajevo und der Sokolkongress von Brünn (Königsfeld) — eine Parallelaktion 1914? // Frieden und Krieg im mitteleuropäischen Raum: Historisches Gedächtnis und literarische Reflexion / hrsg. von M. Tvrdik, H. Haslmayr. Wien: New Academic Press, 2017. S. 259–294.
- Kořalka 1996 — *Kořalka J.* Češi v habsburské říši a v Evropě 1815–1914: sociálněhistorické souvislosti vytváření novodobého národa a národnostní otázky v českých zemích. Praha: Argo, 1996. 354 s.

- Nolte 2002 — *Nolte C.E.* The Sokol in the Czech lands to 1914: Training for the nation. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 258 p.
- Osterkamp, Schulze Wessel 2016 — *Osterkamp J., Schulze Wessel M.* Texturen von Loyalität: Überlegungen zu einem analytischen Begriff // Geschichte und Gesellschaft. 2016. Jg. 42. H. 4: Loyalitäten in supranationalen Ordnungen / hrsg. von M. Schulze Wessel. S. 553–573.
- Pernes 2005 — *Pernes J.* František Josef I.: nikdy nekorunovaný český král. Praha: Brána, 2005. 495 s.
- Pernes 2017 — *Pernes J.* František Josef I. a české země // František Josef I. Sto let od smrti / ed. M. Loužek. Praha: Institut Václava Klause, 2017. S. 61–75.
- Pešek 2016 — *Pešek J.* König ohne Krone: Franz Joseph und Böhmen // Franz Joseph 1830–1916 / hrsg. von K. Vocelka, M. Mutschlechner. Wien: Brandstätter, 2016. S. 52–55.
- Rak 2013 — *Rak J.* Zachovej nám, Hospodine: Češi v Rakouském císařství 1804–1918. Praha: Havran, 2013. 424 s.
- Rak 2014 — *Rak J.* Návštěvy císaře Františka Josefa I. v Čechách // Historická sociologie. 2014. Vol. 6. № 1. S. 119–126.
- Sak 2012 — *Sak R.* Miroslav Tyrš: Sokol, myslitel, výtvarný kritik. Praha: Vyšehrad, 2012. 327 s.
- Slačálek 2019 — *Slačálek O.* The paradoxical Czech memory of the Habsburg Monarchy: Satisfied helots or crippled citizens? // Slavic Review. 2019. Vol. 78. № 4. P. 912–920.
- Unowsky 2005 — *Unowsky D.L.* The pomp and politics of patriotism: Imperial celebrations in Habsburg Austria, 1848–1916. West Lafayette: Purdue University Press. 263 p.
- Urban 1999 — *Urban O.* František Josef I. Praha: Argo, 1999. 297 s.
- Velek 2008 — *Velek L.* České státní právo na toaletním papíře. Mýtus, skutečnost a jejich symbolický význam. Příspěvek k počátkům české moderní politické kultury a jejího dědictví // 19. století v nás: modely, instituce a reprezentace, které přetrvávaly / ed. M. Řepa. Praha: Historický ústav, 2008. S. 301–327.
- Voegelin 1938 — *Voegelin E.* Die politischen Religionen. Wien: Bermann-Fischer Verlag. 65 s.

References

- Agnew, H. L., 2007a. The flyspecks on Palivec's portrait: Francis Joseph, the symbols of Monarchy, and Czech popular loyalty. In: Cole, L., Unowsky, D. L., eds. *The limits of loyalty: Imperial symbolism, popular allegiances, and state patriotism in the late Habsburg Monarchy*. New York: Berghahn Books, pp. 86–112.
- Agnew, H. L., 2007b. Symbol and ritual in Czech politics in the era of the «tábory lidu». In: Pokorný, J., Velek, L., Velková, A., eds. *Nacionalismus, společnost a*

- kultura ve střední Evropě 19. a 20. století: pocta Jiřímu Kořalkovi k 75. narozeninám*. Praha: Karolinum, pp. 331–342.
- Bugge, P., 2017. Loyal in word and deed: The Czech national movement and the Habsburg Monarchy in the long nineteenth century. In: Osterkamp, J., Schulze Wessel, M., eds. *Exploring Loyalty*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, pp. 137–155.
- Freidzon, V.I., 1999. *Natsiia do natsional'nogo gosudarstva. Istoriko-sotsiologicheskii ocherk Tsentral'noi Evropy XVIII v. – nachala XX v.* [Nations before nation-states: An essay in the Historical sociology of Central Europe, from the eighteenth to the twentieth century]. Dubna: Izdatel'skii tsentr "Feniks", 96 p. (In Rus.)
- Gellner, E., 1983. *Nations and nationalism*. Ithaca: Cornell University Press, 150 p.
- Gellner, E., 1997. *Nationalism*. London: Weidenfeld & Nicolson, 114 p.
- Hanuš, J., 2016. Editorial: Zachovej nám, Hospodine! *Kontexty: časopis o kultuře a společnosti*, 2016, 8, 6. P. 1.
- Havránková, H., 1996. Vznik Sokola a jeho vývoj do vytvoření České obce sokolské. In: Blecking D., Havránková H., Kössl J., Roček A., Waic M. *Sokol v české společnosti 1862–1938*. Praha: Fakulta tělesné výchovy a sportu University Karlovy, pp. 9–54.
- Hlavačka, M., 2017. O ambivalentním vztahu Čechů k císaři Františku Josefovi I. In: Loužek, M., ed. *František Josef I. Sto let od smrti*. Praha: Institut Václava Klause, pp. 25–37.
- Jandásek, L., 1936. *Přehledné dějiny Sokolstva. Část I. Od vzniku Sokola (1862) do založení České obce sokolské (1889)*. Praha: Československá obec sokolská, 142 p.
- Judson, P.M., 2016. *The Habsburg Empire: A new history*. Cambridge: The Belknap Press of the Harvard University Press, 567 p.
- Kopřiva, R., 2017. Das Attentat von Sarajevo und der Sokolkongress von Brünn (Königsfeld) – eine Parallelaktion 1914? In: Tvrdik, M., Haslmayr, H. eds. *Frieden und Krieg im mitteleuropäischen Raum: Historisches Gedächtnis und literarische Reflexion*. Wien: New Academic Press, pp. 259–294.
- Kořalka, J., 1996. *Češi v habsburské říši a v Evropě 1815–1914: sociálněhistorické souvislosti vytvoření novodobého národa a národnostní otázky v českých zemích*. Praha: Argo, 354 p.
- Kryuchkov, I.V., Kryuchkova, N.D., 2019. Istoricheskaia pamiat' i gabsburgski mif: posttravmaticheskii sindrom cheloveka XX v. i tovar obshchestva massovogo potrebleniia [Historical memory and the Habsburg myth: post-traumatic stress disorder of a human of the twentieth century and a social product of mass consumption]. *Dialog so vremenem*, 66, pp. 86–99. (In Rus.)
- Miller, A.I., 1994. Teoriia natsionalizma Ernesta Gellnera i ee mesto v literature voprosa [Ernest Gellner's theory of nationalism and its place in the literature on the subject]. In: Miller, A.I., ed. *Natsionalizm i formirovanie natsii. Teorii – modeli – kontseptsii*. Moscow: Institut slavianovedeniia i balkanistiki RAN, pp. 3–18. (In Rus.)

- Nolte, C. E., 2002. *The Sokol in the Czech lands to 1914: Training for the Nation*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 258 p.
- Osterkamp, J., Schulze Wessel, M., 2016. Texturen von Loyalität: Überlegungen zu einem analytischen Begriff, *Geschichte und Gesellschaft*, 42, 4: Schulze Wessel, M., ed. Loyalitäten in supranationalen Ordnungen, pp. 553–573.
- Pernes, J., 2005. *František Josef I.: nikdy nekorunovaný český král*. Praha: Brána, 495 p.
- Pernes, J., 2017. František Josef I. a české země. In: Loužek, M., ed. *František Josef I. Sto let od smrti*. Praha: Institut Václava Klause, pp. 61–75.
- Pešek, J., 2016. König ohne Krone: Franz Joseph und Böhmen. In: Vocelka, K., Mutschlechner, M., eds. *Franz Joseph 1830–1916*. Wien: Brandstätter, pp. 52–55.
- Rak, J., 2013. *Zachovej nám, Hospodine: Češi v Rakouském císařství 1804–1918*. Praha: Havran, 424 p.
- Rak, J., 2014. Návštěvy císaře Františka Josefa I. v Čechách. *Historická sociologie*, 6, 1, pp. 119–126.
- Sak, R., 2012. *Miroslav Tyrš: Sokol, myslitel, výtvarný kritik*. Praha: Vyšehrad, 327 p.
- Slačálek, O., 2019. The paradoxical Czech memory of the Habsburg Monarchy: Satisfied helots or crippled citizens? *Slavic Review*, 78, 4, pp. 912–920.
- Unowsky, D. L., 2005. *The pomp and politics of patriotism: Imperial celebrations in Habsburg Austria, 1848–1916*. West Lafayette: Purdue University Press, 263 p.
- Urban, O., 1999. *František Josef I.* Praha: Argo, 297 p.
- Velek, L., 2008. České státní právo na toaletním papíře. Mýtus, skutečnost a jejich symbolický význam. Příspěvek k počátkům české moderní politické kultury a jejího dědictví. In: Řepa, M., ed. *19. století v nás: modely, instituce a reprezentace, které přetrvaly*. Praha: Historický ústav, pp. 301–327.
- Voegelin, E., 1938. *Die politischen Religionen*. Wien: Bermann-Fischer Verlag, 65 p.

Viktor V. Kotov

Independent researcher, Moscow, Russia.
E-mail: vikvikkot@gmail.com

The Image of the Habsburg Dynasty in Czech Nationalist Thinking in the 1860s and at the Beginning of the 1870s (on the Example of the Sokol Movement)

This article analyses the image of the Habsburg dynasty in Czech nationalist thinking in the 1860s and at the beginning of the 1870s. This complex and changing image is explored through the case of the Sokol movement, which combined Czech nationalism with gymnastics. The research is based on the analysis of newspapers and other primary sources. The complexity of the analysed image derives from the existence of three interrelated currents of monarchist thought in the so-called Czech lands. The traditional current can be described as paternalistic, imperialist, and Catholic. The constitutional current was related to the emperor's acceptance of the limitation of his power. The third current was Czech nationalist monarchism characterised by the link between the concept of Czech historical state right and the prospect of Franz Joseph I's coronation as King of Bohemia. Among the main principles of Czech nationalist thinking was totalism, which in this case meant conceiving the nation as the supreme value. Among the consequences of putting Czech national interests over everything else were the merging of nationalist and constitutional currents of monarchist thought, the differential attitude towards Franz Joseph I's predecessors, and the alternation of manifestations of loyalty and disloyalty. Among the latter were the decisions of the Prague Sokol society not to take part in the emperor's visit to Prague in June 1868 and to purchase the copy of his rescript dated 12 September 1871, which contained the unfulfilled coronation promise. The totality of nationalism as a political religion and the existence of different interpretations of Austrianness led Czech nationalists to take it as simultaneously their anti-identity and subsidiary identity. Austrianness as the Czech subsidiary identity was related to the idea of multinational monarchy and the concept of Austro-Slavism, while the anti-identity was incited by the German and supranational interpretations.

Keywords: Austro-Hungarian Compromise, Austrian identity, Crown Prince Rudolf, Czech monarchism, Czech nationalism, Franz Joseph I, Fundamental Articles (1871), political loyalty, Sokol movement

How to cite: Kotov, V.V., 2022. Obraz dinastii Gabsburgov v myshlenii cheshskikh natsionalistov v 1860-e – nachale 1870-kh godov (na primere sokol'skogo dvizheniia). *Tsentral'noevropeiskie issledovaniia*, 2022, 5(14). Moscow: Institut slavianovedeniia RAN; Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, pp. 164–194. doi: 10.31168/2619-0877.2022.5.7.

Лариса Михайловна Аржакова

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт славяноведения РАН, Москва, Россия. 119334, Ленинский проспект 32 А. E-mail: larjak@mail.ru

Образ власти в прошлом и настоящем в трудах Юзефа Шуйского

В центре внимания — попытка выявить образы власти с опорой на отдельные сочинения польского историка, литератора, публициста, общественно-политического деятеля Юзефа Шуйского (1835–1883), лидера Краковской исторической школы и одного из станьчиков — политической группировки лоялистского толка, сформировавшейся в Галиции во второй половине XIX в. Многожанровое творческое наследие Шуйского представляет собой богатый материал с точки зрения определения того, насколько вообще обоснованно говорить об образах власти применительно к комплексной выборке: историческим трудам, драматургическим произведениям, публицистике и даже сатире. Среди прочих вопросов, возникающих в контексте заявленной темы: насколько содержательно и эмоционально насыщенным оказывается образ в зависимости от жанра, можно ли говорить о том, что применение категории образа гарантирует более адекватное представление о картине прошлого и настоящего, создаваемой автором. Проведенное исследование убеждает, что, как правило, автор остается последователен при создании того или иного характера, той или иной картины, идет ли речь об историческом сочинении, драме либо сатирическом опусе. В богатом творческом наследии Шуйского сквозной темой являются проблемы восприятия национального прошлого и воздействия этого прошлого на настоящее, буквально присутствие прошлого в настоящем. Даже с учетом условности, произвольности образов власти, выявленных в сочинениях Шуйского, следует признать, что развитие этой темы имеет определенные перспективы.

Ключевые слова: Галиция, Краковская историческая школа, Речь Посполитая, органический труд, историческая память, причины падения Польши

Цитирование: *Аржакова Л.М.* Образ власти в прошлом и настоящем в трудах Юзефа Шуйского // Центральноевропейские исследования. 2022. Вып. 5(14). М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2022. С. 195–222. DOI: 10.31168/2619-0877.2022.5.8.

Прошлое, настоящее, будущее как три состояния времени зачастую бывают воплощены в образах — отечества, власти, повседневности, где, так или иначе, главным действующим лицом выступает человек. Проживая и переживая разные состояния времени на свой лад, человек либо сам создает образы, либо, что чаще, заимствует их у писателей. В создании образов польского прошлого и настоящего Юзефу Шуйскому (1835–1883), служившему отнюдь не только Клию, но и другим обительницам Парнаса, среди историков равных было мало. Недаром сподвижник и единомышленник Шуйского Станислав Тарновский (1837–1917) считал необходимым специально написать о нем именно как о поэте, памятуя о том, что сам Шуйский, известный соотечественникам преимущественно как историк, публицист и общественно-политический деятель (один из лидеров станьчиков), в молодые годы главным призванием своей жизни считал поэзию¹.

Сформировавшись как историк, Шуйский оставался поэтом, тем самым невольно поставив себя в выигрышное, по сравнению с коллегами по историческому цеху, положение, ведь он изначально располагал набором более разнообразных инструментов для поиска и конструирования образов, иначе говоря, предлагал свою версию репрезентации прошлого. Именно образная характеристика, какую дал ему Станислав Смолька (1854–1924), будучи уверен, что в тогдашней Галиции быть литератором означало принести себя в жертву избранному делу, способна передать то уважение, какое внушал к себе Шуйский:

В армии, сражавшейся под знаком пера, литератор был добровольцем, по необходимости выступал то пехотинцем, то кавалеристом, а то артиллеристом или сапером, но всегда оставался солдатом, мужественно сражавшимся ради высокого дела².

Вообще, сочинения Шуйского есть основание считать стенограммой гуманитарного мышления, под которой М. М. Бахтин как изобретатель этого термина понимал «сложное взаимоотношение *текста* (предмет изучения и обдумывания) и создаваемого обрамляющего *контекста* (вопрошающего, возражающего и т. п.), в котором реализуется познающая и оценивающая мысль ученого»³.

¹ Tarnowski 1901: 1; Tarnowski 1892; Tarnowski 1885. См. также: German 1889.

² Smolka 1883: 23.

³ Бахтин 1986: 301.

Случай Шуйского, если можно так выразиться, позволяет выявить и наглядным образом продемонстрировать сложный процесс взаимоотношения текста и контекста, без которого историк, по собственной воле и собственному выбору задавая направление этого внутреннего движения, скорее всего, не существует.

В статье выявляются образы власти на основе отдельных сочинений Ю. Шуйского⁴. Необходимо сделать оговорку, что постановка проблемы определяет условность, даже произвольность термина «образ» применительно к наблюдениям над творческим наследием Шуйского. Насколько оправданны поиски образа власти в многожанровой выборке, и насколько целесообразно эти поиски продолжать, еще предстоит определить.

Но прежде чем обратиться к версиям образов власти «трех фаз времени»⁵, какие можно обнаружить у Шуйского как главного, по мнению знатока истории польской общественно-политической мысли Анджея Вежбицкого, идеолога галицийских станьчигов⁶, и, несмотря на то, что образу Другого в данном случае предназначена второстепенная роль, приведу вариант сложившегося в России образа Польши, точнее — образа польской власти как Другого.

Когда в первые годы XX в. «Сатирикон»⁷ вынес на суд читающей публики, — склонной, как и сами авторы популярного журнала, воспринимать настоящее и прошлое с известной долей иронии и юмора, — свое видение всеобщей истории⁸, в собранном под одной обложкой хороводе образов стран и народов нашлось место

⁴ *Szujski J.* Portrety przez nie Van Dyka. Lwów: Nakładem Karola Wilda, 1861; *Idem.* Dzieje Polski podług ostatnich badań. Lwów: Nakład Karola Wilda, 1864. Т. III. Królowie wolno obrani. Cz. 1. 1572–1668; *Idem.* O fałszywej historii jako mistrzyni fałszywej polityki. Z powodu artykułu L. Wolskiego pod tytułem Dyagnoza. Kraków: Drukarnia “Czasu”, 1877; *Idem.* Dzieła. Wydanie zbiorowe. Kraków: Drukarnia “Czasu” Fr. Kluczyckiego i Spółki, 1885. Ser. I. T. 1. Poezye; *Idem.* Jerzy Lubomirski. Lwów: Nakładem Karola Wilda, 1863. Гетман Ежи Любомирский, предводитель антикоролевского мятежа — рокоша (*rokosz*, 1664–1666), не впервые становился героем исторической драмы. Ср., например: *Szajnocha K.* Jerzy Lubomirski. Lwów: Nakładem Karola Wilda, 1850. 114 s. Об этом см. подробнее, например: Gertman 1889: 74–93.

⁵ Ассман 2017: 55–64.

⁶ Wierzbicki 2009: 130; см. также, например: Feldman 1933; Grabski 2003.

⁷ «Сатирикон» — литературно-художественный юмористический журнал, выходивший в Петербурге в 1908–1914 гг.

⁸ *Аверченко А.* Новая история // Всеобщая история. Обработанная «Сатириконом». СПб.: Издание М. Г. Корнфельда, 1910.

образу Польши. Творцом этого образа выступил Аркадий Аверченко (1881–1925), со свойственной ему легкостью несколькими искусными мазками-фразами начертавший запоминающийся портрет Речи Посполитой. Примечательно, что созданный Аверченко краткий и одновременно четкий образ содержал набор тех черт государственно-политического устройства былой Польши, какие ранее отмечали признанные авторитеты русской исторической науки. Так, фраза Аверченко: «Стоило только прекратиться роду королей Сигизмундов, как стали приглашать на престол кого попало: французского принца Генриха Анжуйского, давшего потом потихоньку тягу во Францию; какого-то семиградского воеводу Батория; шведского принца Сигизмунда и многих других»⁹, в значительной мере перекликается с тем, что около полувека до Аверченко писал о Польше Михаил Петрович Погодин (1800–1875). В книге 1868 г. историк отметил, что «со смерти последнего Пяста, в XIV столетии, на престоле польском последовательно сидели и Литовские, Седмиградские князья, и Французские, Шведские принцы, и Саксонские курфюрсты»¹⁰, на этом основании задавая справедливый, на его взгляд, вопрос: «Почему же кажется <...> странным, что этот престол занят ныне Российским Императором?»¹¹. Однако Погодин предпочел не заметить того обстоятельства, что в период последнего бескоролья шляхетское общество Речи Посполитой — кажется, без исключения — было ориентировано на то, чтобы посадить на королевский престол Пяста и только Пяста (то есть польского кандидата), что, в частности, нашло отражение в предвыборных виршах 1763–1764 гг.¹²

Некоторый поворот в сторону сатиры обусловлен тяготением к этому жанру самого Шуйского. По замечанию С. Тарновского, в 1860-е годы, когда вышел сборник Шуйского «Портреты — не Ван Дейка» (1860), представлявший собой не столько политические трактаты в строгом смысле этого слова, сколько первый и заметный шаг на этом пути, Шуйский не раз говорил о своей увлеченности сатирой. «Портреты» ярко продемонстрировали эту грань его таланта, однако в них мы находим больше светлого юмора, чем острой шутки,

⁹ Аверченко А. Новая история. С. 132.

¹⁰ Погодин 1868: 4.

¹¹ Погодин 1868: 4

¹² Kaliszewski 2003.

готовой перерастить в сатиру¹³. Содержание сборника явственно свидетельствует, что, обращаясь к делам практическим, касавшимся проблем дня сегодняшнего¹⁴, молодой историк предпочитал смотреть на них преимущественно сквозь призму прошлого.

Шуйского, историка и прирожденного литератора, одолевали самые разные чувства. Внимательный наблюдатель, под пером которого прошлое становилось ближе как самому автору, так и внимавшим ему читателям, во вступительном слове к галерее портретов, названном иронически по отношению к самому себе — «Что-то вроде предисловия»¹⁵, он позволил язвительное высказывание по поводу современного ему века. На его взгляд, это столетие «справедливо названо веком бумагомарания, где чернильница выступает королем, а песочница — королевой»¹⁶. Будто сознавая, что резкое замечание требует объяснения, он с готовностью его представил. По его мнению, подобное «сочинительство и склонность к излишней открытости для некоторых превратилось в потребность по мере того, как руки отвыкли от работы, а голова от вдумчивых размышлений»¹⁷.

Что касается Шуйского, то вдумчивые размышления были его добрыми спутниками, вне зависимости от того, чем он был занят в настоящий момент: созданием драмы, комедии или истории Польши. Решение открыть сборник очерком «Шляхта и интеллигенция» можно отнести к одному из результатов таких размышлений. Для портрета шляхты Шуйский использовал минимум красок. Акцентировав, что осознание шляхтой себя как неприкасаемого, обособленного сословия во второй половине XIV в. привело к тому, что «народ воплотился в шляхте и как шляхта жил и пришел к политическому упадку»¹⁸, Шуйский затем вынес шляхте приговор, не подлежащий обжалованию: виновна. Развивая свою мысль и тем самым усиливая степень исторической вины шляхты перед народом Польши, Шуйский подчеркнул:

[М]ожновладство всегда чувствовало, что шляхта была всем, что не носило в себе животворного зародыша иной мысли, как мысль

¹³ Tarnowski 1892: 180; Smolka 1883: 24–29.

¹⁴ Tarnowski 1892: 176.

¹⁵ *Szuyjski J. Portrety*. S. 1–13.

¹⁶ *Ibid.* S. 1.

¹⁷ *Ibidem.*

¹⁸ *Ibid.* S. 15.

шляхты, что не имело никогда столько энергии, чтобы объединиться с королевским престолом ради создания наследственной монархии с аристократической окраской, что вполне отвечало бы духу всевластия народа польского, воплощенного в шляхте, хотя страсти и амбиции подталкивали ее к иным целям¹⁹.

Когда Шуйский писал о современниках (очерк «Сельский политик»), он отметил, что «каждый поляк — прирожденный политик». Объяснение тому нашлось самое простое: любому поляку лучше, чем «французским публицистам и заграничным министрам известно, что необходимо всему свету»²⁰. И все-таки в тексте нет острой критики, разве что легкая ирония. Шуйский не обольщался, он знал, что поляк — непрактичный политик, он всегда предпочитает думать о воздушных замках, что для него самого чревато разочарованием, а для страны отставанием от всего остального мира²¹.

Даже эти два очерка свидетельствуют, что Шуйский достаточно трезво оценивал потенциал политической власти Речи Посполитой, одновременно выражая озабоченность склонностью соотечественников к далекому идеалу. Не менее иронично отозвался Шуйский об аристократах, поисками которых — «непреренно чистокровных», решил он заняться, «чтобы встал такой аристократ, как колонна старинного дворца среди современных мазанок» и явил миру правду, открыл великую истину²². Однако и здесь его ожидало разочарование, ибо образ польской аристократии, известной ему по давним представителям знаменитых родов, заметно померк.

Польский пассаж «Сатирикона», пожалуй, вполне смыкается с аналогичным у Шуйского, позволяя убедиться, что представление о Польше и ее государственно-политическом устройстве, сформированное в России на протяжении XIX столетия в тиши ученых кабинетов (куда, впрочем, без особого труда проникали стереотипы), в начале XX столетия без видимых изменений перекочевало на страницы столичного юмористического журнала. Но что, казалось бы, общего между историческими изысканиями и краткими ироническими зарисовками? Общего, конечно, не много. Вместе с тем подобные смысловые — причем разновременные — переключки, какие

¹⁹ Ibid. S. 16.

²⁰ Ibid. S. 28.

²¹ Ibid. S. 28.

²² Ibid. S. 84.

находим у историка и сатирика при подходе к одному и тому же предмету, по-своему симптоматичны. Во-первых, это означает, что традиционная для российской исторической полонистики оценка внутреннего положения Польши, начиная со Средних веков и вплоть до Нового времени, вышла за пределы сугубо научной и научно-публицистической литературы и, что называется, ушла в народ. Во-вторых, это явственно свидетельствует, что в русском обществе, далеком от научной полемики (например, по поводу польского вопроса и способов его решения²³), сформировалось достаточно устойчивое, хотя и поверхностное представление о своеобразии исторического опыта польского народа. Так что Аверченко, дополнивший созданный им образ Польши объявлением: «Речь Посполитая ищет трезвого, хорошего поведения короля. Без аттестата от последнего места не являться»²⁴, по существу, точно уловил и передал то недоумение, какое испытывал русский читатель, лишь понаслышке знакомый с необычной формой правления, распространенной в старой Польше. Можно сказать, что «Сатирикон», с избранной им манерой подачи исторического материала, не просто находил отклик у читающей публики, но утверждал — то ли в шутку, то ли всерьез — тот весьма условный объем знаний, которым большинство читателей были готовы довольствоваться. Польский эпизод во «Всеобщей истории, обработанной “Сатириконом”», — это тот случай, когда историческое знание становится константой, и потому уже не претендует на познание (какой бы иллюзией оно не казалось) как на перманентный поиск и мыслительный процесс.

Но, конечно, одно дело, когда в сатирической манере пишет автор, взирая на предмет своей иронии если не холодным, то сторонним взором, всего лишь оттачивая свое острое перо и совершенствуя мастерство. Совсем другое дело, когда к сатире прибегает соотечественник как к привлекательному жанру, дабы поделиться с согражданами своими размышлениями о наболевшем.

Шуйский, с его изначальной предрасположенностью к поэзии и сатире, во многом шел по стопам своих знаменитых предшественников. Достаточно вспомнить польскую литературу эпохи Ренессанса, от сатир Миколая Рея (1505–1569) до остроумных фразешек Яна

²³ См., например: Погодин 1907; Погодин 1915; Филевич 1894.

²⁴ *Аверченко А.* Новая история. С. 132.

Кохановского (1530–1584), который, с тоской оглядываясь в прошлое, осуждал современную ему шляхту за утрату свойственных ее предкам добродетелей:

Теперешние шляхтичи — позор! —
 Себя лишь хвалят и ругают двор.
 А в прежнее-то время сколько было
 Среди них вояк, рубак — и вспомнить мило²⁵!

Или другой пример: чрезвычайно злободневная, рисующая картины польского общества в последние годы существования независимой Речи Посполитой, комедия Юлиана Урсина Немцевича (1757–1841) «Возвращение посла» (1790), посвященная маршалу Четырехлетний сейма²⁶ Станиславу Малаховскому (1736–1809), который, по мнению автора, «своими добродетелями и постоянством своим в общественной и частной жизни стал для всех примером»²⁷.

В тексте комедии на первый план выступали сюжеты, касавшиеся насущных проблем страны, для решения которых, по словам одного из героев, «необходимо выявить поводы и причины, только так придет к согласию друг с другом»²⁸. Рассуждая о войне, в которую тогда были вовлечены ближайшие соседи Речи Посполитой, собеседники озвучивали самые невероятные рецепты, которые могли, на их взгляд, быть выгодны Польше. Один из рецептов был особенно оригинален:

Польше ни с кем и никогда не надо объединяться,
 Пусть сидит тихо, не проявляет активности;
 А уж если союза не избежать,
 Пусть объединится с кем-нибудь далеким, от которого вреда не будет,
 Например, с Испанией, Португалией, или даже с Америкой²⁹.

Немцевич воссоздавал атмосферу, где одни поляки сознавали необходимость реформ, а другим, как сетовал автор, воспитанным в духе прития чужого языка и чужих традиций, лишь предстояло

²⁵ Кохановский 1960: 122.

²⁶ *Четырехлетний, или Великий сейм* Речи Посполитой (1788–1792), основным достижением которого стало провозглашение польской конституции 3 мая 1791 г.

²⁷ *Niemcewicz J. U. Powrót posła // Niemcewicz J. U. Dzieła poetyczne*. Lipsk: Nakładem i Drukiem Breitkopfa i Haertela, 1838. Т. 4. S. 85–86.

²⁸ *Ibid.* S. 95–96.

²⁹ *Ibid.* S. 97.

осознать, что значит быть поляком³⁰. Как позднее вспоминал Адам Чарторыйский (1770–1861), Немцевич верно оценил создавшуюся ситуацию, в частности, заявив: «Когда речь идет о свободе, уже не приходится слишком долго раздумывать». Намереваясь предупредить соотечественников об опасности, он достаточно ясно указывал, откуда она проистекала: «Мы опасаемся гетманов, но не боимся врага. Мы изготовили ножны, а меч сделать забыли. Мы позаботились об управлении армией, а о самой армии не подумали»³¹.

Избранная автором стилистика повествования, точные наблюдения над настроениями общества, не отягощенного лишним знанием, над эмоциональным состоянием шляхетской среды находили живой отклик у современников, как позднее — у поляков разделенного отечества. И тональность сочинения Немцевича не слишком отличалась от той, какая была свойственна сатире Шуйского. Как метко заметил Станислав Кот во вступительной статье к очередному изданию комедии Немцевича:

Если даже сегодня, спустя более сотни лет, краски, которые использовал Немцевич, рисуя польское общество, не кажутся нам слишком блеклыми, можно вообразить, какое впечатление «Возвращение посла» производило на современных автору зрителей³².

Так что легко вообразить то воздействие, какое реалистично-критическая комедия Немцевича оказала на Шуйского, открытого для критики, с одной стороны, и готового к поискам решения проблем польского общества, с другой.

Лишним свидетельством признания современниками достоинств Шуйского как поэта стало то, что первый том его посмертных сочинений³³, изданием которых занимались его друзья, решено было собрать из поэтических произведений Шуйского, включая сатиру, особенно привлекавшую его в последние годы жизни³⁴, будто напоминая об увлечении молодости. Высоко оценивая широкие возможности сатиры, Шуйский исходил из убеждения, что там, «где простое

³⁰ Ibid. S.105.

³¹ Czartoryski 1860: 62–63.

³² Kot 1927: III–XLI, XXXIV.

³³ *Szujski J. Dzieła*. Wydanie zbiorowe. Ser. I. T. 1. Poezya. Kraków: Drukarnia “Czasu” Fr. Kluczyckiego i Spółki, 1885.

³⁴ Tarnowski 1885b: VII.

искреннее слово бессильно, может пригодиться ирония, ведь люди, для которых совесть и правда ничего не значат, всегда очень боятся комизма»³⁵.

В одном из сатирических опусов («Доброта сердца») Шуйский по обыкновению уводил своих читателей в прошлое, где искал и находил ответы на мучившие поляков вопросы:

Чувство порядка — правление! утрачено,
 Растет анархия, увлекает в пучину гибели,
 И вот, все та же глупость, толкает в бездну...
 Сверкаем рыцарским блеском,
 Чудесным украшенным древком,
 Стреляем! Но, желая попасть, даем осечку³⁶...

Шуйский вглядывался в прошлое, будто силясь проверить себя: верно ли оценил ситуацию, точно ли воспроизвел образ (?) власти, а точнее — безвластия, достаточно ли убедителен был для читателей? И приходил к выводу: чтобы найти ответы на все вопросы, лучше снова взяться за перо.

Так что трудно сказать, готов ли был Шуйский направить стрелы критики не только в сторону активно пишущей братии, но, будучи автором плодовитым, и в свою собственную сторону. Для оправдания собственного «бумагомарания» Шуйский располагал весомым аргументом: вся его недолгая жизнь протекала словно под девизом: «Каждый человек должен оплатить Отчизне такой долг, на какой у него только достанет силы духа»³⁷. С точки зрения Станислава Смольки, эти слова отца польской истории Яна Длугоша (1415–1480), к которому Шуйский всегда испытывал чувство глубокой симпатии, максимально точно передают смысл и содержание деятельности самого Шуйского³⁸.

Но Шуйскому, похоже, не давал покоя вопрос, так сказать, инструментальной целесообразности накрывшей польское общество волны «бумагомарания». Можно даже предположить, что он был бы готов признать, что «всякое положительное знание должно быть как бы надломлено опознанием его методологической

³⁵ См. Примечания: *Szujski J. Poezya. S. 155.*

³⁶ *Szujski J. Poezya. S. 160.*

³⁷ Smolka 1883: 4.

³⁸ Smolka 1883: 4–5.

обусловленности»³⁹. Сказано это было в другое время и по другому поводу, но, как представляется, вполне способно передать то состояние, в каком едва ли не перманентно пребывал Шуйский, усматривая для себя выход в том, чтобы любой жанр, где он находил себе применение, поставить на службу отчизне, а потому без устали писал: исторические труды, комедии, драматические сочинения, сатирические описания. В польской историографии лет десять назад прозвучало мнение, что до сих пор исторические труды Шуйского в меньшей степени становятся предметом специального исследования⁴⁰, по сравнению с тем, что было написано по другим поводам: о Шуйском-литераторе или организаторе науки⁴¹.

Во многих отношениях любопытный сюжет польской истории, который привлек внимание Шуйского, связан с гетманом Ежи Любомирским. Достойно отдельного комментария, что молодой историк в самом начале активной писательской деятельности обратился к столь сложной проблеме, поставив перед собой задачу реконструировать события знаменательного пятилетия (1661–1666), в результате которых один из польских военачальников, ставший во главе антикорольовского мятежа, гетман Любомирский, в конце концов покорила королю Яну Казимиру (1648–1668 гг.) и покинул Польшу, но и король вместе с супругой Людовикой Марией Гонзага (1645/1648–1667 гг.) отступились от замыслов реформирования страны, явно в них нуждавшейся. Трудно сказать наверняка, усложнил себе задачу Шуйский или упростил, взявшись за щекотливый сюжет и развернув его в форме драмы «Ежи Любомирский» (1863). Смеею предположить, что для Шуйского, не освободившегося (или не свободного) от привязанности к драматургии, решение написать драму означало попытку наведения мостов между двумя близкими его внутренним порывам жанрами, литературой и историей. По утверждению Людомила Германа, этой сугубо «книжной» драме сцена изначально была заказана. Но почему? Уж слишком она оказалась растянутой, сетовал

³⁹ Степун 1995: 181.

⁴⁰ Słoczyński 2011: 634. Можно, однако, вспомнить о высокой оценке, какую дал «Истории Польши» в четырех томах Шуйского его коллега Станислав Смолька: «Полколение, которое сегодня трудится на благо народа, получило в свое распоряжение знания и науку о прошлом из чистого, живого источника». — Smolka 1883: 32.

⁴¹ См., например, подробнее «старые» и новые работы: Smolka 1883; Daszyk 2016; Wadzińska 2017; Wierzbicki 2021.

доброжелательный критик, слишком была перенасыщена персонажами и лишними подробностями⁴². Правда, Герман упустил из виду, что несколькими страницами ранее он сам признавал наличие в драме исторического фона (что влекло за собой увеличение объема и подробностей) удачей Шуйского. Общую оценку драмы Герман сформулировал весьма поэтически:

Любомирский и общество того времени представлялись автору как польский Гамлет, как мечтатель, смелый на словах, боязливый на деле, действующий под воздействием эмоций, а не руководимый холодным рассудком⁴³.

Что касается психологических особенностей населения Польши как единого организма, отмеченные Германом характеристики находим у самого Шуйского: «Польша — дитя веры, а не разума / И чужеземные умы не в силах нам помочь»⁴⁴, что лишний раз убеждает, что указанные свойства давно стали топиной. Справедливо отмечено: Шуйский был и оставался романтиком, в то же время выступая критиком романтизма: на протяжении всей жизни он стремился преобразовать романтические каноны, одновременно пытаясь сохранить «романтический культурный этос»⁴⁵. В контексте этой драмы эпизодически мелькал образ Другого (если смотреть с польской стороны), когда Любомирский бегло писал о русском царе, способном, в отличие от польского короля, «рубить головы»⁴⁶. Принято считать, что Шуйский в своей драме не склонялся ни в сторону короля, ни в сторону Любомирского⁴⁷. Так ли это?

Как ни странно, для Шуйского-историка, имевшего свое мнение насчет прегрешений польской власти в прошлом, в своеобразной дуэли позиций — короля и мятежного гетмана — очевидно стремление к равному распределению своих симпатий. Он сочувствовал королю,

⁴² German 1889: 75.

⁴³ German 1889: 93.

⁴⁴ *Szujski J.* Jerzy Lubomirski... S. 13.

⁴⁵ Michalak 1991: 16.

⁴⁶ *Szujski J.* Jerzy Lubomirski... S. 7.

⁴⁷ Впрочем, в «Истории...» Шуйский также обнаруживает если не симпатии, то сочувствие к Любомирскому. — Ср. *Szujski J.* Dzieje Polski podług ostatnich badań. T. III. Królowie wolno obrani. Cz. 1. 1572–1668. Lwów: Nakład Karola Wilda, 1864. S. 430–445, 452–464.

будучи уверен, что это «королева — мастерица перемен, / Ну, а король, король им всем покорен»⁴⁸.

Любомирский у Шуйского — почти олицетворение польских традиций. Гетман признался, что сохраняет привязанность «к своей родине и своему королю», а потому решительно отвергает бросаемые в его адрес обвинения: «В том, что изменилось, нет моей вины, / Советчиков настала власть в Отчизне»⁴⁹. А почтенный возраст Любомирского здесь будто отождествлен со старыми добрыми временами, светлая грусть о которых пронизывала в том числе польскую литературу раннего Нового времени:

Стар я уже. Люблю
Я тишину домашнюю,
Шум рощ родных,
Баюкают меня блаженны думы,
Навевая воспоминания о прошлом,
Что прикрывают от новых света нашего обычаев⁵⁰.

В уста Любомирского, отказавшего королю в повиновении, автор вложил слова, смысл которых был ясен любому шляхтичу, пополнившему ряды оппозиции, сам факт организации которой, что важно, не противоречил законам Речи Посполитой:

...для нас одна есть истина:
как раньше, любить отчизну нашу,
Правление в стране вести традиционно,
Воздавая честь и уважение достойным,
Заботу проявляя об отцах, —
И станет это вместе взятое — для Польши процветаньем⁵¹.

Другой вариант своеобразной дуэли, но уже не короля и магната, а двух коллег по перу — Шуйского и Людвика Вольского, на статью которого под названием «Диагноз» Шуйский не мог не отреагировать⁵². Столкновение произошло на почве разногласий по поводу

⁴⁸ Ibid. S. 8.

⁴⁹ Ibid. S. 11.

⁵⁰ Ibid. S. 10.

⁵¹ Ibid. S. 13.

⁵² *Szujski J.* O fałszywej historii jako mistrzyni fałszywej polityki. Z powodu artykułu p. L. Wolskiego pod tytułem *Dyagnoza*. Kraków: Drukarnia "Czasu", 1877. 36 s.

польских национальных интересов в настоящем, где корни разногласий крылись в различной трактовке польского прошлого. Шуйский процитировал оппонента, статью которого следует понимать как:

скромную попытку продемонстрировать: 1) что польский национальный дух падает, 2) что причина этого состоит в том, что хладнокровные и благоразумные люди посягнули на самые глубинные чувства и помыслы нации, высмеяв и растоптав их, чтобы придать развитию общества совершенно иное направление, 3) что это новое направление уже принято большинством народа и что поэтому нация находится в состоянии затяжного падения, 4) что эти хладнокровные и благоразумные люди, осквернив чувства настоящего, обратились к прошлому, чтобы внушить отвращение к прошлому, которое поддерживало народ и обеспечивало ему веру в будущее⁵³.

Статья Вольского носила программный, если можно так выразиться, характер, провоцируя на выступления против любых новшеств не только в настоящем, но и против посягательств на польское прошлое. Как историк, публицист, литератор, Шуйский всегда концентрировал свое и читателей (зрителей) внимание не только и не столько на национальном прошлом, сколько на включенности этого прошлого в общее настоящее, в чем убеждает любое вышедшее из-под его пера сочинение. Не будет большим преувеличением сказать, что в польской историографии эпохи разделенного государства невидимое звено, скреплявшее воедино вчера (большой длительности) и сегодня, обладало особой, по сравнению с прочими национальными историографиями, прочностью. Поэтому не удивительно, что явственно ощущаемая связь прошлого и настоящего, присутствие прошлого в настоящем, досталась в наследство польской историографии XX в. и следующего — XXI в.⁵⁴

Шуйский изложил свою и своих единомышленников позицию, которая, прежде всего, касалась давней польской власти (образа власти), а именно — прирожденных ее черт. Шуйский упрекал Вольского, что свое представление о том, что прирожденным свойством

⁵³ Ibid. S. 4. См. также: *Szujski J.* Kilka uwag o "Dziejach Polski w krótkim zarysie" Michała Bobrzyńskiego. Warszawa: Drukiem Władysława Dębskiego, 1879. 57 s.; *Bobrzyński M.* W imię prawdy dziejowej. Rzecz o zadaniu historyi i dzisiejszem jej stanowisku. Warszawa: Drukarnia W. L. Anczyca i Spółki, 1879. 40 s.

⁵⁴ См., например: Serejski 1965; Kizwalter 2018; Jeszke 2021; Nowak 2021; Orzel 2021.

поляков является свобода, а не правительство (как синоним порядка), он почерпнул у Иоахима Лелевеля (1786–1861), Енджея Морачевского (1802–1855), Генриха Шмитта (1817–1883)⁵⁵, но не удосужился выяснить, всегда ли было так. Шуйскому пришлось напомнить оппоненту, что «фатальное стремление к свободе отнюдь не распространяется на всю польскую историю»⁵⁶, что, как известно, признавал в том числе Лелевель.

Образ власти в этом публицистическом сочинении Шуйского, где пересекалось прошлое с настоящим, напрямую перекликался с польским пассажем «Сатирикона», где по-своему запечатлен образ польской власти. Но важно здесь и другое. Сходство с научной составляющей русской точки зрения по поводу свойственных шляхетской республике недугов (в случае Вольского — достоинств, подразумеваемая свобода), можно было усмотреть, по мнению русских же коллег⁵⁷, у некоторых польских историков⁵⁸, причем проявилось это тогда же, когда тезисы о Польше формулировал М. П. Погодин, а именно — в 1860-е годы.

В борьбе за, так сказать, правдивую историю, как известно, первенствовала возглавляемая Шуйским Краковская историческая школа⁵⁹, градус спора вокруг научной и политической позиции которой в современной польской историографии отнюдь не снижает-ся⁶⁰. Характеризуя Шуйского как выдающегося историка и организатора науки, Анджей Грабский в обобщающем «Очерке истории польской историографии» не преминул подчеркнуть (впрочем, в этом он был не одинок)⁶¹, что некогда участник Январского восстания Шуйский после его поражения кардинально пересмотрел прежние романтические представления, отказался от повстанческих идеалов в пользу лоялистской теории и практики и стал одним

⁵⁵ *Szujski J.* O fałszywej historii. S. 5.

⁵⁶ *Ibidem.*

⁵⁷ Кареев 1886; Попов 1884.

⁵⁸ Подробнее об этом, см., например: Аржакова 2009.

⁵⁹ Smoleński 1898; Serejski 1963: 127–403; Bardach 1973; Grabski 2003: 126–134; Wierzbicki 2009: 130–132.

⁶⁰ См., например: Wierzbicki 1997; Dybiec 2004: 137–189; Jakubek 2005; Słoczyński 2011; Włodarski 2015; Wadzińska 2017; Daszyk 2020; Kawalec 2020; Swakoń 2020; Maternicki 2020; Wierzbicki 2021.

⁶¹ Feldman 1933: 51–59; Grabski 2003: 128. Łazuga 1991: 41; Król-Mazur 2010: 285–288; Kłoczowski (red.) 2016: 7–14; Paczos 2018; Wolff 2010: 219–224. Ср.: Wolff 2020.

из деятельных участников группировки станьчигов, исповедовавшей эту идеологию.

Однако такой выбор было сложно поддержать, по крайней мере сразу (случай с Вольским — лишнее тому доказательство), значительной части польского общества, которая не просто была не готова отказаться от своих убеждений и повстанческих идеалов, но готова была за них умереть, как афиняне за свое эллинство⁶². Болезненным оставался и вопрос идентичности австрийских поляков в Галиции — или галицийских поляков⁶³, что добавляло поводов к жарким спорам о дне сегодняшнем и дне прошедшем.

Наблюдения над образами позволяет проводить самые неожиданные сравнения. Например, творчества Михала Бобжиньского (1849–1935) и Аркадия Аверченко с его версией образа польской власти. Ученик Шуйского, Бобжиньский не только воспринял идейные постулаты своего наставника, но в значительной мере развил их, ярким подтверждением чему стал его «Очерк истории Польши» (1879)⁶⁴, мгновенно получивший популярность, хотя на первых порах скандальную. Можно сказать, что два образа польской истории, Бобжиньского и Аверченко, представляли собой противоположно направленные векторы. Если Бобжиньский сделал достоянием общественности весьма трудную для восприятия соотечественников версию польской истории, то Аверченко — напротив, максимально упростил, если не сказать — вульгаризировал польскую историю, в результате получился легкий и потому запоминающийся образ польского прошлого, польской власти, но — образ Другого.

Позволю себе повторить, преломление образа власти в польском контексте, точнее — в контексте польской общественно-политической и исторической мысли, обладает характерными, несравнимыми ни с какими иными случаями, особенностями. На этом основании можно отчасти согласиться с А. Г. Васильевым⁶⁵, не раз писавшим о падении

⁶² Ассман 2004: 294.

⁶³ Об этом подробнее см., например: Zięba 2017.

⁶⁴ *Bobrzyński M. Dzieje Polski w zarysie.* Warszawa: Gebethner i Wolff, Kraków: G. Gebethner i Spółka, 1887. Т. 1. 324 s.; *Idem. Dzieje Polski w zarysie.* Warszawa: Gebethner i Wolff, Kraków: G. Gebethner i Spółka, 1890. Т. 2. 397 s. Ср. перевод с третьего издания: *Бобржиньский М. Очерк истории Польши.* СПб.: Издание Л. Ф. Пантелеева, 1888. Т. 1. 291 с.; Т. 2. 340 с. См. также: Grabski 1974: 5–38; Łazuga 1982: 22–71.

⁶⁵ Васильев 2010, ср.: Васильев 2012; Васильев, Васильева 2016.

Речи Посполитой как ключевой проблеме польской историографии XIX в., которую он предложил понимать как мемориализацию травмы, и на этом основании рассматривать (правда, недостаточно четко прописанные) модели мемориализации травмы⁶⁶.

Оперирование прошлым в контексте настоящего, конечно, не новость, но в зависимости от конкретных обстоятельств настоящего и опыта прошлого это прошлое по-разному себя проявляет в настоящем. Что касается собственно образов (выявление которых, настаивала бы, не обходится без трудностей, если дело не ограничивается лишь использованием термина), обращает на себя внимание определенное сходство в восприятии задач и предназначения истории между польским (Шуйский) и немецким историком, имею в виду античника Иоганна Густава Дройзена (1808–1884). Явно тяготевший к философии истории, более полутора столетий назад он заявил в очерке

⁶⁶ Васильев 2010, ср.: Васильев 2012. Поясню, почему соглашаюсь лишь отчасти. Обе работы Васильева (статья 2010 г. и глава в коллективной монографии 2012 г.) объединяет ключевая проблема историографии XIX в. — падение Польши. Один из вопросов, на первый взгляд, технический, который можно адресовать автору, связан с решением заковычить словосочетание падение Польши, что, надо полагать, позаимствовано у Н. И. Кареева (*Кареев Н. И.* «Падение Польши» в исторической литературе. СПб.: Типография В. С. Балашева, 1888. 413 с.). Отмечу, однако, что Кареев в самом тексте, в отличие от Васильева, падение Польши от кавычек освобождает. Васильев, напротив, использует кавычки сверх меры, обрамляя ими не только падение Польши, но — без какого-либо комментария — и многие другие слова, словосочетания, фразы, что в результате не позволяет составить представление о собственно авторской (А. Г. Васильева) точке зрения. Кроме того, изначально спорное определение в работе 2012 г. — мемориализация травмы, в содержании главы оказывается размытым, почти так же, как, по словам автора (или, по мнению далее цитируемой автором Барбары Шацкой), в настоящее время размыта «граница между историей и мемориальными исследованиями» (Васильев 2012: 217). Как результат, мемориализация практически уходит в тень, откуда автор не спешит ее вывести, не акцентируя и заявленные методы мемориализации, тем самым оставляя читателям самостоятельно домысливать внешне лобопытную идею. Аналогичную ситуацию, имея в виду множество заковыченных слов и словосочетаний, следствием чего становится смысловая путаница, находим в статье 2016 г., где жертвой стали «истоки Польши» как центральный сюжет статьи. В названных работах А. Г. Васильева прочно заключенными в кавычки оказались основные термины, используемые в контексте польской истории. Это: «шляхетская республика», «коренные пороки», «пессимистический» и «оптимистический» сценарии, «сармаatism» и многое другое. Судя по всему, таков авторский стиль, что подтверждает, например, коллективная монография 2020 г., где А. Г. Васильев выступает автором одной из глав (Васильев 2020: 392–416), хотя это не снимает вопросы к Васильеву по поводу его, остающейся неясной, трактовки заковыченных терминов и определений.

«Историка»: «Практическое значение исторических исследований заключается в том, что они — и только они — дают государству, народу, армии и т. д. *образ самого себя*»⁶⁷. Эти слова Дройзена заставляют усомниться в справедливости утверждения, что образы вошли в ткань исторического исследования сравнительно недавно. С точки зрения заявленной темы, где в центре внимания, с какой бы стороны ни подходить, оказывается Юзеф Шуйский, восприятие предназначения исторических исследований как возможности создать образ самого себя (то есть народа) максимально соответствует направлению, по которому Шуйский следовал всю сознательную жизнь. Можно, хотя не без сомнений, предположить, что как раз в поисках образа прошлого, в том числе образа власти, вызывавшей в современном ему обществе ожесточенные споры, Шуйский через литературу пришел в историю.

Остается повторить, что такой конструкт, как образ, здесь — образ власти, всегда произволен и подчинен автору. На следующем этапе, — а образ, по определению, иллюзорен, он преобразуется (перелицовывается), — теперь уже по воле исследователя творческого наследия своего предшественника, и уже только от него зависит представление об образе, несмотря на то что образ, как правило, играет инструментальную роль. Пожалуй, даже само заявление об образе предполагает **большой** спрос и **большую** ответственность заявителя. Не оттого ли современная польская историография, пребывающая, насколько можно судить, в методологических поисках, если не сказать в состоянии некоторой методологической растерянности⁶⁸, избегает широко эксплуатировать категорию образа применительно к изучению власти древней Речи Посполитой.

В любом случае, обращение к избранным сочинениям Шуйского с целью выявления образа власти (каким бы условным этот образ ни был) убеждает, что дальнейшая разработка творческого наследия одного из лидеров станьчиков в контексте заявленной темы имеет определенные перспективы. Особенно если учитывать, что власть (в самом широком смысле слова) в польской истории и польской историографии привлекала и продолжает привлекать пристальное внимание исследователей. Труды Шуйского, где на первом плане — вне

⁶⁷ Дройзен 2004: 499.

⁶⁸ См. об этом, например: Wiślicz 2010; Wiślicz 2021; Domańska 2013; Domańska 2021; Zarycki 2021.

зависимости от того, перед нами литературное или историческое произведение — в основном выступают носители власти, подтверждают сложность задачи и необходимость дальнейшего уточнения очертаний того, что можно было бы определить как образ власти.

Литература

- Аржакова 2009 — *Аржакова Л.М.* Опыт польско-российского диалога: Н.И. Кареев, Н.А. Попов и Михал Бобжинский // Вестник СПбГУ. Сер. 2. История. Вып. 3. 2009. С. 9–17.
- Аржакова 2010 — *Аржакова Л.М.* Российская историческая полонистика и польский вопрос в XIX веке. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2010. 343 с.
- Ассман 2004 — *Ассман Я.* Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
- Ассман 2017 — *Ассман А.* Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима модерна. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 272 с.
- Бахтин 1986 — *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Изд-во «Искусство», 1986. 445 с.
- Васильев 2010 — *Васильев А.Г.* «Падение Польши» в национальной историографии периода разделов: «пессимистический» сценарий // Вопросы культурологии. 2010. №9. С. 29–34.
- Васильев 2012 — *Васильев А.Г.* «Падение Польши» и модели мемориализации травмы // Кризисы переломных эпох в исторической памяти / под ред. Л. П. Репиной. М.: Институт всеобщей истории РАН. С. 215–248.
- Васильев 2020 — *Васильев А.Г.* Сарматизм в нарративах польской идентичности: на перекрестках интерпретаций // Прошлое для настоящего: История-память и нарративы национальной идентичности / под ред. Л. П. Репиной. М.: Аквилон, 2020. С. 392–416.
- Васильев, Васильева 2016 — *Васильев А.Г., Васильева В.О.* Образы «истоков Польши» в романтическом мемориальном нарративе. Формирование события // Диалог со временем. 2016. Вып. 56. С. 151–171.
- Дройзен 2004 — *Дройзен И.Г.* Историка. Лекции об энциклопедии и методологии истории. СПб.: Владимир Даль, 2004. 583 с.
- Кареев 1886 — *Кареев Н.И.* Новейшая польская историография и переворот в ней // Вестник Европы. 1886. №12. С. 340–432.
- Кохановский 1960 — *Кохановский Я.* Избранные произведения. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. 370 с.
- Погодин 1907 — *Погодин А.Л.* Главные течения польской политической мысли (1863–1907). СПб.: Книгоиздательское т-во «Просвещение», 1907. 662 с.

- Погодин 1915 — *Погодин А. Л.* История польского народа в XIX веке. М.: Издание Г. А. Лемана и С. И. Сахарова, 1915. 297 с.
- Погодин 1868 — *Погодин М. П.* Об отношении Польши к России // Польский вопрос. Собрание рассуждений, записок и замечаний. 1831–1867. М.: В типографии газеты «Русский», 1868. С. 1–10.
- Попов 1884 — *Попов Н. А.* О важнейших явлениях в польской исторической литературе за прошлый год // Известия Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного Общества. 1884. № 2. С. 22–27.
- Степун 1995 — *Степун Ф. А.* Памяти Андрея Белого // Воспоминания об Андрее Белом. М.: Республика, 1995. С. 162–186.
- Филевич 1894 — *Филевич И. П.* Польша и польский вопрос. М.: Университетская типография, 1894. 104 с.
- Bardach 1973 — *Bardach J.* W stulecie Krakowskiej szkoły historycznej // Kwartalnik Historyczny. 1973. LXXX, Z. 4. S. 962–968.
- Bobrzyński 1887 — *Bobrzyński M.* Dzieje Polski w zarysie. Warszawa: Gebethner i Wolff, Kraków: G. Gebethner i Spółka, 1887. T. 1. 324 s.
- Bobrzyński 1890 — *Bobrzyński M.* Dzieje Polski w zarysie. Warszawa: Gebethner i Wolff; Kraków: G. Gebethner i Spółka, 1890. T. 2. 397 s.
- Czartoryski 1860 — *Czartoryski A.* Żywot J. Niemcewicza. Berlin; Poznań: Księgarnia B. Behra, 1860. 445 s.
- Daszyk 2016 — *Daszyk K. K.* Szkoła patriotyzmu politycznego. Stańczycy w autocharakterystyce // Stańczycy — konserwatyzm, który przeminął? / red. J. Kloczkowski. Kraków: Ośrodek Myśli Politycznej, 2016. S. 15–44: URL: <http://stanczycy.pl/opracowania/szkola-patriotyzmu-politycznego/> (дата обращения: 25.08.2022).
- Daszyk 2020 — *Daszyk K. K.* Michał Bobrzyński kontra Roman Dmowski: historiograficzno-polityczny dwugłos na temat wskrzeszenia państwa Polskiego // Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace Historyczne. 2020. № 147. Z. 3. S. 543–568.
- Domańska 2013 — *Domańska E.* Wiedza o przeszłości — perspektywa na przyszłość // Kwartalnik Historyczny. 2013. R. CXX. № 2. S. 221–274.
- Domańska 2021 — *Domańska E.* Problemy i perspektywy polskiej historiografii współczesnej. Wprowadzenie // Wielka zmiana. Historia wobec wyzwań... Pamiętnik XX Powszechnego Zjazdu Historyków Polskich w Lublinie 18–20 września 2019 roku / red. J. Pomorski, M. Mazur. Warszawa; Lublin: Wydawnictwo Instytutu Pamięci Narodowej, 2021. T. 1. Potęga historii. S. 253–266.
- Dybiec 2004 — *Dybiec J.* Nie tylko szabłą. Nauka i kultura polska w walce o utrzymanie tożsamości narodowej 1795–1918. Kraków: Wydawnictwo Księgarnia Akademicka, 2004. 354 s.
- Feldman 1933 — *Feldman W.* Dzieje polskiej myśli politycznej 1864–1914. Warszawa; Kraków: Drukarnia W. L. Anczyca i Spółki, 1933. 387 s.

- German 1889 — *German L.* O dramatach Józefa Szujskiego. Studium. Kraków: Księgarnia G. Gebethnera i Spółki, 1889. 258 s.
- Grabski 2003 — *Grabski A. F.* Zarys historii historiografii polskiej. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2003. 277 s.
- Janowski 2017 — *Janowski M.* Jeszcze raz o Lelewelu i kryteriach oceny klasyków historiografii // Kwartalnik Historyczny. 2017. R. CXXIV. № 3. S. 563–567.
- Jeszke 2021 — *Jeszke J.* Badacz i jego perspektywy interpretacyjne // Kwartalnik Historii Nauki i Techniki. 2021. № 2. S. 11–23.
- Kaliszewski 2003 — *Kaliszewski W.* Kto królem będzie, czy Polak i który? Wiersze elekcyjne ostatniego bezkrólewia 1763–1764. Warszawa: Wydawnictwo DiG, 2003. 290 s.
- Kawalec 2020 — *Kawalec A.* U początków modernizacji studium historycznego na uniwersytecie Jagiellońskim starania Ksawerego Liskego i Wincentego Zakrzewskiego o katedrę historii powszechnej na UJ // Kwartalnik Historyczny. 2020. R. CXXVII. № 3. S. 571–598.
- Kłoczkowski (red.) 2016 — Kłoczkowski J. (red.) Stańcyczycy — konserwatyzm, który przeminął? Kraków: Ośrodek Myśli Politycznej, 2016. 152 s.
- Kot 1927 — *Kot S.* Wstęp // *Niemcewicz J.* Powrót posła oraz wybór bajek politycznych z epoki sejmu Wielkiego. Kraków: Drukarnia W. L. Anczyca i Spółki, 1927. S. I–XLI.
- Król-Mazur 2010 — *Król-Mazur R.* Idea odrodzonego państwa Polskiego w poglądach galicyjskich ugrupowań politycznych do utworzenia Naczelnego Komitetu Narodowego // Politeja. 2010. № 14. S. 269–300.
- Maternicki 2020 — *Maternicki J.* Konfederacja barska w myśli historycznej szkoły krakowskiej: Michał Bobrzyński i Anatol Lewicki // Klio Polska: Studia i Materiały z Dziejów Historiografii Polskiej. 2020. T. 12. S. 10–23.
- Michalak 1991 — *Michalak H.* Wstęp // Józef Szujski o fałszywej historii jako mistrzyni fałszywej polityki. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1991. S. 5–19.
- Nowak 2021 — *Nowak A.* The 2021 Kwartalnik Historyczny Survey // Kwartalnik Historyczny. 2021. R. CXXVIII. № 1. S. 17–27.
- Orzeł 2021 — *Orzeł J.* Między semantyką historyczną a kontekstem społecznym epoki — o języku politycznym szlachty Rzeczypospolitej // Kwartalnik Historyczny. 2021. R. CXXVIII. № 3. S. 813–829.
- Paczos 2018 — *Paczos S.* Rec. — Stańcyczycy — konserwatyzm, który przeminął? / red. J. Kłoczkowski. Kraków: Ośrodek Myśli Politycznej, 2016. 152 s. // Historia Slavorum Occidentis. 2018. № 1(16). S. 120–125.
- Serejski 1965 — *Serejski M. H.* Przeszłość a terażniejszość. Szkice i studia historiograficzne. Wrocław: Wydawnictwo PAN, 1965. 266 s.
- Słoczyński 2010 — *Słoczyński H. M.* Światło w dziejarskiej ciemnicy. Koncepcja dziejów i interpretacja przeszłości Polski Joachima Lelewela. Kraków: Towarzystwo Wydawnicze “Historia Jagiellonica”, 2010. 615 s.

- Słoczyński 2011 — *Słoczyński H. M.* Koncepcja przestrzeni w syntezie dziejów Polski Józefa Szujskiego i jej polityczne uwarunkowania // Kwartalnik Historyczny. 2011. R. CVIII. № 4. S. 633–679.
- Smoleński 1898 — *Smoleński W.* Szkoły historyczne w Polsce (główne kierunki poglądów na przeszłość). Warszawa: Drukarnia Artystyczna Saturnina Sikorskiego, 1898. 160 s.
- Smolka 1883 — *Smolka S.* Józef Szujski. Jego stanowisko w literaturze i w społeczeństwie. Kraków: Główny skład w księgarni Gebethnera i Spółki, 1883. 126 s.
- Strachowski 2021 — *Strachowski M.* Habsburski łącznik. Recenzja książki Larry’ego Wolffa Idea Galicji. — Wolff L. Idea Galicji. Historia i fantazja w kulturze politycznej Habsburgów. Kraków: Międzynarodowe Centrum Kultury, 2021 // Nowy Napis. URL: <https://nowynapis.eu/tygodnik/nr-107/artykul/habsburski-lacznik-recenzja-ksiazki-larryego-wolffa-idea-galicji> (data obraczenia: 25.07.2022).
- Swakoń 2020 — *Swakoń R.* Józefa Kazimierza Plebańskiego krytyka tzw. krakowskiej szkoły historycznej // Klio Polska: Studia i Materiały z Dziejów Historiografii Polskiej. 2020. T. 12. S. 51–71.
- Tarnowski 1885a — *Tarnowski S.* Szujskiego lata szkolne. Kraków: W drukarni “Czasu” Fr. Kluczyckiego i Spółki, 1885. 99 s.
- Tarnowski 1885b — *Tarnowski S.* Od wydawców // *Szujski J.* Dzieła. Wydanie zbiorowe. Kraków: Drukarnia “Czasu” Fr. Kluczyckiego i Spółki, 1885. Ser. I. T. 1. Poezye. S. I–VIII.
- Tarnowski 1892 — *Tarnowski S.* Szujskiego młodość. Kraków: W drukarni “Czasu” Fr. Kluczyckiego i Spółki, 1892. 232 s.
- Tarnowski 1901 — *Tarnowski S.* Józef Szujski jako poeta. Warszawa: Nakład Gebethnera i Wolffa, 1901. 201 s.
- Wadzińska 2017 — *Wadzińska A.* Dwa spojrzenia na historię Polski. Polemika demokratów lwowskich Henryka Schmitta i Ludwika Wolskiego z przedstawicielem krakowskiej „nowej szkoły historycznej” Józefem Szujskim w latach 70. XIX wieku // Klio Polska: Studia i Materiały z Dziejów Historiografii Polskiej. 2017. T. 9. S. 7–31.
- Wierzbicki 1997 — *Wierzbicki A.* Wokół czarnej legendy historiografii krakowskich konserwatystów // Kwartalnik Historyczny. 1997. R. 104. № 2. S. 63–87.
- Wierzbicki 2021 — *Wierzbicki A.* Uwagi na temat “nowych szkół” w historiografii polskiej doby podzaborowej // Klio Polska: Studia i Materiały z Dziejów Historiografii Polskiej. 2021. T. 13. S. 51–62.
- Wiślicz 2010 — *Wiślicz T.* Historiografia polska 1989–2009. Bardzo subiektywne podsumowanie // Przegląd Humanistyczny. 2010. R. LIV. № 5/6 (422/423). S. 37–48.
- Wiślicz 2021 — *Wiślicz T.* Nowe tendencje w historiografii polskiej po 1989 roku. Raport diagnostyczny // Wielka zmiana. Historia wobec wyzwań... Pamiętnik XX Powszechnego Zjazdu Historyków Polskich w Lublinie 18–20 września

- 2019 roku. / red. J. Pomorski, M. Mazur. Warszawa; Lublin: Wydawnictwo Instytutu Pamięci Narodowej, 2021. T. 1. Potęga historii. S. 267–294.
- Włodarski 2015 — *Włodarski B.* Jeden cel — dwie drogi. O recepcje wzorców francuskich na przykładzie Krakowskiej i Warszawskiej szkoły nauk politycznych od czasów zaborów do 1939 roku // *Politeja*. 2015. 4 (36). S. 275–298.
- Wolff 2010 — *Wolff L.* The Idea of Galicia. History and fantasy in Habsburg political Culture. Stanford: Stanford University Press, 2010. 486 s.
- Zarycki 2021 — *Zarycki T.* Polska historiografia po roku 1989: spojrzenie socjologa nauki // *Kwartalnik Historyczny*. 2021. R. CXXVIII. № 1. S. 591–502.
- Zięba 2017 — *Zięba A.* Polacy galicyjscy czy Polacy w Galicji? Refleksja na temat przeobrażeń tożsamości polskiej w zaborze austriackim // *Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace Historyczne*. 2017. 144. Z. 2. S. 215–232.

References

- Arzhakova, L. M., 2009. Opyt pol'sko-rossiiskogo dialoga: N. I. Kareev, N. A. Popov i Mikhail Bobzhinski [The experience of Russian-Polish dialogue: N. I. Kareev, N. A. Popov i Mikhail Bobrzyński]. *Vestnik SPbGU. Ser. 2. Istorii*, 3, pp. 9–17. (in Rus.)
- Arzhakova, L. M., 2010. *Rossiiskaia istoricheskaia polonistika i pol'skii vopros v 19 veke* [Russian historical Polish studies and the Polish question in the nineteenth century]. Saint Petersburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 343 p. (in Rus.)
- Assman, Ia., 2004. *Kul'turnaia pamiat'. Pis'mo, pamiat' o proshlom i politicheskaia identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural memory. Writing, memory and political identity in early advanced civilizations]. M.: Iazyki slavianskoi kul'tury, 368 s. (In Rus.)
- Assman, Ia., 2017. *Raspalas' svjaz' vremen? Vzlet i padenie temporal'nogo rezhima moderna* [Has the connection of times broken down? The rise and fall of the temporal regime of Moderne]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 272 p. (in Rus.)
- Bakhtin, M. M., 1986. *Eстетика словесного творчества* [The Aesthetics of verbal creation]. Moscow: Iskusstvo, 445 p. (in Rus.)
- Bardach, J., 1973. W stulecie Krakowskiej szkoły historycznej. *Kwartalnik Historyczny*, LXXX, 4, pp. 962–968.
- Bobrzyński, M., 1889. *Dzieje Polski w zarysie*, 1. Warszawa: Gebethner i Wolff; Kraków: G. Gebethner i Spółka, 324 p.
- Bobrzyński, M., 1890. *Dzieje Polski w zarysie*, 2. Warszawa: Gebethner i Wolff; Kraków: G. Gebethner i Spółka, 397 p.
- Czartoryski, A., 1860. *Żywot J. Niemcewicza*. Berlin; Poznań: Księgarnia B. Behra, 445 p.
- Daszyk, K. K., 2016. Szkoła patriotyzmu politycznego. Stańcycy w autocharakterystyce. In: Kloczkowski, J., ed. *Stańcycy — konserwatyzm, który przeminął?*

- Kraków: Ośrodek Myśli Politycznej, pp. 15–44. URL: <http://stanczy-cy.pl/opracowania/szkola-patriotyzmu-politycznego/> (дата обращения: 25.07.2022).
- Daszyk, K. K., 2020. Michał Bobrzyński kontra Roman Dmowski: historiograficzno-polityczny dwugłos na temat wskrzeszenia państwa Polskiego. *Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace Historyczne*, 147, 3, pp. 543–568.
- Domańska, E., 2013. Wiedza o przeszłości — perspektywa na przyszłość. *Kwartalnik Historyczny*, CXX, 2, pp. 221–274.
- Domańska, E., 2021. Problemy i perspektywy polskiej historiografii współczesnej. Wprowadzenie. In: Pomorski, J., Mazur, M., eds. *Wielka zmiana. Historia wołbeczywoań... Pamiętnik XX Powszechnego Zjazdu Historyków Polskich w Lublinie 18–20 września 2019 roku, 1, Potęga historii*. Warszawa; Lublin: Wydawnictwo Instytutu Pamięci Narodowej, pp. 253–266.
- Drojszen, I. G., 2004. *Istorika. Lektsii ob entsiklopedii i metodologii istorii* [The Historian. Lectures on encyclopaedia and methodology of history]. Saint Petersburg: Vladimir Dal, 583 p. (in Rus.)
- Dybiec, J., 2004. *Nie tylko szabłą. Nauka i kultura polska w walce o utrzymanie tożsamości narodowej 1795–1918*. Kraków: Wydawnictwo Księgarnia Akademicka, 2004. 354 p.
- Feldman, W., 1933. *Dzieje polskiej myśli politycznej 1864–1914*. Warszawa; Kraków: Drukarnia W. L. Anczyca i Spółki, 387 p.
- Filevich, I. P., 1894. *Pol'sha i pol'skii vopros* [Poland and the Polish question]. M.: Universitetskaia tipografiia, 1894, pp. 104. (in Rus.)
- German, L., 1889. *O dramatach Józefa Szujskiego. Studium*. Kraków: Księgarnia G. Gebethnera i Spółki, 258 p.
- Grabski, A. F., 2003. *Zarys historii historiografii polskiej*. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 277 p.
- Janowski, M., 2017. Jeszcze raz o Lelewelu i kryteriach oceny klasyków historiografii. *Kwartalnik Historyczny*, CXXIV, 3, pp. 563–567.
- Jeszek, W., 2021. Badacz i jego perspektywy interpretacyjne. *Kwartalnik Historii Nauki i Techniki*, 2, p. 11–23.
- Kaliszewski, W., 2003. *Kto królem będzie, czy Polak i który? Wiersze elekcyjne ostatniego bezkrólestwa 1763–1764*. Warszawa: Wydawnictwo DiG, 290 p.
- Kareev, N. I., 1886. Noveishaia pol'skaia istoriografiia i perevorot v nei [Recent Polish historiography and the upheaval in it]. *Vestnik Evropy* [Herold of Europe], 12, pp. 340–432. (in Rus.)
- Kawalec, A., 2020. U początków modernizacji studium historycznego na uniwersytecie Jagiellońskim starania Ksawerego Liskego i Wincentego Zakrzewskiego o katedrę historii po wszechnej na UJ. *Kwartalnik Historyczny*, CXXVII, 3, pp. 571–598.
- Kłoczowski, J., ed. 2016. *Stańcycy — konserwatyzm, który przeminął?* Kraków: Ośrodek Myśli Politycznej, 152 p.

- Kohanovskij, Ia., 1960. *Izbrannye proizvedenija* [Select works]. Moscow; Lenin-grad: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 370 p.
- Kot, S., 1927. Wstęp. In: Niemcewicz, J. *Powrót posła oraz wybór bajek politycznych z epoki sejmu Wielkiego*. Kraków: Drukarnia W. L. Anczyca i Spółki, pp. I–XLI.
- Król-Mazur, R., 2010. Idea odrodzonego państwa Polskiego w poglądach galicyjskich ugrupowań politycznych do unworzenia Naczelnego Komitetu Narodowego. *Politeja*, 14, pp. 269–300.
- Maternicki, J., 2020. Konfederacja barska w myśli historycznej szkoły krakowskiej: Michał Bobrzyński i Anatol Lewicki. *Klio Polska: Studia i Materiały z Dziejów Historiografii i Polskiej*, 12, pp. 10–23.
- Michalak, H., 1991. Wstęp. In: Szujski, J. *O fałszywej historii jako mistrzyni fałszywej polityki*. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, pp. 5–19.
- Nowak, A., 2021. The 2021 Kwartalnik Historyczny Survey. *Kwartalnik Historyczny*, CXXVIII, 1, pp. 17–27.
- Orzeł, J., 2021. Między semantyką historyczną a kontekstem społecznym epoki – o języku politycznym szlachty Rzeczypospolitej. *Kwartalnik Historyczny*, CXXVIII, 3, pp. 813–829.
- Paczos, S., 2018. [Rec.] Stańcyzy – konserwatyzm, który przeminął?, red. J. Kloczkowski. Kraków: Ośrodek Myśli Politycznej, 2016. 152 s. *Historia Slavorum Occidentis*, 2018, 1(16), pp. 120–125.
- Pogodin, A. L., 1907. *Głownye techenia pol'skoi politichesko mysli (1863–1907)* [Main trends in Polish political thought]. Saint Petersburg: Knigoizdatel'skoe t-vo "Prosveshchenie", 662 p.
- Pogodin, A. L., 1915. *Istoriia pol'skogo naroda v 19 veke* [History of the Polish people in the nineteenth century]. M.: Izdanie G. A. Lemana i S. I. Sakharova, 1915. 297 p. (in Rus.)
- Pogodin, M. P., 1868. Ob otnoshenii Pol'shi k Rossii [On the attitude of Poland to Russia]. In: Pogodin, M. P. *Pol'skii vopros. Sobranie rassuzhdenii, zapisok i zamechanii. 1831–1867* [The Polish question. Collection of reflections, notes and Remarks. 1831–1867]. Moscow: V tipografii gazety "Russkii", pp. 1–10. (in Rus.)
- Popov, N. A., 1884. O vazhneishikh iavleniiakh v pol'skoi istorichesko literaturze za proshlyi god [On the most important phenomena in Polish historical literature last year]. *Izvestiia Sankt-Peterburgskogo Slavianskogo Blagotvornitel'nogo Obshchestva* [Proceedings of the Slavic Charitable Society], 2, pp. 22–27. (in Rus.)
- Serejski, M. N., 1965. *Przeszłość a terażniejszość. Szkice i studia historiograficzne*. Wrocław: Wydawnictwo PAN, 266 p.
- Słoczyński, H. M., 2010. *Światło w dziejarskiej ciemnicy. Koncepcja dziejów i interpretacja przeszłości Polski Joachima Lelewela*. Kraków: Towarzystwo Wydawnicze "Historia Jagiellonica", 615 p.

- Słoczyński, H. M., 2011. Koncepcja przestrzeni w syntezie dziejów Polski Józefa Szujskiego i jej polityczne uwarunkowania. *kwartalnik Historyczny*, CVIII, 4, pp. 633–679.
- Smoleński, W., 1898. *Szkoły historyczne w Polsce (główne kierunki poglądów na przeszłość)*. Warszawa: Drukarnia Artystyczna Saturnina Sikorsiego, 160 p.
- Smolka, S., 1883. *Józef Szujski. Jego stanowisko w literaturze i w społeczeństwie*. Kraków: Główny skład w księgarni Gebethnera i Spółki, 126 p.
- Stepun, F. A., 1995. Pamiati Andreia Belogo [In memoriam of Andrei Belyi]. In: *Vospominaniia ob Andree Belom*. Moscow: Respublika, pp. 162–186. (in Rus.)
- Strachowski, M., 2021. Habsburski łącznik. Recenzja książki Larry’ego Wolffa Idea Galicji. – Wolff L. Idea Galicji. Historia i fantazja w kulturze politycznej Habsburgów. Kraków: Międzynarodowe Centrum Kultury. *Nowy Napis*. URL: <https://nowynapis.eu/tygodnik/nr-107/artukul/habsburski-lacznik-recenzja-ksiazki-larryego-wolffa-idea-galicji> (accessed: 25.07.2022).
- Swakoń, R., 2020. Józefa Kazimierza Plebańskiego krytyka tzw. krakowskiej szkoły historycznej. *Klio Polska: Studia i Materiały z Dziejów Historiografii i Polskiej*, 12, pp. 51–71.
- Tarnowski, S. 1885. *Szujskiego lata szkolne*. Kraków: W drukarni “Czasu” Fr. Kluczyckiego i Spółki, 1885. 99 s.
- Tarnowski, S., 1885. Od wydawców. In: Szujski, J. *Dzieła. Wydanie zbiorowe*. Ser. I, 1. Poezye. Kraków: Drukarnia “Czasu” Fr. Kluczyckiego i Spółki, pp. I–VIII.
- Tarnowski, S., 1892. *Szujskiego młodość*. Kraków: W drukarni “Czasu” Fr. Kluczyckiego i Spółki, 232 p.
- Tarnowski, S., 1901. *Józef Szujski jako poeta*. Warszawa: Nakład Gebethnera i Wolffa, 201 p.
- Vasil’ev, A. G., 2010. “Padenie Pol’shi” v nacional’noi istoriografii perioda razdelov: “pessimisticheskii” scenarii [“The Fall of Poland” in the national historiography of the partitions period: A “pessimistic” scenario]. *Voprosy kul’turologii*, 9, pp. 29–34. (in Rus.)
- Vasil’ev, A. G., 2012. “Padenie Pol’shi” i modeli memorializacii travmy [“The Fall of Poland” and the models of the memorialization of the trauma]. In: Repina, L. P., ed. *Krizisy perelomnyh jepoh v istoricheskoy pamjati* [Turning-point crises in historical memory]. Moscow: Institut vseobshchei istorii RAN, pp. 215–248. (in Rus.)
- Vasil’ev, A. G., 2020. Sarmatizm v narrativakh pol’skoj identichnosti: na perekrestkakh interpretacii [Sarmatism in the narratives of Polish identity: at the crossroads of interpretations]. In: Repina, L. P., ed. *Proshloe dlja nastoiashhego: Istoriia-pamjat’ i narrativy nacional’noj identichnosti* [The past for the present. History-memory and narratives in national identity]. Moscow: Akvilon, pp. 392–416. (in Rus.)

- Vasil'ev, A. G., Vasil'eva, V. O., 2016. Obrazy "istokov Pol'shi" v romanticheskom memorial'nom narrative. Formirovanie sobytija [Images of the "origins of Poland" in the Romantic memorial narrative. The shaping of an event]. In: *Dialog so vremenem [Dialogue with Time]*, 56, pp. 151–171. (in Rus.)
- Wadzińska, A., 2017. *Dwa spojrzenia na historię Polski. Polemika demokratów łwowskich Henryka Schmitta i Ludwika Wolskiego z przedstawicielem krakowskiej „nowej szkoły historycznej” Józefem Szujskim w latach 70. XIX wieku*. Klio Polska: Studia i Materiały z Dziejów Historiografii Polskiej, 9, pp. 7–31.
- Wierzbicki, A., 1997. Wokół czarnej legendy historiografii krakowskich konserwatyistów. *Kwartalnik Historyczny*, 104, 2, pp. 63–87.
- Wierzbicki, A., 2021. Uwagi na temat "nowych szkół" w historiografii polskiej doby podzaborowej. *Klio Polska: Studia i Materiały z Dziejów Historiografii i Polskiej*, 13, pp. 51–62.
- Wiślicz, T., 2010. Historiografia polska 1989–2009. Bardzo subiektywne podsumowanie. *Przegląd Humanistyczny*, LIV, 5/6(422/423), pp. 37–48.
- Wiślicz, T., 2021. Nowe tendencje w historiografii polskiej po 1989 roku. Raport diagnostyczny. In: Pomorski, J., Mazur, M., eds. *Wielka zmiana. Historia wobec wyzwań... Pamiętnik XX Powszechnego Zjazdu Historyków Polskich w Lublinie 18–20 września 2019 roku*, 1, Potęga historii. Warszawa; Lublin: Wydawnictwo Instytutu Pamięci Narodowej, pp. 267–294.
- Włodarski, B. 2015. Jeden cel — dwie drogi. Orecepcje wzorców francuskich na przykładzie Krakowskiej i Warszawskiej szkoły nauk politycznych od czasów zaborów do 1939 roku. *Politeja*, 4(36), pp. 275–298.
- Wolff, L., 2010. *The idea of Galicia. History and fantasy in Habsburg political Culture*. Stanford: Stanford University Press, 2010. 486 p.
- Zarycki, T., 2021. Polska historiografia po roku 1989: spojrzenie socjologa nauki. *Kwartalnik Historyczny*, CXXVIII, 1, pp. 591–502.
- Zięba, A., 2017. Polacy galicyjscy czy Polacyw Galicji? Refleksja na temat przeobrażeń tożsamości polskiej w zaborze austriackim Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. *Prace Historyczne*, 144, 2, pp. 215–232.

Larisa M. Arzhakova

DSc, Leading Research Fellow, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. 119334, Leninskij Prospekt 32 A. E-mail: larjak@mail.ru

The Image of Power in the Past and Present in the Writings of Jozef Szujski

The focus of this work is an attempt to identify images of power with the help of individual works by the Polish historian, writer, publicist, and social and political figure Józef Szujski (1835–1883), leader of the Krakow Historical School and one of the *Stańcycy*, a loyalist political grouping that formed in Galicia in the second half of the nineteenth century. The multi-genre creative heritage of Szujski represents fertile material in terms of determining whether it is generally valid to speak about images of power in relation to complex, multi-genre samples: historical works, dramaturgical works, journalism, and even satire. Among other questions which arise in the context of the stated theme are, “How meaningful and emotionally saturated is the image depending on the genre?” and “Can we say that the use of the category of the image guarantees a more adequate picture of the past and present created by the author?”. The conducted study convinces us that, as a rule, our author remains consistent in creating this or that character and this or that picture, whether we are talking about a historical work, a drama, or a satirical opus. In Szujski’s rich creative legacy, a cross-cutting theme is the problem of the perception of the national past and the impact of this past on the present, effectively the presence of the past in the present. Even taking into account the conventionality and arbitrariness of the images of power revealed in Szujski’s works, it should be recognised that the development of this theme has potential.

Keywords: Galicia, Krakow Historical School, Rzeczpospolita, organic work, historical memory, reasons for the fall of Poland

How to cite: Arszakova, L. M., 2022. Obraz vlasti v proshlom i nastoiashchem v trudakh Juzefa Shuiskogo // *Tsentrāl’noevropeiskie issledovaniia*, 2022, 5(14). Moscow: Institut slavianovedeniia RAN; Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, pp. 195–222. doi: 10.31168/2619-0877.2022.5.8.

Александр Александрович Силкин

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия. 119334, Ле-
нинский проспект, 32А. E-mail: alexander.silkin.as@gmail.com

Образ власти в «Конституции нейтральной крестьянской республики Хорватия» (1921)

В хорватской историографии присутствует тенденция преподносить Степана Радича, возглавлявшего Хорватскую (республиканскую) крестьянскую партию, предтечей «модерной» либеральной демократии. Аргументом служит так называемая Конституция нейтральной крестьянской республики (1921), предполагавшая всеобщее избирательное право, ответственность правительства перед парламентом, разделение властей и т. д. Однако другие ее положения плохо вяжутся с либерализмом и вообще с «модерными» представлениями о государственно-правовом устройстве. Конституцию следует рассматривать не как проект основного закона, а как один из инструментов пропаганды, которая апеллировала к патриархально-традиционным представлениям целевой аудитории. Государство представало в ней увеличенной моделью «крестьянского дома» или задруги, во главе которой стоял строгий, но справедливый отец народа. Тот наделялся не только светской, но и духовной властью над своими «чадами». Совокупность собственных лозунгов С. Радич воспринимал не иначе как «возрожденную христианскую религию», а свою активность — как «апостолат», или «проповедь освобождения крестьянского народа». В конце 1930-х годов соратникам Радича, вставшим у кормила власти в Бановине Хорватия, предоставилась возможность воплотить собственные идеи об оптимальном государственном устройстве. Практика имела мало общего с теорией, что, впрочем, характеризует многие утопические национально-государственные проекты межвоенного времени. Исследовательская задача статьи — в общих чертах описать идеологическую эволюцию партии в довоенное и послевоенное время, обусловленную изменениями исторического контекста, в котором той приходилось действовать. Выступления и тексты С. Радича рассматриваются не только как выражение его *credo*, но и как утилитарный инструмент политической мобилизации масс.

Ключевые слова: Степан Радич, Хорватская республиканская крестьянская партия, Королевство сербов, хорватов и словенцев, парламентаризм, либеральная демократия, пропаганда

Цитирование: Силкин А.А. Образ власти в «Конституции нейтральной крестьянской республики Хорватия» (1921) // Центральноевропейские исследования. 2022. Вып. 5(14). М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2022. С. 223–245. DOI: 10.31168/2619-0877.2022.5.9.

Интересующий нас документ составлен в апреле-мае 1921 г. депутатами Учредительного собрания Королевства сербов, хорватов и словенцев (СХС) от Хорватской республиканской крестьянской партии (ХРКП), которые провозгласили себя «Республиканским представительным большинством банской Хорватии». Партия, участвовавшая в общегославских выборах 28 ноября 1920 г. еще как *народная* (ХНКП — до декабря 1920 г.), заняла третье место по полученным голосам и четвертое (50) по числу мандатов. Уступив двум сербским правительственным партиям¹ и коммунистам, ХНКП, что важнее, опередила все прочие хорватские объединения. Это позволило ей, по оценке Фердо Чулиновича, вскоре стать «политическим организатором подавляющего большинства хорватского крестьянства»². Со старшим коллегой согласился сербский автор Джордже Станкович, записавший в актив ХРКП «тотальную гомогенизацию хорватского народа»³. Оценивая этот результат, которого удалось достигнуть всего за два-три послевоенных года, следует иметь в виду, что в первые пятнадцать лет существования партия играла на политической сцене Загреба отнюдь не ведущую роль.

В 1906–1913 гг. ХНКП⁴, основанная в 1904 г. братьями Антуном (1868–1919) и Степаном (1871–1928) Радичами, пять раз претендовала на места в саборе Королевства Хорватии и Славонии. В 1910 г. удалось добиться девяти мандатов (из 88), в 1913 г. — всего трех. Невысокие результаты объяснялись тем, что, согласно избирательному закону 1910 г., всего 190 тысяч жителей, то есть 6% населения указанных областей, имели право голоса⁵. Обстоятельства его обретения радичевским электоратом — повод ненадолго отвлечься от *curriculum vitae* ХНКП и обратить внимание на некоторые особенности того, как

¹ Народной радикальной партии (НРП) и Демократической партии (ДП).

² Čulinović 1961: 287.

³ Станковић 1995: 322.

⁴ На русском языке о деятельности братьев Радичей и ХНКП до Первой мировой войны см.: Романенко 1982; Фрейдзон 1993.

⁵ Biondich 2000: 20.

хорватскими коллегами преподносится контекст югославской политики, в котором действовала ХНКП.

По словам Сузаны Лечек, хорватские крестьяне получили право голоса в результате введения всеобщего избирательного права (для мужчин) в Королевстве СХС после Первой мировой войны⁶. То есть, надо полагать, до нее югославы этим правом не пользовались. Менее определенно, но более образно написал Стипе Кляич: «Крестьянская политика расцвела после Великой войны в период широкой демократизации»⁷. Как именно произошла она? Ни тот, ни другой автор не ссылаются на какие-либо специальные труды или источники. В статье в качестве такового используется сборник документов (1920) под редакцией Фердо Шишича (1869–1940), в котором опубликован манифест принца-регента Александра Карагеоргиевича (1888–1934) от 24 декабря 1918 г. В нем говорится о распространении на югославянские области бывшей Австро-Венгрии всех прав и свобод, которыми пользовались на тот момент подданные Королевства Сербия, в том числе и избирательного права⁸.

Незадолго до этого, а именно, осенью 1918 г., С. Радич — единственный из хорватских политиков — в Загребе публично оспорил народное единство сербов, хорватов и словенцев и, как написала Бранка Бобан, «выступил против ускоренного объединения и замены Габсбургов на Карагеоргиевичей». Он хотел, чтобы Хорватия была самостоятельной республикой, которая уступила бы лишь некоторые совместные дела в ведение кон/федерального государства, образованного на «международно-признанной территории»⁹. Не признавая Королевства СХС, провозглашенного в Белграде 1 декабря 1918 г., ХНКП не отправила своих делегатов во Временное народное представительство (ВНП — 1919–1920)¹⁰, а также, несмотря на участие в выборах, бойкотировала Учредительное собрание (1920–1921).

Следует оговориться, что о республике партийное руководство заговорило, только когда прояснилась участь монархии Габсбургов.

⁶ Leček 2006: 119.

⁷ Kljaić 2017: 86.

⁸ Dokumenti o postanku Kraljevine Srba Hrvata i Slovenaca. 1914–1919 / Sabrao ih F. Šišić. Zagreb: Matica Hrvatska, 1920. S. 299.

⁹ Boban B. 2006: 152.

¹⁰ ХНКП имела возможность отправить в ВНП двух своих членов, см.: Gligorijević 1979: 28.

С момента основания партии не политические, а социальные лозунги составляли основу «крестьянской политики». По словам С. Кляича:

В сфере культуры ее подпитывали либеральные источники. <...> Основная задача — освободить село от влияния церкви. В экономическом отношении тон задавал социализм. Крестьянский социализм отличался меньшей радикальностью, чем социализм марксистский. <...> Однако и он отвергал экономику свободного рынка, грезя об утопии классового крестьянского государства. Все это Степан Радич сформулировал в 1921 г. в «Конституции нейтральной крестьянской республики Хорватия»¹¹.

«Конституция», а также прочие программные документы ХРКП, принятые в начале 1920-х годов, живописали государство, максимально необременительное для граждан. Глава, посвященная «принципам организации» республики, гласила, что та есть не что иное, как «моральное объединение мыслящих существ», «хозяйственная организация» и «культурная организация». В ней подлежали упразднению всеобщая воинская обязанность и регулярная армия: «У крестьянского народа регулярная армия особенно разрушительна для основ морали (честности), хозяйства, культуры и свободы»¹². Отменялись таможенные пошлины и учреждались кооперативы вместо капиталистических банков¹³. Кроме того, предполагалось закрытие не только университета (как «ложной высшей школы»), но и гимназий с лицеями и реальными училищами (вместо них — народные школы). Ведь, как Радич писал еще задолго до войны:

Высшая школа, которая называется университет, еще хуже той, которая зовется гимназией или реалкой. В них заключен первый корень нашего народного зла: наши господские школы воспитывают таких господ, которые <...> о своем народе ничего не знают или его стыдятся¹⁴.

В виртуальном государстве средством «реализации народного суверенитета» служил сабор, который избирался всеми совершеннолетними обоих полов. Прямую государственную деятельность осуществлял президент, выбираемый в ходе «плебисцита». Обязательным

¹¹ Kljaić 2017: 84.

¹² Radić S. Politički spisi. Zagreb: Znanje, 1971. S. 370, 369.

¹³ Об этом написал в официальной трактовке «конституции» один из идеологов ХРКП Рудольф Херцег, см.: *Herceg R. Seljački pokret u Hrvatskoj*. Zagreb, 1923. S. 36.

¹⁴ Radić S. Politički spisi. S. 149.

атрибутом республики становилось «правительство крестьянского большинства», а низовой административной единицей — «крестьянский дом». Итак, республика должна была полностью уподобиться старой хорватской задруге¹⁵, где все члены равны, где вся задруга владеет имуществом, где задругары сами выбирают хозяина, которого могут сместить, если он плохо хозяйствует¹⁶.

Некоторыми современниками эта, говоря словами Кляича, «утопия» воспринималась как непоколебимое *credo* ХРКП, с чем сегодня согласны многие представители хорватской историографии. В августе 1924 г. германский консул в Загребе Вальбек назвал документ путеводной звездой, которая не просто «витает в воздухе перед Радичем и его партией», но и, вероятно, служит точкой отсчета грядущего изменения «устройства государства СХС в результате примирения сербов, хорватов и словенцев»¹⁷. А современные исследователи считают «конституцию» воплощением «краеугольных либерально-демократических принципов», которых придерживался председатель ХРКП. Тот характеризуется ими как «политик европейского кругозора»¹⁸, «человек европейского формата»¹⁹, который, будучи выпускником парижской Свободной школы политических наук, «особенно вдохновлялся демократией в Великобритании»²⁰. «Организовав модерную политическую партию» с «модерной во всех отношениях программой», он, по словам Б. Бобан, «верил, что за все цели следует бороться демократическими средствами в рамках системы парламентаризма»²¹.

Что касается текста документа, в нем предусматривались и по сегодняшним меркам высшие стандарты соблюдения прав и свобод,

¹⁵ *Задруга* — большая патриархальная семья у южных славян. Состояла из 20–30 человек, как правило, — нескольких сыновей одного отца с их женами и детьми, живших в одном дворе. Хозяйство в такой семье было общим. В главе стоял выборный домохозяин (*домачин, господарь*), руководивший всей ее жизнью с помощью своей жены (*домачица, господарица*), которая ведала женской половиной дома. Высшая власть в задруге принадлежала совету всех членов, — взрослых мужчин и женщин, контролировавшему деятельность домохозяина.

¹⁶ Radić S. *Politički spisi*. S. 342.

¹⁷ Цит. по: Avramovski 2020: 225.

¹⁸ Petrić 2015: 586.

¹⁹ Sirotković 1999: 306–307.

²⁰ Leček 2015: 30.

²¹ Boban 2006: 148.

а демократия гарантировалась разделением властей, самоуправлением, парламентской системой, референдумом по вопросу принятия важнейших законов, правом отзыва депутатов и президента, системой контроля работы государственной администрации²². С Бобан согласился академик Ходимир Сироткович, по словам которого, определение республики как «объединения дома и народа» представляло собой «исключительно либеральное положение» конституции²³. Иво Банац (1947–2020), воспроизведя радичевский тезис о «тождественности республиканского строя устройству традиционной хорватской задруги», тут же утверждал, что предложенная им «республиканская модель имела много общего с западными парламентскими системами»²⁴. О «либерально-демократических позициях» программных документов ХРКП писал Иво Гольдштейн, назвавший в качестве таковых социальную справедливость, широкое народное просвещение, верховенство закона, контроль исполнительной и законодательной власти путем референдума²⁵.

Достоверна ли вышеприведенная трактовка «конституции», и действительно ли Радич относился к ней в духе «на том стою и не могу иначе»? Ответить утвердительно возможно, только если игнорировать общий контекст деятельности и пропаганды ХРКП до и после принятия документа. Однако прежде чем рассмотреть, какой именно образ государства и власти вырисовывался из радичевских выступлений и текстов разных лет, обратим внимание на обстоятельство, которое само по себе демонстрирует уязвимость приведенной позиции. А именно, в 1920–1930-е годы, на которые пришелся «расцвет крестьянской политики», ХРКП не проявляла заинтересованности в работе парламента и оказании влияния на принимаемые им решения, как того можно было бы ожидать от «модерной партии» с «модерной» программой.

Радичевцы появились в «белградской скупшине» только весной 1924 г., то есть спустя пять лет после образования государства и за год до признания монархии и отказа от республиканства. К политике бойкота парламента партия вернулась после состоявшегося в его стенах 20 июня 1928 г. покушения на Степана Радича. В результате

²² Boban 2006: 158, 152.

²³ Sirotković 1999: 306.

²⁴ Banac 1995: 194.

²⁵ Goldstein 2008: 74, 45, 46.

установления 6 января 1929 г. режима личной власти короля Александра Карагеоргиевича ХРКП находилась под запретом, как и все остальные «племенные» югославские партии. После смерти узурпатора (1934) партия дважды принимала участие в выборах (в 1935 и 1938 гг.), однако до Белграда не доехала. Вслед за подписанием в августе 1939 г. Соглашения Цветковича — Мачека и формирования Бановины Хорватия новое правительство с участием ХКП распустило парламент без объявления новых выборов. Не был созван и хорватский сабор, как это предусматривалось соглашением²⁶.

Многолетнее игнорирование скупщины при шестикратном участии в выборах (в 1920, 1923, 1925, 1927, 1935, 1938 гг.) — не лучшее свидетельство приверженности либеральной демократии, что побуждает некоторых радичевских апологетов прибегнуть к софистической аргументации. Например, С. Лечек тактику ХРКП оправдывала тем, что югославский парламентаризм 1920-х («мнимый» или «псевдопарламентаризм») и тем более второй половины 1930-х годов («толерируемый парламентаризм») был далек от исходной западной модели. Поэтому обоснованным преподносился радичевский выбор в пользу «внеинституциональных путей» и «альтернативных методов»²⁷. Умалчивалось при этом, что подобные «пути» и «методы» во многом обусловили как облик представительных органов,

²⁶ Авторитетный хорватский историк Любо Бобан утверждал, что против выборов в скупщину выступали неуверенные в своих электоральных перспективах сербские партии — и правительственные, и оппозиционные. ХКП как гегемон на хорватской политической сцене, напротив, настаивала на их проведении (см.: Boban Lj. 1974: 240–245). Что касается выборов в сабор, по мнению Марьяна Матицки, наследник Радича Владо Мачек (1879–1964) не считал их «приоритетно значимыми» (см.: Maticka 2006: 182).

²⁷ См.: Leček 2015: 30. Автор ошибочно указал, что «бойкот» парламента со стороны ХРКП продолжался с 1920 по 1925 г. (см.: Leček 2015: 29). В 1925 г. состоялось признание Радичем югославянского объединения и монархического строя, после чего ХКП сформировала правительственную коалицию с НРП. Однако еще в марте 1924 г. ХРКП решила участвовать в работе скупщины, направив ей требование о «верификации» полученных на выборах мандатов. 27 мая 1924 г. скупщина единогласно подтвердила полномочия депутатов от ХРКП, которые приняли присягу. После этого парламентская сессия была отложена. См.: *Московьевич М.* Дневник 1916–1968 / приред. др. М. Исић. Београд: Институт за новiju историју Србије, 2018. С. 264. Кроме того, Лечек неверно (1925–1926) указала хронологические рамки существования правительственной коалиции радичевцев и сербской НРП (см.: Leček 2015: 30). На самом деле в апреле 1926 г. С. Радич перестал быть министром, а члены его партии участвовали в формировании кабинетов до февраля 1927 г.

так и в целом государственный строй Королевства СХС/Югославия. В частности, в 1921 г. неучастие радичевцев в работе Учредительного собрания облегчило принятие Видовданской конституции, ущемлявшей интересы югославян бывшей Австро-Венгрии²⁸. В 1923 г. ХРКП заключила с сербской Радикальной партией секретную сделку (так называемый Марков протокол), согласно которой радичевцы обещали по-прежнему бойкотировать парламент, дабы не мешать радикалам сформировать правительственное большинство. Взамен те обещали приостановить административную централизацию в Хорватии. В 1928 г. — за год до установления диктатуры — Радич первым из югославских политиков предложил королю назначить во главе правительства «внепарламентскую личность», а именно, генерала, который был бы «против крупных сербских партий, поставивших себя вне парламента, вне государства и воли народа»²⁹. Наконец, в 1939 г. наследники Радича пренебрегли союзническими обязательствами перед сербской оппозицией, с которой их объединяли требования демократизации, возврата к подлинному парламентаризму и т. д., заключив сепаратную сделку с «носителем военной силы»³⁰, то есть с авторитарным режимом регентства.

Возвращаясь к «конституции», отметим, что, действительно, без многого предусмотренного в ней нельзя построить *démocratie libérale*. В то же время некоторые ее положения плохо вяжутся с либерализмом и вообще с «модерными» представлениями о государственно-правовом устройстве. Поэтому рассматриваемый текст мог в равной степени отражать как эклектичные, но прогрессивные взгляды Радича, так и стремление соответствовать ожиданиям

²⁸ Если бы депутаты ХРКП присутствовали в Учредительном собрании, правительственным партиям, радикалам и демократам, в декабре 1920 — январе 1921 г. не удалось бы добиться утверждения их проекта регламента скупщины. Согласно ему, для принятия конституции было достаточно не большинства в 2/3 голосов, как того хотели хорваты и словенцы, а половины плюс один голос (210) от общей численности депутатов (419). В конце концов, за Видовданский устав проголосовали 223 депутата. (см.: Gligorijević 1979: 91). Осмелимся утверждать, что правительству к моменту итогового голосования в июне 1921 г. не удалось бы обеспечить даже этой поддержки своему проекту конституции, если бы оппозиция была сильнее на 50 радичевских голосов.

²⁹ Цит. по: Gligorijević 1979: 251; Јовановић 1997: 83; *Живковић П. Сећања 1903–1946* / приред. А. Животић. Зајечар: Задужбина «Никола Пашић», 2016. С. 106.

³⁰ Јовановић 1997: 181.

максимально широкой целевой аудитории внутри страны и за ее пределами. Показательно, что сразу после описания государственного флага Хорватии в нем следовало перечисление мировых факторов, которые сделали малые народы субъектами международного права. Благодарность выражалась в первую очередь Соединенным Штатам Америки, в равной степени — русской революции, которая «навсегда свергла русский милитаризм», и только затем — «двум крупнейшим западноевропейским конституционным демократиям»³¹. Надежда на то, что «заграница нам поможет», не оставляла руководство ХРКП до 1925 г., когда оно отказалось от буквы «р» в своем названии, признало монархию и существующую конституцию. До этого, напомним, Радич отправился в Москву и вступил в Крестьянский интернационал (1924). А еще ранее (1919–1924) ХРКП главную ставку делала на помощь Запада, поэтому статей о разделении властей, верховенстве закона и т. п. в «конституции» не могло не быть.

Рассуждая о мнимом или подлинном либерализме «конституции», нельзя забывать, что сам Радич, как следует из его более ранних текстов и выступлений, себя либералом не считал:

Известно, что первая демократия возникла во Франции, экономическое ее название было либерализм, или <...> свободная конкуренция. Она очень пришлась по душе жидам³². Вторая демократия — рабочая или социалистическая. Экономическое ее название — конфискация <...>, то есть уничтожение частной собственности в государстве. И ее жида поддержали, надеясь, что конфисковать станут не у них, а у кого-то другого. Третий демократизм — крестьянский, который называется производство или хозяйство. Пока мы на земле, ни к чему нам либерализм и конкуренция. Чем конкурировать, когда у тебя ничего нет?³³

В качестве резюме к этой лекции по политэкономии, которую Радич прочитал коллегам-депутатам в 1910 г., приведем написанное им за пять лет до этого под псевдонимом «Батюшка»:

³¹ *Radić S. Politički spisi.* S. 367–368.

³² С. Радич использовал имеющее оскорбительный оттенок слово *čifut* — «жид». Слово *žid* переводится с хорватского как «еврей».

³³ *Radić S. Hrvatska seljačka politika prvi put u Hrvatskom državnom saboru (govor predsjednika Seljačke stranke Stjepana Radića, izrečen u Hrvatskom državnom saboru dne 12. svibnja 1910., točno po brzopisnom zapisniku, ponješto skraćen).* Zagreb, 1910. S. 17.

Либерализм <...> не признает народной души, ставя во главу угла себя, а не “тело народное”. Поэтому <...> далек он от славянской демократии и от хорватской народной крестьянской партии³⁴.

За подобными заявлениями, по мнению англоязычного автора Марка Биондича, стояло представление, будто наиболее существенной особенностью либеральной идеологии являлась отчужденность государства от общества. По словам Радича, государство «не имело обязанности помогать гражданам, а евреи и либералы тоже учат нас, что не в интересах государства заботиться о бедных людях — крестьянах или нищих, что каждый должен быть предоставлен своей судьбе»³⁵. В отличие от либерализма, продолжил исследователь, программа ХНКП делала упор на крестьянскую общину как единое целое, которое противостоит и индивиду, и экономическому принципу *laissez-faire*.

Условный выбор между правами и свободами отдельного человека, с одной стороны, и коллективными интересами «земледельческого сословия», с другой, обуславливался представлением о «пятикратном превосходстве» последнего над остальными общественными группами:

1. Превосходстве в численности, ибо крестьянство составляет подавляющее народное большинство (более 80 %);
2. В труде и нажитом имуществе, так как крестьянин работает от зари до зари, и крестьянству принадлежит большая часть совокупного народного имущества;
3. В честности и моральности <...>;
4. В политической устойчивости и жертвенности, верности народному языку и народным обычаям, то есть всему тому, что составляет хорватскую народность и хорватское отечество;
5. В человечности³⁶.

Неудивительно, что Радич считал крестьянство единственным «политическим фактором», способным «обустроить нашу домовину (отечество. — А. С.) — государство, какое мы все хотим»³⁷. Последнее предстает увеличенной моделью крестьянского «дома» (двора) и одновременно совокупностью таких «домов»:

³⁴ Цит. по: Petrić 2015: 581.

³⁵ Biondich 2000: 76.

³⁶ Radić S. Seljački socijalni pokret jedina prava demokracija // Herceg R. Seljački pokret u Hrvatskoj. S. IX–X.

³⁷ Radić S. Hrvatska seljačka politika. S. 17–18.

Наша первая задача — защищать и развивать эти дома, а вторая — большую домовину, состоящую из малых домов, превратить, может быть, не в Бельгию или Швейцарию, а в Данию.

С высокой миссией жителей села диссонировало их дискриминированное в политическом отношении положение, за «исправление» которого ответственность лежала на образованных городских слоях.

«Зная, что представляет собой народ, какова его физическая и моральная сила, мы обязаны воплотить ее должным образом. Потому что, если в народе той силы нет, интеллигенция останется без дела»³⁸, — призывал Радич депутатов сабора. Разъяснение, в чем состояло это «дело», демонстрирует, что *La science politique* не единственный корень радичевской идеологии:

Об этом яснее всего написано в русской литературе, которая, на самом деле, литература крестьянская. Русские писатели проповедают, что они в долгу перед народом, а не народ перед ними. В этом величие русской литературы. Поэтому <...> никто не смеет в саборе говорить “наш бедный робкий народ”, как какой-нибудь жид скажет о просящем милостыню. <...> Если народ превыше всего, если он суверенен, тогда о нем — только с почтением и любовью³⁹.

В том же духе Антун Радич писал:

Ценность русской литературы не только в ее художественных достоинствах, для нас она имеет еще большее значение, потому что предлагает решение двух проблем <...> народной культуры и отношения интеллигенции к народу. <...> Интеллигенция, стремительно приняв западноевропейскую образованность и чуждые обычаи, стала чужой своему народу. Так разверзлась пропасть между образованными людьми и народом. Лучшие русские люди бились над ее преодолением, в чем помощницей выступала русская художественная литература. Она пробуждала интерес к народу, к его страданиям, воспламеняла благородную любовь к народу, и никогда не возвышалась надменно над мужиком-беодолагой⁴⁰.

С. Кляич совершенно прав, когда написал, что русские народники и русский литературный реализм спрофилировали политический

³⁸ Ibid. S. 32.

³⁹ Ibidem.

⁴⁰ Цит. по: Kljaić 2017: 85.

и идеологический мир братьев Радич. Беря пример с русских народников, братья собирались освободить «отнародившуюся» интеллигенцию от рабологии перед Западом и вместо него предложили ей культ народа, села и крестьянства. Копируя современный русский опыт, Радичи также восприняли антизападный славянский миф. Западная культура преподносилась уничтожителем автохтонной хорватской крестьянской культуры. Отвергая западный гражданский *modus vivendi*, Радичи источником своей идеологии избрали крестьянскую экзистенцию⁴¹.

Преодоление «пропасти» по-радичевски подразумевало реализацию концепции «крестьянского права»⁴², которое должно было защитить от «атеизма и клерикализма, революции и бюрократизма, а также сегодняшних социализма и капитализма — апостолов государственного всеислия и тирании денег над трудом»⁴³. Особую угрозу крестьянским домам представляла индустриализация, ибо крупная промышленность превращала широкие народные слои в сущих рабов, земледельческий же строй делал человека великаном⁴⁴. Исходя из этого ХНКП настаивала на расширении избирательного законодательства, гарантиях защиты крестьянского надела, организации самоуправляющихся хозяйственно-административных общин, подконтрольных крестьянам.

Всех необходимых изменений в пользу крестьян председатель ХНКП предполагал добиться без изменения общественного и политического строя. В неоднократно процитированном выступлении подчеркивалось, что ХНКП придерживается «имперской и династической политики», инструментом которой является регулярная армия, наличие которой позволяет «нам жить в полной безопасности, а некоторым даже и беззаботно». Без нее ведение войны представляло бы собой «настоящий бандитизм».

1918–1920 гг. принесли новые зафиксированные в «конституции» требования, эволюцию которых обусловила радикализация настроений «хорватского крестьянина». Тот, по словам Радича, на протяжении четырех военных лет «не просто был настоящим рабом государства, но и всеми господами — официальными

⁴¹ Kljaić 2017: 85.

⁴² Biondich 2000: 67; *Radić S. Hrvatska seljačka politika*. S. 19.

⁴³ Цит. по: Petrić 2015: 580.

⁴⁴ *Radić S. Hrvatska seljačka politika*. S. 28, 24, 19.

и неофициальными — эксплуатировался хуже любого тяглового скота»⁴⁵. Поэтому после войны «за пролитую кровь и слезы» он хотел и требовал такой же свободы и прав, за которые боролись его крестьянские братья в России⁴⁶.

Предреволюционную ситуацию, сложившуюся в хорватских землях в 1918–1920 гг., вспоминал в 1924 г. лидер югославских социал-демократов Витомир Корач (1877–1941):

Психологическое состояние масс было опасным. Измученные и истерзанные тяжелой войной, они по своей наивности надеялись на немедленные перемены к лучшему сразу по ее окончании. Но тяготы войны продолжались и дальше. Из России возвращались пленные солдаты бывшей австро-венгерской армии, проповедовавшие “зарю с востока”. <...> Психоз охватил массы. И тогда появились разные “спасители”, которые обещали избавление в 24 часа, если только пойти за ними. Поэтому любая демагогия ложилась на благодатную почву⁴⁷.

Однако из всех «спасителей» крестьянские массы выбрали именно Радича, что Корач объяснял его «виртуозностью в демагогии» — способностью артикулировать весь широкий спектр этнических, социальных и политических фобий потенциального избирателя:

Если имеются поблизости сторонники Карла Габсбурга, то и он предстает заправским цезаристом; если кто праваш, и он — за хорватское государственное право; если кто-то ненавидит сербов, и он начинает их травить <...>, если кто-то не любит попов, и он также; если кто-то республиканец, и он тоже; если кто против войны, и он — пацифист <...>, если кто против военной службы, и он — за то, чтобы не было армии; если кто-то не хочет платить налоги, и он тут как тут. Одним словом, он не брезговал любыми пропагандистскими лозунгами и сумел каждое дуновение недовольства поймать в свои паруса. Никто не смог составить ему конкуренцию в демагогии — ни коммунисты, ни католики-клерикалы, ни франковцы.

⁴⁵ Цит. по: Ванас 1995: 194.

⁴⁶ *Radić S. Gospodstva politika bez naroda i proti narodu (govor predsjednika Hrvatske seljačke stranke nar. zast. Stjepana Radića na noćnoj sudbonosnoj sjednici Narodnog vijeća dne 24. studena 1918). Zagreb, 1920. S. 27.*

⁴⁷ А. Я. Ф. 305. Бюра Поповић. Фасцикла 40.

Справедливость корачевской оценки подтверждается тем, что аналогичное суждение о всеядности Радича высказал сочувствовавший ему сербский политик левого толка Драголюб Йованович (1895–1977):

Стипица знал, что крестьянская душа не монохорд, что в ней больше одной струны. И ее не прельстить взятыми в отдельности хозяйственными задругами, политикой, хорватством или республикой. Партия его прежде всего называлась Хорватская, затем — народная, крестьянская. И каждое из этих слов било по одному из его противников <...> Как и буржуазные правашаи, он предлагал хорватство; как клерикалы, подчеркивал плебейский, народный характер своего движения; в отличие от социалистов апеллировал к крестьянам и к рабочим как к части народа — отростку крестьянства. После русской революции позаимствовал республику вместо революции, что позволило ему похитить крестьян у коммунистов. Провозгласил нейтральность и миротворчество, дабы защитить их от сербской монархии и милитаризма. На его арфе всегда было несколько струн, а в его колчане — много стрел. Ими он пленял сердца сторонников и разил противников⁴⁸.

Достоверность вышеприведенных характеристик в 1925 г. невольно подтверждал сам Радич:

Массаи овладела мораль проигравших. С одной стороны — сторонники Габсбургов. С другой — большевики. Нам пришлось действовать быстро, и потребовался сильный “шлягер”. За республику мы ухватились из-за Вильсона, Америки, Германии, Австрии и Венгрии. Если бы это не сработало, пришлось бы искать что-то другое. Впрочем, сейчас мы можем быть довольными. Прикончили габсбургвщину и остановили распространение большевизма. Еще одна причина — опасность клерикализма⁴⁹.

Чтобы достигнуть такого результата, потребовалось не только представить себя публике в выгодном свете, но и дискредитировать разношерстных конкурентов. Априорным преимуществом перед многими из них послужило осознание партийным руководством той неприязни, с которой «массы» относились к обретенным «братьям» — сербам. Бывший председатель Югославянского комитета Анте Трумбич (1864–1938) вспоминал в 1932 г.:

⁴⁸ Йовановић 1997: 47.

⁴⁹ АЈ. Ф. 335. Војислав Јовановић-Марамбо. Хартије двора. Фасцикла 6.

Радич хорошо проник в душу хорватского крестьянина, который после четырехлетних страданий за чужие интересы вернулся домой и преисполнился горечью, бешенством и разочарованием, обнаружив страну под сербской оккупацией⁵⁰.

В начале 1920-х годов антисербская риторика позволила радичевцам в борьбе за симпатии села обойти коммунистов, которые проповедовали чуждые тому идеи международной солидарности трудящихся. По словам межвоенного историка и публициста Йосипа Хорвата (1915–2012), коммунисты, в отличие от Радича, не видели, что война несет идею национализма. Радич ее воспринял и, таким образом, укрепил хорватский национализм, который был лучшим щитом от всякого интернационализма⁵¹.

По сравнению с коммунистами более легкой мишенью для пропаганды стали «городские» партии, представленные в хорватском саборе и позднее в Народном вече СХС. В большинстве своем они признали Югославию и положенную в ее основание теорию народного единства сербов, хорватов и словенцев, что позволило обвинить их в предательстве хорватских национальных интересов. Показательно описание Рудольфом Херцегом (1887–1951) электоральной победы, которую ХНКП одержала в Хорватии на выборах в Конституционное собрание в ноябре 1920 г.:

Это были судьбоносные дни. Решался вопрос, хочет ли хорватский народ наделить правами Радича, или тех своих господ, которые <...> решили вручить власть над Хорватией Белграду. Хорватский народ должен был высказаться или за свое самоопределение, или добровольно отдаться в рабство господам⁵².

Против тех, кого нельзя было обвинить в лояльности «оккупантам», эффективно действовал уже проиллюстрированный тезис об эксплуатации хорватского крестьянина всеми «капуташами⁵³ и цилиндрашами» безотносительно их политической ориентации и той позиции, которую они занимали во время и после войны. Поэтому,

⁵⁰ Цит. по: Boban Lj. 1987: 29.

⁵¹ Horvat 1990: 143.

⁵² Herceg R. Seljački pokret u Hrvatskoj. S. 33.

⁵³ *Kanymau* (от сербохорв. *kanym* — пальто) — уничижительное прозвище, использовавшееся сельскими жителями югославянских стран для обозначения горожанина. Буквально переводится как «человек в пальто».

как говорил Радич осенью 1918 г., «став в результате войны полноценным человеком», крестьянин на грядущих выборах в сабор или Учредительное собрание «не станет больше выбирать господ, нарушивших все обещания, <...>, а выберет только людей от сохи и мотыги». А те станут «править и вести государственные дела по воле и потребности крестьянского большинства, а не по своеволию незначительного господского меньшинства»⁵⁴. Дабы «прикончить» тех его представителей, кто ностальгировал по Габсбургам или просто так или иначе ассоциировался в массовом сознании со знатью, высшим духовенством и австро-венгерской бюрократией, идеологи ХНКП объясняли, что на «правителях и их первых помощниках — епископах и дворянах» лежит вина за все беды и несчастья:

Судя по опыту предвоенных лет и войны, для крестьян монархия — это организация власти сверху вниз. Когда император объявил войну, он позвал министров, министры — великих жупанов, те — окружных начальников <...>, а эти весь народ: “Пускай идет и бьется” <...>. Приказ шел сверху донизу. И весь народ должен был слушаться⁵⁵.

Одновременно двух «зайцев» — сторонников Габсбургов и Карагеоргиевичей — должна была поразить партийная листовка, датированная февралем 1919 г.: «При короле решения принимает сам король-глупец или королевич <...>, вельможи, аристократы, графы и прочие, кто вокруг короля трется и вместе с ним пьет народную кровь»⁵⁶.

Устраняя «опасность клерикализма», ХРКП использовала в своих интересах как расхожее восприятие духовной власти в качестве пособия насильнического государства, так и устойчивую патриархальную религиозность селян. Апеллируя к ней, Радич подчеркивал, что для него крестьянство было не классом, а «народом мучеников»⁵⁷. Партийная пропаганда сулила ему блестящие перспективы: «Крестьянская процессия идет вперед и не сворачивая — в рай крестьянской

⁵⁴ Radić S. Gospodska politika bez naroda i proti narodu. S. 26, 29, 19.

⁵⁵ Herceg R. Seljački pokret u Hrvatskoj. S. 8, 34.

⁵⁶ HDA. Fond Ante Starčevića. Kutija 1. Pismo Stjepana Radića Marku Došenu. 27. I. 1919.

⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 535. Оп. 2. Д. 190. Л. 19.

республики»⁵⁸. Возглавляла «поход за синей птицей» ХРКП — «носительница крестьянского движения, которое перерастает узкословные рамки и преобразуется не просто в народное (хорватское), но и общечеловеческое движение»⁵⁹.

Каковы идеалы, способные объединить все человечество? Ответ обнаруживаем в процитированной работе Херцега: «И появилась среди хорватского народа возрожденная христианская религия, вера в права и истину, добро и человека — человека праведного, отважного и мудрого». При этом имелся в виду не абстрактный *homo sapiens*, а совершенно конкретный — из плоти и крови:

Этот человек не вор, <...> не трус, <...> не чрезмерно умен, вроде тех, кто полагает, что умнее всего народа, и поэтому безумен. В этом можно было упрекнуть в 1918 г. всех вождей, но не Радича⁶⁰.

Кем себя считал этот «праведник», видно из его письма деятелю Крестинтерна Томашу Домбалу (1890–1937), отправленного в мае 1924 г.:

У нас совсем не существует агитации в обыденном смысле этого слова. У нас совсем не имеется агентов. Все у нас делается <...> самым идеальным образом — апостолом, то есть <...> проповедыванием освобождения крестьянского народа⁶¹.

Прочитанные выше тексты и высказывания существенно дополняют «конституцию». «Республика» предстает не просто образом справедливого национально-классового государства — увеличенной моделью крестьянского «дома» или задруги, а квазирелигиозной ересью с соответствующими атрибутами: ксенофобией, гарантирующим «спасение» учением, «апостолами» и ересиархом, власть которого над паствой явно превосходила полномочия «хозяина задруги». Показательно свидетельство германского посланника в Белграде Фридриха фон Келлера: «Как ни относишься к личности Радича, он пользуется у крестьян уважением, граничащим с культом святого, который он всячески поддерживает, пользуясь своими

⁵⁸ Цит. по: *Herceg R. Seljački pokret u Hrvatskoj*. S. 47.

⁵⁹ *Ibid.* S. 34, 35.

⁶⁰ *Ibid.* S. 31, 32.

⁶¹ РГАСПИ. Ф. 535. Оп. 2. Д. 190. Л. 19.

актерскими способностями»⁶². Радич, как писал рупор ХРКП, не был «шефом партии», какие существуют в Западной Европе. Он был вождем, чьи решения выполнялись беспрекословно, даже тогда, когда он кого-нибудь исключал из партии, из рядов хорватского народа. Патриархально он вершил свою власть, которой плебисцитарно наделил его народ. «Он наставлял, грозил, карал, хвалил, но при этом всегда оставался в душе добрым отцом»⁶³. Выдержка из печатного органа партии не только подтверждает высокий статус председателя, но и заставляет задуматься о том, кто заслуживает «исключения из народа». Любой, кто не поддерживает ХРКП, или, как писал Радич, «тот господин и тот рабочий, кто находится вне крестьянского круга, и, следовательно, вне своего народа, *то есть против него* (курсив мой. — А. С.)»⁶⁴.

Таким образом, приверженность С. Радича принципу диктатуры большинства и нетерпимость в отношении находящихся вне его в силу своих этнических, социальных и прочих особенностей (в духе «кто не с нами, тот против нас») дают основания предположить, что он был весьма далек от либерализма со свойственной тому этикой индивидуализма, плюрализмом и пиететом в отношении прав меньшинства. В каком же качестве ХРКП добилась тотального превосходства над оппонентами и привлекла на свою сторону львиную долю крестьянского сословия? Присущие ХРКП мессианизм, иерархичность, откровенный вождизм и одновременно апелляция к патриархальному массовому представлению о народе и государстве как сообществе равных — все это побуждают провести аналогию с современными ей массовыми организациями — носителями тоталитарных идеологий, получивших распространение в XX в. Какими именно? «Подсказкой» служит поведение соратников Радича после его смерти в 1928 г. Осиротевшие «апостолы» изъяли у преставившегося «первосвященника» сердце и мозг, которые предполагалось выставить в особом мавзолее, где они должны были «возвеличивать радичевское послание народу и поддерживать его культ»⁶⁵. Этому оставшемуся нереализованным намерению, как полагает современный хорватский автор

⁶² Avramovski 2020: 89.

⁶³ Цит. по: Horvat 1990: 249.

⁶⁴ Radić S. Čim je hrvatsko seljačstvo preraslo školanu gospodu, radništvo i gradjanstvo // *Herceg R. Seljački pokret u Hrvatskoj*. S. 49.

⁶⁵ Grgić 2010: 737, 746.

Стипица Гргич, ближе всего «концепция мавзолея Ленина, где хранились земные останки вождя».

Степень сходства «партии нового типа» и ХРКП, обусловленного во многом общей народнической основой и выразившегося, в частности, в посмертном культе вождя, требует более пристального рассмотрения в отдельном исследовании. Здесь лишь укажем, что и ту, и другую отличало далеко не догматическое отношение к собственной пропаганде. Как и для большевиков, для радичевцев их антивоенные и эгалитаристские лозунги, в том числе опубликованные в виде статей «конституции», служили отнюдь не «священным писанием», а утилитарным инструментом «политической мобилизации масс», как гласит заголовок книги М. Биондича. Достигнув этой цели, партия в 1925 г. сочла возможным из тактических соображений пожертвовать некоторыми «куплетами» своего «шлягера». Раз отрекшись от «республики», партийное руководство более не вспоминало о ней даже после перехода в жесткую оппозицию к центральной власти в 1928 г. Об «отступлении от изначального демократизма» ХКП и выборе в пользу «авторитарного способа правления» свидетельствовал режим, установленный в Бановине Хорватия (1939–1941) — этом, по словам Кляича, «кратковременном воплощении радичевской мечты»⁶⁶. Возглавлял ее *de facto* следующий после Радича председатель партии Владимир Мачек⁶⁷, которого тоже неизменно величали «вождем хорватского народа».

Список сокращений

АЈ — Архив Југославије, Београд

ВНП — Временное народное представительство

НРП — Народная радикальная партия

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории, Москва

СХС — Королевство сербов, хорватов и словенцев

ХКП — Хорватская крестьянская партия

ХНКП — Хорватская народная крестьянская партия

ХРКП — Хорватская республиканская крестьянская партия

НДА — Hrvatski državni arhiv, Zagreb

⁶⁶ Kljaić 2017: 100.

⁶⁷ Формально во главе Бановины Хорватия стоял бан Иван Шубачич (1892–1955).

Литература

- Бешлин 2005 — *Бешлин Б.* Европски утицаји на српски либерализам у XIX веку. Сремски Карловци-Нови Сад: Издавачка књижарница Зорана Стојановића, 2005. 943 с.
- Јовановић 1997 — *Јовановић Д.* Политичке успомене. Сазнања. Београд: Култура; Архив Југославије, 1997. Т. II. 331 с.
- Романенко 1982 — *Романенко С. А.* Формирование мировоззрения и политическая деятельность братьев А. и С. Радичей (1887–1900) // Советское славяноведение. 1982. № 1. С. 36–45.
- Фрейдзон 1993 — *Фрейдзон В. И.* Судьбы крестьянства в общественной мысли Хорватии XIX — начала XX в. От консервативно-реформистских идей к программе крестьянской демократии 1832–1914. М.: Институт славяноведения и балканистики, 1993. 190 с.
- Avramovski 2020 — *Avramovski Ž.* Nemci o Kraljevini Jugoslaviji. Izveštaji nemačkih diplomatskih predstavnika 1920–1941. Beograd: Arhiv Jugoslavije, 2020. Т. I. 1920–1929. 409 с.
- Banac 1995 — *Banac I.* Nacionalno pitanje u Jugoslaviji: porijeklo, povijest, politika. Zagreb: Durieux, 1995. 376 s.
- Biondich 2000 — *Biondich M.* Stjepan Radić, the Croat Peasant Party, and the politics of mass mobilization, 1904–1928. Toronto: University of Toronto Press Incorporated, 2000. 368 p.
- Boban B. 2006 — *Boban B.* Stjepan Radić u Hrvatskoj politici XX stoljeća // Hrvatska politika u XX stoljeću / ur. J. Hekman, Ljubomir Antić. Zagreb: Matica Hrvatska, 2006. S. 145–159.
- Boban Lj. 1974 — *Boban Lj.* Maček i politika Hrvatske seljačke stranke. 1928–1941. Zagreb: Liber, 1974. Т. II. 479 s.
- Boban Lj. 1987 — *Boban Lj.* Kontroverze iz povijesti Jugoslavije: dokumentima i polemikom o temama iz novije povijesti Jugoslavije. Zagreb: Školska knjiga, 1987. 451 s.
- Čulinović 1961 — *Čulinović F.* Jugoslavija između dva rata. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1961. Т. I. 448 s.
- Gligorijević 1979 — *Gligorijević B.* Parlament i političke stranke u Jugoslaviji (1919–1929). Beograd: Institut za savremenu istoriju, 1979. 420 s.
- Goldstein 2008 — *Goldstein I.* Hrvatska 1918–2008. Zagreb: Europapress holding; Novi liber, 2008. 931 s.
- Grgić 2010 — *Grgić S.* Radić nakon Radića: Stvaranje kulta heroja Stjepana Radića (1928.–1934.) // Časopis za savremenu povijest. Zagreb, 2010. № 3. S. 723–747.
- Horvat 1990 — *Horvat J.* Politička povijest Hrvatske. Zagreb: August Cesarec, 1990. Т. II. 379 s.
- Kljaić 2017 — *Kljaić S.* Nikada više Jugoslavija. Intelektualci i hrvatsko nacionalno pitanje (1929.–1945.). Zagreb, Hrvatski institut za povijest, 2017. 436 s.

- Leček 2006 — *Leček S.* Selo i politika. Politizacija hrvatskog seljaštva 1918–1941 // Hrvatska politika u XX stoljeću / ur. J. Hekman; Ljubomir Antić. Zagreb: Matica Hrvatska, 2006. S. 119–143.
- Leček 2015 — *Leček S.* Priča o uspjehu — strategija i metode političke borbe Hrvatske seljačke stranke (1918–1941) // 110 godina Hrvatske seljačke stranke. Zbornik radova / ur. Z. Lukić, H. Petrić. Zagreb, 2015. S. 27–48.
- Maticka 2006 — *Maticka M.* Hrvatska iskustva s parlamentarizmom u 20. stoljeću // 110 godina Hrvatske seljačke stranke. Zbornik radova / ur. Z. Lukić, H. Petrić. Zagreb: Matica Hrvatska; Povijesno društvo Križevci; Zaklada braće Radić. Zagreb, 2015. S. 177–189.
- Petrić 2015 — *Petrić H.* O braći Radić i počecima Hrvatske pučke seljačke stranke // 110 godina Hrvatske seljačke stranke. Zbornik radova / ur. Z. Lukić, H. Petrić. Zagreb: Matica Hrvatska; Povijesno društvo Križevci; Zaklada braće Radić. Zagreb, 2015. S. 539–606.
- Sirotković 1999 — *Sirotković H.* Radićev ustav neutralne seljačke Republike Hrvatske iz 1921. godine // Radovi — zavod za hrvatsku povijest. 1999–2000. Vol. 32–33. S. 299–307.

References

- Avramovski, Ž., 2020. *Nemci o Kraljevini Jugoslaviji. Izveštaji nemačkih diplomatskih predstavnika 1920–1941*, I, 1920–1929. Beograd: Arhiv Jugoslavije, 409 p.
- Banac, I., 1995. *Nacionalno pitanje u Jugoslaviji: porijeklo, povijest, politika*. Zagreb: Durieux, 376 p.
- Bešlin, B., 2005. *Evropski uticaji na srpski liberalizam u XIX veku* [European influences on Serbian liberalism in the nineteenth century]. Sremski Karlovci; Novi Sad: Izdavačka knjižarnica Zorana Stojanovića, 943 p. (In Serb.)
- Biondich, M., 2000. *Stjepan Radić, the Croat Peasant Party, and the politics of mass mobilization, 1904–1928*. Toronto: University of Toronto Press Incorporated, 368 p.
- Boban, B., 2006. Stjepan Radić u Hrvatskoj politici XX stoljeća. In: Hekman, J., Antić, Lj., eds. *Hrvatska politika u XX stoljeću*. Zagreb: Matica Hrvatska, p. 145–159.
- Boban, Lj., 1974. *Maček i politika Hrvatske seljačke stranke. 1928–1941*, II, Zagreb: Liber, 479 p.
- Boban, Lj., 1987. *Kontroverze iz povijesti Jugoslavije: dokumentima i polemikom o temama iz novije povijesti Jugoslavije*. Zagreb: Školska knjiga, 451 p.
- Čulinović, F., 1961. *Jugoslavija između dva rata*, I. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 448 p.
- Freidzon, V.I., 1993. *Sud'by krestianstva v obshchestvennoi mysli Khorvatii 19 — nachala 20 v. Ot konservativno-reformistskikh idei k programme krestianskoj demokratii 1832–1914* [The fate of the peasantry in nineteenth- and early

- twentieth-century Croatian social thought. From conservative-reformist ideas to the programme of peasant democracy 1832–1914]. Moscow: Institut slavianovedeniia i balkanistiki, 190 s. (In Rus.)
- Gligorijević, B., 1979. *Parlament i političke stranke u Jugoslaviji (1919–1929)*. Beograd: Institut za savremenu istoriju, 420 p.
- Goldstein, I., 2008. *Hrvatska 1918–2008*. Zagreb: Europapress holding, Novi liber, 931 p.
- Grgić, S., Radić nakon Radića: Stvaranje kulta heroja Stjepana Radića (1928.–1934.). *Časopis za suvremenu povijest*, 2010, 3, pp. 723–747.
- Horvat, J., 1990. *Politička povijest Hrvatske*, II. Zagreb: August Cesarec, 379 p.
- Jovanović, D., 1997. *Političke uspomene. Saznanja* [Political memories. Findings], II. Beograd: Kultura, Arhiv Jugoslavije, 331 p. (In Serb.)
- Kljaić, S., 2017. *Nikada više Jugoslavija. Intelektualci i hrvatsko nacionalno pitanje (1929.–1945.)*. Zagreb: Hrvatski institut za povijest, 436 p.
- Leček, S., 2006. Selo i politika. Politizacija hrvatskog seljaštva 1918–1941. In: Hekman, J., Antić, Lj., eds. *Hrvatska politika u XX stoljeću*. Zagreb: Matica Hrvatska, pp. 119–143.
- Leček, S., 2015. Priča o uspjehu — strategija i metode političke borbe Hrvatske seljačke stranke (1918–1941) In: Horvat, R., ed. *110 godina Hrvatske seljačke stranke. Zbornik radova*. Zagreb, pp. 27–48.
- Maticka, M., 2015. Hrvatska iskustva s parlamentarizmom u 20. stoljeću. In: Horvat, R., ed. *110 godina Hrvatske seljačke stranke. Zbornik radova*. Zagreb, pp. 177–189.
- Petrić, H., 2015. O braći Radić i počecima Hrvatske pučke seljačke stranke. In: Horvat, R., ed. *110 godina Hrvatske seljačke stranke. Zbornik radova*. Zagreb, pp. 539–606.
- Romanenko, S. A., 1982. Formirovanie mirovozzreniia i politicheskaiia deiatel'nost' brat'ev A. i S. Radichei (1887–1900) [Formation of the worldview and political activity of the brothers A. and S. Radić (1887–1900)]. *Sovetskoe slavianovedenie*, 1, pp. 36–45. (In Rus.)
- Sirotković, H., 1999–2000. Radićev ustav neutralne seljačke Republike Hrvatske iz 1921. godine. In: *Radovi — zavod za hrvatsku povijest*, 32–33, pp. 299–307.

Alexander A. Silkin

PhD, Senior Research Fellow, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. 119334, Leninskii Prospekt, 32A. E-mail: alexander.silkin.as@gmail.com

The Image of Power in the “Constitution of the Neutral Peasant Republic of Croatia” (1921)

There is a tendency in Croatian historiography to present the government Stjepan Radić, who headed the Croatian (Republican) Peasants' Party, as the forerunner of modern liberal democracy. The argument is the so-called Constitution of the Neutral Peasant Republic (1921), which provided for universal suffrage, government responsibility to the representative body, separation of powers, and so on. However, its other provisions do not align well with liberalism and, in general, with “modern” ideas about the state-legal structure. The Constitution should be viewed not as a draft law, but as a propaganda tool that appealed to the patriarchal-traditional views of the target audience. The state appeared as an enlarged model of a “peasant’s house” or “zadruga”, at the head of which was a strict but fair father of the people. He was endowed with not only secular, but also spiritual power over his “children”. S. Radić perceived the totality of his own slogans as a “reborn Christian religion”, and his activity as an “apostolate” or “preaching the liberation of the peasant people”. In the late 1930s Radić’s associates, who stood at the helm of power in Banovina Croatia, had the opportunity to embody their own ideas about the optimal state structure. Practice had little in common with theory, which is something that characterised many utopian national-state projects of the interwar period. The article deals with the ideological evolution of the party, which was predominated by the changing historical context in which it had to act. The speeches and texts of S. Radić are considered not only as an expression of a credo, but also as a utilitarian tool for the political mobilization of the masses.

Keywords: Stjepan Radić, Croatian republican peasant party, Constitution of the Neutral peasant republic of Croatia, Kingdom of Serbs, Croats, and Slovenes, parliamentarism, liberal democracy, propaganda

How to cite: Silkin, A. A., 2022. *Obraz vlasti v “Konstitutsii neutral’noi krest’ianskoi respubliki Khorvatiia” (1921). Tsentral’noevropeiskie issledovaniia*, 2022, 5(14). Moscow: Institut slavianovedeniia RAN; Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, pp. 223–245. doi: 10.31168/2619-0877.2022.5.9.

Наталья Николаевна Приступа

Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Беларуси и славянских народов, Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, Минск, Республика Беларусь, 220030, ул. Советская, 18.
E-Mail: pnatalka@rambler.ru

День рождения партийного лидера: образ Клемент Готвальда на страницах газеты «Rudé právo»

В статье проанализирован процесс конструирования образа К. Готвальда на основе материалов, представленных на страницах газеты *Rudé právo* («Красное право») по случаю дня рождения лидера Коммунистической партии Чехословакии. Показаны механизмы формирования культа личности, которые использовались партийными функционерами и журналистами газеты. Раскрыта роль языка и его средств в создании образа председателя КПЧ К. Готвальда в сознании граждан и поддержании устойчивой симпатии к нему. Установлено, что эволюция стратегий воздействия на общественное мнение была обусловлена изменениями, происходившими в самом государстве в 1945–1953 гг. Сделан вывод о том, что выработанный в медиaprостранстве набор практик обеспечил возвеличение К. Готвальда, утверждение его исключительного и сакрального статуса.

Ключевые слова: Чехословакия, коммунистическая партия, символ, идеология, культ личности, средства массовой информации

Цитирование: *Приступа Н.Н.* День рождения партийного лидера: образ Клемент Готвальда на страницах газеты «Rudé právo» // Центральноевропейские исследования. 2022. Вып. 5(14). М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2022. С. 246–260. DOI: 10.31168/2619-0877.2022.5.10.

Председатель Коммунистической партии Чехословакии (1945–1953 гг.), премьер-министр (1946–1948 гг.) и президент (1948–1953 гг.) страны Клемент Готвальд (1896–1953) родился 23 ноября 1896 г. в деревне Дедице на р. Мораве. В коммунистические времена здесь было создано место памяти «первого президента рабочих». Речь идет о доме на улице Революционной, с 1954 г. ставшем

обязательным для посещения школьниками и рабочими. Однако после «бархатной революции» 1989 г. в Чехословакии некоторые историки объявили действительным местом рождения дом зажиточных крестьян из другой деревни, расположенной неподалеку, — Гоштице-Геролтице. Кое-кто даже писал, что Мария Готвальдова «родила своего Клемента в поле», либо «в сарае на соломе», либо даже «где-то на берегу ручья». И хотя, как отметил директор Вышковского краеведческого музея Франтишек Корвас, вряд ли кто-то сейчас будет заниматься поиском места рождения К. Готвальда, этот вопрос остается по-прежнему открытым¹.

Если место рождения вызывает определенные разногласия среди профессиональных историков и историков-любителей, то дата рождения не ставится под сомнение. Естественно, что изначально это был праздник, прежде всего, для самого Готвальда и его семьи, а после окончания Второй мировой войны по мере укрепления позиций КПЧ во власти был взят курс на формирование культа личности вождя. Такое стремление государственных и партийных институтов создать или укрепить авторитет своего лидера традиционно интерпретируется как способ усиления легитимности власти, особенно в кризисные времена. В связи с тем, что «власть осуществляется через язык» и «средствами языка»², в процессе конструирования культа личности Клемента Готвальда в медиадискурсе страны его день рождения постепенно приобрел особое значение.

Научную литературу, прямо или косвенно относящуюся к проблематике статьи, можно условно разделить на несколько групп. К первой относятся работы, в которых изучается собственно феномен культа личности как в Советском Союзе, так и в странах Центральной Европы, через призму различных стратегий легитимации

¹ См. интернет-публикации разных лет: *Vaculová H.* Jak ze statku vznikla chudá Gottwaldova chaloupka // Zpravodajský portál iDNES.cz. 27.02.2007. URL: https://www.idnes.cz/cestovani/tipy-na-vylet/jak-ze-statku-vznikla-chuda-gottwaldova-chaloupka.A070226_152013_igcechy_tom (дата обращения: 23.09.2021); *Dubská Š.* Gottwaldův rodný domek je na prodej // Vyškovský deník.cz. 19.02.2009. URL: https://vyskovsky.denik.cz/zpravy_region/s-rodny-domkem-klementa-gottwalda20090218.html (дата обращения: 01.10.2021); *Prokopová M.* Gottwald se narodil před 120 lety svobodné děvečce, místo nejasné // Zpravodajský portál iDNES.cz. 23.11.2016. URL: https://www.idnes.cz/brno/zpravy/vyroci-narozeni-klementa-gottwalda.A161123_2287857_brno-zpravy_krut (дата обращения: 06.10.2021).

² См., например: Данилова 2011; Чернявская 2012.

коммунистического правления³. Ко второй принадлежат работы, непосредственно связанные с изучением биографии Готвальда, формированием его культа личности и «жизнью» после смерти⁴. Наконец, отдельно следует выделить исследователей, кто рассматривает процесс конструирования образа (имиджа) не только в медиапространстве, но в литературе, изобразительном и театральном искусстве, науке⁵. Изученные ими механизмы позволяют показать, как образ государственного или партийного лидера постепенно трансформировался в образ любимого вождя и символ нового социального порядка⁶. Хотя следует заметить, что само понятие «образ» в последние годы трактуется по-разному: помимо традиционного «внешний вид, облик; наружность, внешность» все чаще используются значения «живое, наглядное представление о ком-, чем-л., возникающее в воображении, мыслях кого-л.» и «форма восприятия сознанием явлений объективной действительности; отпечаток, воспроизведение сознанием предметов и явлений внешнего мира»⁷.

В качестве одного из инструментов возвеличивания личности Готвальда через утверждение его исключительности вплоть до сакрализации активно использовался главный партийный орган коммунистов — газета *Rudé právo* («Красное право»). На ее страницах можно проследить как эволюцию образа лидера КПЧ с 1945 по 1953 г., так и утверждение его особого положения в политической системе страны. Об этом же свидетельствует и возросший объем материалов, посвященных дню рождения Готвальда. Если в 1945 г. имело место только краткое упоминание об этом событии⁸, то со временем потребность в консолидации вокруг партийного лидера увеличивалась и количество соответствующих публикаций. Уже в 1951 г. насчитывалось 11 номеров (по 6 декабря 1951 г. выходили статьи, в которых перечислялись поздравления от трудовых коллективов и досрочно выполненные «трудовые подвиги» чехов и словаков)⁹.

³ Rees 2004; Pisch 2016; Márquez 2021.

⁴ Pernes 2010; Budinský 2013; Бенко 2017; Kroll 2019.

⁵ Данилова 2011; Чернявская 2012.

⁶ Ellul 1973; Svobodová 2016.

⁷ Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. С. 682.

⁸ 49 let soudruha Gottwalda // *Rudé právo*. 1945. 23 XI :1. № 168.

⁹ *Náš lid slaví 55. narozeniny presidenta Klementa Gottwalda vlasteneckou práci* // *Rudé právo*. 1951. 23 XI: 3. № 276.

Понятно, что это был особый год: Готвальду исполнилось 55 лет, но все же в условиях постепенного погружения Чехословакии в экономический и социальный кризис, плавно перераставший в политический, когда даже самые преданные сторонники из числа рабочих начали критически оценивать первые достижения строительства социализма, потребность в усилении символической и аффективной привязанности народа к ее лидеру резко возросла. В 1952 г. сложилась несколько иная ситуация: празднества шли на фоне политического процесса над Рудольфом Сланским (1901–1952), который, как писали в газете *Rudé právo*, «хотел устрасить Готвальда», и акценты значительно сместились¹⁰.

Традиционно выделяется несколько механизмов формирования культа личности, их применение можно обнаружить на страницах газеты. В первую очередь, это была демонстрация выработанных идеологами определенных ритуалов с целью усиления «эмоциональной привязанности к лидеру». Так, активно освещались официальные мероприятия, приуроченные к празднованию дня рождения Готвальда, которые стали проводиться в легендарном Большом зале пражской «Люцерны». Обязательным номером программы являлся концерт и многочисленные выступления соратников лидера КПЧ, периодически прерывавшиеся «бурными продолжительными аплодисментами». Еще одно место проведения торжеств — Национальный театр, где гвоздем праздничных мероприятий неизменно выступала опера «Поцелуй» Бедржиха Сметаны (1824–1884). Такой выбор, возможно, объясняется тем, что ее часто называли «народной» оперой, основанной на народных традициях, отражавшей быт чешской деревни и раскрывавшей чешскую душу.

К официальной части празднования можно отнести и процедуру присвоения Готвальду по случаю дня рождения звания «почетный гражданин» различных населенных пунктов, а также переименование в его честь внутригородских урбанонимов (улиц, парков, скверов и т. п.). В 1946 г., например, такое решение принял городской национальный комитет г. Пардубице¹¹. Тогда же был основан специальный фонд, куда перечислялись деньги из бюджета города. С 1948 г.

¹⁰ Pod vedením soudruha Gottwalda rozdrtíme všechny pokusy špionů a zrádců — vybudujeme socialismus // *Rudé právo*. 1952. 23 XI: 1. № 313.

¹¹ Pardubice jmenovaly předsedu vlády čestným občanem // *Rudé právo*. 1946. 23 XI: 2. № 270.

количество городов и деревень, администрация которых поступила подобным образом, постоянно росло. Но предложения о переименовании не всегда находили поддержку у партийных функционеров. Так, в этом было отказано коллективу знаменитого пивоваренного завода *Velkopopovický Kozel* и селекционерам, которые вывели новый сорт цветка.

Еще одна традиция, активно использовавшаяся властями по случаю дня рождения вождя — «Неделя ударного труда». Так, в 1946 г. на страницах *Rudé právo* приводились только единичные примеры результатов интенсивной трудовой деятельности. Шахтеры Кладно (Среднечешский край) рапортовали, что отработали «1000 часов в ночную смену с субботы на воскресенье»¹². Не отставали и предприятия Словакии: трудовые коллективы сообщали о количестве проведенных на производстве сверхурочных часов. В 1948 г. эта кампания охватила почти 9 тыс. предприятий. Некоторые коллективы даже заявили о том, что таким трудовым энтузиазмом смогли досрочно завершить выполнение «двухлетнего плана» или очередного года пятилетки¹³. Упоминались и достижения коллектива брненского предприятия *Zbrojovka*. И это при том, что параллельно с выходом газетных заметок в 1951 г. рабочие завода активно протестовали против социальной политики КПЧ.

Украшались и улицы городов. Это также подмечали журналисты, писавшие о том, что на домах вывешивались флаги (советские и чехословацкие). На рабочих местах размещали «инициалы» и портреты Готвальда. Газета пестрела и сообщениями о многочисленных подарках от чехословацких и иностранных граждан¹⁴. Этот факт использовался как доказательство большой любви народа к своему вождю. Не остались в стороне и партийные функционеры, которые приняли решение подготовить выставку «даров». Проект был реализован, и 23 февраля 1952 г., в помещениях Лобковицкого дворца в Пражском Граде состоялось торжественное открытие выставки. Канцелярией президента страны сообщалось о 1015 экспонатах. Позже

¹² Soudruhu Gottwalde, my ti přejeme ... // *Rudé právo*. 1946. 23 XI: 2. №. 270.

¹³ Jako dar předsedu republiky splnily třetí rok pětiletky // *Rudé právo*. 1948. 23 XI: 1. № 273.

¹⁴ Oslavy 52. narozenin presidenta republiky Klementa Gottwalda // *Rudé právo*. 1948. 23 XI: 1, 4. № 273; Dary pracujících presidentovým narozeninám // *Rudé právo*. 1948. 24 XI: 1. № 274.

появилась информация о еще 1081 подарке, выставленном на обозрение, правда, уже в Музее К. Готвальда¹⁵.

Следующий механизм, активно использовавшийся идеологами КПЧ, — выражение лояльности лидеру. Это, по мнению исследователей, являлось жизненно необходимым для продвижения по службе или недопущения наложения возможных «социальных санкций», а также могло рассматриваться как гарантия сохранения властной должности. Ближайшие сподвижники Готвальда обращались к нему «Наш Клема», глава правительства Антонин Запотоцкий (1884–1957) называл его «наш рулевой»¹⁶. Сообщалось о бесконечных проявлениях верности и преданности президенту, «народной демократии» и «пути к социализму», изложенных в многочисленных письмах рабочих (с уточнением — «в большинстве своем»). В 1948 г. открылась для записей и «Поздравительная книга» в Граде.

Набиравшая обороты с приходом КПЧ к власти пропаганда была направлена не только на создание определенного мировоззрения, но и на мобилизацию масс для совершения определенных действий, а также на моделирование лояльности и позитивной оценки деятельности партии. При этом работа средств массовой информации строилась преимущественно таким образом, чтобы не информировать читательскую аудиторию, а в первую очередь воздействовать на ее мнение и конструировать реальность.

Журналисты и корреспонденты газеты в большей степени обращались к «самым простым и сильным чувствам» (например, любви, ненависти, страха). Однако формирование образа Готвальда шло не только через агитацию, но и с помощью так называемой интеграционной пропаганды. Она стала особенно необходимой после завершения революционной стадии развития государства, когда происходил переход к формированию устойчивых поведенческих практик и адаптации человека к повседневной жизни (он должен разделять стереотипы и убеждения группы, быть активным участником ее экономической, политической и др. деятельности) и стабилизации общества в целом. Это привело к тому, что все чаще подчеркивалось, что Готвальд вышел из народа, поэтому как никто другой понимал

¹⁵ Futerová 2019: 76.

¹⁶ Soudruh Gottwald mezi svými // Rudé právo. 1946. 23 XI: 2. №. 270; Zapotocký A. President nové epochy našich dějin // Rudé právo. 1948. 23 XI: 1. №. 273.

его чаяния и надежды. Официальная пропаганда говорила о нем как о «первом рабочем президенте». Это делалось по аналогии с Первой республикой, когда возник и активно транслировался образ ее первого президента Томаша Гаррига Масарика (1850–1937) как «президента-освободителя», и второго президента Эдуарда (Эдварда) Бенеша (1884–1948) как «президента-созидателя».

По мере укрепления культа личности Готвальда на страницах газеты *Rudé právo* все чаще использовалось слово «вождь». Так, в заметке «Исторические заслуги товарища Клемента Готвальда — вождя нашей партии» утверждалось, что под его руководством КПЧ смогла «обеспечить рабочему классу положение гегемона в национальной и демократической революции», а также «подорвать экономическую мощь буржуазии» и тем самым создать предпосылки для «решительного перехода к социализму»¹⁷. Этот термин постепенно практически полностью вытеснил типичные для газетного дискурса обозначения личности по должности. Исключение составляли только официальные информационные сообщения либо поздравительные телеграммы от руководителей других стран и партий. Например, Бенеш, поздравляя Готвальда с 50-летием в 1946 г., обращался к нему как к «председателю правительства». Причем он акцентировал внимание не на личных качествах председателя КПЧ, а на его роли в построении «новой экономической и социалистической демократии»¹⁸. Таким образом, президент воспользовался представившейся ему возможностью напомнить о достигнутых после Второй мировой войны договоренностях по построению народной демократии и актуализировать свои программные взгляды, известные как «демократический социализм». Практически с аналогичным призывом к Готвальду не только как к председателю КПЧ, но и к «председателю содружества всех политических партий» обратился и лидер Чехословацкой национально-социалистической партии Петр Зенкл (1884–1975). Он также не преминул заметить, что у чешского народа отсутствовала традиция публичного празднования 50-летнего юбилея и «культ личности никогда не был свойственен» чехам, так как подводить какие-то жизненные итоги человеку, которому «не уже пятьдесят, а всего лишь

¹⁷ *Kopecký V.* Historické zásluhy soudruha Klementa Gottwalda jako vůdce naší strany // *Rudé právo*. 1948. 23 XI: 3. № 273.

¹⁸ *Beneš E.* Blahopřání presidenta republiky // *Rudé právo*. 1946. 23 XI: 1. № 270.

пятьдесят» еще рано¹⁹. Показательно при этом, что сама его статья размещалась под фотографией с улыбающимся Готвальдом, которого несли на руках его партийные товарищи на празднике газеты *Rudé právo*.

Интересным является не только упоминание о безграничной любви по отношению к выдающемуся вождю «наших народов», «знаменосцу нашей борьбы за мир и строительство социализма», но и то, что феномен вождизма также тесно переплетался с образом «отца». Это был одним из самых сильных и распространенных образов, связанных с личностью Готвальда («отец всех трудящихся», «действительный наш отец») ²⁰. В прессе часто упоминался термин «родной», который подразумевал семейные отношения или родство между ним и населением страны. Постоянно акцентировалось внимание на «отеческой заботе». Эти патриархальные отношения должны были распространиться на все чехословацкое общество, которое, как и советское, состояло из «обширных сетей патронажа, действовавших как по вертикали, так и по горизонтали». При этом имело место и своеобразное обожествление отца благодаря использованию слов со значением «творец»: «строитель исторической победы нашего народа»; «создатель программы революции» и главный автор Кошицкой программы, нацеленной на «организацию новой и лучшей Чехословакии»; «кузнец» новой «ленинской партии». Так, Зденек Неедлы (1878–1962) ставил в заслугу Готвальду создание «нового государственного метода» — «упорно идти вперед», позднее развившегося в призыв «работать и бороться по-готвальдовски»²¹.

В то же время официальным рупором КПЧ делался упор на семейные узы и через установление «сыновьей связи» Готвальда со своим народом: «выдающийся сын народа», «великий и родной сын», «верный сын народа»²². И даже когда имя не называлось, все прекрасно понимали, о ком идет речь.

¹⁹ *Zenkl P.* K padesátinám // *Rudé právo*. 1946. 23 XI: 3. № 270.

²⁰ S Klementem Gottwaldem půjdeme od vítězství k vítězství // *Rudé právo*. 1952. 23 XI: 1. № 313; Všemu pracujícím lidu Československa // *Rudé právo*. 1953. 15 III: 2. № 74.

²¹ *Nejedlý Z.* Klement Gottwald státník // *Rudé právo*. 1946. 23 XI: 1. № 270; *Široký V.* Strůjce historických vítězství našeho lidu // *Rudé právo*. 1951. 23 XI: 2. № 276.

²² *Slanský R.* Velký syn národa // *Rudé právo*. 1946. 23 XI: 1. № 270; *Slanský R.* Velký syn národa // *Rudé právo*. 1948. 23 XI: 3. № 273; *Široký V.* Strůjce historických vítězství našeho lidu // *Rudé právo*. 1951. 23 XI: 1. № 276.

Из приведенных примеров видно, что слово «отец», как и «сын», часто соседствует, с одной стороны, с определениями «любимый» и «родной», а с другой, — «великий». Это свидетельствует о выходе за рамки простых семейных отношений. Тем не менее, интимная семейная тональность поддерживалась использованием обращения «ты» по отношению к Готвальду²³.

Еще один важный образ Готвальда, активно формировавшийся журналистами газеты *Rudé právo* в общественном сознании, — это «учитель» («великий учитель», или «дорогой учитель»). По аналогии с СССР, где И. В. Сталин назывался самым верным учеником В. И. Ленина, продолжателем его дела и законным преемником, глава чехословацких коммунистов изображался исполнявшим подчиненную роль советскому лидеру. И если в 1946 г. он чаще всего представлялся как «действительный ученик В. И. Ленина», то с 1948 г. он уже «верный ученик Маркса, Ленина и Сталина». И только благодаря тому, что Готвальд «прилежно учился у Ленина и Сталина», он смог изменить партию²⁴. Смена акцентов свидетельствует о переменах, происходивших во всех сферах жизни чехословацкого государства. Ведь еще в 1946 г. Готвальд ставился в один ряд с президентом Масариком, так как «только великие люди могут идти против течения, не сдаваться и продолжать бороться за свою правду». И если в первые годы после установления коммунистического правления писалось о том, что Масарик и Бенеш не будут забыты, то уже в 1952 г. последний обвинялся в том, что является «старым агентом западного империализма» и в годы Второй мировой войны возглавил «буржуазную эмиграцию», действиям которой был вынужден дать решительный бой Готвальд²⁵.

По мере формирования культа личности председателя КПЧ партийные журналисты все чаще стали обращаться и к своеобразным лозунгам-панегирикам. Стилистической особенностью панегириков, как известно, является использование языковых и речевых средств с мелиоративной оценочностью. Тот же Неedly называл Готвальда «человеком нового, лучшего мира»²⁶. А вот придание им

²³ См., например: Soudruhu Gottwalde, my ti přejeme ... // *Rudé právo*. 1946. 23 XI: 2. № 270.

²⁴ *Rais Št. Veliký žák Leninův a Stalinův* // *Rudé právo*. 1948. 23 XI: 3. № 273.

²⁵ S Klementem Gottwaldem půjdeme od vítězství k vítězství // *Rudé právo*. 1952. 23 XI: 1. № 313.

²⁶ *Nejedlý Zd.* Klement Gottwald státník // *Rudé právo*. 1946. 23 XI: 1. № 270.

формы лозунгов позволяло в короткие сроки ретранслировать главную мысль для максимально быстрого запоминания большим количеством людей, моделировать их определенное поведение и действия.

В то же самое время, например, лозунг «Президент новой эпохи в нашей истории», вынесенный в название статьи, которая, по сути, стала типичной с 1948 г., когда объем восхвалений значительно вырос и изменилась их тональность, можно расценивать как яркое и лаконичное название, цеплявшее внимание читателя. С другой стороны, его можно классифицировать и как своеобразный патетический лозунг, так как в такого рода лозунгах патетическая окраска не тождественна призывности. В 1952 г. страницы газеты *Rudé právo* были полны пафоса, преклонения и раболепия: «Товарищ Готвальд — это правда партии, это мудрость партии, это ее сила», или «Первый шахтер», или «Наш хозяин».

Признавая значение языкового воздействия в текстах средств массовой информации на читателей, важно определить частотность употребления тех или иных слов. В том случае если мы имеем дело с единичным использованием терминов и сравнительных характеристик, у нас нет достаточных оснований для именованя его способом целенаправленного языкового воздействия. Это скорее авторское высказывание, стилистические особенности и позиция журналиста. В данном же случае очевидно активное использование таких характеристик Готвальда как выдающийся, великий, умный, дальновидный и проницательный политик, вождь, руководитель, рулевой, недремлющий защитник интересов, инициатор «нашего вечного сотрудничества и братства с Советским Союзом».

Еще один важный критерий анализа текста — референция (соотношение высказывания с действительностью). Понятно, что в условиях монополии КПЧ на власть и идеологию искажение действительности, тенденциозность и необъективность стали нормой жизни. Так, например, в заслугу Готвальду ставилось, что благодаря его своевременным стараниям и заботе у каждого чеха и словака «было что поесть» в тяжелый засушливый 1947 г. Однако это не всегда происходило напрямую и необязательно сопровождалось «ложным, искажающим факты изложением», а могло воздействовать на ассоциативное мышление человека через создание эмоционально-нагруженного контекста. В последнем случае возрастает значение заголовка. Во-первых, читатели как правило, не все статьи прочитывают

до конца, а на заголовки, особенно вынесенные на первую полосу, наоборот, всегда обращают внимание. Во-вторых, как отмечала автор исследования о манипулировании сознанием А. А. Данилова:

[Л]аконичные, набранные крупным шрифтом заголовки намного прочнее оседают в сознании реципиента и впоследствии служат теми стержнями, на которые опираются основные приемы воздействия на сознание²⁷.

Примером такого хлесткого и яркого заголовка является «Клемент Готвальд — друг словаков». В этой статье речь шла о том, что жизнь и деятельность председателя КПЧ была неразрывно связана с окончательным решением словацкого вопроса и освобождением словаков из-под тысячелетнего «венгерского ярма»²⁸. Вместе с тем в том же номере Сланский называл его «чехословаком»²⁹, что свидетельствовало уже об отрицании самобытности словацкого народа.

Еще один инструмент, содействовавший эмоциональному восприятию мира с помощью ярких образов, — это фотографии и иллюстрации, создающие вместе с текстом единый семиотический ряд. Зрительный образ, быстро и эффективно влияющий на сознание и подсознание, нередко может даже изменить все содержание статьи. Для привлечения внимания иногда использовалось и непривычное цветовое оформление: на первой полосе номера за 23 ноября 1948 г. фраза «Весь чехословацкий народ поздравляет своего президента Клемента Готвальда с его 52-м днем рождения» выделена красным цветом.

Иллюстрации также позволяют облегчить образ государственника, который постоянно находится в думах о стране и своем народе. В частности, в 1947 г. на первой странице номера размещена фотография Готвальда с внучкой и подписью, что он любит с ней заниматься после многочисленных государственных забот. Через год в номерах с материалами, приуроченными ко дню рождения председателя КПЧ, — фотографии, на которых были запечатлены Готвальд и дети, к которым тот испытывал «особую любовь; Готвальд и лидер болгарских коммунистов Георгий Димитров (1882–1949), которые «во

²⁷ Данилова 2011: 155.

²⁸ *Široký V.* Klement Gottwald — priateľ slovákov // *Rudé právo*. 1946. 23 XI: 3. № 270.

²⁹ *Slanský R.* Velký syn národa // *Rudé právo*. 1946. 23 XI: 2. № 270.

время дружеского разговора» закуривали трубку³⁰. Видим, что на страницах газеты находилось место и небольшим зарисовкам из частной жизни лидера КПЧ. Это в норме отличалось от ситуации, которая сложилась в Советском Союзе, где Сталин выступал противником увлечения журналистов частными аспектами его жизни.

Таким образом, газета *Rudé právo* в 1945–1953 гг. через так называемое централизованное государственное производство (выпуск статей, восхваляющих вождя; создание памятников и картин, биографий, пропагандистских плакатов и т. д.) внесла существенный вклад в формирование образа председателя КПЧ Клемента Готвальда в сознании своих граждан, в создание определенного мнения об этом образе и поддержание симпатии к нему. Чехословацкий медиадискурс выработал набор практик, обеспечивших возвеличивание Готвальда, утверждение его исключительного и сакрального статуса. К их числу относятся использование номинации «вождь», воспроизведение лозунгов-панегириков, прославлявших вождя, и конструирование образа отца, сына, учителя, государственника. Со временем это позволило укрепить уверенность граждан в способностях Готвальда решать самые сложные вопросы общественного развития и направлять его ход, а также занимать господствующее положение не только по отношению к своим соратникам по партии, но и по отношению к ним самим.

Список сокращений

КПЧ — Коммунистическая партия Чехословакии

Литература

- Бенко 2017 — *Бенко Ю.* Изменение имиджа молодого Клемента Готвальда после 1948 года // Запад — Восток. 2017. № 10. С. 136–153.
- Данилова 2011 — *Данилова А. А.* Манипулирование словом в средствах массовой информации. М.: Добросвет; Изд-во КДУ, 2011. 232 с.
- Чернявская 2012 — *Чернявская В. Е.* Дискурс власти и власть дискурса: проблема речевого воздействия. М.: ФЛИНТА; Наука, 2012. 128 с.
- Budinský 2013 — *Budinský L.* Jedenáct prezidentů. Praha: Knižní klub, 2013. 312 s.
- Ellul 1973 — *Ellul J.* Propaganda: The formation of men's attitudes. New York: Vintage Books, 1973. 320 p.

³⁰ Klement Gottwald jaký je // Rudé právo. 1948. 23 XI: 4. № 273.

- Futerová 2019 – *Futerová A.* Klement Gottwald – analýza kultu osobnosti v komunistickém Československu: diplomová práce. Pardubice, 2019. 136 s. (рукопись). URL: https://dk.upce.cz/bitstream/handle/10195/73995/FuterovaA_KlementGottwald_ZV_2019.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 06.10.2021).
- Kroll 2019 – *Kroll R.* Gottwald a jeho doba. Praha: XYZ, 2019. 342 s.
- Márquez 2021 – *Márquez X.* The mechanisms of cult production: An overview // Ruler personality cults from empires to nation-states and beyond. Symbolic Patterns and Interactional Dynamics / ed. by K. Postoutenko, D. Stephanov. London: Routledge, 2021. P. 21–45.
- Pernes 2010 – *Pernes J.* Takoví nám vladli. Komunističtí prezidenti Československa a doba, v níž žili. Praha: Brana a. s., 2010. 328 s.
- Pisch 2016 – *Pisch A.* The personality cult of Stalin in Soviet posters, 1929–1953: archetypes, inventions and fabrications. Acton: The Australian National University Press, 2016. 516 p. DOI: 10.22459/PCSSP.12.2016
- Rees 2004 – *Rees E.A.* Leader cults: Varieties, preconditions and functions // The leader cult in Communist dictatorships. Stalin and the Eastern Bloc / ed. by B. Apor, J. C. Behrends, P. Jones, E. A. Rees. New York: Palgrave Macmillan, 2004. P. 3–26.
- Svobodová 2016 – *Svobodová J.* Manipulace a argumentace v politickém a mediálním diskurzu. Olomouc: Univerzita Palackého, 2016. 214 s.

References

- Benko, Ju., 2017. Izmenenie imidzha mladogo Klementa Gotval'da posle 1948 goda [Changes in the image of the young Klement Gottwald after 1948]. *Zapad – Vostok*, 10, pp. 136–153 (In Rus.).
- Budinský, L., 2013. *Jedenáct prezidentů*. Praha: Knižní klub, 2013, 312 s.
- Cherniavskaia, V.E., 2012. *Diskurs vlasti i vlast' diskursa: problema rechevogo vozdeistviia* [Discourse of power and the power of discourse: the problem of speech impact]. M.: FLINTA; Nauka, 128 p. (In Rus.)
- Danilova, A.A., 2011. *Manipulirovanie slovom v sredstvakh massovoi informatsii* [Manipulation of the word in the media]. Moscow: Dobrosvet, Izd-vo KDU, 232 p. (In Rus.).
- Ellul, J., 1973. *Propaganda: The formation of men's attitudes*. New York: Vintage Books, 1973, 320 p.
- Futerová, A., 2019. *Klement Gottwald – analýza kultu osobnosti v komunistickém Československu*: diplomová práce. Pardubice, 136 p. (manuscript). URL: https://dk.upce.cz/bitstream/handle/10195/73995/FuterovaA_KlementGottwald_ZV_2019.pdf?sequence=1&isAllowed=y (accessed: 06.10.2021).
- Kroll, R., 2019. *Gottwald a jeho doba*. Praha: XYZ, 2019, 342 s.

- Márquez, X., 2021. The mechanisms of cult production: An overview. In: Postoutenko, K., Stephanov, D., eds. *Ruler Personality Cults from Empires to Nation-States and Beyond* / ed. by K. Postoutenko, D. Stephanov. London: Routledge, pp. 21–45.
- Pernes, J., 2010. *Takoví nám vládli. Komunističtí prezidenti Československa a doba, v níž žili*. Praha: Brana a.s., 2010, 328 s.
- Pisch, A., 2016. *The personality cult of Stalin in Soviet posters, 1929–1953: archetypes, inventions and fabrications*. Acton: Australian National University Press, 2016, 516 p. DOI: 10.22459/PCSSP.12.2016
- Rees, E. A., 2004. Leader cults: Varieties, preconditions and functions. In: Apor, B., Behrends, J. C., Jones, P., Rees, E. A. *The leader cult in Communist dictatorships. Stalin and the Eastern Bloc*. New York: Palgrave Macmillan, pp. 3–26.
- Svobodová, J., 2016. *Manipulace a argumentace v politickém a mediálním diskurzu*. Olomouc: Univerzita Palackého, 214 p.

Natallia N. Prystupa

PhD, Assistant professor, Chair of History of Belarus and Slavic Peoples, Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Republic of Belarus. 220030, ul Sovetskaiia, 18.
E-mail: pnatalka@rambler.ru

The Birthday of the Party Leader: Klement Gottwald's Image on the Pages of the “Rudé Právo” Newspaper

The process of constructing the image of Klement Gottwald on the basis of materials presented in the newspaper *Rudé parvo* on the occasion of the birthday of the leader of the Communist Party of Czechoslovakia is analysed in the article. The mechanisms of formation of the personality cult, which were used by party functionaries and newspaper journalists, are shown. The role of language and its use in creating the image of Klement Gottwald, the chairman of the Communist Party of Czechoslovakia, in the minds of citizens and in maintaining their sympathy to him was revealed. The evolution of the strategies utilised to influence public opinion was determined by the changes which took place in the state between 1945 and 1953. The set of practices developed in the media space which ensured the exaltation of Klement Gottwald and asserted his exceptional and sacral status are also shown.

Keywords: Czechoslovakia, Communist Party, symbol, ideology, cult of personality, mass media

How to cite: Prystupa, N.N., 2022. Den' rozhdeniia partiinogo lidera: obraz Klementa Gotval'da na strantsakh gazety “Rudé parvo”. *Tsentral'noevropeiskie issledovaniia*, 2022, 5(14). Moscow: Institut slavianovedeniia RAN; Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, pp. 246–260. doi: 10.31168/2619-0877.2022.5.10.

Ирина Александровна Герчикова

Кандидат филологических наук, научный сотрудник, Институт славяноведения РАН, Москва, Россия. 119334, Ленинский проспект, 32А. E-mail: geririna@inbox.ru

Государство и литература в социалистической Чехословакии. «Вкус власти» Л. Мнячко

Статья посвящена чехословацкой литературе периода 1948–1989 гг., отражавшей отношение к государственной власти, развитие которой можно разделить на три этапа развития. Первое десятилетие (конец 1940-х — 1950-е годы), когда государство активно вмешивалось в культурную жизнь и разработало методы управления художественным творчеством, характеризовалось безоговорочным принятием и восхвалением в литературе завоеваний социализма («производственный роман» и о коллективизации, авторы Алена Бернашкова с романом «Путь открыт»; Вацлав Ржезач, ярко выразивший пафос социалистического строительства, дилогия «Наступление» и «Битва»; Богумил Ржигга, поэты Йозеф Кайнар, Ян Пиларж, Властимил Школауди и др.). В конце 1950-х — 1960-е годы литературные произведения отличались критикой догматизма и поиском модели «социализма с человеческим лицом», мечтой о некоем «чешском» или «третьем пути» для Чехословакии, которая могла бы преодолеть отрицательные стороны как коммунистической, так и капиталистической системы (Иржи Марек, Йозеф Несвадба, Иржи С. Купка и др.). И третий этап (1969–1989) — эпоха «нормализации» с официальной подцензурной литературой, обслуживающей интересы государства, а также «самиздат» и эмигрантская литература с жесткой критикой и осуждением тоталитаризма (Милан Кундера, Йозеф Шкворецкий, Эгон Гостовский, Карел Пецка и др.). Основное внимание уделено первому и второму этапу в силу меньшей изученности. Жизнь и творческий путь Ладислава Мнячко, журналиста и писателя, выдающегося деятеля словацкой культуры, незаслуженно мало исследованы. Его роман «Вкус власти» — политический памфлет и психологический анализ власти и механизма ее разложения, жесткий и бескомпромиссный суд над тоталитаризмом.

Ключевые слова: литература Чехословакии, социалистический реализм, управление художественным творчеством, критика тоталитаризма, Ладислав Мнячко

Цитирование: *Герчикова И. А.* Государство и литература в социалистической Чехословакии. «Вкус власти» Л. Мнячко // Центральноевропейские исследования. 2022. Вып. 5(14). М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2022. С. 261–278. DOI: 10.31168/2619-0877.2022.5.11.

Отношения чехословацких писателей с государственными органами и литература социалистической Чехословакии развивались по-разному на трех исторических этапах. Первый (конец 1940-х — 1950-е годы) характеризовался полным принятием и восхвалением завоеваний социализма, второй (конец 1950-х—1960-е годы) — критикой догматизма и поиском модели «социализма с человеческим лицом». Третий (1969—1989) — эпоха «нормализации», наиболее полно изученный в отечественном литературоведении.

На этом последнем этапе эпохи социализма оформились и стали параллельно существовать «самиздат», не менее бескомпромиссная эмигрантская литература и официальная литература, подцензурная, обслуживающая интересы государства. Последняя широко представлена, в частности, в книге Р. Р. Кузнецовой «Роман 70-х годов в Чехословакии»¹. Авторы, эмигрировавшие после 1968 г. или оставшиеся в стране во «внутренней эмиграции» с их жесткой критикой и осуждением тоталитаризма, стали главной движущей силой культуры в 1990-е годы. Тема эмиграции зазвучала с особой силой и до сих пор чрезвычайно актуальна в Чехии. Еще в 1993 г. в Оломоуце был создан Центр чехословацкого эмигрантоведения (*Centrum pro československá exilová studia (CČE, FF UP)*). На русском языке написана диссертационная работа А. А. Боярской о прозе чешской эмиграции 1980–1990-х годов², многочисленные работы о самом известном эмигранте Милане Кундере (род. в 1929 г.)³, произведения которого переведены на русский язык наряду с созданными Йозефом Шкворецким (1924–2012). Подробно характеризуется эпоха 1969–1989 гг. в моей статье «Советская литературоведческая богемистика периода нормализации»⁴.

Менее изученными и незаслуженно забытыми являются авторы, писавшие в 1950–1960-е годы, во многом подготовившие творчество тех, чьи голоса зазвучали уже в свободной демократической Чехословакии последнего десятилетия XX в. Не вспоминают и не включают в программы истории чешской литературы для филологов авторов, восхвалявших режим, слабых, но идейно правильных. Между тем они остаются частью истории литературы и тем литературным

¹ Кузнецова 1980.

² Боярская 2010.

³ См., например: Шерлаимова 2014.

⁴ Герчикова 2021.

опытом, проанализировать который как порождение и свойство современной культуры во всем ее многообразии сегодня чрезвычайно важно.

Общественно-политическая ситуация в Чехословакии после февраля 1948 г., когда произошел политический переворот, благодаря которому к власти пришла Коммунистическая партия Чехословакии, обусловила серьезный сдвиг в национальной культуре. Это означало конец демократии в обществе и начало нового времени. Времени, которое принесло стране немало негативного: преследование политических оппонентов, принудительные трудовые лагеря, изменения в политической и экономической системе, а также подчинение интересам Советского Союза. Государство стало активно вмешиваться в культурную жизнь. Клемент Готвальд (1896–1953) в книге «О культуре и задачах интеллигенции» четко обозначил границы дозволенного⁵. В 1954 г., уже после его смерти, вышел под одноименным названием сборник, где было собрано 50 статей, писем и текстов выступлений за четыре года правления «самого отвратительного деятеля чешской истории»⁶. Очевидно, какое значение придавалось в годы его правления пропаганде, агитации, «идеологическому очищению» (*ideologická očista*). Печально известный под этим названием Закон № 213 от 21 июля 1948 г. запрещал на законодательном уровне всякое инакомыслие. Культурная политика этого периода подробно рассмотрена в книге чешского историка Иржи Кнапики «В плену власти. Культурная политика, ее система и исполнители. 1948–1956»⁷.

4–6 марта 1949 г. состоялся съезд новообразованного Союза чехословацких писателей, обозначенный в прессе как «совещание инженеров человеческих душ». На съезде был провозглашен как единственный возможный творческий метод — социалистический реализм — в противовес «террору модернизма», как это прозвучало

⁵ *Gottwald K.* O kultuře a úkolech inteligence. Praha: Ministerstvo informací, 1948. 110 s.; ср.: *Idem.* O kultuře a úkolech inteligence v budování socialismu. Praha: Státní nakl. politické literatury, 1954. 115 s.

⁶ Nejzápornější postavou českých dějin je podle ankety Gottwald // Reflex.cz. 13.06.2015. URL: https://www.reflex.cz/clanek/zajimavosti/64612/nejzapornejsi-postavou-ceskych-dejin-je-podle-ankety-gottwald-nelibi-se-ani-havel-a-zeman.html?fb_comment_id=955604904490800_955931154458175 (дата обращения: 30.03.2022).

⁷ См.: Кнапík 2006.

в программном выступлении Яна Дрды (1915–1970)⁸. Участникам съезда соцреализм был подан как «направление, исходящее из тесной взаимосвязи художников с трудовыми усилиями в хозяйственной сфере и в то же время предполагающее подчинение творческого субъекта высшим коллективным интересам (то есть построению социализма) и личную идейно-политическую активность художника»⁹.

Искусство и культура Чехословакии с конца 1940-х годов были поставлены на службу новой власти и рассматривались в рамках авторитарного правления. Все сферы общественной жизни подчинялись полицейскому контролю этой власти. Введя жесткую цензуру, утверждая, как единственно правильный метод социалистического реализма, государственные органы начали клеймить позором писателей, пытавшихся «отравить сознание» строителей коммунизма.

Эпоха социалистического реализма в Чехословакии охватывает время с 1934 по 1956 г. Этот период имел две фазы: довоенную, которая характеризуется как недогматическая и имевшая определенную художественную ценность, и фаза 1950-х годов, которая, как подчеркнул Я. Яначек, представляется схематичной, (конъюнктурной) и деструктивной¹⁰. Литература 1950-х годов была призвана стать иллюстрацией политических событий. Использовались реальные факты недавней истории: борьба с фашизмом и освобождение страны Советской армией, героизм трудовых будней народа, поднимавшего страну в послевоенные годы, первая пятилетка, коллективизация, прежде всего ее первый этап (1952–1953 гг.), сопровождавшийся репрессиями, о чем, естественно, не упоминалось. О методах управления художественным творчеством написано в Чехии в последнее время очень много, вообще тема тоталитарной модели литературы конца 1950-х — начала 1960-х годов стала весьма популярной.

В СССР с помощью административных мер (небезызвестное постановление «О перестройке литературно-художественных организаций» 1932 г. и решения Первого съезда советских писателей 1934 г.) литераторам предписали творить в духе созидания, выражать всяческий оптимизм, углублять идею активной личности, при этом

⁸ В 1949–1956 гг. Я. Дрда занимал пост председателя Союза писателей. В 1968 г. он, однако, открыто выступил против военного вторжения стран Варшавского договора.

⁹ Janoušek 2012: 90.

¹⁰ Janáček 2007: 16.

высшими ценностями должны быть декларированы партия и вождь. Героем был объявлен не человек = личность, а нечто абстрактное — пролетарский труд. И в Чехословакии новый Союз писателей после упомянутого съезда марта 1949 г. под давлением идеологического фактора поставил задачу держать за образец советскую литературу. С этого момента главным жанром стал «производственный роман», достигший апогея к середине 1950-х годов. Общеизвестно, что у истоков производственного романа стояли два произведения советских авторов: «Доменная печь» Н. Н. Ляшко (1884–1953) и «Цемент» Ф. В. Gladкова (1883–1958). Оба вышли в свет в 1925 г. В Чехословакии производство и жизнь рабочего человека также занимали известных писателей, и в конце 1920-х годов появились романы классиков Ивана Ольбрахта (1882–1952) «Анна пролетарка» (1928) и «Сирена» (1935) Марии Майеровой (1882–1967).

После Второй мировой войны главной темой стала оккупация, борьба с фашизмом, а с конца 1940-х — трудовая жизнь. Та самая Майерова, ратовавшая в середине 1930-х годов за улучшение условий труда рабочего, в 1950-х как убежденная коммунистка призвала творить новое искусство, озаренное Великим Октябрем¹¹. Для периода конца 1940-х и практически всех 1950-х годов характерна конфронтация большинства программных процессов в литературе со старой литературной традицией, особенно с литературным авангардом Первой республики. Это было связано с требованием коммунистов пересмотреть так называемое культурное наследие. Требование было основано на ленинском тезисе о существовании двух культур в каждой национальной культуре: прогрессивной, отражающей интересы рабочего класса и участвующей в разрушении несправедливого общества, и упадочнической, действующей в соответствии с потребностями эксплуататоров. Поэтому представлялись необходимыми переоценка традиции чешской культуры и определения, что же с современной точки зрения можно охарактеризовать как «прогрессивное» в развитии, а что, наоборот, как «реакционное». Производственный роман полностью соответствовал поставленной партией задаче.

Симптоматичным является роман Алены Бернашковой (1920–2007) «Путь открыт» (1950). Он вышел на русском языке в 1951 г. в «Издательстве иностранной литературы» в переводе и с комментариями

¹¹ *Majerová. M. Umělci Říjnu // Literární noviny. Č. 45. 1957. 9 XI: 1, 3.*

С. А. Шерлаимовой (1927–2019), в свою очередь переведенными на чешский, так как «голос из Москвы» всегда был определяющим при выборе достойных произведений. Это роман о том, как рабочий класс Чехословакии под мудрым руководством КПЧ борется за восстановление разрушенного во время войны химзавода. Здесь имеются немцы — отъявленные карикатурные злодеи, способные лишь убивать и мучить, чехи, строители светлого будущего, сомкнувшие ряды в едином порыве энтузиазма, и русские — с ними связано это будущее, а день сегодняшний — это праздник, песни и радость. При всей, казалось бы, наивности роман демонстрирует искреннюю веру в идеалы коммунизма, воспекает азарт молодости и непоколебимую волю.

Созвучное мыслям Бернашковой мы найдем у Вацлава Ржезача (1901–1956), ярко выразившего пафос социалистического строительства в Чехословакии. Он автор двух романов неоконченной трилогии: «Наступление» (1951 г., в русском переводе — 1953 г.), «Битва» (1954 г., в русском переводе 1956 г.). У Ржезача, как выдающегося, правильного автора, проповедника наивысших непрекращаемых ценностей, вышло уже во времена «перестройки», в 1987 г., собрание сочинений в трех томах в издательстве «Художественная литература». Обе части опуса Ржезача имеют короткие, но лаконичные названия, которые достаточно четко характеризуют их основную идею. Речь идет о заселении северочешской приграничной деревни, куда возвращаются чехи после изгнания немцев. Немцы, которые все еще прячутся здесь, на чехов периодически нападают. Столкновение с только что переехавшими чехами становится неким символом классовой борьбы. Немцы являются олицетворением старого (враждебного) мира, в то время как чехи описываются как цивилизованная и сознательная нация, добившаяся успеха в продвижении социализма на бывшей территории Германии. Центральным мотивом становится стремление обеспечить выполнение страной пятилетки. Персонажи в «Битве» выбраны в соответствии с требованиями времени. Легионер, землевладелец, судья, наследник владельца завода и бывший боец Сопротивления, авиатор *RAF* (*Royal Air Force* — Королевские Военно-воздушные силы Великобритании), все они изображены здесь как противники коммунистического движения, а их поведение отражает моральный упадок буржуазного общества. Кроме того, представленные типы, реакционеры, должны, по задумке автора, наглядно показать неподобающие антинародные настроения.

Иллюстрацию борьбы двух миров мы найдем в еще одном характерном произведении Богумила Ржиги (1907–1987). В романе «Две весны» (1952) для разнообразия — деревенская тематика, здесь мы видим начало коллективизации. Весна 1945 и 1949 г. показывает изменения, которые произошли с момента антифашистского восстания до начала борьбы за коллективизацию в приграничной деревне. Освобождение страны от оккупантов и ликвидация на селе старого капиталистического строя представлены как достижение новой власти, государства, реализовавшего мечту трудящихся об идеальном мироустройстве (в данном случае сельхозкооператива, чешского колхоза). В то же время «автор ввел обязательный мотив мирного сосуществование чехов и красноармейцев, которые жили здесь некоторое время после окончания Второй мировой войны. Эти солдаты изображены как главные советчики, направляющие местных коммунистов и помогающие в деревне реализовать мечту — сельхозкооператив¹². На русский язык переведено и издано в 1962 г. и другое эпохальное двухтомное произведение Ржиги «Мужик» («Издательство иностранной литературы») о становлении социалистической деревни.

От Ржиги по части отражения преобразований в деревне не отставали и словацкие авторы. Франтишек Гечко (1905–1960) в программном романе «Деревянное село» (1951) отразил переход от патриархальной капиталистической деревни, погрязшей в примитивном индивидуальном труде, к социалистическому коллективному производству. Другие словацкие писатели — Рудольф Яшик, Альфонз Беднар, Ладислав Бенё в едином порыве славили социалистические завоевания, сосредоточившись в первую очередь на социальных проблемах на селе. То есть словацкий производственный роман был скорее «романом о коллективизации».

Сформировалось новое направление — «производственная поэзия», славившая социализм. Радость и оптимизм, ощущение принадлежности к великому делу социалистического строительства выразил Йозеф Кайнар (1917–1971), активный участник социалистических преобразований. Его стихи раскрывали поэзию трудовых будней, разоблачали мещанство, рутину (сборники «Большая любовь», 1950; «Чешская мечта», 1953). В сборнике «Радость на земле» (1950) радовался преобразованиям деревни Ян Пиларж (1917–1996).

¹² Janoušek [a kol.] 2008: 284.

А Властимил Школауди (1920–2003), дебютировавший со сборником любовной лирики «Вспышки» (1945), где еще были вполне человеческие эмоции, увлеченность природой и красотой обыденных вещей, перешел постепенно, но вполне целенаправленно к политически ангажированным стихам. О стремлении соответствовать запросам времени и быть на волне революционных изменений социалистического общества свидетельствуют сами названия его сборников: «Голос эпохи» (1950), «Во имя жизни» (1953), посвященный безвременной кончине Сталина и Готвальда, «Рассвет» (1954).

Конечно, производственный роман и подобная литература не были единственной «ценностью» того времени. Были и книги о холокосте («Жизнь со звездой» (1949) Иржи Вайля (1900–1959)), попытки обращения к внутреннему миру человека («Гражданин Брих» (1955) Яна Отченашека (1924–1979), «Иди за зеленым светом» (1956) Эдуарда Валенты (1901–1978)), лирическая проза Людвика Ашкенази (1921–1986), философская поэзия Яна Забраны (1931–1984), «литература факта» (Мирослав Иванов (1929–1999), Людвиг Соучек (1926–1978)). Но такие произведения тонули в общем потоке идеологизированной литературы на службе режима, созданной теми, кто жаждал быть обласканным властью, получить признание и все мыслимые привилегии. В то самое время, когда поэт и переводчик Йозеф Паливец (1886–1975), прозаик-экзистенциалист Иржи Муха (1915–1991), католический автор Зденек Ротрелк (1920–2013) отбывали сроки в тюрьме за «антигосударственную деятельность», а теоретик литературы, публицист, философ Завиш Каландра (1902–1950) был казнен 8 июня 1950 г. как руководитель троцкистской группы, стоявший якобы во главе заговора с целью свержения коммунистического режима.

На примере произведений «классиков», переведенных на русский язык и изданных большими тиражами, видно, какой социальный заказ они выполняли. Партия и социалистическое государство нуждались во всемерной поддержке и одобрении их деятельности. Важно было, чтоб этот заказ выполнялся с воодушевлением и искренней верой. Как писал в 1971 г. Штепан Влашин (1923–2012), литературный критик и историк, активный функционер КПЧ:

Политика Коммунистической партии Чехословакии притягивала и вдохновляла прогрессивных писателей-гуманистов прежде всего

потому, что коммунисты не довольствовались лишь борьбой за ежедневные интересы трудящихся, но и поставили себе целью осуществление революционного преобразования всего общества. Эта работа показывает развитие чешской литературы за последние пятьдесят лет в качестве борьбы социализма с мещанством, коллективизма с частными интересами, революционной перспективы с застоём¹³.

И, конечно, писали «чешские гуманисты», как и советские писатели, «по указке своего сердца», как высказался в 1954 г. М. А. Шолохов (1905–1984)¹⁴. Ведь сердца их принадлежали партии и народу, которым они и служили своим искусством.

Жестоко ли они заблуждались или искренне верили? Еще в 1929 г. семь представителей чешской культуры выступили против большевизации КПЧ и подчинения ее директивам Коминтерна. Это был известный «Манифест семи». Тогда из компартии вышли и певцы рабочего класса И. Ольбрахт и М. Майерова, Владислав Ванчура (1891–1942), Станислав Костка Нейман (1875–1947) и другие. В 1950-е годы некоторые вновь вступили в обновленную КПЧ. В этот период искренними и преданными коммунистами, верными сталинистами стали представители младшего поколения М. Кундера, Павел Когоут (род. в 1928 г.), Людвик Вацулик (1926–2015), Иван Клима (род. в 1931 г.), Антонин Ярослав Лим (1924–2020). В конце 1960-х годов они не ушли сами, а были исключены из партии, а впоследствии стали самыми яркими антикоммунистами, известными эмигрантами и диссидентами. Эти авторы всю жизнь переживали травму, связанную с тяжелым выбором писателя — быть политически ангажированным и писать по указке партии или же утверждать самоценность художественного творчества независимо от политики.

С середины 1950-х годов начался период, связанный с процессами обновления общественной и художественной жизни. После XX съезда КПСС в Чехословакии наступила своя «оттепель». С. А. Шерлаимова, продвигавшая «правильных» писателей в начале 1950-х годов, приветствовала литературную прессу 1960-х, ставшую, по ее словам, «организатором движения Пражской весны». Достаточно было лишь немного ослабить цензуру, разрешить некоторую самостоятельность

¹³ Vlašín 1971: 4.

¹⁴ Шолохов М. А. Речь на Втором Всесоюзном съезде советских писателей // Собрание сочинений: в 8 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. Т. 8. Рассказы, очерки, фельетоны, статьи, выступления. С. 305.

литературных сообществ и вернуть процесс в прежнюю колею оказалось уже невозможным¹⁵. Чехословацкие «шестидесятники» не разуверились в социализме как таковом. Просто они стремились построить другой социализм — с человеческим лицом. Еще в мае 1963 г. состоялся III съезд Союза чехословацких писателей, который отразил тенденции демократизации, постепенно набиравшие силу в литературной среде. Писатели, критикующие догматический марксизм, были избраны в состав Союза (председателем стал Иржи Шотола (1924–1989)). Снова появилась возможность публиковаться запрещенным «реакционерам» — Вацлаву Черному (1905–1987) и Й. Шкворецкому, дебютировал в литературе Богумил Грабал (1914–1997) и другие авторы. С 1964 г. начал выходить новый, идеологически свободный, ежемесячник *Tvář* («Лицо»). Однако отношение Союза чехословацких писателей к продвижению принципов демократизации было неоднозначным, поэтому его критиковал, например, Вацлав Гавел (1936–2011), говоря об «уклончивом мышлении». В июне 1967 г. уже на IV Съезде чехословацких писателей концепция социалистической культурной политики подверглась жесткой критике. Людвик Вацулик произнес знаменитую речь, в которой требовал свободы слова и отмены цензуры, за что был исключен из партии.

В короткий период «оттепели» зазвучали голоса Кундера, Вацулика, Климы, Шкворецкого, Карела Пецки (1928–1997), Эгона Гостовского (1908–1973), оказавшихся позднее в эмиграции или полностью запрещенных на родине и печатавшихся в самиздате. Они хорошо известны. За рубежом и, в частности, в самиздате, их критическое отношение к коммунистической власти и к тоталитаризму вообще выражалось достаточно смело и без каких-либо купюр. Хотя Кундера, единственный из ныне живущих, издавался и изображал комичными не только коммунистов, но и диссидентов, как, например, в «Вальсе на прощание», а также собратьев-эмигрантов, как в «Книге смеха и забвения». Он при всех режимах всегда был неудобным писателем.

В первой половине 1960-х годов вышли книги и менее известных авторов, творивших на родине и передавших главный пафос того времени и видение роли государства, место в нем человека, его ответственности за происходящее. На волне поисков начала 1960-х эти

¹⁵ Шерлаимова 2012: 304.

авторы создали произведения, где не было огульной критики тоталитаризма и обвинения коммунистической власти, но поднимался вопрос об активной позиции человека и с потрясающей прозорливостью говорилось о времени, которое наступит через несколько десятков лет.

Так, в 1964 г. вышел роман Йозефа Несвадбы (1926–2005) «Диалог с доктором Донгом», в котором рассказано о коммунистическом фанатике, допустившем обман и подтасовку ради доказательства равноправия рас. Автор поставил вопрос, может ли общество даже во имя гуманных целей допустить обман и ложь, может ли цель оправдывать средства и возможно ли вообще искажение истории в угоду политике. Книга, написанная в конкретно-исторической ситуации, когда назревал кризис в международном коммунистическом движении, не потеряла своей актуальности и сегодня.

В романе Иржи Марека (1914–1994) «Век блаженства» (1967) нарисован некий фантастический мир будущего, где осуществлен тотальный контроль над людьми путем полной автоматизации, внедрения, говоря современным языком, «биометрической аутентификации», разработанной по заказу государственных институтов, а именно, правоохранительных органов и спецслужб. Олдос Хаксли (1894–1963) в «Дивном новом мире» (1932) и «Возвращении в дивный новый мир» (1958) нашел в будущем пугающие приметы тоталитарного общества, которое безнадежно движется к катастрофе. Никакого просвета в этом будущем он не увидел. Марек, несмотря на трагический конец своего героя, профессора Максимуса, боровшегося с тупым следованием общепринятому против сосредоточения на собственном одиночестве вместо конкретной деятельности на пользу общества, выразил совершенно определенную уверенность, что «век блаженства» закончится, найдутся люди, которые разрушат бездумный мир равнодушия и апатии. Свобода обязательно наступит. Унификация мышления – самая главная опасность современного общества. Но будущее станет светлым, люди свободны, и никто не будет мыслить по указке господствующей власти.

Иржи Светозар Купка (1921–2017), прозаик и сценарист, в романе «Самый главный на свете человек» (1965) создал модель мира, где нет социальных перегородок. Это была мечта о некоем «чешском» или «третьем пути» для Чехословакии, которая могла бы преодолеть отрицательные стороны как коммунистической, так

и капиталистической системы, укладе, который образуется в результате синтеза или конвергенции (по А. Д. Сахарову) капитализма и социализма, синтеза тех их принципов и механизмов, которые способны лучше удовлетворять фундаментальные потребности человеческой природы.

Особо в связи с литературными устремлениями 1960-х годов следует сказать о Ладиславе Мнячко (1919–1994), словацком журналисте и писателе, выдающемся деятеле словацкой культуры XX в. В России о нем мало что известно: имеется лишь несколько статей В. С. Князьковой. В Словакии и Чехии творчество и личность Мнячко вызывали споры и противоречивые оценки, долгие годы замалчивались. Лишь в 2008 г. вышла довольно полная биография «Таков был Ладислав Мнячко» и в 2020 г. ее продолжение «Мнячко и Израиль» автора Йозефа Лейкерта¹⁶.

Мнячко не раз называли «красным Хемингуэем» и «чехословацким Солженицыным». Впрочем, существовал пласт так называемой чешской «лагерной литературы» (*vězeňská literatura*), выходившей в основном в канадском Торонто в издательстве *68 Publishers* Шкворецких, пришедшей к массовому читателю в начале 1990-х. Карел Пецка и его роман «Письма из тюрьмы пропавшему без вести» (1980), воспоминания бывших заключенных, пострадавших в разные годы от коммунистического режима, такие как автобиографический роман Иржи Мухи (1915–1991) «Правдоподобное лицо» (1963), «роман-правда» «Подруги по дому печали» (1984) Эвы Кантурковой (род. в 1930 г.) — книга, еще в рукописи отмеченная премией Тома Стоппарда как лучшее произведение чешской и словацкой неофициальной литературы; сборники повестей Яна Бенеша (1936–2007), рассказы Иржи Странского (1931–2019), «Письма Ольге» (1985) Вацлава Гавела и другие сравнивались критикой прежде всего с произведениями Солженицына.

Мнячко состоял в КПЧ с 1945 г. Еще в 1939 г. он пытался бежать в СССР. С течением времени, разочаровавшись в идеалах коммунизма, осенью 1967 г. эмигрировал в Израиль, протестуя против отношения Чехословакии к арабо-израильской войне. Именно в связи с израильской эмиграцией А. И. Солженицын в книге «Двести лет вместе» упомянул Мнячко: «Спокойно снесший подавление

¹⁶ Leikert 2008; Leikert 2020.

Венгрии, Мнячко — словак, женатый на еврейке, — теперь настолько возмущен и взбудоражен, что покинул свою родину и в виде протеста отправился жить в Израиль». Далее А. И. Солженицын заметил, что готов разделить негодование Л. Мнячко, и обратил внимание лишь на крайность его чувств — «это при предыдущей долгой и угодливой терпимости к коммунизму»¹⁷. Спустя несколько месяцев Мнячко вернулся, но был лишен чехословацкого гражданства. В августе 1968 г. последовала длительная эмиграция в Австрию. Мнячко был исключен из Союза словацких писателей, его произведения — запрещены и изъяты из учебников. В 1989 г. он вернулся на родину в Словакию, но в 1993 г. переехал в Прагу, так как выступал против разделения Чехословакии. Это был вечный боец и неконформист, фигура противоречивая, человек, не боявшийся говорить правду, когда все боялись, и тот, кого самого боялись политики всех режимов. Как и в случае Солженицына, слава этого писателя, принципиального и бескомпромиссного, оказалась в прошлом, в настоящем же он чувствовал растерянность, не смог себя найти и после очередной смены места жительства, в 1994 г. умер.

В 1959 г. вышел в свет его первый роман о войне «Смерть зовут Энгельхен», он был переведен на русский язык¹⁸. В 1963 г. сняли одноименный фильм (режиссеры Ян Кадар, Эльмар Клос). А через несколько лет появились острые политические репортажи («Где кончаются пыльные дороги», «Запоздалые репортажи», 1963–1964) о зверствах коммунистов в 1950-е годы, об убийствах и судебных процессах. «Запоздалые репортажи» вышли на словацком языке в 1963 г. в партийном издательстве «Политическая литература», что было для Мнячко свидетельством изменений в компартии и ее желания покончить с прежними методами правления. В 1964 г. репортажи вышли на чешском языке, а под названием «Красный сад пыток» — в переводе на немецкий, и 300 тыс. экземпляров разошлись очень быстро. Эти репортажи сыграли для словаков и чехов ту же роль, что и «Один день Ивана Денисовича» (1962) для советских граждан. В 1966 г. вышел в свет второй роман Мнячко «Ночной разговор», воспоминания бывшего заключенного нацистских концлагерей. Эссе «Агрессоры» и «Седьмая ночь»

¹⁷ Солженицын А. И. Двести лет вместе: в 2 т. М.: Прозаик, 2013. Т. 2. С. 417.

¹⁸ Мнячко Л. Смерть зовется Энгельхен / пер. с чешск. Е. Аронович // Роман-газета. 1963. № 11. С. 1–112.

(1968) повествовали о последней неделе августа 1968 г. И в том же году увидел свет роман «Вкус власти» (*Ako chutí moc*). В 1966 г. роман выходил частями в журнале *Plamen* («Пламя»), но была выявлена схожесть героя с президентом Антонином Новотным (1904–1975), тщеславным, необразованным, ярким противником каких-либо реформ, и издателям пришлось публикацию тогда остановить.

В романе описываются похороны крупного парторботника. Друг усопшего, фотограф Франк, вспоминает своего босса, с которым он прошел бок о бок десятилетия. Собственно, роман — это воспоминания о государственном деятеле, бывшем революционере, партизанине, спасенном от бесславного конца собственной смертью. Основан он был, конечно, на реальных событиях и судьбах людей 1950-х годов.

Роман не был переведен на русский язык, но в 1990 г. удалось опубликовать отрывок из него в «Литературной газете». Вот размышления фотографа на похоронах своего соратника:

Франк в размышлениях вернулся к своему другу. Каким ты был? Когда ты понял, что предал сам себя? Чем ты отплатил за преданность, любовь? Брать. Всю жизнь ты только брал, греб, вместо ответной преданности снисходил до благосклонности, ты позволял, чтоб и другим перепало от своего величия. Ты уничтожил себя сам. Вождь, переставший себя направлять, уже не имеет права стоять во главе. Где? Когда? Почему ты сам себя оставил? Ради чего? Когда вдруг у тебя родилось это чудовищное убеждение в собственной значимости, что ты — это всё, и можешь позволить себе больше, чем мы <...> Может быть, существует и такое счастье — счастье власти. Показывать, что ты значишь больше других, можешь распоряжаться человеческими судьбами, совершенно независимо ни от кого, без страха ответственности, без отчета перед кем-либо <...> Бессмертие? Через 10 лет твое имя не упомянут даже в календаре <...> Власть не хороша и не плоха. Власть может быть добром. Или злом. Все зависит от того, кто обладает ею <...> Никого не жаль из тех, кто сам определил свою судьбу. Ты выбрал свой путь. Жестокий <...> Путь огромного напряжения, ведущий в никуда <...> Как же власть разлагает¹⁹.

Роман, который сам Мнячко характеризовал как «политический памфлет» и «документ времени», не потерял своей значимости

¹⁹ Мнячко Л. Вкус власти / пер. с чешск. И. А. Герчиковой // Литературная газета. 1990. 28 XI. № 48(5322). С. 15.

и сегодня, так как не только представляет конкретные реалии послевоенного прошлого Чехословакии, но и дает анализ власти вообще, ее необъяснимую притягательность, непогрешимость лидера, извращающего сами принципы верховенства права, дающего простор коррупции, неэффективность политики, вскрывает механизм разложения власти, которая, по словам Джона Дальберга-Актона (1834–1902), английского историка и политика²⁰, «развращает, а абсолютная власть — развращает абсолютно». Роман Мнячко стал самым жестким и бескомпромиссным судом над тоталитаризмом, а в короткий период оттепели 1960-х самым ярким произведением о государстве и власти.

Список сокращений

КПЧ — Коммунистическая партия Чехословакии

RAF — Royal Air Force

Литература

- Боярская 2010 — *Боярская А.А.* Проза чешской эмиграции 1980–1990-х годов. Автор. Герой. Повествователь: на материале творчества Л. Мартиника, И. Пекарковой, В. Тршешняка: дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 227 с. (рукопись).
- Герчикова 2021 — *Герчикова И.А.* Советская литературоведческая богемистика эпохи нормализации // Межславянские культурные связи. Результаты и перспективы исследований / отв. ред. Л. Н. Будагова. М.: Институт славяноведения РАН, 2021. С. 275–290.
- Князькова 2014 — *Князькова В.С.* Константа национальной идентичности Ладислава Мнячко в переменном потоке его самоидентификации // Сегменты идентичности в творчестве зарубежных славянских писателей / отв. ред. М. Ю. Котова. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2014. С. 89–101.
- Князькова 2016 — *Князькова В.С.* Ладислав Мнячко — «чехословацкий Солженицын» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2016. № 5–3(59). С. 20–25.
- Кузнецова 1980 — *Кузнецова Р.Р.* Роман 70-х годов в Чехословакии. М.: Советский писатель, 1980. 437 с.

²⁰ См.: *Дальберг-Актон Дж.* Очерки становления свободы / пер. с англ. Ю. Колкер. Москва; Челябинск: Социум, 2020. 317 с.

- Машкова (ред.) 2012 — Сборник статей по словацкой литературе, культуре, языку / сост. и ред. А. Г. Машкова. М.: Индрик, 2012. 568 с.
- Шерлаимова 2012 — *Шерлаимова С.А.* XX съезд КПСС и чешская литературная «оттепель» // Славянский альманах 2011. М.: Индрик, 2012. С. 292–305.
- Шерлаимова 2014 — *Шерлаимова С.А.* Милан Кундера и его романная философия. М.: Индрик, 2014. 272 с.
- Bartošek 2001 — *Bartošek K.* Český vězeň: svědectví politických vězeňkyň a vězňů let padesátých, šedesátých a sedmdesátých. Praha: Paseka, 2001. 317 s.
- Janáček 2007 — *Janáček P.* Socialistický realismus: Co s ním? // Kulturní týdeník A2. 2007. Č. 22. S. 1–16.
- Janoušek [a kol.] 2008 — *Janoušek P.* [a kol.]. Dějiny české literatury 1945–1989. Praha: Academia, 2008. Vol. IV. 1969–1989. 980 s.
- Janoušek [a kol.] 2012 — *Janoušek P.* [a kol.]. Přehledné dějiny české literatury 1945–1989. Praha: Akademia, 2012. 488 s.
- Knapík 2006 — *Knapík J.* V zajetí moci. Kulturní politika, její systém a aktéři. 1948–1956. Praha: Libri, 2006. 399 s.
- Leikert 2008 — *Leikert J.* Taký bol Ladislav Mňačko v historickom kontexte do roku 1968. Bratislava: Luna, 2008. 407 s.
- Leikert 2020 — *Leikert J.* Mňačko a Izrael. Martin: Martinus, 2020. 382 s.
- Pynsent 1992 — *Pynsent R.* Bití a bytí: Česká vězeňská literatura // Tvar. 1992. Roč. 3. Č. 47. S. 8–9.
- Šerlaimova 1952 — *Šerlaimova S.* O knize Aleny Bernáškové “Cesta otevřená” // Praha — Moskva. 1952. Roč. 2. Č. 1. P. 134–138.
- Vlašín 1971 — *Vlašín Š.* Padesát let KSČ a česká literatura // Česká literatura. 1971. Vol. 19. № 1/2. S. 1–29.

References

- Bartošek, K., 2001. *Český vězeň: svědectví politických vězeňkyň a vězňů let padesátých, šedesátých a sedmdesátých*. Praha: Paseka, 2001, 317 s.
- Boiarskaia, A. A., 2010. *Proza cheshskoi emigratsii 1980–1990-kh godov. Avtor. Gerroi. Povestvovatel': na materiale tvorчества L. Martineka, I. Pekarkovoi and V. Trsheshniaka*. [Prose of the Czech emigration of the 1980s and 1990s. The author, the hero, and the narrator: based on Lubomír Maríinek, Iva Pekárková and Vlastimil Třešňák] Diss. ... kand. filol. nauk. Moscow, 227 p. (manuscript). (In Rus.)
- Gerchikova, I. A., 2021. Sovetskaia literaturovedcheskaia bogemistika épokhi normalizatsii [Soviet literary bohemian studies of the era of normalization]. In: Budagova, L.N., ed. *Mezhslavianskie kul'turnye sviazi. Rezul'taty i perspektivy issledovanií* [Inter-Slavic cultural ties: results and advanced research] M.: Institut slavianovedeniia RAN, pp. 275–290. (In Rus.)

- Janáček, P., 2007. Socialistický realismus: Co s ním? *Kulturní týdeník A2*, 22, pp. 1–16.
- Janoušek, P. [a kol.], 2008. *Dějiny české literatury 1945–1989*, IV. 1969–1989. Praha: Academia, 980 p.
- Janoušek, P. [a kol.], 2012. *Přehledné dějiny české literatury 1945–1989*. Praha: Akademia, 488 p.
- Knapík, J., 2006. *V zajetí moci. Kulturní politika, její systém a aktéři. 1948–1956*. Praha: Libri, 399 p.
- Kniaz'kova, V.S., 2014. Konstanta natsional'noi identichnosti Ladislava Mniachko v peremennom potoke ego samoidentifikatsii [Constants of Ladislav Mňačko's national identity]. In: Kotova, M.Iu., ed. *Segmenty identichnosti v tvorchestve zarubezhnykh slavianskikh pisatelei* [Segments of identity in the works of foreign Slavic writers]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, pp. 89–101. (In Rus.)
- Kniaz'kova, V.S., 2016. Ladislav Mniachko – “chekhoslovatskii Solzhenitsyn”. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 5–3(59), pp. 20–25. (In Rus.)
- Kuznetsova, R. R., 1980. *Roman 70-kh godov v Chekhoslovakii* [Novel of the 1970s in Czechoslovakia]. M.: Sovetski pisatel', 437 s. (In Rus.)
- Leikert, J., 2008. *Taký bol Ladislav Mňačko*. Bratislava: Luna, 407 p.
- Leikert, J., 2020. *Mňačko a Izrael*. Martin: Martinus, 382 p.
- Pynsent, R., 1992. Bití a bytí: Česká vězeňská literatura. *Tvář*, 3(47), S. 8–9.
- Mashkova, A. G., 2012, ed. *Sbornik statei po slovatskoi literature, kul'ture, iazyku* [Collection of articles on the Slovak literature, culture, and language]. Moscow: Indrik, 568 s. (In Rus.)
- Šerlaimova, S., 1952. O knize Aleny Bernáškové “Cesta otevřená”. *Praha – Moskva*, 2, 1, pp. 134–138.
- Sherlaimova, S. A., 2012. XX s"ezd KPSS i cheshskaia literaturnaia “ottepel”. *Slavianskii al'manakh*, 2011, pp. 292–305. (In Rus.)
- Sherlaimova, S. A., 2014. *Milan Kundera i ego romannaia filosofii* [Milan Kundera and his novel philosophy]. Moscow: Indrik, 272 p. (In Rus.)
- Vlašín, Š., 1971. Padesát let KSČ a česká literatura. *Česká literatura*, 19, 1/2, pp. 1–29.

Irina A. Gerchikova

PhD, Research Fellow, Institute of Slavic Studies of the RAS, Moscow, Russia. 119334, Leninskii Prospekt, 32A.

E-mail: geririna@inbox.ru

State and Authority in the Literature of Socialist Czechoslovakia. Ladislav Mňačko's "The Taste of Power"

This article focuses on attitudes towards state power in Czechoslovak literature in the period 1948–1989, which can be divided into three stages of development. The first decade (from the late 1940s to the late 1950s), when the state actively intervened in cultural life and developed methods of artistic creation management, was characterised by an unconditional acceptance and praise in literature of the gains of socialism (including the “industrial novel” and those about collectivization, such as by Alena Bernášková with her novel *The Way Is Open*; V. Řezač, who vividly expressed the pathos of socialist construction, his dilogy *Offensive and Battle*; Bohumil Říha; and the poets Jozef Kajnar, Jan Pilář, Vlastimil Školaudí). The second stage (from the late 1950s to the late 1960s) was marked with criticism of dogmatism and the search for a model of “socialism with a human face”, with the dream being a kind of “Czech” or “third way” for Czechoslovakia which could overcome the negative aspects of both Communist and Capitalist systems (Jiří Marek, Josef Nesvadba, Jiří S. Kupka and others). The third stage (1969–1989) was the era of “Normalization”, with the parallel existence of official sub-censored literature serving the interests of the state, as well as “samizdat” and émigré literature with harsh criticism and condemnation of totalitarianism (Milan Kundera, Josef Škvorecký, Egon Hostovský, Karel Pecka and others). The majority of attention is paid to the first and second stages since they are less known. The life and work of Ladislav Mňačko, a prominent Slovak journalist and writer is also examined. His work, undeservedly, is little studied. His novel *A Taste of Power* – is a political pamphlet and a psychological analysis of power and the mechanism of its decay; a harsh and uncompromising judgment of totalitarianism.

Keywords: literature of Czechoslovakia, socialist realism, management of artistic creativity, criticism of totalitarianism, Ladislav Mňačko

How to cite: Gerchikova, I. A., 2022. Gosudarstvo i literatura v sotsialisticheskoi Chekhoslovakii. “Vkus vlasti” L. Mniachko. *Tsentral’noevropeiskie issledovaniia*, 2022, 5(14). Moscow: Institut slavianovedeniia RAN; Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, pp. 261–278. doi: 10.31168/2619-0877.2022.5.11.

**ПРОСТРАНСТВО
КОРОЛЕВСКОГО ДВОРА
И АРИСТОКРАТИЧЕСКОГО
САЛОНА**

Габор Вадерна

PhD, доцент, кафедра истории венгерской литературы XVIII–XIX вв., гуманитарный факультет, Университет имени Л. Этвеша, Будапешт, Венгрия / старший научный сотрудник, Институт венгерской литературы, Центр гуманитарных исследований, Исследовательская сеть имени Л. Этвеша, Будапешт, Венгрия. 1088, Múzeum krt. 4/A. E-mail: vaderna.gabor@btk.elte.hu

Окказиональная поэзия — репрезентативная поэзия. Поэтическая репрезентация брака палатина Иосифа Габсбурга и великой княжны Александры Павловны

30 октября 1799 г. в Санкт-Петербурге 16-летняя великая княжна Александра Павловна вышла замуж за 23-летнего австрийского эрцгерцога Иосифа — палатина (наместника) Венгрии. У брака, разумеется, были династические цели: Габсбурги и Романовы хотели усилить политический союз против Франции. 1 февраля 1800 г. молодожены прибыли в столицу Венгрии — Буду, где их встретили торжествами, растянувшимися на несколько месяцев. Для венгерского дворянства и горожан Буды и Пешта это не только послужило поводом для выражения уважения молодой чете, но и позволило сформулировать политическую позицию: что они ожидали от палатина, на что надеялись в войне с Францией, каковы были обязанности юной супруги? Стихотворения часто декламировали вслух, их нередко пели, а иногда печатали типографским способом и вручали на различных торжествах (балы, театральные представления, маскарады и т.п.). В статье рассматривается поэтическая традиция, которой следовали авторы поэм, и анализируются поэтические приемы, использованные для выражения политических взглядов.

Ключевые слова: свадебная поэзия, дипломатия, политические торжества, публичная сфера

Цитирование: *Вадерна Г.* Окказиональная поэзия — репрезентативная поэзия. Поэтическая репрезентация брака палатина Иосифа Габсбурга и великой княжны Александры Павловны // *Центральноевропейские исследования.* 2022. Вып. 5(14). М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2022. С. 281–309. DOI: 10.31168/2619-0877.2022.5.12.

Венгерский историк Андраш Вари (1953–2011) в свое время указал на сдвиг, в результате которого в Габсбургской монархии начала XIX в., с одной стороны, «государство стало властью», и, с другой стороны, «дворяне стали интеллектуалами». Ситуация была необычной: все, что оставалось неизменным, сохраняло собственную социальную логику и традиции, зато все, что вытеснялось из привычной среды, присваивалось государством (историк иллюстрировал этот процесс примером науки статистики)¹. В сложившихся обстоятельствах обретали значимость современные аргументы, которым предстояло изменить общественные отношения с точки зрения общего блага или общественного счастья. Во втором случае поэзия, созданная для публичной сферы, в момент, когда начались изменения в политической и культурной роли дворянства, уже насчитывала не одно столетие. Древность поэтической традиции, старые методы политической коммуникации продолжительное время сосуществовали с институтами новой, буржуазной политической сферы. Конечно, «образованные слои» (*gebildeten Stände*)² тоже искали свое место в меняющемся обществе. Не случайно поэты, которые активно участвовали в создании новых культурных институций и отдавали предпочтение художественным идеалам неоклассицизма, стали авторами репрезентативной поэзии. Они последовательно критиковали «оказиональную поэзию», которая, собственно, тоже была репрезентативной поэзией, но при этом по иронии могли писать в старой жанровой стилистике и владели архаичными литературными формами. Это означало, что культурный трансфер между репрезентативной и буржуазной поэзией, несмотря на концептуальные расхождения, был значительным. Немыслимый объем поэтического материала, который последующие поколения сочли слабым и даже невыносимым для чтения, на деле оказывается не столько инвариантностью поэтической формы или отсутствием творческой оригинальности, сколько простым исчезновением из институализированной поэтической жизни репрезентативных поводов. Новые авторы определяли квалификационные требования профессии так, чтобы получить монополию на дискурс о ней. Парадоксальным образом, профессия литератора определялась тем фактом, что авторы постоянно отрицали, что это

¹ Vári 2003: 47.

² Bödeker 1989.

была профессия. Инаугурационное приветствие, свадебное поздравление, прощальное слово на погребении — во второй трети XIX в. сами поводы к подобным сочинениям говорили о том, что они создавались вне рамок литературы.

Эти быстрые перемены нельзя объяснить дезинтеграцией нормативной поэзии или структурными изменениями в публичной сфере. Они происходили очень медленно. Можно сказать, что поэзия словно шла впереди социальных перемен. Следовательно, объяснение лежит в какой-то иной плоскости. Чем больше публиковалось окказиональных стихов, тем меньшей становилась ценность репрезентативной поэзии. Увеличение количества и видов печатной продукции, особенно дешевой, превратило ее в индикатор степени репрезентативности. А затем бурный рост репрезентативной поэзии закрыл перед ней возможности обновления. Когда политическая коммуникация перешла в прессу как средство массовой информации, дешевые, одностраничные оттиски, в которых печатались произведения в жанре репрезентативной поэзии, практически исчезли.

В статье речь пойдет о свадьбе. Событие было столь значительным, что память о нем сохранилась во многих литературных источниках. Торжества растянулись на месяцы. Меня интересует возможность исследовать богатство приемов репрезентативной поэзии. Однако, прежде чем обратиться к бракосочетанию палатина (наместника) Иосифа Габсбурга (1746–1847) с великой княжной Александрой Павловной (1783–1801), необходимо рассмотреть поэтическую традицию свадебной поэзии.

Эпиталама

Специалисты в жанре эпиталамы обычно указывают на ее античные корни: фрагменты поэзии Сапфо (ок. 630 г. до н. э. — ок. 570 г. до н. э.), свадебные гимны Аристофана (ок. 446 г. до н. э. — 386 г. до н. э.), идиллия XVIII Феокрита (? — 260 г. до н. э.), Песни 61, 62 и 64 Гая Валерия Катулла (ок. 87 г. до н. э. — ок. 54 г. до н. э.), окказиональные поэмы Публия Папиния Стация (40-е гг. — ок. 96 г.) и позднее Клавдия Клавдиана (370–404). Новолатинская поэзия и сочинения на живых европейских языках процветали с эпохи Ренессанса до наступления современной эры. Излюбленная авторами форма диалога роднила

жанр с пасторальными идиллиями, но во все века рождались эпиталамы в жанре элегии, оды и, конечно, песни³.

Некоторые пошли еще дальше и предложили считать эпиталаму не жанром, а тематической подгруппой лаудативной поэзии⁴. Такой подход оправдан в том смысле, что четкие границы жанра действительно трудно очертить, и остается вопрос: всякая ли свадебная песня может считаться эпиталамой. В конце концов, исследователи сошлись на том, что эти тексты создавались по определенным поводам, и их жанр определяется не столько поэтическими нормами, сколько социальными практиками⁵.

Томас М. Грин в 50-е годы XX в. в исследовании, посвященном Эдмунду Спенсеру (1552–1599), выделил характерные черты свадебной поэзии⁶.

Во-первых, участники свадебных торжеств были в большинстве дворянского происхождения (это скорее подходит для континентальной Европы, чем для Англии), но сам поэт мог не быть дворянином, поскольку многие в ту эпоху зарабатывали стихами на жизнь. Таким образом, клиент должен был быть достаточно богат, чтобы оплатить панегирик.

Во-вторых, эпиталама сочинялась по классическим образцам, прежде всего Песне 61 Катулла. В арсенале поэта был набор специфических топосов, общих мест, парабол, маркеров, традиционных пожеланий и принятых техник. Согласно Грину, авторы эпиталам, в отличие от поэтов, творивших в других жанрах, располагали гораздо меньшей свободой в выборе источников для имитаций. Здесь я добавлю, что это можно объяснить тем, что школа знакомила с довольно скудным набором античных (ренессансных и новолатинских) образцов.

В-третьих, эпиталама была неотделима от социального повода, по которому сочинялась. Она стала формой развлечений, сопровождавших свадебную церемонию, тесно связанной с другими элементами действия, такими как музыка, танец, песня и в некоторых странах даже маскарад (что, впрочем, не было характерно для Венгрии).

³ См. монографическое исследование жанра эпиталамы главным образом на английском материале, но с экскурсом в античную литературу: Tufte 1970. Критический анализ книги см.: Greene 1971.

⁴ Fowler 1971: 202.

⁵ См.: Tufte 1971.

⁶ Greene 1957: 218–220.

В-четвертых, эпиталама имела точную привязку к одному-единственному дню. Грин полагал, что приветственное стихотворение, содержащее добрые пожелания, еще не было собственно эпиталамой, которая тесно увязывалась со свадебным ритуалом и давала повод для нарративного контекста. Религиозный обряд, свадьба, брачная ночь (первый половой акт и потеря девственности) формировали набор ритуалов, которым эпиталама создавала интерпретационные рамки. Соответственно, стихотворение драматически окрашивало события и посвящалось не формальному поводу — свадьбе, но ряду специфических действий, которые ее сопровождали.

В-пятых, поэма включала лирического героя, который определял себя как представитель публики. На манер Катутла он был распорядителем церемонии, который обращался к Гименею, велел девушкам петь, приветствовал невесту, назначал брачное ложе, велел мужчинам поднять факелы и петь, приветствовал их любимого раба и иногда говорил о себе⁷. Конечно, эти элементы менялись с ходом времени, но роль поэта оставалась неизменной. Хотя в венгерской репрезентативной поэзии XVIII–XIX вв. все больше места отводилось восхвалению свадебных гостей (особенно родственников), авторы решали эту задачу, образно выступая от их имени. Таким образом, поэт играл исключительно важную роль в формировании социальной идентичности.

К этому списку имеет смысл добавить еще один пункт. Грин цитировал короткое, но емкое определение, данное аббатом Ж.-Б. Суше в первой половине XVIII в.: «Цель эпиталамы — объяснить новобрачным, в чем счастье их союза, как похвалами, которые постоянно звучат в их адрес, так и указанием на преимущества, которые ждут их в будущем»⁸. У эпиталамы был этический повод: новобрачные должны были познать «счастье». В этом смысле набор брачных обрядов был связан с добродетелями, необходимыми для будущего супружества. Именно по этой причине восхваление молодых становилось в XVIII в. все более важным. Поэт мог перечислить все добродетели,

⁷ Грин ссылается на: Greene cited: Wheeler 1934: 200.

⁸ *Souchay, l'Abbé*. Discours sur l'origine et le caractère de l'épithalame // Histoire de l'Académie Royale des Inscriptions et Belles Lettres, avec Les Mémoires de Littérature tirés des Registres de cette Académie, depuis l'année M. DCCXXXI. jusque & compris l'année M. DCCXXXII. Paris: de l'Imprimerie Royale, M. DCCXXXVI. T. IX. P. 311. Ср.: Greene 1957: 221.

необходимые мужчине и женщине для счастливого брака. При этом Грин отличал традиционную эпиталаму от дидактической любовной поэзии, что справедливо для раннего Нового времени, но в XVIII в. произошло смешение этих мотивов.

Палатин Иосиф и Александра Павловна

Палатин Венгрии, эрцгерцог Александр Леопольд, трагически погиб 10 июля 1795 г. в Лаксебурге в момент неудачного запуска фейерверка. Его младший брат Иосиф 20 июля был назначен наместником императора в Венгерском королевстве, затем, 12 ноября 1796 г. на Государственном собрании в Пресбурге сословия избрали его палатином, что также означало председательство в Королевском наместническом совете и Королевском верховном суде, должность фёйшпана (условно говоря, губернатора) комитата Пешт и чин капитана привилегированной области Яскунша⁹. В должности он пробыл до своей кончины в 1847 г. Палатин как главный посредник между сословиями и двором традиционно привлекал большое внимание, о чем свидетельствует в том числе и переписка Александра Леопольда и Иосифа с императором, хранящаяся в фондах Австрийского государственного архива и опубликованная в середине 20-х годов XX в. венгерскими историками¹⁰. Палатин Иосиф стал культовой фигурой венгерской истории, и не только в силу того, что не одно десятилетие занимал эту должность, но и потому что сделал много для развития Пешта и Буды как культурных центров королевства. С его именем, таким образом, оказалось связано немало публичных событий и мероприятий.

Наконец, палатин Иосиф был важным лицом современной дипломатии. Он родился в 1776 г. и был пятым сыном императора Леопольда II (1790–1792 гг.), позднее его старший брат Франц II (I) правил Австрийской империей (1792–1835 гг.), Фердинанд получил великое герцогство Тосканское, Карл носил чин фельдмаршала, Александр Леопольд стал палатином в Венгрии. Вполне логично, что после смерти брата Иосиф унаследовал его должность, но

⁹ Здесь и далее биографические сведения о палатине Иосифе взяты из: Horváth 1864: 12–15; Domanovszky 1944; Vörös 1983.

¹⁰ Sándor Lipót főherceg nádor iratai 1790–1795 / szerk. E. Mályusz. Budapest: Magyar Történelmi Társulat, 1926. 939. old.; József nádor iratai / kiadta és magyarázatokkal ellátta S. Domanovszky. Budapest: Magyar Történelmi Társulat, 1925. 1. köt. 1792–1804.

в силу рождения и династических связей он не только занимался дипломатическими аспектами взаимоотношений венгерских сословий и двора, но представлял интересы империи. Женитьба была одной из его важнейших дипломатических миссий: брак должен был упрочить международное положение Австрийского дома в войне против Франции¹¹.

Предыстория первого, короткого брака эрцгерцога Иосифа может быть в деталях воссоздана на основании его обстоятельной биографии, написанной венгерским историком Шандором Домановски (1877–1955)¹². В войне против французов император Франц хотел усилить союз с Россией, и после дипломатических приготовлений решил отправить одного из братьев в Санкт-Петербург, чтобы тот просил руки старшей дочери императора Павла I — Александры. Изначально велась речь о том, что великая княжна выйдет замуж за шведского короля Густава IV Адольфа (1792–1809 г.), но этим планам не было суждено осуществиться, поэтому на историческую сцену вышел новый соискатель ее руки и сердца. Сначала венский двор предназначал эту роль эрцгерцогу Карлу, но вследствие интриг, в мельчайших деталях восстановленных Домановски, выбор пал на Иосифа. В январе 1799 г. Иосиф отправился к Санкт-Петербургскому императорскому двору; чтобы покрыть 2 тыс. км как можно скорее, он путешествовал инкогнито. В столицу он прибыл 20 (9) февраля¹³, где был торжественно принят императорской семьей. История романтической влюбленности пересказана Домановски так:

Эрцгерцог с первого взгляда полюбил свою нареченную, великую княжну Александру Павловну, старшую дочь царя, любимицу родителей. <...> Гармоничное чувство, развивавшееся между юной парой, не оставило императорскую чету равнодушными, потому что оба были к ней особым образом привязаны¹⁴.

Письма эрцгерцога в Вену и дипломатическая корреспонденция не позволяют судить о том, насколько чувства были искренними. В любом случае, Иосиф в письме к императору описывал будущую жену такими словами:

¹¹ Schedewie 2015: 13–18.

¹² Domanovszky 1944: 224–268.

¹³ В скобках приводится дата по юлианскому стилю.

¹⁴ Цит. по: Domanovszky 1944: 232.

Великая княжна Александра высока, хорошо сложена и очень мила лицом, к тому же у нее прекрасные манеры и много талантов, она — любимица родителей, которые приложили все усилия к тому, чтобы воспитать ее. В этот момент я безмерно благодарен вашему величеству за решение женить меня на сей принцессе, ибо я уверен, что с ней меня ждет семейное счастье до конца дней¹⁵.

Эрцгерцог долго не раздумывал и 22 (11) февраля попросил руки Александры. Впрочем, упрочение дипломатического союза потребовало больше времени, и как ни стремился Иосиф вернуться домой, ему пришлось задержаться в Петербурге до 20 (9) марта¹⁶.

Положение на фронтах было таково, что церемонию бракосочетания следовало провести как можно скорее: несколько месяцев спустя, 22 (11) сентября 1799 г. Иосиф вновь отправился в путь. На этот раз императорская семья приняла его в Гатчине, своей излюбленной загородной резиденции. Хотя второй визит, бесспорно, носил дипломатический характер, подлинные его цели тщательно скрывались, и Иосиф прибыл 18 (7) октября в Петербург без свиты. О спешке можно судить по тому факту, что львовский архиепископ Каетан Игнатий Кицкий (ок. 1740–1819) был вынужден спешно отправиться на бракосочетание, назначенное на 30 (19) октября, поскольку не было времени вызвать архиепископа из Наследственных провинций. После получения известия о начале войны в Италии свадьбу было решено сыграть как можно скорее. В назначенный день венчание по православному обряду прошло в императорской часовне и по католическому — во дворце. Павел I наградил зятя орденом св. Андрея Первозванного. Дипломаты немедленно приступили к переговорам¹⁷. Заключение брака еще не означало устранения напряженности

¹⁵ Эрцгерцог Иосиф — императору Францу II, Санкт-Петербург, 28 февраля 1799 г., цит. по: József nádor iratai. 271. old. Посол в Санкт-Петербурге граф Иоганн Людвиг Йозеф Кобенцель (1753–1809) писал имперскому вице-канцлеру князю Францу Колоредо (1731–1807): «Эрцгерцог в восторге от своей невесты, и по праву, ибо она очаровательна; здесь все также очень довольны ею» (Санкт-Петербург, 23 февраля 1799 г.). Цит. по: Vertrauliche Briefen des Freiherrn von Thugut österr. Ministers des Äussern / hrsg. von A. Vivenot. Wien: Wilhelm Braumüller, 1872. Bd. II. S. 148.

¹⁶ Эрцгерцог Иосиф заблаговременно попросил императора об официальном отъезде из российской столицы. См.: эрцгерцог Иосиф — Францу II, Вильна, 9 февраля 1799 г., цит. по: József nádor iratai. I. köt. 268. old.

¹⁷ Кобенцель — Тугуту, Гатчина, 1 ноября 1799 г., см.: József nádor iratai. I. köt. 305–308. old.; цит. по: Vertrauliche Briefen des Freiherrn von Thugut. S. 194.

в отношениях между двумя державами. Наконец, 2 декабря (23 ноября) 1799 г. молодожены отправились в путь и прибыли в Вену через месяц, 2 января 1800 г. Отдохнув от долгого путешествия, они 29 января направились в свою резиденцию в Буде, из-за непроходимости дорог въехали в город только 1 февраля¹⁸.

В этот момент началась череда сопровождавших свадьбу торжеств, что и составляет предмет данной статьи. Приемы, театрализованные представления, празднества, организованные горожанами Пешта и Буды, длились не один день. Хотя свадьба эрцгерцога и великой княжны состоялась месяцами ранее в другой стране, Буда и Пешт все равно отмечали это событие. В течение месяца палатин с супругой едва ли не каждый день появлялись на разных мероприятиях, где их встречали оригинально срежиссированными представлениями. Одно из торжеств состоялось в мае 1800 г. (впрочем, на этот раз оно было посвящено тезоименитству Александры). Церемониальные события преследовали две цели: с одной стороны, супруга палатина таким образом знакомилась с венгерскими сословиями (и горожанами Пешта и Буды), с другой стороны, открывалась возможность пышно отпраздновать свадьбу даже спустя месяцы. О важности происшедшего сам за себя говорил тот факт, что в Буде и Пеште сочли своим долгом побывать такие выдающиеся композиторы современности, как Йозеф Гайдн (1732–1809) и Людвиг ван Бетховен (1770–1827). В канун дня рождения палатина 8 марта 1800 г. Гайдн лично дирижировал монументальной ораторией «Сотворение мира» в Буде — это был подарок для Александры. 7 мая Бетховен выступил на концерте в Замоквом театре (Немецком театре) по приглашению графа Ференца Брунсвика (1777–1849). Не исключено, что исполнялась соната для валторны фа мажор (оп. 17), потому что среди исполнителей был знаменитый Джованни Пунто (1746–1803). Выступлением Бетховена завершилась череда церемониальных действ. Александра Павловна, забеременевшая в июне, стала появляться на публике гораздо реже. Наконец, 16 марта 1801 г. после смерти новорожденной дочери, названной Александрой, сама Александра Павловна ушла из жизни вследствие послеродовых осложнений.

Граждане Пешта и Буды, как и дворянские сословия Венгрии, в начале 1800 г. не могли знать, что брак не будет счастливым ни

¹⁸ Sebestyén 1939: 5.

с точки зрения дипломатии, ни в смысле чадородия. Согласно газетным сообщениям, публичные мероприятия начались в момент прибытия Иосифа и Александры в Венгрию: в Пилишвёрёшваре их встретил отряд улан. Торжества продолжились балами, театральными представлениями, живыми картинами и другими сюрпризами вплоть до концерта Бетховена в мае 1800 г. Их перечисление займет не одну страницу. Далее я сосредоточусь на анализе стихотворений, написанных по поводу бракосочетания.

Торжества

Ранним утром 2 февраля 1800 г., на следующий день после приезда, Пешт и Буда были наводнены памфлетами на венгерском, немецком и латинском языках, в более или менее художественной форме прославлявшими палатина и его супругу. Газета *Magyar Hirmondó* («Венгерский герольд») упоминала два из них: стихотворение Бенедек Вирага (1754–1830) на венгерском языке и Йозефа Григея (1760–1818) на латыни (первый был знаменитым венгерским поэтом, второй – новолатинским)¹⁹. Корреспондент написал: «Я прочел эту <...> пастораль господина Григея и могу сказать, что нашел красоту в том, как он говорит о величии в стихах, которые понятны и пасторально просты»²⁰. От этого дня сохранилось несколько стихотворений, хотя не все можно точно датировать²¹.

На другой день, 3 февраля, в Замковом театре состоялось праздничное представление: после двух коротких комедий публику развлекли пиротехническим аттракционом. На сцене установили греческие колонны и гербы России и Венгрии, зажгли огонь, и за прозрачным занавесом возникли имена Иосифа и Александры, составленные из пылающих букв. Затем 36 юных аристократок, наряженных пастушками, исполнили хорал на слова профессора университета Иоганна Людвиг Шедиуса

¹⁹ *Virág B.* Öröm ének, n. p., 1800; *Grigely I.* Gaudia Pastorum, Buda: Typis Regiae Universitatis, 1800.

²⁰ *Magyar Hirmondó.* 1800. 13 II (21.14): 239.

²¹ В этот день были опубликованы следующие произведения: *Cseptsányi G.* Fölséges Józsefnek [...] fölséges hitvesével Budára érkezésekor, Kassa: Landerer Ferenc, 1800; *Horkovits J.* Ad [...] Alexandram Paulownam dum Occasione solennis sui ingressus, n. p., n. d.; *A. R.* Cogitatio fugitiva in abitum glaciae 1. Februarii 1800, Pest: Matthias Trattner, 1800; *Quum Februarii kalendis an. sal. MDCCC.*, n. p., n. d.

(1768–1847) на немецком языке²². Концерт продолжили песни, венгерские и немецкие танцы и живые картины (*tableau vivants*). Ежедневно молодожены принимали нескончаемый поток делегаций, об этом говорилось в стихотворении молодого чиновника Королевского наместнического совета Антона Мартина Штадля, датированном 8 февраля²³.

15 февраля в Будайском замке был дан бал-маскарад. Сначала пары, одетые дикарями, исполняли разные танцы, затем на сцену вышли девять муз, по очереди поприветствовав Александру Павловну. Ей был вручен богато украшенный том со стихами на венгерском, немецком, французском, русском и латинском языках. Страницы тома были разных цветов: желтые, зеленые, синие и розовые, обложка обтянута жемчужного цвета шелком, на ней помещался изящный рисунок, контртитул украшала монограмма палатина и его супруги. К сожалению, том в настоящее время считается утерянным (в любом случае, его нет в архиве палатина), но, по крайней мере, отдельные поэмы, такие как песнь, исполнявшаяся хором муз, сочиненная Й. Григейем (в двух версиях!) или речь музы Клио, были напечатаны отдельно и доступны современным исследователям²⁴. После торжественного акта вручения книги молодоженам музы, смешавшись с дикарями, покинули сцену, концерт продолжился.

18 февраля бал давали сословия комитата Пешт, и на нем присутствовали палатин (по должности — глава комитата) и его супруга. После музыки и танцев сословия тоже вручили Александре пышно украшенную книгу. О самом подарке известно немного, но сохранились стихотворения Л. Шедиуса и неизвестного автора с схожей типографикой²⁵. В завершение бала юная дворянка под аккомпанемент лютни продекламировала вышеназванное стихотворение Б. Вирага.

18 марта молодая чета вновь посетила театр. По окончании представления был вновь исполнен хорал Л. Шедиуса в сопровождении

²² *Schedius L., von.* Freuden-Chor zur Feyer, in Musik gesetzt von *** Raymann, Ofen: mit königlichen Universitätschriften, 1800.

²³ *Stadl A. M.* Hilaria Hungarorum in auspiciatissimo Budam adventu [...]. Buda: Typis Regiae Universitatis, 1800.

²⁴ *Grigely I.* Chorus Musarvm duce Apolline [...]. Buda: Typis Regiae Universitatis Pestiensis, 1800; *Grigely I.* Chorus Musarvm Preside Apolline [...]. Buda: Typis Regiae Universitatis Pestiensis, 1800; *Clio la Muse de l'histoire.* Buda: De l'Imprimerie Royale de l'Université, 1800.

²⁵ *Schedius L.* An [...] Alexandra Pawlowna. Pest: Matthias Trattner, 1800; An [...] Alexandra Pawlowna. Von den Schattenmasken. n. p., 1800.

пиротехнического аттракциона: в дрожащем свете пламени был явлен портрет палатина с надписью: «*noMen CeLebre arDente[s] CeLebrant*» (Славное имя в пламени славят)²⁶.

Последними в ряду торжеств с литературной репрезентацией стали празднования тезоименитства Александры: 5 мая 1800 г. прошла церемония в Венгерском театре, где звучали окказиональные поэмы (тексты не сохранились), 6 мая во дворце графа Тодора Баттяни (1729–1812) был вновь исполнен хорал Шедиуса, который, похоже, палатин и супруга особенно полюбили. Современники писали, что на приеме во дворце и в саду собралось до 6 тыс. гостей. Это представляется явным преувеличением, но, похоже, гостей было действительно много.

Были и другие стихотворения, дату которых трудно определить и невозможно связать их написание с каким-то конкретным событием. Например, это поэма сербской общины (датирована 23 января 1800 г.)²⁷, приветствие еврейской общины (4 февраля), небольшая пьеса-пастораль Й. Григея (12 марта); или именные дистихи Яноша Штанда (19 марта)²⁸.

Основываясь на сохранившихся текстах, можно реконструировать разные репрезентационные пространства и формы. Были авторы, которые писали «впрок», как Дёрдь Бучански, учитель начальной школы из Пресбурга, заранее сочинивший эпиграмму для свадьбы²⁹, или сербская община Пешта: в их поэтическом обращении говорилось, что они слышат голос эрцгерцога, он же тем временем еще был в дороге.

Сербы возлагали большие надежды на православную великую княжну, и одну за другой опубликовали в ее честь две поэмы³⁰. Также были изданы обычные в таких случаях надписи ко дню

²⁶ Цит. по: Sebastyén 1939: 15. Надпись содержала так называемую хронограмму — дату, зашифрованную римскими цифрами: MCLDCL вместе давали 1800.

²⁷ Славопаніе ея імператорскому высочеству Милостивѣйшей Александрѣ Павловнѣ, великой княжнѣ всероссійской, венгерскаго королевства Палатинѣ при счастливомъ случан ея всерадостнаго пришествіа въ Будинъ градъ; усердіемъ Славено-Сербскихъ питомцевъ ученія, находящихся при Кралевскомъ Всеучилищи Пештанскомъ всепокорнѣйше поднесеное Іаннуаріа 23. Дня 1800 года, Въ Будинѣ: Писмены Кралевскаго Всеучилища Пештанскаго, 1800

²⁸ *Stand J.* Ó királyi hertzezségének Magyar Ország nádor-ispányának József ertz-hertzezgek neve' napjára ajánlott öröm-ének. n. p., 1800.

²⁹ *Bucsánszky G.* Epithalamion. Posen: Ioannis Michaelis Landerer, 1799.

³⁰ Пришествію ихъ пресвѣтлѣйшихъ высочествъ Іосифа кралевича ерцгерцога Австріи венгерскаго королевства палатина и Александры Павловны імператорскія великія княжны первороженныя августѣйшаго государя всея Россіи счастливымъ

бракосочетания³¹, и этот прием повторился, когда молодожены прибыли в Пешт³². Некоторые поэты принесли поздравления от своих патронов: Ференц Надь, ректор католической семинарии в Веспреме, говорил от имени сословий комитата Веспрем; один из студентов-греков из Пештского университета написал приветствие для декана Иштвана Сюча на греческом, полагая, возможно, что княжна немного знает этот язык³³. Другой поэт, Иштван Рац, написал о молодой чете так, что адресатом поэмы оказались не они, а барон Антон Браунэкер (не исключено, его патрон)³⁴. Конечно, данный список нельзя считать полным: с одной стороны, не все стихотворения сохранились до наших дней (некоторые, скорее всего, даже не были напечатаны), с другой — стихи не были единственной формой выказывания уважения. И тем не менее этот материал можно использовать для того, чтобы посмотреть, как дворянское сообщество пыталось интерпретировать эту свадьбу.

Поэтическая репрезентация

Многие стихотворения были сочинены в жанре эпиталамы несмотря на то, что церемония бракосочетания состоялась ранее. Йозеф Матяши нашел выход: датировал окказиональную поэму, опубликованную в 1800 г., предыдущим годом (что не исключает возможности, что он написал ее именно тогда)³⁵. Другие довольствовались привычным

сочетанныхъ бракомъ восклицанія и всеобщая желанія въ Будинѣ въ мѣсяцѣ февралѣ 1800, Будин: писмены Кралевскаго Всеучилища Пештанскаго, 1800; Славопѣніе ея императорскому высочеству, 1800.

³¹ Ad epithalamium caesareo regio principum Iosephi et Alexandrae Pavlovnae, Pesth: Matthias Trattner, 1799; Votum Pannonis, Pesth: Matthias Trattner, 1800.

³² Adventui serenissimorum principum Iosephi [...] et Alexandrae, Buda, 1800.

³³ Taedae nuptiales [...] Iosephi, et Alexandrae. Veszprém: Michaelis Sammer, 1800; Συῆς Σ. Нѳοποία δραματικὴ ἐπιθαλάμιος εὐκωμίων τε καὶ εὐχῶν ὑπόθεσιν ἔχουσα τοῖς ἐκλαμπροτάτοις, γαληνοτάτοις, θεοστυρίκτοις τε καὶ χαριτωνύμοις μεγάλοις Ἡγεμόσι Ἰωσήφ Παλατινοῦ Οὐγκαρίας, καὶ Ἀλεξάνδρα Παυλοβίδι μεγάλη πρίγκιπ τῶν Ρώσσω ἐπὶ τῆ ἐκλάμπρῳ αὐτῶν Συζυγία τῆ γενομένη ἐν τῆ της Μοσχοβίας Μητροπόλει [Поздравления и пожелания по случаю блестящего бракосочетания великолепного, миролюбивого, богохранимого и любезного Великого Палатина Венгрии Иосифа и Великой княжны Русской Александры Павловны, состоявшегося в Московской Митрополии]. Πέστη: Τύποις Φρανγκίσκου Πάτζκου, 1800.

³⁴ *Rác I. Józsefnek [...] és Alexandrának [...] szent házasságokra készült örvendezés, mellyet Brauneker Antal' Király Tanácsos Úrnak 's a' t. ajánlja. Pozsony: Wéber Simon Péter, 1800.*

³⁵ *Mátyási J. Akkori gondolatok, midőn [...] József [...] Alexandra Paulownát el-jegyzette, 1799. Pest: Trattner Mátyás, 1800.*

В этой поэме аллегория расширяется очень туманно: ликование природы дополнено радостью «паннонских дев»:

Nos quoque Pannoniae clara de stirpe	А нам, дочерям Паннонии лучших
puellae,	фамилий,
Nos quoque dum niveam PHYLLIDA	А нам, пока занят лилейной
DAPHNIS habet ⁴¹	Филлидой Дафнис,..

И, конечно, для этого рода поэзии были характерны не только сонм богов и перечисление добродетелей, но и сопровождающие брак образы земного изобилия. Не случайно, что в заключительных строках другой эклоги Й. Григея пастух упоминает о «деревенских жертвенных дарах»:

Mel, pira, roma, nuces, quid enim nisi	Фрукты, орехи и мед — что еще,
rustica possum	сверх плодов деревенских,
NVMINIS ante fores adpendere	могу у дверей БОЖЕСТВА
munera? Postes	повесить в подарок? А после
Dein AVGVSTORVM versu signabo	Вход к АВГУСТЕЙШИМ стихом
Maronis:	я украшу Марона:
HIS EGO NEC METAS RERVМ,	Я МОГУЩЕСТВУ ИХ НЕ КЛАДУ
NEC TEMPORA PONO	НИ ПРЕДЕЛ, И НИ ГНЁТ!
Dum me Buda tenet, teneat te cura	Занят я в Буде пока — пусть займет
bidentum	тебя мысль о ягнятах,
Tityre, quin etiam pecudes ad flumina	Титир, скотину гони на водопой ты
pelle;	к ручью,
Debita nam saturis dudum fuit hora	Ибо сытым стадам давно ужевремя
bibendi. ⁴²	напиться..

Обе поэмы Григея были связаны с венгерскими реалиями. Мир мифов дополнен земным уровнем, где жители радуются только что заключенному союзу или просто поят скот на берегах Дуная. Опять же, такое осовременивание может толковаться по-разному: свадьба сама по себе возвышает место действия (берег Дуная стал землей пастухов), но она также может быть контрапунктом к неоплатонической божественности княжеской четы. В стихотворении Йозефа Хорковича возникли даже погодные условия (из-за обледеневших дорог молодая чета вынужденно прерывает путь):

⁴¹ *Grigely J.* Lusvs pastoritii devoti honoribvs [...] Iosephi Antonii [...] et Alexandrae Pawlownae. Buda: Typis Regiae Universitatis Pestiensis, 1800. P. 3.

⁴² *Grigely J.* Gaudia Pastorum. P. 12.

Rauscht nun Ister freudger in die Tiefen	Еще резвей стремится Истр
Des Meers; — So feyert die Natur	в глубины
Den holden Tag, und huldiget im Glanze	Морские — так природа чтит
Dem hohen Neuvermählten Paar ⁴⁵ .	Чету молодоженов августейших, Блистая празднику под стать.

Контекст, в котором могло декламироваться стихотворение, можно интерпретировать по-разному. Есть стихи, в которых описывались не конкретные обстоятельства свадьбы, а военная ситуация, которую брачный союз должен был устранить.

E' világ' két nagy birodalminak már	Две мира этого великие державы
Győzetlen forró szeretet vezérli	Непобедимая любовь соединила:
Karjait; minden fene békétlenek	Теперь они рука в руке против злодеев,
Fegyvere ellen ⁴⁶ .	Грозящих мир оружием погубить.

Очевидно, что «любовь» здесь употреблена в более высоком, политическом смысле, подобно тому, как альянс двух империй представлен как брак. Габор Чепчани (1775–1841), учитель математики из Кашши, начав с подобных рассуждений, перешел к борьбе между свободой и рабством и в нескольких строфах бичевал французов. Иштван Рац (?–1833), учитель венгерского языка из королевской академии в Загребе, уже предвидел плоды союза между Российской империей и Габсбургами.

Ime! Márs járván rivadó mezőben,	Гляди! Марс шествует по блещущему
A' midőn Alpes tetejét el-hagyta,	полю,
'S a' kevély Frantzok' seregét ki-űzte	Спустившись с альпийских вершин,
Róma' öléből,	И войско гордых французов изгнав
	Из римского лона,
A' midőn két fő Sasi Tzímer egygyütt	Когда гербы с двуглавыми орлами
Mindenütt győzött nemesültt erővel	побеждали
Fő-Vezér KAROLY, 's	Повсюду вместе с благородной силой,
SZUVAROW Vitézzel.	Вступали в бой фельдмаршал КАРЛ
Hartzra ki-szállván ⁴⁷ .	И богатырь СУВАРОВ с ним.

⁴⁵ Halitzky A. Ode auf die Freudenreiche Ankunft ihrer kaiserlichen Hoheit Alexandra Pawlowna [...] der hohen Anvermählten seiner königlichen Hoheit Iosephs Antons, Ofen: Gedruckt mit Königl. Universitätschriften, 1800. S. 4–5.

⁴⁶ Cseptsányi G. Fölséges Jósefnek [...] fölséges hitvesével Budára érkezésekor. 4. old.

⁴⁷ Rác I. Józsefnek [...] és Alexandrának. 3. old.

Сербы города Пешт, еще более смело мечтая, предрекали триумф «российской храбрости»:

УСТУПИЛЪ. РОССІЙСКОЙ. ХРАБРОСТИ.
И. САМЪ. ПРУСКИХЪ. КРАЛЕЙ. ФИНИКСЪ.
ВЯЩІЙ. ПУНИЧЕСКАГО. АННИВАЛА.
ИСКУССТВОМЪ. ВОЙНЫ. МИРА⁴⁸

Янош Кризостом Ганнулик (1745–1816) — частый гость при русском императорском дворе⁴⁹, связал возвышение Буда с наступлением долгожданного мира:

Tu Buda quondam Pannoniæ nimis
Dilecta sedes Regibus, in tuo
Josephum, Alexandramque sponso
Læta fove gremio repostos.

Ты, Буда, когда-то любимый приют
Монархов паннонских, в своё
Лоно Иосифа и Александру, супругов,
Вновь счастливо прими.

Divesque tantis hospitibus, caput
Superba tolle, et barbaricæ immemor,
Quam Thrax tibi impressit, ruinæ,
Spem gere splendidioris ævi.

В блеске навстречу гостям выступая,
Ты голову гордо носи, позабывши
Рану, что варвар-Фракиец нанес,
Веру храни в перемену судьбы.

Corviniani cultus amænior
(Prædico rerum prospera) sæculi
Redibit, et surgent colossi
Trans mare veliferum recisi.

Корвинова века изящный уклад
(Времен предрекаю расцвет) возродится;
Предстанут очам изваянья,
Заморским резцом созданы.

Cælata surgent atria marmore,
Horti decentes simplice gratia,
Et porticus pictis stupendæ
Fornicibus, numerisque junctæ.

Мрамор резной изукрасит чертоги,
Сады зашумят, простотою милы,
И стройных колонн вереницы
Вдоль аркад расписных побегут.

Stabit supellex docta Palatii,
Illius antiquæ, illius æmula,
Perenne cujus semper usque
Nomen ad invidiam vigebit.

Будет царский дворец прихотливо обставлен,
Тому в подражанье из древних,
Чье имя одно уж веками
Зависть внушает сонмам людей.

Nil, nil decoris, nil opulentiaë
Deesse tristis Buda tibi gemes⁵⁰.

Нет, Буда, тебе не придется грустить
О недостатке красоты иль богатства.

⁴⁸ Пришествію ихъ пресвѣтлѣйшихъ высочествъ. С. 7.

⁴⁹ См.: Csekey 1956.

⁵⁰ *Hannulik J. Ch. Ode serenissimo [...] Josepho ac serenissimæ [...] Alexandræ, Pesth: Matthiæ Trattner, 1800. P. 6–7.*

Самый необычный поэтический метод избрал Йозеф Матяши. В начале стихотворения он нарисовал апокалиптическую сцену:

A' földnek, mellyen már vértől száraz	На земле не осталось не политой
nyomra	кровью пяди,
Keresve lép a' láb, undorodván	Сотрясся желудок ее, на ужасы глядя,
gyomra,	Тело ее таким трупным хладом
Olly hideg lelte-ki temérdek tetemét,	сковалось,
Mellytől majd le szórta minden	Что на ней ни одной живой души не
élők nemét ⁵⁶ .	осталось.

Юпитер окидывает взором разрушения: провидение надевает ему на нос пенсне (*kárlátó üvegét / Orrára fel-tette*)⁵⁷, точнее, Юпитер уже носил очки, но земля была столь мала, что ему пришлось поднести к глазам еще две линзы⁵⁸. Возможно, этот пример дает понять, что речь идет об очень веселой поэме, своего рода антиэпиграмме. Верховное божество созывает богов и предрекает гибель земли:

Név szerént-is vádolt néhány földieket,	Он крикнул в лицо разжигателям
Mint örök háborút szerző	войны,
mestereket:	Что в кровавой бойне они виновны:
De azt tsak egy Isten, 's egy égben	На это способен лишь один бог,
merhette —	и тот на небесах.
Végre a' halgatást zsbongás	И вопль вытеснил молчанье на устах.
követte ⁵⁹ .	

Боги не хотели уничтожить род людской. Они запаслись амброзией и нектаром, как армия, готовящаяся к походу, и пошли маршем на Буду. Им предстояло определить, что подлежало восстановлению, и принимаются за работу. Точнее, не успевают они приняться за работу, как появляются три женщины, «которые некогда поссорились из-за яблока» (*Kik közt hajdan történt az almáért lárma*)⁶⁰, и богиня усобиц (очевидно, это Эриния), вновь бросившая в них яблоко со словами: «Самые достойные!» (*az érdemesebbek!*)⁶¹. Вместо ссоры три богини примирились, и Венера принесла мир через новый союз:

⁵⁶ *Mátyási J.* Akkori gondolatok. 3. old.

⁵⁷ *Ibidem.*

⁵⁸ *Ibid.* 4. old.

⁵⁹ *Ibid.* 8. old.

⁶⁰ *Ibid.* 11. old.

⁶¹ *Ibid.* 12. old.

“Most az emberi Nem”, így szól	«Ныне род людской», — сказала она
mosolyogva,	улыбаясь, —
“Észszel nem bodolgúl, tsak	«Не живет по уму, а действует,
erőnél fogva;	силой играясь;
Hogy hát jót tehessek az alsó világgal,	Чтобы миру людей добро сотворить,
Szövetséget szerzék egy újj	Хочу шурина и деверя породнить.
sógorsággal,	Русскую Елену в жены берет Парис
Orosz Helenáját Béts Párisa jegyzi,	из Вены
“S dárdáját a’ frigyes <i>Kozák</i>	А у <i>казаков</i> сабли остры, ружья
már-is hegyzi” ⁶² .	заряжены».

Матяши переписал хрестоматийную историю Троянской войны. Для него сюжет развивается не от мира к войне, но наоборот: от войны к миру. Помолвка может положить конец борьбе, о которой напоминают ужасные сцены в первой половине поэмы. Однако заслуга поэмы Матяши не только в том, что он творчески переработал топос эпиталамы, но и в соединении сюжета с политическим языком венгерской репрезентативной поэзии. Он перевел «раздор» как «усобица», и так самое грозное греческое божество и национальный грех венгров совпали. Подобная репрезентация интересов привилегированных сословий не была чем-то необычным и встречается в других стихотворениях. В поэтическом сочинении неизвестного автора, назвавшегося «венгерским сердцем», представляется собранием символических элементов венгерской националистической (в домодерном смысле слова) репрезентативной поэзии. В нем великая княжна Александра отправляется в далекое путешествие в «хотя и не чуждый мир / но уже среди варваров»⁶³. В стихотворении на венгерском и французском языках авторства графа Ласло Телеки (1764–1821) в первых строках выражается радость по поводу бракосочетания, а далее тон меняется на более серьезный. Поэт предупреждает новобрачную, прибывшую на свою новую родину, о ее патриотическом долге как жены:

Te pedig PAULOWNA! még nem is	Мы не знакомы, Павловна,
esmérünk:	с тобой:
Még is látom érted buzog bennünk	Но чую, за тебя идти готовы
vérünk ⁶⁴ .	в бой!

⁶² Ibid. 14. old.

⁶³ Öröm énekek, mellyekkel [...] József [...] és Alexándra [...] a’ magyar szívtől megtiszteltetnek. Buda: a’ Királyi Universitásnak betűivel, 1800. 11. old.

⁶⁴ *Teleki L., gróf. Ó királyi hertzege* [...] József értz-hertzegnek élete párjával Alexandra Paulowna ő császári hertzegeével Budára való első meg-érkezésekkor. Pest:

Сей жест символического приятия особенно важен, потому что доблести венгерской нации должны быть не только известны, но и приемлемы:

Téged-is örömmel karjaink fogadnak	Мы с радостью примем тебя в свои
Könnyen le-is köthettz	объятья
bennünket magadnak	Ты легко превратишь нас в своих
Mert hol ennyi virtus van egybe	приятелей
köttetve,	Ибо если столько достоинств воедино
Azt egy illy jó Nemzet imádja	соединились,
szertve ⁶⁵ .	Доброй нации ты уже полюбилась.

Последняя строфа в оде Габора Чепчани призывала соотечественников возрадоваться и побуждала молодую чету, пусть и не прямым текстом, вести себя так, чтобы соответствовать «свободам» своих венгерских подданных:

Lelkek ébredjen, kiket a' Magyar vér	Пробудитесь, души тех, в ком
Éltet. Éledj víg tüze hív hazánknak;	Венгерская кровь
Új napunk támadt, az öröm	Течет. Да воспыхает радостный огонь
hevétől	нашей верной родины;
Óh Magyar olvadj ⁶⁶ .	Настал наш новый день, да опалит
	тебя, о венгр, жар радости.

Это была своеобразная и неизбежная встреча различных поэтических и политических традиций. С одной стороны, возникла традиция эпиталамы и свадебной поэзии; с другой стороны, в силу политической значимости этой свадьбы стихи являются частью политической коммуникации венгерских привилегированных сословий. Для эпиталамы, конечно, требовался оратор, являвшийся частью торжествующей толпы, который говорил бы от имени сообщества и имел доступ как к сокровенным тайнам молодой пары, так и к миру богов. В стихах Йозефа Матяши в него мистическим образом вселилась «душа Аполлона»:

Trattner Mátyás, 1800. 10. old. Брошюра также включает перевод стихотворения на французский. Переводчиком выступил не кто иной, как князь Шарль-Жозеф де Линь, проживавший в то время в Вене. Для атрибуции авторства см.: МТА КИК К. М. Irod. RUI 4r 132/I. Teleki László kisebb költeményei. 11v–12r. О пребывании де Линя в Вене см.: Mansel 2003: 176–208.

⁶⁵ *Teleki L., gróf. Ó királyi hertzegege' [...] Jósef értz-hertzegnek.* 12. old.

⁶⁶ *Cseptsányi G. Fölséges Jósefnek [...] fölséges hitvesével Budára érkezésekor.* 7. old.

Hallgass emberi Nem! szót halljunk Magyarok! Ne lár mázz háború! beszélni akarok.	Молчи, человеческий род! и ты, венгр, внемли! Я держу речь. Война, не сотрясай земли!
Jelenést mutatnak a' mesék' Isteni, Mellyet nem láthatott, a' ki nem isteni.	Сказочные божества явили мне откровение, Недоступное тем, кто не бессмертного происхождения.
Te azért, ki által titkokat szemlélek, Mennyei tolmátsom! Apollói lélek! ⁶⁷	Ты тот, благодаря кому в тайное я проник, Аполлона душа, мой небесный проводник!

Стоит отметить, что просьба предоставить слово — типичный элемент свадебной поэзии, но речь Матяши заглушает не шум танцевального веселья, а грохот войны. В песне Бенедека Вирага голос общества ставится выше высказываний муз:

Szűnny-meg, óh Múzsám! Ezeren kiáltyák:	Умолкни, о моя муза! Тысячи Восклицают:
“Éllyetek boldog napokat! sokáig Éllyetek! 's kérünk, kegyesen vegyétek Áldozatunkat!” ⁶⁸	«Да будут счастливы ваши дни! Да здравствуйте! и, просим, милостиво примите Нашу жертву!»

Вокруг бракосочетания палатина Иосифа и Александры Павловны сложился особый поэтический корпус. С одной стороны, в репрезентацию события вернулись отдельные элементы эпиталамы. С другой стороны, дворянское сообщество смогло поставить эти элементы на службу своему политическому посланию. За высказываниями «здесь и сейчас» можно было спрятать объяснения своего видения истории («откуда мы пришли и куда идем»); мифологический аппарат предлагал схемы объяснений для исторических ситуаций.

Эпилог

Два курьера встретились на полпути между Будой и Санкт-Петербургом. Один нес на северо-восток известие о кончине великой княгини Александры Павловны, другой вез на юго-восток новость о том, что император Павел I был убит. Венгерские сословия

⁶⁷ *Mátyási J.* Akkori gondolatok 3. old.

⁶⁸ *Virág B.* Öröm ének. 4. old.

лишились прямой связи с русским двором, но Габсбурги ее сохранили. Палатин Иосиф продолжал играть ключевую роль в дипломатических сношениях двух империй. В этом смысле брак оказался удачным. Другое дело, что дворянским сословиям Венгрии пришлось признать, что политические ожидания, возлагавшиеся на брак палатина, не оправдались. Из-за преждевременной кончины Александры Павловны их обращения не дошли до адресата. В статье я привел достаточно примеров, как «образованные слои» формулировали свои интересы. Написание стихов открывало возможность говорить о себе, выразить себя и сформулировать политические и социальные ожидания. Причина, по которой поэтическая репрезентация публичного мероприятия (свадьбы) была важна, заключалась не в конкретных политических последствиях социальной практики. Скорее, во внимание следует принять два обстоятельства: во-первых, большое число дошедших до наших дней стихотворений подтверждает, что значительная часть политической коммуникации происходила в сфере культуры; во-вторых — это позволяло довольно широким общественным слоям быть услышанными.

Перевод с венгерского О.В. Хавановой

Список сокращений

МТА КИК К — Magyar Tudományok Akadémia Könyvtár és Információs Központ, Kézirattár (Budapest)

Список исторических географических названий

Вильна — ныне Вильнюс в Литве

Кашша — ныне Кошице в Словакии, в немецкой традиции Кашау

Лемберг (нем.) — ныне Львов (укр. Львів) на Украине

Пресбург (нем.) — ныне Братислава в Словакии, в венгерской традиции Пожонь

Литература

Bödeker 1989 — *Bödeker H.-E.* Die “gebildeten Stände” im 18. und frühen 19. Jahrhundert // Bildungsbürgertum im 19. Jahrhundert. Part. 4. Politischer Einfluß und gesellschaftliche Formation / hrsg. von J. Kocka. Stuttgart: Klett-Cotta, 1989. S. 21–52. (Industrielle Welle, Bd. 48).

- Csekey 1956 — *Csekey I.* Hannulik János oroszországi kapcsolatai // *Filológiai Közlöny.* 1956. № 2.4. 460–469. old.
- Domanovszky 1944 — *Domanovszky S.* József nádor élete. Budapest: Magyar Történelmi Társulat, 1944. I. rész. 466. old.
- Fowler 1971 — *Fowler A.* The life and death of literary forms // *New Literary History.* 1971. Vol. 2. № 2 (Winter). P. 199–216.
- Greene 1957 — *Greene T.M.* Spenser and the epithalamic convention // *Comparative Literature.* 1957. Vol. 9. № 3 (Summer). P. 215–228.
- Greene 1971 — *Greene T.M.* Virginia Tuftte: The poetry of marriage. The epithalamium in Europe and its development in England // *Renaissance Quarterly.* 1971. Vol. 24. № 2 (Summer). P. 267–269.
- Horváth 1864 — *Horváth M.* Huszonöt év Magyarország történelméből 1823-tól 1848-ig: 1–2 köt. Genf: Puky Miklósnál, 1864. 1. köt. 630. old.
- Mansel 2003 — *Mansel Ph.* Prince of Europe. The life of Charles-Joseph de Ligne 1735–1814. London: Phoenix, 2003. 384 p.
- Sebestyén 1939 — *Sebestyén E.* József nádor és Pavlovna Alexandra bevonulása és ünneplés Pest-Budán 1800-ban // *Tanulmányok Budapest Múltjából / szerk. K. Némethy, J. Budó.* Budapest: Budapest Székesfővárosi Házinyomdája, 1939. VII. köt. 142–161. old.
- Schedewie 2015 — *Schedewie F.* Die Bühne Europas. Russische Diplomatie und Deutschlandpolitik in Weimar, 1798–1819. Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2015. 492 s.
- Tuftte 1970 — *Tuftte V.* The Poetry of marriage. The epithalamium in Europe and its development in England. Los Angeles: Tinnon-Brown, 1970. 341 p. (University of Southern California Studies in Comparative Literature, vol. II).
- Vári — *Vári A.* The functions of ethnic stereotypes in Austria and Hungary in the early 19th century // *Creating the other. Ethnic conflict and nationalism in Habsburg Central Europe / ed. by N.M. Wingfield.* New York: Berghahn, 2003. P. 39–55.
- Vörös 1983 — *Vörös K.* Erzherzog Joseph Anton, Palatin in Ungarn // *Internationales kulturhistorisches Symposium Mogersdorf 1982 in Graz. Der pannonische Raum zwischen Beharrung und Fortschritt / [hrsg. von M. Lackner-Kundegrabner].* Graz: s. n., 1983. S. 74–85 (Internationales Kulturhistorisches Symposium Mogersdorf, Bd. 14).
- Wheeler 1934 — *Wheeler A.L.* Catullus and the traditions of ancient poetry, Berkeley: University of California Press, 1934. 291 p.

References

- Bödeker, H.-E., 1989. Die “gebildeten Stände” im 18. und frühen 19. Jahrhundert. In: Kocka, J., ed. *Bildungsbürgertum im 19. Jahrhundert. Part. 4. Politischer Einfluß und gesellschaftliche Formation.* Stuttgart: Klett-Cotta, pp. 21–52. (Industrielle Welle, Bd. 48).

- Csekey, I., 1956. Hannulik János oroszországi kapcsolatai. *Filológiai Közlöny*, 2.4, pp. 460–469.
- Domanovszky, S., 1944. *József nádor élete*, 1. Budapest: Magyar Történelmi Társulat, 466 p.
- Fowler, A., 1971. The life and death of literary forms. *New Literary History*, 2, 2 (Winter), pp. 199–216.
- Greene, T. M., 1971. Spenser and the epithalamic convention. *Comparative Literature*, 9, 3 (Summer), pp. 215–228.
- Greene, T. M., 1971. Virginia Tuft: The poetry of marriage. The epithalamium in Europe and its development in England. *Renaissance Quarterly*, 24, 2 (Summer), pp. 267–269.
- Horváth, M., 1864. *Huszonöt év Magyarország történelméből 1823-tól 1848-ig*, 1. Genf: Puky Miklósnál, 630 p.
- Mansel, Ph., 2003. *Prince of Europe. The life of Charles-Joseph de Ligne 1735–1814*. London: Phoenix, 384 p.
- Sebestyén, E., 1939. József nádor és Pavlovna Alexandra bevonulása és ünneplés Pest-Budán 1800-ban. In: Némethy, K., Budó, J., eds. *Tanulmányok Budapest Múltjából*, 7. Budapest: Budapest Székesfővárosi Házinyomdája, pp. 142–161.
- Schedewie, F., 2015. *Die Bühne Europas. Russische Diplomatie und Deutschlandpolitik in Weimar, 1798–1819*. Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 492 p.
- Tuft, V., 1970. *The Poetry of marriage. The epithalamium in Europe and its development in England*. Los Angeles: Tinnon-Brown, 341 p. (University of Southern California Studies in Comparative Literature, vol. II).
- Vári, A., 2003. The functions of ethnic stereotypes in Austria and Hungary in the early 19th century. In: Wingfield, N. M., ed. *Creating the other. Ethnic conflict and nationalism in Habsburg Central Europe*. New York: Berghahn, pp. 39–55.
- Vörös, K., 1983. Erzherzog Joseph Anton, Palatin in Ungarn. In: [Lackner-Kundegrabner, M., ed.] *Internationales kulturhistorisches Symposium Mogersdorf 1982 in Graz. Der pannonische Raum zwischen Beharrung und Fortschritt*. Graz: s. n., pp. 74–85 (Internationales Kulturhistorisches Symposium Mogersdorf, Bd. 14).
- Wheeler, A. L., 1934. *Catullus and the traditions of ancient poetry*, Berkeley: University of California Press, 291 p.

Gábor Vaderna

PhD, Habil. Associate Professor, Lecturer, Department of Classical Hungarian Literature, Faculty of Humanities, Eötvös Loránd University, Budapest, Hungary / Senior Research Fellow, Institute of Literary Studies, Research Centre for the Humanities, Eötvös Loránd Research Network, Budapest, Hungary. 1088, Múzeum krt 4/A. E-mail: vaderna.gabor@btk.elte.hu

Occasional Poetry — Representative Poetry. Poetic Representation of the Wedding of Palatine Joseph and Grand Duchess Alexandra Pavlovna

The 16-year-old Grand Duchess Alexandra Pavlovna married the 23-year-old Austrian Archduke Joseph in St. Petersburg on October 30, 1799. The wedding, of course, had dynastic aims: Habsburgs and Romanovs wanted to strengthen their political alliance against France. The newlyweds arrived in Buda, the capital of Hungary, on February 1, 1800. From then on, they were celebrated for several months in a series of representative events. The Hungarian noble estates and the citizens of Pest and Buda expressed their respect on these occasions, but also communicated their political position: what they expected from the Palatine, what they hoped for in the war against the French, and what the duties of the young wife were. Poems were often recited, often sung, and sometimes handed over in printed form at various celebrations (balls, theatre performances, masquerade balls, etc.). This lecture explores the poetic tradition followed by these poems and the different poetic techniques used to communicate the political positions.

Keywords: wedding poetry, diplomacy, political celebration, public sphere

How to cite: Vaderna, G., 2022. Okkazonal'naia poëziia — reprezentativnaia poeziia: Poeticheskaia reprezentatsii braka palatina Iosifa Gabsburga i velikoi kniazhny Aleksandry Pavlovny. *Tsentrāl'noevropeiskie issledovaniia*, 2022, 5(14). Moscow: Institut slavianovedeniia RAN; Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, pp. 281–309. doi: 10.31168/2619-0877.2022.5.12.

Наталья Маратовна Филатова

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия. 119334, Ленинский проспект, 32-А. E-mail: natalifilatova@yandex.ru

Светская жизнь как форма национального сопротивления (из истории протестного поведения поляков в конституционном Царстве Польском)

Основной целью работы является реконструкция русско-польских отношений в созданном в 1815 г. по инициативе Александра I Царстве (Королевстве) Польском. Создавая это государство, формально соединенное с Россией лишь династической унией, Александр I руководствовался идеей примирения двух народов и забвения национальной вражды. Однако эта идея не нашла отклика ни в русском, ни в польском обществе. В статье рассматривается одна из форм протестного поведения поляков против присутствия русских и российской политики в конституционном Царстве Польском (1815–1830), связанная со сферой светской жизни. В фокусе внимания — бойкоты мероприятий и демонстративный траур во время следствия по делу членов Патриотического общества и Сеймового суда (1827–1828) над ними. Источниками для исследования послужили как польские, так и российские документы личного происхождения — мемуаристика, эпистолярное наследие, а также польская периодическая печать и литература — памфлеты, направленные против поляков, танцующих с русскими, и сцены из поэмы А. Мицкевича «Дзяды». Новизна работы состоит в обращении на польском материале к светской жизни как одной из форм выражения национальной идентичности. Данная проблема исследовалась в контексте также малоизученной темы — истории русской колонии в Варшаве и взаимодействия образованных русских и поляков на повседневном уровне. Одна из важнейших задач статьи — создание исторической картины, свободной от историографических и художественных наслоений, связанных с влиянием романтизма на польскую историческую память. Для этого сравнивались источники разного типа — эго-документы, а также литературные тексты эпохи — с художественной литературой, созданной уже после польского национально-освободительного восстания 1830–1831 гг.

Ключевые слова: российско-польские отношения в XIX в., русские в Варшаве, Патриотическое общество (1821–1826), Сеймовый суд (1827–1828),

патриотическая этика, бал, «Дзяды», Адам Мицкевич, протестное поведение, нравственно-политическая сатира, польская мемуаристика

Цитирование: *Филатова Н.М.* Светская жизнь как форма национального сопротивления (из истории протестного поведения поляков в конституционном Царстве Польском) // Центральноевропейские исследования. 2022. Вып. 5(14). М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2022. С. 310–344. DOI: 10.31168/2619-0877.2022.5.13.

Общественная жизнь в конституционном Царстве Польском (1815–1830) была полна конфликтов. Ключевую роль в них играло присутствие там русских: как представителей верховной власти — главнокомандующего польской армией великого князя Константина Павловича и императорского комиссара при Государственном совете Царства Польского Николая Николаевича Новосильцева (1731–1838), так и чиновников их канцелярий, а также расквартированных в Польше частей российской армии. Наездами бывали в Царстве императоры (именовавшиеся там польскими королями) Александр I и Николай I и другие представители правящего дома с многочисленной свитой, а также дипломаты и сановники, приезжавшие в Варшаву во время заседаний сейма. К сожалению, отношения русских с польским обществом (под *обществом* мы подразумеваем прежде всего аристократические и высшие административные круги, а также военную и интеллектуальную элиты) со временем ухудшались. Этому немало способствовал неудачный выбор представителей российской власти в Польше. Историкам хорошо известно, что поведение великого князя Константина Павловича, выполнявшего *de facto* роль наместника, отличалось деспотизмом и произволом, а жестокость, которую проявил Новосильцев по отношению к учащейся молодежи во время расследования им деятельности тайных обществ в Виленском учебном округе в 1823–1824 гг., сделало его навеки одиозной для польского сознания фигурой¹.

Изменились со временем и преобладающие в польском обществе политические и культурные тенденции. Начиная со времени создания Царства Польского и наделения его конституцией в 1815 г. и вплоть до начала 1820-х годов доминировала тесно связанная с приверженностью духу и букве конституции либеральность, которая в то же время являлась частью просветительской доктрины. Оппозиционные

¹ См., например: Фалькович 2010.

настроения находили выражения в сейме, на страницах периодических изданий. Перелом, произошедший в 1821–1823 гг., на фоне распространения революционного движения в Европе, был связан как с переходом оппозиции в конспиративные формы, развитием романтического духа бунтарства, так и с изменением правительственного курса, ужесточением цензуры, развитием политического сыска и преследований членов тайных организаций².

На этой волне в 1821 г. Валерианом Лукасиньским (1786–1868) было основано Патриотическое общество, преобразованное из Национального масонства, но, в отличие от него, преследовавшее политические цели. Оно стремилось к независимости Польши и объединению земель бывшей Речи Посполитой, хотя и не ставило целью скорое вооруженное выступление. В 1822 г. Лукасиньский был арестован, а в 1824 г. осужден как единственный и главный его организатор. Однако в 1823–1825 гг. общество завязало контакты с будущими декабристами, состоялось несколько встреч и переговоров. До союза польских и русских революционеров дело так и не дошло, но после разгрома декабристского движения эти факты были раскрыты. В феврале 1826 г. цесаревич Константин Павлович учредил в Варшаве Следственный комитет по делу Патриотического общества. Состав комитета, формальным главой которого был председатель Сената С. Замойский, был смешанным: половина его состояла из русских — генералы Дмитрий Дмитриевич Курута (1769–1833), Александр Иванович Кривцов (1784–1851), капитан-командор Павел Андреевич Колзаков (1779–1864), секретарь великого князя для поручений по дипломатической части барон Павел Осипович Моренгейм (1785–1832), а также Н. Н. Новосильцев. Подозреваемых в «государственной измене» содержали в монастыре кармелитов в варшавском районе Лешно, откуда возили на допросы. Комитет закончил деятельность в октябре 1826 г., в его окончательном рапорте содержалось требование отдать под суд восьмерых обвиняемых (С. Кшижановского, С. Солтыка, Ф. Маевского, ксендза К. Дембека, С. Заблоцкого, В. Гжималу, А. Плихту, Р. Залуского; обвиняемые, происходившие с «отторгнутых» земель, должны

² Причины кризиса, охватившего в 1821 г. все сферы общественной жизни, были обобщены, в частности, польским историком Марцелием Хандельсманом (1882–1945), см.: Handelman 1939.

были предстать перед российским судом). В результате длительной закулисной борьбы представителей власти в апреле 1827 г. император Николай I издал постановление о созыве Сеймового суда — в соответствии с конституцией высшего судебного органа Царства Польского. Сеймовому суду, состоявшему из сенаторов Царства Польского под председательством сенатора-воеводы Петра Белинского (1754–1829) (активную роль в его деятельности играл также Адам Ежи Чарторыйский (1770–1861)) пришлось долго ждать, прежде чем начать деятельность. После формирования и первого заседания 15 июня 1827 г. лишь в январе 1828 г. начался процесс, который проходил во дворце Красиньских. Перед этим Сеймовый суд создал собственную следственную комиссию, результатом расследования которой были почти полностью отклонены выводы предыдущей. Возник серьезный конфликт с российской стороной: в Варшаву была отправлена делегация российских сенаторов (в нее вошли генерал от кавалерии, князь Василий Сергеевич Трубецкой, генерал-лейтенант Максим Федорович Ставицкий, Алексей Васильевич Васильчиков и Петр Сергеевич Кайсаров), которая привезла с собой обвиняемых, не подлежащих польской юрисдикции, с целью перекрестных допросов. Однако П. Белинский проявил негибкую волю и воспрепятствовал влиянию присланных из России сановников. 10 апреля 1828 г. во дворце Красиньских начались открытые слушания с участием обвиняемых, в результате которых 22 мая практически единогласно члены польского Сеймового суда (единственным голосовавшим против был генерал Винцентий Красиньский (1782–1858)) сняли с них обвинение в государственной измене. Было признано, что Патриотическое общество не имело преступных целей. Подсудимым были вынесены самые мягкие из возможных приговоров, лишь С. Кшижановский был осужден на три года тюрьмы за недонесение имевшихся у него сведений о заговоре декабристов. Николай I выразил неудовольствие решением суда, но не изменил его, утвердив, правда, лишь в марте 1829 г.

Мы подробно остановились на истории следствия и суда по делу Патриотического общества, поскольку именно эти события стали катализатором открытого недовольства «чужой» властью и антироссийских публичных жестов и высказываний. Результаты Сеймового суда вызвали бурную реакцию среди поляков. По свидетельствам современников, его последствия были более революционны

и в большей степени подготовили страну к восстанию, чем деятельность самого Патриотического общества.

Однако следует иметь в виду, что негативный настрой по отношению ко всему русскому имел также историко-культурные корни и выражался в устойчивых предубеждениях³. Свежи в памяти были разделы Польши, восстание под руководством Тадеуша Костюшко в 1794 г., война 1812 г., в которой польские военные формирования принимали участие на стороне Наполеона, надеясь с его помощью возродить польскую государственность. Поэтому идея примирения двух народов и забвения вражды между ними, которая легла в основу политики Александра I при создании Царства Польского, плохо воспринималась польской стороной (как, впрочем, и русской).

Знаки неприятия русских и «русских понятий», отторгавшихся польским обществом, проявлялись по-разному в разных стратах и сегментах общества. Их по-своему выражали студенты и офицеры (чей протест потом вылился в Ноябрьское восстание 1830 г.), легальные участники политической жизни — послы и депутаты сейма, представлявшие в основном шляхту, тесно связанная с ними либеральная интеллигенция, и, конечно, аристократия. Генерал Ян Круковецкий (1772–1850) в 1822 г. писал А. Е. Чарторыскому: несмотря на любовь и благодарность поляков к Александру I, едва ли стоит обвинять их в том, что они не могут полюбить его чиновников. По его словам, жители Царства Польского жалуются на то, как с ними обращаются царские «паши»⁴.

Понимала сложность отношений и российская сторона, настроенная тем не менее гораздо более благодушнее. Великий князь Константин в феврале 1821 г. Алексею Андреевичу Аракчееву (1769–1834) сообщал из Варшавы

У нас здесь, слава Всевышнему, все спокойно и благополучно. <...> Что же касается до политических мыслей большого света, об том я умалчиваю; в.с. [Ваше сиятельство. — *Н. Ф.*], пожив с нами, его видели сами. Дай Боже мне обмануться; но меры нужны самые деятельные, чтоб прекратить зло в самом его начале и корне. Впрочем, мне сдается, что сие заражение умов есть генеральное и замечено не только здесь, но и повсюду⁵.

³ См., например: Bobryk, Faryno (red.) 2000; Хорев (ред.) 2002; Lazari (red.) 2006; Филатова, Хорев (ред.) 2009.

⁴ Dylagowa 1970: 130.

⁵ Россия и Польша в 1814–1831 гг. // Русская старина. 1882. Т. 34. № 4. С. 261–262.

В Царстве Польском действовала разветвленная сеть тайной полиции великого князя: донесения ее агентов, главными из которых были Матеуш Шлей и Хенрик Макротт, повешенные восставшими в 1831 г., отложились в Главном архиве древних актов в Варшаве⁶. Агенты следили за всеми, фиксируя поведение горожан в общественных местах, разговоры в кофейнях, трактирах, на улицах и балах, при этом наибольшее внимание уделялось антироссийским высказываниям и реакции населения на политические события. Следили за настроениями среди военных, масонства, за наиболее беспокойной частью польского общества — учащейся молодежью. В компетенцию Макротта входили настроения в городе во время процесса по делу Патриотического общества. Доносы Шлея касались высших сфер польского общества, в них содержались в том числе характеристики польских генералов и офицеров. Так, в конце 1827 г. М. Шлей писал великому князю о том, что «в знатных домах, а также между дамами предвидится некое движение»⁷. В мае 1830 г. он доносил, что в варшавских салонах активно обсуждают возможное объединение Царства Польского с Великим княжеством Познанским. В целом, как заключила Светлана Михайловна Фалькович (1932–2018), агентурная информация достаточно верно отражала настроения и политическую позицию польского общества⁸.

Примером национальной консолидации можно считать солидарность, проявленную варшавянами на похоронах значимых для эпохи личностей. Так, в «крупнейшую в Варшаве патриотическую манифестацию 1820-х годов»⁹ вылились в марте 1829 г. похороны Петра Белинского, председателя Сеймового суда, сохранившего его независимость во время процесса по делу Патриотического общества. Как вспоминал Фридерик Скарбек (1792–1866), «несмотря на ненастное время года, окна всех домов, выходящих на улицу, были открыты и полны публикой всех сословий»¹⁰. Люди массово вышли на улицу. Гроб, накануне выставленный для прощания, переносили в костел члены польского Сената, студенты же по собственной инициативе строго следили за порядком. Они не пустили в храм полицейских,

⁶ См., например: Karpińska 1985; Фалькович 2005; Wincenciuk 2012.

⁷ Цит. по: Фалькович 2010: 401.

⁸ Там же: 406.

⁹ Kowalczykova 1987: 63.

¹⁰ *Skarbek F. Pamiętniki Fryderyka hrabiego Skarbka. Poznań, 1878. S. 223.*

сбросив их с лестницы и тем самым открыв туда дорогу для всех желающих.

Подобное имело место и в январе 1826 г., когда хоронили выдающегося польского философа и государственного деятеля Станислава Сташица (1755–1826). В холодный зимний день студенты университета сами несли его гроб к месту захоронения на окраину города. В этот день, по словам современника, все магазины в Варшаве были закрыты. Те же студенты, напротив, специально вели себя неподобающим образом во время траурной процессии в память о почившем императоре и короле польском Александре I (апрель 1826 г.). Они были неряшливо одеты и нарочно создавали толчею, что должно было свидетельствовать об их протестных настроениях. Явное неуважение было проявлено и к памяти наместника Царства Польского Юзефа Зайончека (1752–1826), непопулярного среди поляков из-за излишнего угодничества по отношению к представителям российской власти. Его похороны в 1826 г. были фактически бойкотированы. Юлиан Урсын Немцевич (1758–1841) вспоминал, что члены правительства по приказу великого князя шли за гробом вплоть до границ Варшавы, более же никто гроб не сопровождал:

Прекрасный гроб, прогибающийся под золотом катафалк, грохот барабанов, труб, пальба орудий и ружей, все было там, кроме слез благодарности и сожаления. По дороге (его везли в его имение, в Опатувек) в городах и деревнях, и даже в самом Калише никто не пошел ни перед телом, ни за телом¹¹.

Если студенческое, молодежное движение, его тайные формы, радикальные идеи, основанные на резко отрицательном отношении к присутствию представителей российской верховной власти и армии в Царстве Польском, изучены лучше и более известны, как предыстория национально-освободительного восстания 1830 г., то по отношению к светскому обществу этого сказать нельзя. Светская жизнь, казалось бы, должна была быть наиболее конформистской формой общения, связанной с присутствием в Польше русских. Отчасти это действительно было так, поскольку именно ее формы давали возможность надолго поселившимся там русским офицерам

¹¹ *Niemcewicz J. U. Dziennik z lat 1820–1828 / wybór i opracowanie I. Rusinowa, A. Krupa. Warszawa: ASPRA-JR, 2012. S. 233.*

вживаться в национальную среду, заводить знакомства и даже заключать браки¹². С другой стороны, эти же формы, основанные на определенных правилах, позволяли «хозяевам», манипулируя этикетом, выражать «гостям» оппозиционные настроения, нежелание общаться и недовольство происходящим в политической жизни.

Понятие «светское общество» несколько различно для России и Польши первых десятилетий XIX в. В российском контексте с ним прежде всего ассоциируется «высший свет», а значит, аристократия, причем придворная. Говоря о Польше, также имеется в виду прежде всего аристократия, однако необходимо учитывать, что придворная иерархия не играла подобной роли в структуре общества, где отсутствовала табель о рангах. Кроме того, салоны, будучи «создающим общественное мнение собранием людей из высших слоев общества, оказывающим влияние на его культурную жизнь»¹³, разнятся по социальному составу: наряду с аристократическими существовали и литературные, где задавала тон творческая интеллигенция. При этом, как утверждают польские литературоведы, трудно провести границу между просто салоном и салоном литературным¹⁴. Таким образом, понятие «светское общество» трудно поддается определению через социальные параметры. Недаром Д. А. Сдвижков определил понятие *beau monde* применительно к России как «не привязанный к политическому содержанию и идеальным ценностям регулятор индивидуального поведения», ссылаясь при этом на высказывание В. А. Жуковского:

Слово: *большой свет* означает круг людей отборных — не скажу лучших, — превосходных пред другими состоянием, образованностью, саном, происхождением; <...> где существует общее мнение <...>, где происходит оценка добродетелей и талантов¹⁵.

В связи с этим мы сосредоточимся не столько на «светском обществе», сколько на «светской жизни» как на форме культурной организации жизни образованных людей. Нас интересуют формы протестного поведения и демонстрации национального единения, связанные с нормами светской жизни в Польше первой трети XIX в. Углубляясь

¹² Подробнее см.: Филатова 2010.

¹³ Kowalczykowa 2002: 854.

¹⁴ Kowalczykowa 1987: 74.

¹⁵ Цит. по: Сдвижков 2012: 396.

в эту тему, мы рассмотрим, как складывалось общение русских и поляков в рамках светской жизни конституционного Царства Польского. Источниками служат, в первую очередь, дневники и мемуары, а также сатирическая литература, направленная против совместных с русскими увеселений. Документы эпохи и исторические исследования в данной области мы сравним с картиной, созданной в польской художественной литературе эпохи романтизма.

Безусловно, необходимо иметь в виду изменение политической ситуации в Царстве Польском на протяжении его существования. Историки, начиная с историографов — современников эпохи, традиционно выделяют в истории конституционного Царства Польского несколько периодов. Это время подъема и энтузиазма, с которым польские элиты вступили на путь строительства нового государства («воскрешенной Польши», как писали тогда о Царстве Польском), продолжавшееся до 1820 г. Ключевыми моментами здесь стали само образование Царства Польского в 1815 г. и наделение его конституцией, а также преддверие этого события, когда уже в 1814 г. начала проводиться политика примирения поляков и русских. Кульминацией дружественных настроений стал сейм 1818 г., на котором Александр I выступил со знаменитой речью, содержащей как декларацию либеральных принципов, так и обещания распространить конституционные учреждения на другие земли бывшей Речи Посполитой, входившие в состав Российской империи. Период с 1820 по 1825 г. польский историк Вацлав Токаж (1873–1937) определил как «крах надежд на польско-российское сосуществование»¹⁶, что связано с выступлением либеральной оппозиции на сейме 1820 г., ее последующим разгромом и дальнейшим реакционным курсом правительства. 1825–1830 гг. были ознаменованы восшествием на трон нового монарха: Николай I, хотя и соблюдал конституционную хартию, не разделял полонофильства брата. Центральными событиями этого периода стали раскрытие деятельности Патриотического общества и коронация Николая I как польского короля в 1829 г., с которой польское общество связывало определенные надежды.

Влияние политического фактора на жизнь светского общества не вызывает сомнений. Тем более, на наш взгляд, интересно рассмотреть общение русских и поляков еще и под другим углом

¹⁶ Tokarz 1931: 108–113.

зрения — в контексте повседневного, привычного для образованного общества времяпрепровождения. Этот ракурс недостаточно изучен, однако чрезвычайно важен для воссоздания реальной картины сосуществования поляков и русских в специфический для XIX в. период для России и Польши. Именно наличие этой картины позволяет — освободившись от стереотипов и преувеличений — прояснить реальную значимость и масштабы протестного поведения в светских кругах.

Сегодня уже можно открыто говорить о том, что на общественную жизнь конституционного Царства Польского как литературоведы, так и историки долгое время смотрели глазами польских поэтов-романтиков (в первую очередь, Адама Мицкевича) и следующих романтическому канону историографов и политически ангажированных мемуаристов. Все они оценивали этот достаточно специфический период польской истории с ретроспективной точки зрения, то есть сквозь призму восстания 1830–1831 гг.¹⁷ В III части своей романтической поэмы «Дзяды» (1832) Мицкевич, по сути, создал памфлет на варшавское общество начала 1820-х годов, заклеймив его общественную пассивность, господствующий в нем карьеризм, угодничество и сервиллизм по отношению к власти. Созданный им образ надолго стал определяющим в восприятии рассматриваемой эпохи и ее главных действующих лиц. Но насколько он соответствовал действительности?

Согласно Ю. М. Лотману (1922–1993), структурообразующими элементами русской культуры в XIX в. являлись бал и парад (ученый писал о «строгом ритуале, приближавшем бал к параду»)¹⁸. Может быть, это интуитивно понимал Мицкевич, именно поэтому и бал, и парад так важны для мицкевичевского видения имперской России в «Дзядях». Безусловно, что в русской культуре первой трети XIX в. наиболее значима была функция бала как придворного, торжественного церемониала. Именно эта особенность повлияла на восприятие специфики русского бала поляками — он рассматривался как часть официоза, придворной, имперской культуры. Болеслав Олексович писал о дополнительном значении, которое приобрели в польском сознании балы, даваемые властями в Царстве Польском.

¹⁷ Филатова 2007; Jarosińska 2014.

¹⁸ Лотман 2020: 68. См. также: Марченко 2005: 32.

Принудительное присутствие на них воспринималось как «форма политической репрессии»¹⁹.

Правда, следует подчеркнуть, что такое отношение сложилось уже тогда, когда, по словам Наталии Кицкой (1801–1888), «после взятия Варшавы князь Паскевич заглушал стоны поляков, устраивая в замке шумные балы». Мемуаристка, пережившая восстание 1830–1831 гг., с позиции этого исторического опыта оценивала и предыдущие события. Так, с некоторым неудовольствием вспоминая о светском церемониале, приуроченном к коронации Николая I в Варшаве в 1829 г., Кицкая заметила: «Слово двор звучит как фальшивый аккорд в ушах полек, они чувствуют в себе врожденное влечение к республике»²⁰. Она писала о трудностях взаимопонимания, связанных с разницей менталитета и политических традиций: «Крепким орешком для тех, кто с точки зрения российских понятий составлял коронационный церемониал, было то, что в Польше не существовало рангов». Ее, как и других польских великосветских дам, готовившихся быть представленными Николаю I по специально разработанному ритуалу, коробило чинопочитание, ибо «в Польше каждый считает себя равным с самым титулованным сановником». Она вспоминала о подготовке к церемонии: «Много было смеха, пока мы не научились всерьез играть всю эту придворную комедию, называвшуюся церемониалом». Участие в придворном приеме Кицкая назвала «отбытой барщиной»²¹.

Знаменательно, что белые атласные шлейфы, которые дамы надевали на придворные балы во время последнего сейма, возникли на страницах ее воспоминаний уже в связи с Ноябрьским восстанием. Тогда эта деталь туалета нашла более достойное, по мнению Кицкой, применение: из придворного платья она вместе с сестрой и служанками смастерила для офицеров национальные кокарды.

В то же время рассуждения Лотмана о бале как о важнейшей форме светской жизни, за некоторыми исключениями, можно распространить и на Европу в XIX в. в целом:

Бал оказывался, с одной стороны, сферой, противоположной службе — областью непринужденного общения, светского отдыха, местом,

¹⁹ Oleksowicz 2008: 17.

²⁰ *Kicka N. Pamiętniki* / oprac. J. Dutkiewicz, T. Szafrński. Warszawa: Instytut Wydawniczy PAX, 1972. S. 159.

²¹ *Ibidem*. S.166–167.

где границы служебной иерархии ослаблялись. <...> С другой стороны, бал был областью общественного представительства, формой социальной организации, одной из немногих форм дозволенного в России той поры коллективного быта. В этом смысле светская жизнь получала ценность общественного дела²².

В Царстве Польском балы также служили общественному делу. Обычно официальные лица давали их в связи с приездами императоров, открытием и закрытием заседаний сейма, а также празднованием дней рождений и именин монархов и членов правящего дома, годовщин их восшествия на престол. Бал мог давать и сам император, официально именованный польским королем: во время его пребывания в Варшаве бал или торжественный обед устраивались в Королевском замке. Атмосферу, царившую в варшавском обществе на пике либеральной политики императора, характеризует письмо Петра Андреевича Вяземского (1792–1878), служившего в 1818–1820 гг. в канцелярии Новосильцева, от 15 апреля 1818 г.:

Сегодня закрытие сейма, на котором государь произнес речь <...>; сверх того, во дворце сегодня обед на 200 человек; сверх того, у Новосильцева пир на весь мир, и первый, на коем государь будет по приезде своем в Варшаву <...>; сейчас сяду обедать и лягу спать до бала, потому что эти два дня не спал я более пяти часов²³.

Светская жизнь, с ее универсальным этикетом и «языком» танца, в то время сблизжала: едва приехав в Варшаву, тот же Вяземский, прежде чем охарактеризовать польское общество, просил своего корреспондента дать ему оглядеться и «повальсировать». Светские мероприятия приравнивались тогда к другим официальным, которыми отмечались праздники — в том числе мессам в кафедральном соборе св. Яна, на которых присутствовали и поляки, и русские. Так, например, одна из центральных газет сообщала, что по случаю прибытия императора и сейма 1820 г. состоялись балы у С. Потоцкого, председателя Сената, а также у наместника Ю. Зайончека, Н. Н. Новосильцева и сенатора-воеводы Станислава Замоиского (1775–1856)²⁴. Немцевич в связи с этим фиксировал в дневнике, что после окончания

²² Лотман 2020: 67.

²³ *Вяземский П. А.* Из писем князя П. А. Вяземского к А. Я. Булгакову // Русский Архив. 1879. № 4. С. 506.

²⁴ *Gazeta Warszawska.* 1820. 14 X. № 137.

заседаний сейма Раймунд Рембелинский (1775–1841), выполнявший в 1820 г. обязанности его маршала, дал два обеда и «угрожает нам еще двумя большими и двумя малыми балами. Наместник же дал свой в день королевских именин. За два года меня первый раз на него пригласили. Из любопытства я пошел»²⁵. Одновременно тот же Немцевич сообщил о вопиющей бестактности Новосильцева, который, пригласив всех депутатов на бал в честь сейма, на другой день просил некоторых из них, отличившихся оппозиционным поведением, вернуть пригласительные билеты. Из этого вышел скандал, который автор записок прокомментировал так: «На всем свете один только москаль мог поступить так по-варварски»²⁶.

Бал был местом общения власти с обществом, кулуарным продолжением политической жизни. Он же являлся местом саморепрезентации монарха. Политики живо обсуждали то, что Александр I говорил дамам на балах. Разговоры с прекрасным полом о своих польских планах входили в его манеру поведения. Именно бал сыграл решающую роль в судьбе великого князя Константина Павловича. Его будущая супруга Иоанна Грудзинская (1795–1831), по единодушному мнению мемуаристов, была особенно пленительна своей грациозностью в танцах.

В 1825 г., когда для польского общества было важно вернуть расположение Александра I, пошатнувшееся после выступления либеральной оппозиции на сейме 1820 г., обе палаты сейма и Государственный совет дали бал в честь императора в зале Национального театра. Для этого партер сравнивали со сценой. О пышности и многолюдности бала (более двух тысяч человек, не считая занимавших ложи дам) писала 11 июня *Gazeta Warszawska* («Варшавская газета»).

Кроме официальных, а также публичных балов, на которых могли присутствовать в том числе и русские (например, в купеческом собрании), имели место и закрытые, приватные вечера, на которые требовалось приглашение. Некоторые салоны были открыты для наших офицеров, в некоторых — их присутствие было нежелательным. По долгу службы, например, должен был приглашать русских наместник Ю. Зайончек. Собирались они и в доме А. Бронца, гофмаршала императорско-королевского двора и отчима И. Грудзиньской. Среди

²⁵ *Niemcewicz J. U. Dziennik*. S. 67.

²⁶ *Ibidem*. S. 81.

наиболее известных принадлежавших польской аристократии домов (прежде всего, связанных с «пулавской» партией и фамилией Чарторьских) современники называют те, в которых по случаю приезда императора или других Романовых устраивались наполовину официальные балы со смешанным обществом. С другой стороны, упоминаются и такие дома, которые были для русских *terra incognita*. Последнее говорит о латентном сопротивлении политике сближения двух народов.

Устраивали вечера и сами представители русской диаспоры. Даже ставший впоследствии ненавидимым в Польше Н.Н. Новосильцев, по словам Каэтана Козьмяна (1771–1856), относящимся к 1820 г.:

[Н]аходясь на пике доверия императора и значения среди поляков, охотно окружал себя польскими патриотами, со свойственными ему учтивостью и предупредительностью приглашал на частые и роскошные пиры, где в доверительных беседах демонстрировал явное желание расположить к себе польские умы²⁷.

Он также писал, что «если кто из русских и относился к нам благожелательно и дружелюбно, то это, без сомнения, Новосильцев»²⁸. А вот как характеризовал гостеприимство Новосильцева его подчиненный П. А. Вяземский:

Приятнейшие вечера здесь у Новосильцева. Дом его, если не лучший, то по крайней мере из лучших и просторнейших в городе; к тому же все устроено барскою Русскою рукой²⁹.

Анна Потоцкая (1779–1867) вспоминала, что в первое время пребывания в Варшаве Новосильцев часто бывал у нее, желая, по-видимому, узнать, о чем думало и говорило собиравшееся там общество. Она призналась, что, как и многие, «в продолжение нескольких месяцев находилась под его чарующим влиянием и верила, что он предан нашим интересам»³⁰. Лишь впоследствии назрел конфликт Но-

²⁷ Koźmian K. Pamiętniki. Wrocław; Warszawa; Kraków: Ossolineum, 1972. Т. 3. S. 101.

²⁸ Ibidem. S. 96.

²⁹ Письмо А. Я. Булгакову из Варшавы от 1 апреля 1818 г. // Вяземский П. А. Из писем князя. С. 504.

³⁰ Потоцкая А. Мемуары. 1794–1820. М.: Кучково поле, 2005. С. 238.

восильцева с польским обществом, подогревавшийся обоюдно и имевший как политические, так и психологические причины. Как писал К. Козьмян:

Он охладел к польским компаниям, стал мало с ними общаться. Вечера проводил у себя в кругу скорее русском, чем польском, утешаясь от нелюбви прекрасного пола с немолодой и некрасивой русской, женой генерала N.N., а часто с какой-нибудь актрисой, и почти всегда с выстрелами откупориваемого шампанского или ароматом то-кайского³¹.

Отторжение вызывали как его алкоголизм, так и чересчур свободное, если не сказать прямо — распутное поведение, закрывавшее его дом для добропорядочной публики.

Своеобразным было вживание в польское общество великого князя Константина Павловича. Ф. Скарбек считал:

Варшавское общество главным образом потому сохранило польские обычаи и не переняло русских, что великий князь Константин не держал княжеского двора, не принимал в своем доме дам, а все из-за того, что не жил со своей женой, а имел подругу-французенку <...>. Эта женщина не злоупотребляла своим положением <...>, не навязывалась никому из польского общества³².

Но и впоследствии, прекрасно овладев польским языком, женившись в 1820 г. на польке И. Грудзиньской, получившей титул княгини Лович, он, казалось бы, мог стать своим для польского общества. Константин Павлович был окружен польским генералитетом, адъютантами, принимал у себя родственников и близких жены и даже стремился окружить воспитывавшегося при нем внебрачного сына Павла (1808–1857) польскими сверстниками. Однако деспотизм, необузданный нрав, экстравагантные выходки, а порой и явное нарушение светских приличий, описываемое мемуаристами, не могли не отратить от него поляков.

К тому же он вел достаточно замкнутый образ жизни, посвятив себя всецело организации и обучению армии. Губернер его сына француз граф Мориолль писал, что на протяжении

³¹ *Koźmian K. Pamiętniki. T. 3. S.102.*

³² *Skarbek F. Pamiętniki. S.121.*

четыренадцать лет, которые он провел на службе у великого князя, последний ни разу не устроил бала, вечера или торжественного обеда³³. Если Константин Павлович и давал званые завтраки или обеды, то в основном для офицеров русской гвардии. В начале 1830 г. он жаловался Федору Петровичу Опочинину (1779–1852):

Меня, старика, с женою выгнали на два бала, и кажется, предстоит еще два. Стараются, чтоб я дал пару, но на это я слишком глуп и неловок³⁴.

Высшие офицеры, генералы бывали приняты в лучших варшавских салонах и порой завоевывали расположение общества. Например, согласно сообщению родственника княгини Лович Клеменса Колачковского, таким расположением пользовались генералы Григорий Андреевич Феньш (1789–1867) и Петр Николаевич Дьяков (1788–1860), генерал-майор граф Федор Карлович Нессельроде (1786–1868), русские адъютанты великого князя полковник Лев Иванович Киль (1789–1851) и корнет Сергей Дмитриевич Безобразов (1801–1879).

Ф. К. Нессельроде, родственника российского министра иностранных дел, и П. Н. Дьякова «считали людьми безупречного характера, хорошо воспитанными, лишенными всякой низости и заслуживающими доверия»³⁵. Как вспоминал Колачковский, оба генерала «обладали незаурядными музыкальными способностями. Нессельроде превосходно играл на фортепьяно, Дьяков хорошо пел французские романсы и русские думки». С. Д. Безобразов имел репутацию отличного танцора и пользовался большим успехом у варшавских дам.

Полковник Киль, лифляндец, был веселый, приятный сотоварищ, которого в мужских кружках все любили за его веселый нрав и замечательную способность к карикатурам, в которых он был действительно большой мастер³⁶.

³³ *Moriolles A.* Pamiętniki hrabiego de Moriolles. O emigracji, Polsce i dworze wielkiego księcia Konstantego (1789–1833). Warszawa: A. T. Jezierski, 1902. S. 158.

³⁴ Цит. по: Карнович 1899: 130.

³⁵ *Kolaczowski K.* Wspomnienia. Księga III. Od roku 1820 do 1830. Kraków: Spółka Wydawnicza Polska, 1900. S. 56–58.

³⁶ *Ibidem.* S. 56–57.

В лучших варшавских домах бывал П. О. Моренгейм, женившийся впоследствии на дочери министра внутренних дел Тадеуша Моствовского (1766–1842).

Между прочим, П. Н. Дьякова с благодарностью упоминал Фридерик Шопен, из переписки которого известно, что русский генерал как-то раз одолжил юному гению для концерта свой рояль. Фигурировал в письмах Шопена также С. Д. Безобразов, певший на приватном вечере дуэтом с Констанцией Гладковской (1810–1889), первым серьезным увлечением Шопена.

В целом русская колония держалась особняком. Об этом свидетельствует, в частности, отсутствие в польских мемуарах описаний вечеров в русских домах. Так, К. Колачковский, вспоминая, что генералы Борис Христофорович Рихтер (1780–1832), Михаил Иванович Левицкий (1761–1831), Владимир Карлович Кнорринг (1784–1864) принимали у себя, замечал: «не имея обязанности, я никогда у них не был»³⁷. Дурной репутацией у поляков пользовался державший блестящий салон генерал Александр Андреевич Жандр (1780–1830), ставший впоследствии одной из первых жертв восстания 1830 г.: он был убит в ночь на 30 ноября. Русские генералы проводили много времени в своей среде за игрой в карты. Немного иначе ситуация запечатлелась в памяти Ф. Скарбека, который писал, что российские высшие офицеры и чиновники по большей части «не держали домов, открытых для польского общества», потому что или не были женаты, или же не жили со своими женами и потому не имели хозяек дома, которые бы могли принимать польских дам, «столь требовательных в том, что касалось приличий и образа мыслей хозяев дома»³⁸.

О многом историку может рассказать специфический жанр нравственно-политической сатиры, а именно — памфлеты, направленные против поведения польских женщин в драматичных для страны исторических моментах. Эти тексты, иногда сочиненные спонтанно, ходили по рукам в списках, фигурировали в корреспонденции, дневниках и мемуарах. За ними просматривается культурное явление — один из видов контроля над нравственным состоянием общества, связанного с «закодированной в тогдашнем общественном

³⁷ Ibidem. S. 34.

³⁸ *Skarbek F.* Pamiętniki. S. 121.

мнении патриотической этикой»³⁹. Данные тексты интересны постольку, поскольку они тесно связаны с преддверием образования Царства Польского и возникновением прорусской ориентации в обществе, а также с атмосферой 1826–1828 гг.

Первые памфлеты, направленные против полек, веселящихся на балах в тяжелое для Польши время, датируются 1772 г., однако тогда речь шла лишь о неуместности развлечений как таковых. Ученые прослеживают историю этого жанра вплоть до 1832 г., приводя обширные материалы из истории Варшавы времен генерал-фельдмаршала И. Ф. Паскевича, сначала подавившего восстание, а затем ставшего наместником Царства Польского. Из их наблюдений и анализируемых текстов явствует, что объектом наиболее острой сатиры были совместные развлечения и романы с иностранными завоевателями — преимущественно русскими — во времена явного противостояния, то есть тогда, когда русский идентифицировался с врагом и оккупантом. Так было в 1792–1796 гг., во времена Тарговицкой конфедерации и разделов Польши. Подобное повторилось и в Варшаве Паскевича. Тогда танцы и флирт с оккупантами однозначно квалифицировались как «предательство». Именно после подавления Ноябрьского восстания поляков, уже в конце 1831 г., когда русские власти, в том числе военный губернатор столицы И. О. Витт, стремились создать иллюзию примирения поляков и русских, появились ядовитые стихи. Наиболее известные, «Полькам, танцующим с неприятелями отчизны», в частности, привела в «Воспоминаниях» Н. Кицкая. По ее словам, после первых же балов, которые давались в замке, по Варшаве стали кружить стихи анонимного автора. В них были такие строки:

Танцуйте, польки, время танцевать
С героями Ошмян, Варшавы;
Зачем грустить, зачем страдать?
У нас балы, у нас забавы.

³⁹ Kaleta 1993: 33. Данная тема привлекла внимание польских литературоведов в 1990-е годы. Она была представлена в историко-культурном освещении В. Гомулицким, см.: Gomulicki 1992. Сами тексты конца XVIII — первой трети XIX в. были выявлены и систематизированы Р. Калетой, публикация которого вышла посмертно и была прокомментирована Э. Александровской, см.: Kaleta 1993. Последняя затем ввела собранные материалы в контекст понятия «национальное предательство»: Aleksandrowska 1995.

Но помните: на ручках ваших,
 Которые берут в объятья
 Мундиры с пятнами от крови павших,
 Останется кровь ваших братьев⁴⁰.

В стихотворении «К полькам, танцующим в Варшаве на балу, данном генералом Виттом в феврале 1832 г.» их русские кавалеры названы «героями тирана», «прислужниками Севера, руки которых обагрены кровью соплеменников». Наиболее же острой и уничижающей была сатира под названием «Публичные торги женщин в Варшаве», клеймящая позором «продавшихся» русским высокопоставленных полек — прежде первых дам конституционного Царства Польского.

Что касается 1813 г., когда был написан памфлет К. Козьмяна «Танцующему Кракову», ситуация была совершенно иной. В это время уже закончился крахом наполеоновский поход на Москву, и пророссийская ориентация вновь оказалась актуальной. В Варшаве, занятой русскими, уже был создан Временный верховный совет Герцогства Варшавского под председательством варшавского губернатора В. С. Ланского. Веселье же имело место в Кракове, где сохранялось польское правительство под руководством французского посланника Луи Биньона (1771–1841). Вот как описывал тогдашнюю атмосферу во второй столице сам автор памфлета:

Ежедневные обеды, катания на саниах, кавалькады, вечера, балы, танцы, все это отзывалось горестным чувством в сердцах серьезных людей при виде с городских валов казачьих дозоров и пик, находящихся почти в миле от Кракова⁴¹.

В своем сатирическом произведении Козьмян выступил против развлечений как таковых, в которых в неподходящее время участвовали уважаемые люди, польские офицеры, почтенные польские матроны со своими дочерьми и внучками:

⁴⁰ Цит. по изданию: Война женскими глазами. Русская и польская аристократки о польском восстании 1830–1831 гг. / сост., вступ. статья В. М. Боковой, Н. М. Филатовой. М.: НЛО, 2005. С. 286. Перевод глав из «Воспоминаний» Н. Кицкой, в том числе процитированного стихотворения — мой.

⁴¹ *Koźmian K. Pamiętniki*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1972. Т. 2. S. 236.

W ponurych twoich oczach ojczyzna	В твоих печальных глазах отчизна
już kona,	уже умирает,
My się cieszym, że wkrótce będzie	Мы же рады, что вскоре она оживет.
ożywiona. <...>	<...>
Chwała tobie, narodzie, iż innej nagany	Слава тебе, народ, что иного упрека
Nie zdołają-ć uczynić surowe	Не могут предъявить тебе суровые
Spartany ⁴³ .	спартанцы.

А это выдержка из стихотворения «Несколько слов в защиту Кракова» (автор неизвестен):

Tak powinien się bawić i tańcować	Так должен веселиться и танцевать
Kraków!	Краков!
Sprzeczność losu nie zmieni	Противоречия судьбы не изменят
humoru Polaków,	настроений поляков,
Myśl wesola wśród nieszczęść	Веселые помыслы среди несчастий
snocie towarzyszy.	сродни добродетели.
Niech nieprzyjacieli głosu narzekań	Пусть неприятель не слышит наших
nie słyszy <...>.	жалоб <...>.
Wyprzedzą nas z Krakowa,	Выгонят нас из Кракова, станцуюм на
tańcujmy na moście.	мосту.
A jeśliby i tutaj czart przyniósł	А если и туда черт принесет москалей,
Moskali,	Пойдем плясать в Величку, в подземный
Pójdziem skakać w Wielicze na	зал.
podziemnej sali ⁴⁴ .	

Гораздо большему осуждению подверглись светские дамы, разделявшие увеселения с русскими во время следствия и суда по делу Патриотического общества. В 1826–1829 гг. история с Сеймовым судом вышла в обществе на первый план, заслонила собой все остальное, что происходило в это время в Царстве Польском. Болезненно было воспринято создание следственной комиссии с участием «русских генералов», приезд «российских сенаторов» для вмешательства в деятельность польского конституционного органа. Напряженно проходили традиционные зимние сезоны балов (карнавалы) в 1827 и 1828 гг.⁴⁵ Средством выражения солидарности с узниками и протеста против происходящего стали бойкоты совместных с русскими светских мероприятий. Ф. Скарбек писал в труде по истории Царства Польского:

⁴³ Цит. по: *Kaleta R.S.* 53.

⁴⁴ *Ibidem.* S. 53–54.

⁴⁵ *Карнавал*, или *мясопуст* — в католической традиции период, предшествующий Великому посту, аналог православной Масленицы.

Уже зимой 1827 г. было глухо и мрачно в Варшаве. Весь карнавал проходил без развлечений, а траур по царю Александру был предложено закрыть польских домов, которые обычно собирали многочисленное общество и желающую потанцевать молодежь⁴⁶.

Т. Липиньский в январе 1828 г. отметил:

Карнавал, кажется, будет мрачным. Обычно каждую субботу бывает танцевальный вечер в собрании; но из-за теперешних обстоятельств должен был быть перерыв, узнав о чем, полиция послала в комитет собрания настоятельное требование, чтобы перерыва в развлечении не было. Несмотря на это, мало кто хотел в этот день танцевать⁴⁷.

Это подтверждают и мемуары Ф. Скарбека, вспоминавшего о невеселом течении карнавала в Варшаве 1828 г. и неудаче традиционного новогоднего бала в купеческом собрании:

Все польские дома были закрыты и принимали только друзей и близких, не допуская, чтобы те развлекались танцами⁴⁸.

Вспоминал мемуарист и об общественном порицании тех полков, которые посещали в это время русские дома. Именно по этому поводу было написано получившее широкое распространение стихотворение «Варшавским дамам во время Сеймового суда». Оно содержало следующие строки:

Właśnie ostatni z Polaków Męczeńskiej palmy czekają, Niech więc wał skocznych orszaków Z oprawców łączy się zgrają. <...>	Последние из поляков Как раз в ожидании мучений, Так пусть хороводы веселящихся Объединяются с шайкой палачей. <...>
Lecz spoty Rzymu zwycięża Twój przykład, szanowna żono, Co w czasie niewoli męża Bawisz generałów grono. <...>	Превосходит «добродетели» Рима, Твой пример, благородная жена, Которая в час неволи мужа Забавляет общество генералов. <...>
Zacnych matek wychowanki, By twojej wyrównać sławie	Воспитанницы почтенных матерей, Чтобы сравняться с твоей славой,

⁴⁶ Skarbek 1877: 251.

⁴⁷ Lipiński T. Zapiski z lat 1825–1831 / oprac. K. Bartoszewicz. Kraków: Nakł. K. Bartoszewicza; Drukarnia A. Koziańskiego, 1883. S. 81–82.

⁴⁸ Skarbek F. Pamiętniki. S. 137.

Dowiodą, nowe Spartanki,
 Że nie ma Polek w Warszawie⁴⁹.

Докажут, как новые спартанки,
 Что нет больше полек в Варшаве.

Главным адресатом стихов была Амелия Залуская (1804–1896), жена находящегося в это время в заключении полковника Романа Залуского (1793–1865). Ее «проступок» объяснялся тем, что она была воспитанницей хозяина популярного тогда салона генерала В. Красиньского и в это время жила в его дворце. Однако участие в «развлечении генералов» считали для нее недопустимым. В этих стихах отношение к русским явно более враждебное, но при этом связано с актуальными политическими событиями. Партнеры полек по танцам — это «шайка палачей», «лишители свобод», «общество генералов». На сатиру был написан ответ от имени «танцующих дам» в достаточно шуточной форме, что свидетельствовало о стремлении сгладить конфликт. Танцующие оправдывали свою снисходительность к русским гостям тем, что «пляшут со злости», желая «затанцевать врагов». Однако при этом они сохраняют уверенность, что «пока правит польский Сенат, польки еще могут танцевать»⁵⁰.

Таким образом, с одной стороны, подобная нравственно-политическая сатира была прочно укоренена в гражданской и политической традиции. По свидетельствам современников, она быстро распространялась по Варшаве, сопровождаясь рисованными карикатурами. С другой же стороны, очевидно, что ее антирусский пафос зависел от конкретной ситуации.

Немаловажную роль в 1826–1828 гг. играли и манипуляции трауром. Ф. Скарбек отметил, что в конце 1825 г. внешний вид варшавского общества изменился. Использование кода одежды для выражения сочувствия и солидарности в связи с арестом польских патриотов было завуалировано трауром по скончавшемуся Александру I. Траур был даже официально предписан. В частности, *Gazeta Warszawska* от 13 января 1826 г. сообщила о том, кому какую одежду полагается носить. Дамам было предписано носить «русское платье». Так, столица оделась в черное во исполнение одновременно официального и гражданского долга: «траур продлился дольше, чем это было предписано двором, потому что под его видом еще долго одевались в черное

⁴⁹ Цит. по: *Kaleta R. S.* 58–59.

⁵⁰ *Ibidem.* S. 60–61.

в знак скорби по находящимся под судом обвиняемым»⁵¹. Мемуарист вспоминал также о том, что во время похорон П. Белиньского большинство окон в Варшаве были обрамлены в траур и из них выглядели женщины, одетые в черное⁵².

Разделение вносило и то, что поляки и русские жили по разным церковным календарям, и, соответственно, время карнавала (масленицы) и поста, когда увеселения возбранились, у них различалось. Впрочем, в разгар дружественных настроений это особо не мешало общению. Вскоре после приезда в Варшаву 1 апреля 1818 г. П. А. Вяземский сообщил в частном письме:

Я уже несколько раз танцевал: наш пост мешает балам, но сзывает на вечера; придет скрипка, другая, и пойдет потеха. Даже и Великие Князя вальсируют. Государь ездит по обедам, но на вечера до праздника ездить отказался. В светлый Вторник, кажется, и у него бал⁵³.

В 1828 г., датируя запись 7 января, Немцевич с неудовольствием заметил:

Все новогодние торжества устраиваются не по нашему, а по московскому календарю. Даже княгиня Лович отеклась от нас, когда ее хотели поздравлять с нашим Новым годом, она отложила это до греческого календаря. В канун этого дня генерал Рихтер устроил бал, на котором показали Великий князь и его жена, и более того, были в прекрасном настроении, приглашали всех веселиться и развлекаться почти до трех часов ночи. Из полек были только жены наших генералов. Другие не хотели развлекаться, пока их соотечественники остаются в руках палачей⁵⁴.

В частности, помощник Новосильцева Л. С. Байков ежедневно в дневнике (1826–1829) скрупулезно отмечал все свои визиты и контакты (издавший его А. Краусхар вынужден был сделать в нем купюры, чтобы не оскорбить общественную нравственность). Чаще всего упоминались карточные вечера у генерала М. И. Левицкого, обеды у «сенатора», то есть Новосильцева, посещения дома Альбрехтов, генерала А. А. Жандра, а также вечера во французском театре или домашние музицирования с участием итальянских артистов. Вот

⁵¹ *Skarbek F.* Pamiętniki. S. 129–130.

⁵² *Ibidem.* S. 139.

⁵³ *Вяземский П. А.* Из писем князя. С. 504.

⁵⁴ *Niemcewicz J. U.* Dziennik. S. 275.

некоторые выдержки⁵⁵, относящиеся как раз к интересующему нас периоду и свидетельствующие об относительной изоляции русского общества в Варшаве.

- [13 сентября 1827 г.] Приехали российские сенаторы, контролирующие деятельность правительства. <...> Зашел к Альбрехтам, но не застал их дома. Обедали у Винцентия Красиньского.
- [14 сентября 1827 г.] Обедал у сенатора, а вечер провел у Альбрехтов, где познакомился с австрийским консулом *Provojs* и французским *Durand*.
- [15 сентября 1827 г.] Сенатор сегодня напился до беспамьятства на вечере у Засса.
- [18 сентября 1827 г.] Находящиеся здесь российские сенаторы не лучшим образом себя зарекомендовали.
- [23 сентября 1827 г.] Вечером был на танцах у Жандров. Скандализовало поведение хозяина, который на балу посвистывал как извозчик.
- [12 октября 1827 г.] Вечер провел в театре. Были и Великий князь с супругой.
- [13 октября 1827 г.] Скучные российские сенаторы были на обеде у Новосильцева.
- [28 октября 1827 г.] Чудесная пьеса в театре: *Vatel*, после которой бал у Левицких.
- [29 октября 1827 г.] Сегодня бал в собрании.
- [25 марта 1828 г.] Пасха. Были на обедне в замке, потом в Брюлевском дворце аудиенция у Великого князя, который со всеми христосовался. В салоне его супруги церемония целования руки. Посетил знакомых, а в обед маршала Бронца.
- [26 марта 1828 г.] Посетил Грабовского и Мостовского. Одев парадный мундир, зашел на обед к Соболевскому, во дворец наместника.
- [28 марта 1828 г.] Сегодня бал у генерала Рихтера. Польские дамы не явились из-за начала Сеймового суда.
- [29 марта 1828 г.] Пешком пошли с Сенатором на площадь Красиньских, где постоянно толпы народу в ожидании прибытия обвиняемых. Вечером в ратуше был концерт *Hummle*. У Альбрехтов вечер. Новосильцев, пьяный вдрызг, сидел с бутылкой грога и бормотал что-то невнятное.
- [11 апреля 1828 г.] На обеде у сенатора был несносный Васильчиков. Вечером был с госпожой Альбрехт в театре.

⁵⁵ [Kraushar A.] Bajkow. Z kartek pamiętnika rękopiśmiennego (1824–1829). Przez Alkara. Wyd. 2, poprawione. Kraków: Druk. W. L. Anczyca i Spółki, 1913. S. 137–178.

В III части романтической поэмы Адама Мицкевича (1798–1855) «Дядя» (1832) тема светской жизни в эпоху конституционного Царства Польского и бала как такового играет ключевую роль. Изображенные поэтом светские рауты имеют место как в Варшаве, так и в Вильно, относящемуся к Российской империи, однако в описываемое время маркированного культурной политикой полонизации и борьбой с ней Н. Н. Новосильцева⁵⁶. В качестве центральной темы избран переломный момент в политической и культурной истории виленских земель (в польском дискурсе земель «отторгнутых» после третьего раздела Польши): 1823–1824 гг., на которые пришлось репрессии Новосильцева против членов тайных студенческих организаций.

Прототипом «варшавского салона», где разворачивается одноименная сцена (сцена VII), считается салон генерала В. Красиньского. Однако его карикатурный образ, направленный на высмеивание лояльных по отношению к власти представителей светского общества, представляется анахроничным, для 1823 г. подобная карикатура явно преждевременна. На это указали и Алина Ковальчикова⁵⁷, и Изабелла Ярославская, отметившая, что А. Мицкевич, который никогда не был в Варшаве, мог узнать правду о том, что представляла собой литературная и светская жизнь конституционного Царства Польского лишь после восстания 1830 г.⁵⁸ Хозяин салона генерал Красиньский в описываемое поэтом-романтиком время еще пользовался популярностью в обществе, его уважали благодаря воинским заслугам как командира легендарного полка шеволежеров (кавалерийского полка наполеоновской гвардии). В начале 1820-х его блестящий салон играл ведущую роль в литературной жизни и был многолюден: там собирались преимущественно классики — постоянно бывали Ю. У. Немцевич, К. Козьян, Людвик Осиньский (1775–1838). Посещало его и молодое поколение литераторов, разделявшее свободолобивые идеи, в частности, Антоний Одынец (1804–1885), Бруно Кичиньский (1797–1844), Константин Гашиньский (1808/1809–1866). Одиозной фигурой отец Зигмунта Красиньского (1812–1859), одного из крупнейших представителей польского романтизма, стал лишь из-за поведения во время Сеймового суда. Но тогда его салон

⁵⁶ Большая часть хорошо известной литературоведам работы историка Хенрика Мосьцицкого (1881–1952) посвящена виленским реалиям, см.: Mościcki 1908.

⁵⁷ Ковальчикова 2013: 203.

⁵⁸ Jarosińska 2014: 149.

опустел, в знак протеста его демонстративно покинул Немцевич, а за ним и другие завсегдатаи.

Мицкевич тем не менее явно делит собравшихся в «варшавском салоне» на две группы — патриотов (беседующих возле дверей по-польски) и конформистов (говорящих по-французски), которые пренебрегают национальным, заняты лишь светской жизнью, необременительной болтовней и далеки от актуальных политических проблем. Для поэта бал, о котором преимущественно разговаривает собравшаяся в салоне группа лоялистов, — это выражение пустоты и поверхностности их интересов. «Несколько крупных чиновников, несколько видных литераторов, несколько великосветских дам, несколько генералов и штаб-офицеров» обсуждают прошедший бал («Так вышел славный бал? Мундиры? Много дам?»), уровень его богатства и пышности («Хоть много было слуг, прислуживали скверно. / Так недоступен был для общества буфет, / Что не достались нам ни вина, ни паштет»). При этом «первая» и «вторая» дамы жалеют о том, что Новосильцев уехал из Варшавы: («Невеселы теперь варшавские забавы: / Ни разу без него не удавался бал, — / Как на картине он гостей группировал»; «Сенатор был лицом, полезным для Варшавы»)⁵⁹.

Варшавский бал для Мицкевича — это, безусловно, выражение не просто падения нравов высшего польского общества, но и тенденции к его русификации. В авторских объяснениях к тексту поэт написал (поясняя картину «Бал», следующую за картиной «Господин Сенатор», из сцены VIII, отражающей виленские реалии):

Правительственное приглашение на бал является в России приказом, особенно если бал дается по случаю дня рождения, именин, бракосочетания и т. д. царя или особ царской фамилии, или же какого-нибудь высшего начальствующего лица. В таких случаях человек, в чем-либо подозреваемый или находящийся на плохом счету, не явившись на бал, подвергает себя серьезной опасности. В России бывали случаи, когда родственники заключенных или осужденных на виселицу появлялись на придворных балах. <...> Затем подобные балы описываются в газетах как свидетельства добровольных изъявлений безграничной любви подданных к наилучшему и благодетельнейшему монарху⁶⁰.

⁵⁹ *Мицкевич А.* Дзяды // Собрание сочинений. М.: Гослитиздат, 1952. Т. 3. С. 193–194.

⁶⁰ Там же. С. 289.

Здесь же в примечаниях поэт посчитал нужным объяснить суть российской Табели о рангах и значение слов «чин», «чиновник», которые, по его словам, употребляются в поэме «в их русском значении, понятном только для литвинов»⁶¹. И далее:

В России, дабы не быть крестьянином или купцом, иначе говоря, чтобы обладать привилегиями, освобождающими от наказания кнутом, нужно поступить на правительственную службу и приобрести так называемый класс или чин (разрядка автора. — *Н. Ф.*). Петр I <...> учредил целый чиновничий институт в истинно китайском духе.

Комментируя сцену, в которой персонаж «советник» пренебрегает обществом «коллежского регистратора»⁶², Мицкевич привел русскую остроуту, гласящую: «Разве чиновник может быть человеком, пока он остается коллежским регистратором? Для того чтобы в России быть человеком, необходимо иметь по крайней мере чин статского советника»⁶³. Табель о рангах воспринималась поэтом как примета «русских понятий», имперского стиля жизни и образа мышления. Особый смысл в связи с этим приобретало наименование персонажей — камергер (*szambelan*), камер-юнкер (*kamerjunkner*), церемониймейстер (*mistrz ceremonii*) и ведущиеся в гостиную разговоры об отсутствии в Варшаве королевского двора («А лоск лишь там, где двор: умеет высший свет / Судить о красоте, о вкусе и о славе... / Ах, гибнет Польша — нет у нас двора в Варшаве!»). Для поэта все это служило знаками инкорпорации польской знати в российскую систему. Едкая ирония звучит в словах графа, обращенных к церемониймейстеру: «Наместнику словцо замолви ты за друга, / И станет фрейлиной тотчас моя супруга»⁶⁴.

Если же, однако, вспомнить, что представленная сцена относилась к читателю к 1823 г., то необходимо сказать несколько слов о том, каким в реальности был двор в Варшаве, в том числе в глазах современников. Действительно ли отсутствие в то время полноценного

⁶¹ *Литвины* — здесь: жители Литвы, то есть части бывшей Речи Посполитой, вошедшей непосредственно в состав Российской империи.

⁶² *Мицкевич А.* Дзяды. С. 228–229.

⁶³ Там же. С. 287, 289.

⁶⁴ Там же. С. 202. В оригинале Мицкевич вместо подлинного наименования придворной должности употребляет сконструированное им самим *pierwsza pokojówka* по аналогии с *Kammerfrau*, то есть «главная горничная». Это придает просьбе аристократа особо уничижительный смысл. Ср.: *Mickiewicz A. Dziady // Mickiewicz A. Dzieła / oprac. S. Pigoń. Warszawa: Czytelnik, 1955. Т. 3. Utwory dramatyczne. S. 209.*

польского королевского двора задевало поляков? В этом, например, был уверен П. А. Вяземский. Он с иронией писал о приеме польским обществом вдовствующей императрицы Марии Федоровны: «Здесь республиканцы любят кланяться в пояс и вытягиваться: отсутствие двора в Варшаве для них несносно»⁶⁵.

Польский историк Миколай Гетка-Кениг провел фундаментальное исследование, посвященное истории королевского двора в эпоху конституционного Царства Польского и отношению к этому институту в польском обществе. Это отношение можно назвать по меньшей мере амбивалентным. Анализ высказываний современников, получивших в молодости придворное звание, демонстрирует парадоксальные результаты. Патриотически настроенная молодежь не стремилась к государственной службе, не считая «воскрешенную» Польшу в полной мере национальным государством. В то же время придворные звания были для нее более желанными. Возможно, это было связано с тем, что российские цари в ипостаси польских королей недолго задерживались в Варшаве, а поляки стремились прочнее вписать их в национальную традицию, не желая делить «своего» короля с кем бы то ни было еще⁶⁶. При этом, по словам Анджея Эдварда Козьмяна (1804–1864), придворные (кроме церемониймейстера Жабоклицкого) вовсе не вызывали насмешек в обществе. Напротив:

Многие, которых ни одна должность не привлекала, добивались придворного титула, а потому польский двор состоял по большей части из людей независимых и охваченных вовсе не придворными настроениями, как оказалось во время восстания 1830 г.⁶⁷

Очевидно, что сцены из III части «Дзядов» Мицкевича, в наибольшей степени повлиявшие на закрепившийся в польской исторической памяти образ эпохи, гиперболизируют польско-русскую конфронтацию. Явно умалывается и роль светской жизни в трансляции патриотических идей. Преувеличение враждебности отношений, с одной стороны, и «продажности» светского общества — с другой, возникает из-за анахронизма в отражении исторических событий. Но именно этот художественный прием позволил Мицкевичу ввести сцены из истории Царства

⁶⁵ *Вяземский П. А.* Из писем князя. С. 513.

⁶⁶ См. *Getka-Kenig* 2016: 220, 227–228.

⁶⁷ *Koźmian A. E.* Wspomnienia. T. 2. Poznań: Nakładem Mieczysława Leitgeb, 1867. S. 140.

Польского (пусть и опережая события) в историософский контекст. Через них поэт хотел представить трагизм истории Польши, вечно находящейся, по словам Ирены Славиньской, «между балом и тюрьмой»⁶⁸.

Что касается исторических реалий, ключевым моментом истории протестных настроений в светском обществе, на мой взгляд, является то, что до Ноябрьского восстания еще возможны были колебания этих настроений. Это доказывает сопоставление художественной литературы с мемуарной. Так, рассказывающая, как веселилась польская столица зимой 1815 г., Габриэла Пузынина заключила: «Варшава издавна отличалась легкостью, с которой переходила от слез к смеху, от войны к танцам»⁶⁹. А неоднократно уже цитированный Ф. Скарбек отметил, что и 1830 год начался весело, карнавал был оживленным, в частных домах устраивались танцевальные вечера и костюмированные балы, словно общество хотело вознаградить себя за два предыдущих карнавала.

Литература

- Карнович 1899 — *Карнович Е. П.* Цесаревич Константин Павлович. Биографический очерк. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1899. 296 с.
- Ковальчикова 2013 — *Ковальчикова А.* Князь П. А. Вяземский в Варшаве // *Amicus Poloniae. Памяти Виктора Хорева* / отв. ред. Н. Н. Старикова. М.: Индрик, 2013. С. 192–204.
- Лотман 2020 — *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). М.: АСТ, 2020. 640 с.
- Марченко 2005 — *Марченко Н. А.* Быт и нравы пушкинского времени. СПб.: Азбука, 2005. 431 с.
- Сдвижков 2012 — *Сдвижков Д. А.* От общества к интеллигенции: история понятий как история самосознания // «Понятия о России». К исторической семантике имперского периода / отв. ред. А. И. Миллер, И. Ширле. М.: НЛО, 2012. Т. 1. С. 382–428.
- Фалькович 2005 — *Фалькович С. М.* Общественное движение в Королевстве Польском глазами царского сыска (1815–1830) // *Życie jest wszędzie... Ruchy społeczne w Polsce i Rosji do II wojny światowej: zbiór materiałów z konferencji, 16–17 września 2003 r.* / red. A. Brus. Warszawa: Neriton, Instytut historii PAN, 2005. S. 93–122.
- Фалькович 2010 — *Фалькович С. М.* Польское общественное движение и политика царской администрации Королевства Польского (1815–1830) //

⁶⁸ Sławińska 1988: 171.

⁶⁹ *Puzyńska G.* W Wilnie i dworach litewskich. Pamiętnik z lat 1815–1843 / wyd. A. Czartkowski i H. Mościcki. Wilno: Józef Zawadzki, [1928]. 389 s.

- Польша и Россия в первой трети XIX в. Из истории автономного Королевства Польского 1815–1830 / отв. ред. С. М. Фалькович. М.: Индрик, 2010. С. 331–428.
- Филатова 2007 — *Филатова Н.М.* Эпоха конституционного Королевства Польского (1815–1830) в зеркале романтизма // Польская культура в зеркале веков / отв. ред. И. Е. Светлов. М.: Материк, 2007. С. 209–225.
- Филатова 2010 — *Филатова Н.М.* Русские и поляки в Королевстве Польском: неудавшийся опыт сближения // Польша и Россия в первой трети XIX в. Из истории автономного Королевства Польского 1815–1830 / отв. ред. С. М. Фалькович. М.: Индрик, 2010. С. 494–518.
- Филатова, Хорев (ред.) 2009 — Русская культура в польском сознании / отв. ред. Н. М. Филатова, В. А. Хорев. М.: Институт славяноведения РАН, 2009. 336 с.
- Хорев (ред.) 2002 — Россия — Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре / отв. ред. В. А. Хорев. М.: Индрик, 2002. 344 с.
- Aleksandrowska 1995 — *Aleksandrowska E.* Problem zdrady na podstawie satyr i pamphletów na Polki balujące w czasach tragicznych dla ojczyzny (1774–1832) // Bo insza jest rzecz zdradzić, insza dać się złudzić. Problem zdrady w Polsce przełomu XVIII i XIX w. / pod red. A. Grześkowiak-Krwawicz. Warszawa: Instytut Badań Literackich PAN, 1995. S. 115–132.
- Bobryk, Faryno (red.) 2000 — Polacy w oczach Rosjan — Rosjanie w oczach Polaków / red. R. Bobryk, J. Faryno. Warszawa: Sławistyczny ośrodek wydawniczy, 2000. 430 s.
- Dylałogowa 1970 — *Dylałogowa H.* Towarzystwo Patriotyczne i Sąd Sejmowy. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1970. 361 s.
- Getka-Kenig 2016 — *Getka-Kenig M.* Dwór króla polskiego w latach 1815–1830 i problem ceremonialnej oprawy “wskrzesej” monarchii w konstytucyjnym Królestwie Polskim // Kronika zamkowa — Roczniki. Seria nowa. 2015. № 2(68). Warszawa, 2016. S. 215–244.
- Gomulicki 1992 — *Gomulicki J. W.* Taniec na pobojowisku. Z dziejów warszawskiej satyry patriotyczno-obyczajowej 1792–1828–1832 // Rocznik Warszawski. 1992. T. XXII. Warszawa, 1992. S. 43–82.
- Handelsman 1939 — *Handelsman M.* Kryzys r. 1821 w Królestwie Polskim. Lwów: Polskie Towarzystwo Historyczne, 1939. 22 s.
- Jarosńska 2014 — *Jarosńska I.* Nasz naród jak lawa... Podwójne życie literatury polskiej w Królestwie Kongresowym (1815–1830) // Wolnomularstwo Narodowe. Walerian Łukasiński. Национальное масонство. Валериан Лукасинский / red. W. Śliwowska. Warszawa: Instytut Historii PAN; Wydawnictwo Neriton, 2014. S. 147–162.
- Kaleta 1993 — *Kaleta R.* Satyry i pamphlety na Polki balujące w czasach tragicznych dla ojczyzny (1774–1832) // Czasopismo Zakładu Narodowego im. Ossolińskich. Wrocław, 1993. Z. 3. S. 33–85.

- Karpińska 1985 — *Karpińska M.* Policje tajne w Królestwie Kongresowym // Przegląd historyczny. 1985. T. 76. Z. 4. S. 679–709.
- Lazari (red.) 2006 — Katalog wzajemnych uprzedzeń Polaków i Rosjan / red. A. de Lazari. Warszawa: Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, 2006. 562 s.
- Kowalczykova 1987 — *Kowalczykova A.* Warszawa romantyczna. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1987. 307 s.
- Kowalczykova 2002 — *Kowalczykova A.* Salon literacki // Słownik literatury polskiej XIX wieku / red. J. Bachórz, A. Kowalczykova. Wrocław: Ossolineum, 2002. S. 854–856.
- Mościcki 1908 — *Mościcki H.* Wilno i Warszawa w “Dziadach” Mickiewicza. Tło historyczne III części “Dziadów”. Warszawa: Gebethner i Wolff, 1908. 203 s.
- Oleksowicz 2008 — *Oleksowicz B.* “Dziady”, historia, romantyzm. Studia i szkice. Gdańsk: Wydawnictwo słowo/obraz terytoria, 2008. 278 s.
- Polacy w oczach Rosjan 2000 — Polacy w oczach Rosjan — Rosjanie w oczach Polaków / red. R. Bobryk, J. Faryno. Warszawa: Sławistyczny ośrodek wydawniczy, 2000. 430 s.
- Skarbek 1877* — *Skarbek F.* Królestwo Polskie od epoki początku swego do rewolucji listopadowej // *Skarbek F.* Dzieje Polski. Poznań: Księgarnia J. K. Żupańskiego, 1877. T. 2. 314 s.
- Sławińska 1988 — *Sławińska I.* O rozmowach w III części “Dziadów” // *Sławińska I.* Odczytywanie dramatu. Warszawa: Wydawnictwo Szkolne PWN, 1988. 320 s.
- Tokarz 1931 — *Tokarz W.* Polska w latach 1816-1831 // *Tokarz W.* Polska, jej dzieje i kultura. T. 3. Warszawa: Trzaska, Evert i Michalski, 1931. 192 s.
- Wincenciuk 2012 — *Wincenciuk P.* Policje tajne w Królestwie Polskim (1815–1830) i dzieje ich spuścizny aktowej // *Miscellanea Historico-Archivistica.* 2012. № 19. S. 203–222.

References

- Aleksandrowska, E., 1995. Problem zdrady na podstawie satyr i pamfletów na Polki balujące w czasach tragicznych dla ojczyzny (1774–1832). In: Grzesko-wiak-Krwawicz A., ed. *Bo insza jest rzecz zdradzić, insza dać się złudzić. Problem zdrady w Polsce przełomu XVIII i XIX w.* Warszawa: Instytut Badań Literackich PAN, pp. 115–132.
- Bobryk, R., Faryno, J., eds, 2000. *Polacy w oczach Rosjan — Rosjanie w oczach Polaków.* Warszawa: Sławistyczny ośrodek wydawniczy, 430 p.
- Dylańska, H., 1970. *Towarzystwo Patriotyczne i Sąd Sejmowy.* Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 361 p.
- Fal’kovich, S. M., 2005. Obshchestvennoe dvizhenie v Korolevstve Pol’skom glazami tsarskogo syska (1815–1830) [Social movement in the Kingdom of Poland through the eyes of the tsarist secret police (1815–1830)]. In: Brus, A.,

- ed. *Życie jest wszędzie... Ruchy społeczne w Polsce i Rosji do II wojny światowej: zbiór materiałów z konferencji, 16–17 września 2003 r.* Warszawa: Neriton, Instytut historii PAN, S. 93–122. (in Rus.)
- Fal'kovich, S. M., 2010. Pol'skoe obshchestvennoe dvizhenie i politika tsarskoi administratsii Korolevstva Pol'skogo (1815–1830) [Polish social movement and the policy of the tsarist administration of the Kingdom of Poland (1815–1830)]. In: Fal'kovich, S. M., ed. *Polsha i Rossiia v pervoi treći 19 v. Iz istorii avtonomnogo Korolevstva Pol'skogo 1815–1830* [Poland and Russia in the first third of the nineteenth century. From the history of the autonomous Kingdom of Poland 1815–1830]. Moscow: Indrik, pp. 331–428. (in Rus.)
- Filatova, N. M., 2007. Epokha konstitutsionnogo Korolevstva Pol'skogo (1815–1830) v zerkale romantizma [The epoch of the constitutional Kingdom of Poland (1815–1830) in the mirror of Romantism]. In: Svetlov, I. E., ed. *Pol'skaia kul'tura v zerkale vekov* [Polish culture in the mirror of the centuries]. Moscow: Materik, pp. 209–225. (in Rus.)
- Filatova, N. M., 2010. Russkie i poliaki v Korolevstve Pol'skom: neudavshiisia opyt sbližheniia [Russians and Poles in the Kingdom of Poland: A failed experience of rapprochement]. In: Fal'kovich, S. M., ed. *Pol'sha i Rossiia v pervoi treći XIX v. Iz istorii avtonomnogo Korolevstva Pol'skogo 1815–1830* [Poland and Russia in the first third of the nineteenth century. From the history of the autonomous Kingdom of Poland 1815–1830]. Moscow: Indrik, pp. 494–518. (in Rus.)
- Filatova, N. M., Khorev, V. A., eds, 2009. *Russkaia kul'tura v pol'skom soznanii* [Russian culture in Polish mentality]. M.: Institut slavianovedeniia RAN, 336 p. (in Rus.)
- Getka-Kenig, M., 2016. Dwór króla polskiego w latach 1815–1830 i problem ceremonialnej oprawy “wskrzeszonej” monarchii w konstytucyjnym Królestwie Polskim. *Kronika zamkowa – Roczniki. Seria nowa*, 2015, 2(68). Warszawa, pp. 215–244.
- Gomulicki, J. W., 1992. Taniec na pobojuwisku. Z dziejów warszawskiej satyry patriotyczno-obyczajowej 1792–1828–1832. *Rocznik Warszawski*, XXII, Warszawa, pp. 43–82.
- Handelsman, M., 1939. *Kryzys r. 1821 w Królestwie Polskim*. Lwów: Polskie Towarzystwo Historyczne, 22 p.
- Jarosńska, I., 2014. Nasz naród jak lawa... Podwójne życie literatury polskiej w Królestwie Kongresowym (1815–1830). In: Śliwowska, W., ed. *Wolnomularstwo Narodowe. Walerian Łukasiński. = Natsional'noe masonstvo. Walerian Łukasiński*. Warszawa: Instytut Historii PAN; Wydawnictwo Neriton, pp. 147–162.
- Karpińska, M., 1985. Policje tajne w Królestwie Kongresowym. *Przegląd historyczny*, 76, 4, pp. 679–709.
- Kaleta, R., 1993. Satyry i pamflety na Polki balujące w czasach tragicznych dla ojczyzny (1774–1832). *Czasopismo Zakładu Narodowego im. Ossolińskich*, 3. Wrocław, pp. 33–85.

- Karnovich, E. P., 1899. *Tsesarevich Konstantin Pavlovich. Biograficheski ocherk*. Saint Petersburg: Tipografiia A. S. Suvorina, 296 p. (in Rus.)
- Khorev, V. A., ed, 2002. *Rossia — Pol'sha. Obrazy i stereotipy v literature i kul'ture* [Russia — Poland. Images and stereotypes in literature and culture]. Moscow: Indrik, 344 p. (in Rus.)
- Koval'chikova, A., 2013. Kniaz' P. A. Viazemskii v Varshave [Prince Petr A. Viazemsky in Warsaw]. In: Starikova, N. N., ed. *Amicus Poloniae. Pamiati Viktora Khoreva* [Amicus Poloniae. In memory of Viktor Khorev]. Moscow: Indrik, pp. 192–204. (in Rus.)
- Kowalczykova, A., 1987. *Warszawa romantyczna*. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 307 p.
- Kowalczykova, A., 2002. Salon literacki. In.: Bachórz, J., Kowalczykova, A., eds. *Słownik literatury polskiej XIX wieku*. Wrocław: Ossolineum, pp. 854–856.
- Lazari, A., de, 2006, ed. *Katalog wzajemnych uprzedzeń Polaków i Rosjan*. Warszawa: Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, 562 p.
- Lotman, Iu. M., 2020. *Besedy o russkoi kul'ture: Byt i traditsii russkogo dvorianstva (18 — nachalo 19 veka)* [Talks on Russian culture: Life and traditions of the Russian nobility (in the eighteenth and early nineteenth centuries)]. Moscow: AST, 640 p. (in Rus.)
- Marchenko, N. A., 2005. *Byt i nrawy pushkinskogo vremeni* [Life and mores in Pushkin's time]. Saint Petersburg: Azbuka, 431 p. (in Rus.)
- Mościcki, H., 1908. *Wilno i Warszawa w "Dziadach" Mickiewicza. Tło historyczne III części "Dziadów"*. Warszawa: Gebethner i Wolff; Kraków: G. Gebethner i Spółka, 203 p.
- Oleksowicz, B., 2008. *"Dziady", historia, romantyzm. Studia i szkice*. Gdańsk: Wydawnictwo słowo/obraz terytoria, 278 p.
- Sdvizhkov, D. A., 2012. Ot obshchestva k intelligentsii: istoriia poniatii kak istoriia samosoznaniia [From society to intelligentsia: The history of concepts as the history of self-consciousness]. In: Miller, A. I., Schierle, I., eds. *"Poniatii o Rossii". K istoricheskoi semantike imperskogo perioda* ["Concepts of Russia". Towards the historical semantics of the imperial period], 1. Moscow: NLO, 2012. pp. 382–428. (in Rus.)
- Skarbek, F., 1877. Królestwo Polskie od epoki początku swego do rewolucji listopadowej. In: Skarbek, F. *Dzieje Polski*, 2. Poznań: Księgarnia J. K. Żupańskiego, 314 p.
- Sławińska, I., 1988 O rozmowach w III części "Dziadów". In: Sławińska, I. *Odczytywanie dramatu*. Warszawa: Wydawnictwo Szkolne PWN, 320 p.
- Tokarz, W., 1931. Polska w latach 1816-1831. In: Tokarz, W., *Polska, jej dzieje i kultura*, 3. Warszawa: Trzaska, Evert i Michalski, 192 p.
- Wincenciuk, P., 2012. Policje tajne w Królestwie Polskim (1815–1830) i dzieje ich spuścizny aktowej. In: *Miscellanea Historico-Archivistica*, 19, pp. 203–222.

Natalia M. Filatova

PhD, Senior Research Fellow, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. 119334. Leninskii Prospekt, 32A. E-mail: natalifilatova@yandex.ru

Social Life as a Form of National Resistance (from the History of Protest Behaviour of Poles in the Constitutional Kingdom of Poland)

The article deals with one of the forms of protest behaviour of Poles against Russians and Russian policies in the constitutional Kingdom of Poland (1815–1830), and is connected with the sphere of aristocratic life. It focuses on boycotts of secular events and demonstrative mourning during the investigation of members of the Patriotic Society and the Sejm trial (1827–1828) against them. This theme is explored in the context of the history of the Russian colony in Warsaw and the interaction between Russians and Poles from educated society. The sources are Polish and Russian documents of personal origin such as memoirs and epistolary heritage, as well as Polish periodicals and literature including pamphlets against Poles dancing with Russians and scenes from A. Mickiewicz's poem *Dziady*. The novelty of the work lies in the treatment of secular life as one of the forms of national identity expression in Polish material. This problem is explored in the context of an understudied topic, namely the history of the Russian colony in Warsaw and the interaction between Russians and Poles from educated society on a daily level. One of the most important tasks of the article is to create a historical picture, free from subsequent historiographical and literary layers, from the influence of Romanticism on Polish historical memory. This is done by comparing sources of various types: ego-documents, literary texts of the era, and fiction created after the Polish National Liberation Uprising of 1830–1831.

Keywords: Russian-Polish relations in the nineteenth century, Russians in Warsaw, Patriotic Society (1821–1826), Sejm Court (1827–1828), patriotic ethics, ball, “*Dziady*”, Adam Mickiewicz, protest behaviour, moral and political satire, Polish memoirs

How to cite: Filatova, N.M., 2022. Svetskaia zhizn' kak forma natsional'nogo soprotivleniia (iz istorii protestnogo povedeniia poliakov v konstitutsionnom Tsarstve Pol'skom). *Tsentral'noevropeiskie issledovaniia*, 2022, 5(14). Moscow: Institut slavianovedeniia RAN; Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, pp. 310–344. doi: 10.31168/2619-0877.2022.5.13.

ФОРМЫ КОЛЛЕКТИВНОЙ САМООРГАНИЗАЦИИ

Юлия Владимировна Лобачева

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия. 119334, Ле-
нинский проспект, 32А. E-mail: lobachevaj@gmail.com

Женские организации в Белграде в последней четверти XIX — начале XX в.

В статье освещается история женских обществ в Белграде в последней четверти XIX — начале XX в. на фоне обретения Сербией государственной независимости, реализации сербского национального идеала (освобождение и объединение сербов) и модернизационных преобразований. Главная цель работы — рассмотреть обстоятельства возникновения, облик и основные направления деятельности женских организаций в Белграде. В этой связи целесообразно обозначить некоторые черты социального развития Сербии во второй половине XIX — начале XX в., упомянув ситуацию в сербской столице; осветить вопросы о положении женщин в семье и обществе Сербии, уровне и возможностях образования для женщин, а также профессиональной деятельности; проследить становление женских обществ, особенности и динамику вовлечения женщин Белграда в социальную активность. Обстоятельства появления и содержание деятельности обществ исследуются преимущественно на основе сербской историографии, отдельных опубликованных документов и свидетельств участниц описываемых событий, а также очевидцев из России, практически не привлекавшихся для изучения данного сюжета. Обращается внимание на роль в основании и работе организаций самих женщин, как и на отношение и участие в этом белградского общества и государства. Делается, в частности, вывод о том, что в характере и деятельности ряда организаций нашли проявление свойственные для мировоззрения сербов «коллективное», патриотическое и героическое начала, в то время как реальных внутренних и внешних условий для развития широкой деятельности в пользу эмансипации женщин и расширения их прав тогда не было.

Ключевые слова: Сербия, сербское общество, история женщин, женский вопрос, Еврейское женское общество, Женское общество в Белграде, Комитет женщины «Княгиня Любица», Круг сербских сестер, Материнское объединение, Сербский национальный женский союз

Цитирование: *Лобачева Ю. В.* Женские организации в Белграде в последней четверти XIX — начале XX в. // Центральноевропейские исследования. 2022. Вып. 5(14). М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2022. С. 347–391. DOI: 10.31168/2619-0877.2022.5.14.

В качестве вступления приведем два теоретических положения из введения к пятому тому «Истории женщин на Западе», которое написали французские историки Жорж Дюби (1919–1996), видный представитель школы «Анналов», и Мишель Перро (род. в 1928 г.), основоположница истории женщин и гендерных исследований во Франции:

“История женщин” — это удобное и очень красивое название. Однако следует решительно отказаться от идеи о том, что женщины сами по себе являются объектом истории. Мы хотим отыскать место женщин в истории, показать все постоянство и всю переменчивость условий их существования, описать их роли и их возможности. Мы хотим исследовать, как действовали женщины; понять их слова и их молчание.

И ниже:

Наша история в основе своей есть история отношений между людьми. Мы подходим к обществу как к некому целому, и потому история женщин неизбежно оказывается также историей мужчин¹.

История женщин в Сербии, таким образом, является одной из граней истории сербского общества и сербского государства. Идея статьи — посмотреть на «женский мир» и мир женщины в Сербии через историю женских организаций в Белграде в последней четверти XIX — начале XX в.² В центре нашего внимания созданные женщинами организации благотворительной и патриотической направленности и их периодические издания, затем — первый женский союз, рабочее и социал-демократическое общества. Для полноты картины мы кратко рассмотрим развитие женского образования в XIX в. — начале XX в., упомянув отдельные учреждения в Белграде.

Различные проблемы и вопросы, имеющие отношение к истории женщин в Сербии в XIX–XX вв., довольно продолжительное время

¹ Тебо (ред.) 2015: 10.

² Статья написана по итогам выступления на конференции «Формы коллективной самоорганизации в культурно гомогенных и смешанных сообществах Нового и новейшего времени: инициатива, сотрудничество, сопротивление», состоявшейся 5–6 ноября 2019 г. в Институте славяноведения РАН. Ряд статей ее участников был в 2021 г. опубликован в ежегоднике «Центральноевропейские исследования», см.: <https://cesjournal.ru/index.php/cesjournal/issue/view/3> (дата обращения: 07.09.2022).

находятся в сфере интересов сербских ученых³. Обстоятельства появления и деятельность женских организаций в последней четверти XIX — начале XX в. — в их числе⁴. Имеются также некоторые (немногочисленные) работы отечественных авторов, затрагивающие «женскую» проблематику сербской истории⁵.

Тематически близкие к изучаемому вопросу из упомянутых выше исследований вкупе с некоторыми доступными нам документами организаций⁶, свидетельствами участниц описываемых процессов и событий⁷ и очевидцев из России (почти не привлекавшихся для изучения этого сюжета)⁸ легли в основу статьи, задача которой в освещении следующих вопросов: каково положение и какие возможности были у женщин в Сербии второй половины XIX — начала XX в.? В частности, в плане участия в жизни общества и создания организаций — для чего требовались как минимум открытость общественной сферы для женщин, а с их стороны — достаточно широкое образование и мировоззрение и соответствующие намерение и возможность (время, средства) выйти за границы привычной жизни и собственного дома и публично делать что-то для мира (других людей, страны)? Как эти организации возникали и действовали?

Положение и жизнь женщин в Сербии во второй половине XIX — начале XX в.

«Долгий» XIX век, на который приходится начало существенных перемен в жизни женщин в Сербии, являлся очень интенсивным

³ См., например, историографические работы: Гудац Додић 2018; Лобачева 2018.

⁴ Mišković 1995; Božinović 1996; Milanović 2015; Милановић 2015а; Столић 2015; Столић 2018а, и др.

⁵ Петровская 2001; Румянцева 2003; Лескинен 2014; Лобачева 2020, и др.

⁶ Виша женска школа у Београду. Педесетогодишњица 1863–1913 / прир. Косара Цветковић. Београд: «Доситеје Обрадовић», 1913. 160 с.; Столић 2018b; Столић 2019.

⁷ *Иванић Д.* Успомене // Делфа Иванић: заборављене успомене / [ур.] Ј. В. Милановић. Београд: Еволута, 2015. С. 85–254; *Обреновић Н.* Моје успомене / прир. Љ. Трговчевић. Београд: Српска књижевна задруга, 1999. 223 с.; Писма краљице Наталије Обреновић / прир. И. Хаџи Поповић. Београд: Народно позориште, 1996. 159 с.

⁸ Русские о Сербии и сербах. Т. 1: Письма, статьи, мемуары / сост., вступ. ст., закл. А. Л. Шемякина; комм. А. А. Силкина, А. Л. Шемякина. СПб.: Алетейя, 2006. 684 с.; *Штрандтман В. Н.* Балканские воспоминания / подгот. текста и вступ. ст. А. Л. Шемякина; примеч. А. Л. Шемякина, В. Б. Каширина, Р. Р. Субаева. М.: Книжница, Русский путь, 2014. 504 с., и др.

периодом сербской истории. Возникновение женских обществ и их деятельность в последней четверти XIX — начале XX в. разворачивались в контексте как минимум трех важных процессов: обретения Сербией государственной независимости, шагов по реализации сербского национального идеала (освобождение и объединение сербов) и модернизации страны.

Напомним, что в течение XIX в. сербы прошли путь от зависимой части Османской империи (Белградского пашалыка) до автономного (1830–1833 гг.), затем независимого Княжества Сербия с увеличившейся территорией (1878 г.) и Королевства Сербия (1882 г.), которое в результате Балканских войн (1912–1913 гг.) еще больше ее расширило. Постепенное обретение независимости, выход из прежних границ и расширение контактов с Европой влияли и на внутреннее развитие страны, отмеченное модернизационными преобразованиями.

Вместе с тем во второй половине XIX — начале XX в. Сербия оставалась аграрной страной, где крестьяне в 1880 г. составляли около 87 % всего населения, а сербское общество (состоявшее в основном из малочисленной элиты и однородного крестьянства) имело традиционный (патриархальный) уклад⁹. Города тогда еще только развивались: между 1834 и 1910 г. процент горожан вырос с 6,1 % лишь до 13,1%¹⁰. А особенности менталитета и развитие сербского социума, равно как и положение в нем женщин и их самосознание, были во многом обусловлены последствиями длительного османского правления и немалого числа войн.

Сербам, в частности, была присуща «общинная ментальность» «с лежащим в ее основе коллективизмом» (что в плане всего социума означало «примат корпорации над личностью и растворение индивидуального интереса в общем»)¹¹. Другая черта, по наблюдению русского слависта Павла Аполлоновича Ровинского (1831–1916), находившегося в Сербии в 1868–1869 гг., заключалась в том, что серб по сути являлся «человеком вечной войны», «юнаком»¹², причем патриотизм, воинственное и юнацкое (героическое) начала закладывались

⁹ См.: Шемякин 1998: 18–21; Шемякин 2006: 632–636.

¹⁰ Трговчевић 2003: 13.

¹¹ Шемякин 2006: 641–642.

¹² *Ровинский П. А.* Сербская Морава. Воспоминания из путешествия по Сербии в 1867 году // Русские о Сербии и сербах. СПб.; М.: Нестор-История, 2019. Т. III (сербские сочинения П. А. Ровинского). С. 261.

в сербов с детства¹³. И не только через воспитание в семье, но и в процессе обучения и т. д.¹⁴ Эти черты проявились, как мы увидим, и в истории женских организаций.

Во второй половине XIX — начале XX в. социальное положение женщин в Сербии, как и в других странах, существенно уступало положению мужчин. Их права и возможности были ограничены, что нашло некоторое отражение и в законодательстве¹⁵. Гражданско-правовое положение женщин, по Сербскому гражданскому кодексу (1844–1946 гг.), «было в целом низшим во всех областях», при том что «неравноправие особенно сильно проявлялось в области наследования» и «было большим в отношении замужних женщин, нежели незамужних, вдов и разведенных»¹⁶. В частности, наследование происходило по мужской линии (ст. 396), главой семьи признавался муж, а жена обязана была ему подчиняться (ст. 109–110), приравниваясь по статусу к несовершеннолетним (ст. 920). (К слову, неравное, подчиненное положение женщин в Сербии отмечали и русские очевидцы.)

Жизнь сербской женщины, за некоторыми исключениями, в основном протекала в пределах ее дома и семьи, где она реализовывала себя как жена, мать и хозяйка дома — это традиционно закладывалось в процессе воспитания и обучения девочек и ожидалось социумом. На селе, где проживала большая часть женщин, их жизнь была более тяжелой¹⁷. П. А. Ровинский, более года проведя в Белграде, так описал повседневную жизнь горожанки (жены-хозяйки). Если нет *Славы*

¹³ «Воинственный и геройский у сербов дух воспитывается, конечно, с самого раннего детства: едва начинающему бродить четырехлетнему ребенку мать внушает, что он должен быть *юнак* (молодец), не плакать, когда ушибут, а стараться самому отместить <...>. Воспитывается этот дух и отцами, заставляющими выучивать в виде катехизиса историю падения царства на Косовом поле, причем делают такие выводы, что Милошу Обиличу на вечные времена слава, Вуку Бранковичу — проклятие, а турку и швабу нужно посекаать головы», — писал Ровинский (Там же. С. 282).

¹⁴ Шемякин 2006: 663–666; Шемякин 2012: 146–151; Перович 2007: 33–36.

¹⁵ Подробнее см., например: Drašković, Popović-Obradović 1998; Nikolić-Ristanović 1998: 26–29. Также: Гражданское и торговое уложение княжества Сербии 1844 и 1860 гг. СПб.: Типография правительствующего сената, 1887. 263 с.

¹⁶ Drašković, Popović-Obradović 1998: 15.

¹⁷ Подробнее: Петровская 2001; Stolić 2001; Вулетих 2002; Мишковић 2010; Лобачева 2020, и др.

(семейного праздника, когда собираются гости) и «если хозяйина нет дома, то хозяйка редко вас примет»¹⁸. И далее:

Жены у людей небогатых заняты целый день по-своему: они часто не имеют ни кухарки, ни другой прислуги, так что такой жене некогда заняться и детьми, вследствие чего она торопится сдать их в школу <...>. У людей зажиточных зато жене уже совершенно нечего делать, и она должна страдать от скуки, если не найдет каких-нибудь развлечений, потому что чтение и вообще занятие какими-нибудь свободными профессиями здесь еще очень мало распространены. Впрочем, нужно заметить, что барствовать женам удается немногим: мужья сознательно, кажется, не держат лишней прислуги, хотя бы и имели средства, чтоб жена не имела досуга, и жены людей зажиточных часто целый день проводят на кухне, заботясь, чтобы кушанье вышло непременно во вкусе супруга, а вкус этот иногда довольно причудлив и в требованиях своих деспотичен¹⁹.

Круг ее общения, по наблюдению публициста, был также ограничен:

Сербская семья собственно состоит только из мужа и жены и из одних кровно родных, семейного же круга почти нет: у мужа свои знакомые (мужчины. — *Ю.Л.*), у жены свои знакомые (женщины. — *Ю.Л.*), и между ними сношений весьма мало. Таким образом, несмотря на то что у сербов нет затворничества женщин в настоящем смысле, женский круг для постороннего человека малодоступен. Разделение знакомств мужа и жены отчасти происходит оттого, что между самими супругами большая разница в образовании, следовательно, совершенно различны должны быть их вкусы и в выборе знакомых²⁰.

Ровинский также писал, что образование жены оказывалось гораздо хуже, а круг занятий был более узким:

Действительно, вы часто встретите мужа с заграничным образованием, а жена его получила едва первоначальное образование; он занят наукой и политикой, она же не знает ничего, кроме своей кухни, шитья, вязанья и других ручных работ²¹.

¹⁸ *Ровинский П.А.* Белград. Его устройство и общественная жизнь. Из записок путешественника // Русские о Сербии и сербах. Т. III. С. 108.

¹⁹ Там же. С. 109.

²⁰ Там же. С. 116.

²¹ Там же.

Женское образование, действительно, значительно уступало мужскому, а среди женщин было особенно много неграмотных. Хотя бывали и исключения — некоторые получали европейское образование, в том числе и профессиональное. Вместе с тем описанная социальная ситуация не была полностью статичной, о чем свидетельствуют некоторые перемены, в частности, в области образования, занятости и занятий женщин.

Появление промышленных мастерских и развитие торговли влияло и на изменение положения женщин — хотя и очень медленно, они начали получать работу вне дома, а также профессии, в которых раньше заняты не были. По данным переписи населения в Королевстве Сербия (1900 г.), помимо сельского хозяйства, больше всего женщин было занято в ремесленном производстве. Многие выполняли работу, близкую к известному им домашнему труду, не требовавшую особой квалификации (например, прачек, прислуги, кухарок, кормилиц); меньше — работу, где она была нужна (портних, швей, вязальщиц, ткачих). На государственных и общинных службах состояли 2124 женщины (16 605 мужчин), из которых 904 — учительницы (1188 учителей)²².

Профессионализация женского труда и образования в самой Сербии происходила очень медленно. Первой доступной (для получения и поступления на государственную службу) стала для женщин профессия учительниц²³. Однако в патриархальном обществе и после получения профессии (за границей или в Сербии) они испытывали немалые сложности в применении образования на практике. Почти во всех сферах условия труда у женщин были хуже, чем у мужчин. Это, впрочем, их не останавливало²⁴.

Некоторым переменам в социуме способствовало и распространение европейских влияний, принесенных в Сербию сначала учениками, направлявшимися за границу с 1830-х годов²⁵, и затем, в частности, в ходе модернизационных реформ в 1880-х годах, под действием которых начинается трансформация отдельных элементов традиционного мировоззрения и уклада жизни сербов. Это вело

²² Војиновић 1996: 78.

²³ Подробнее: Војиновић 1996: 53–54; Столић 2001; Столић 2015: 86–102.

²⁴ Подробнее: Војиновић 1996: 79–81; Стојановић 1998; Столић 2001: 219–224; Столић 2015: 95–100; Трговчевић 2003: 206–209.

²⁵ См., например: Трговчевић 2003.

и проявлялось в постепенном (и очень медленном) выходе женщины из закрытой семейно-домашней сферы в сферу общественную — получение образования в школе и/или иных учебных заведениях, вовлечение в деятельность профессиональную и/или общественную (в частности, социальную, патриотическую). Важно добавить, что в последней четверти XIX в. — начале XX в. подобные изменения затронули лишь некоторую, сравнительно малую, часть всего населения Сербии (и соответственно женщин) — в основном проживавшую в городах (в первую очередь, в Белграде), образованную и обладавшую материальным достатком.

Белград

Белград — столица и самый крупный город в Сербии, где могли возникнуть и в итоге возникли первые женские организации — в последние десятилетия XIX — начале XX в. начал претерпевать немалые изменения в плане модернизации и европеизации городского облика и структуры, а также повседневной, общественной и культурной жизни горожан²⁶. Оставляя в стороне освещение различных ее аспектов, заметим, что общественная жизнь в Белграде в последней четверти XIX в., когда начали появляться женские объединения, еще только развивалась.

Стоит отметить и тот факт, что новое на всех уровнях соседствовало в столице со старым и традиционным. Например, в очерке русского слависта Михаила Несторовича Сперанского (1863–1938) «По Сербии и Болгарии» (1897 г.) можно обнаружить следующее свидетельство:

Не видал я сербской столицы 5 лет, когда Белград был особенно непрезентабелен внутри: шла канализация, замощение улиц. <...> И внутри прежний Белград, напомилавший, исключая свое чудное положение между Савой и Дунаем, любой наш губернский город, и то не первого сорта, теперь стал неузнаваем: чистые улицы, прекрасно мощеные с прекрасными тротуарами, <...> электрическое освещение, электрическая и конная городская железная дорога, <...> нарядные новые дома и подчищенные старые <...>. Все производит

²⁶ Подробнее о Белграде см., например: Prošić-Dvornić 2006; Стојановић 2008; Мишковић 2010, и др.

впечатление, ласкающее глаз, изящное, но не бьющее на шик. Словом, Белград стал маленькой столицей²⁷.

И далее:

Здесь не видно никакого насильственного переворота; ясно, что европейская культура входит постепенно, не захватывает деспотически место, оттесняя силой старое; наоборот: старое сербское, до известной степени турецкое, ассимилируется здесь с пришлым <...>. Старое сербское домашнее гостеприимство, радушие не стерты, а только несколько изменились во внешности в новой европейской обстановке, с ее ресторанами, официальными визитами и т. д. В доме турецкая “тахта” уживается рядом с венским стулом. Патриархальность старого быта все еще чувствуется на каждом шагу: в [отсутствии] жены за столом, в условном ритуале встречи гостя и т. д. Но это не производит диссонанса, чувства пестроты²⁸.

Интересны и впечатления о жизни в Белграде 1912 г. Василия Николаевича Штрандтмана, российского дипломата, находившегося там с сентября 1911 г.:

Сербских открытых домов почти не было. Сербы к себе звали крайне редко, хотя их квартиры, зачастую небольшие особняки, были уютно и хорошо обставлены. Согласно сербской традиции, тщательно соблюдаемой, дом всякого серба был широко открыт раз в год, в день семейной Славы²⁹.

И далее:

Общественного клуба не было, и мужчины проводили время в “кафанах” в нескончаемых беседах на политические темы; женщины оставались дома, занятые хозяйством в самом широком смысле этого слова. Прислуги почти ни у кого не было. <...> В патриархальных семьях хозяйка не садилась за стол, когда к обеду были гости, и прислуживала. Молодые девицы и даже некоторые молодые женщины, здороваясь со старшими, целовали им руку, не исключая и мужчин, что случалось и со мною, к моему большому смущению.

²⁷ *Сперанский М. Н.* Неопубликованный очерк «По Сербии и Болгарии» // Русские о Сербии и сербах. М.: Индрик, 2014. Т. II. (архивные свидетельства) / сост. А. Л. Шемякин; комм. А. Л. Шемякин, А. А. Силкин. С. 292–293.

²⁸ Там же. С. 293.

²⁹ *Штрандтман В. Н.* Балканские воспоминания. С. 109–110.

При входе старшего молодежь всегда уступала место, даже незнакомым лицам³⁰.

И в завершение еще одно его воспоминание о столице (переключающееся, к слову, с наблюдением о жизни в Сербии, которую ранее застал П. А. Ровинский³¹):

Сербы мне говорили, что они живут изо дня в день под страхом набегов соседей. Когда я их спрашивал, почему их столица так невыгодно с внешней стороны отличается от столицы Болгарии, они мне отвечали, что не имеет смысла отстраивать большие дома, потому что рано или поздно они подвергнутся вражескому разрушению³².

Жизнь в ожидании или накануне войны, как и прежде, влияла на разные области сербской действительности.

Женское образование и учебные заведения в Белграде

В XIX — начале XX в. главная роль в развитии образования в Сербии принадлежала государству. Ее важными аспектами являлись организация планового обучения учеников за границей, оформление законодательной основы и определение содержания образования, подготовка преподавателей³³. Вместе с тем образованию женщин — в силу разных причин, в числе которых и весьма сдержанное отношение к нему в сербском социуме в целом — уделялось значительно меньше внимания³⁴.

В первые десятилетия XIX в. в сербском обществе образованных женщин не было, за единичными исключениями. В 1832 г. среди

³⁰ Там же. С. 111.

³¹ Так, например, он завершал свой очерк «Сербская Морава»: «Избавьте Сербию от этой тяжелой обязанности быть вечно на карауле, охранять свои границы и тогда только вы увидите, что может дать эта страна, и что выйдет из сербского народа. На меня же во время путешествия Сербия произвела впечатление полувоенного лагеря, стоящего на развалинах когда-то процветавшей страны и еще не жившего вполне народа, которому еще предстоит жить и действовать» (*Ровинский П. А. Сербская Морава. С. 284*).

³² *Штрандтман В. Н. Балканские воспоминания. С. 116. Другие свидетельства русских о Белграде второй половины XIX — начала XX в. см., например: Русские о Сербии и сербах. Т. 1, II, III.*

³³ См.: Трговчевић 2003; Столић 2001, и др.

³⁴ О женском образовании: Војиновић 1996: 51–60; Трнавац 1998; Nikolova 1998; Трговчевић 2003: 185–209, и др.

малочисленных белградских учеников школу посещали лишь 16 девочек³⁵. В 1844 г. приняли первый закон о школах, заложивший основы системы образования в целом (начального, среднего, высшего), упоминалось в нем и обучение девочек. В 1846 г. последовало отдельное предписание о женских школах, которое предполагало создание в городах школ для девочек, а шестилетнее обучение в них, помимо общеобразовательных предметов, включало рукоделие. В том же году в Белграде появилась первая подобная школа³⁶. До конца XIX в. был принят ряд законодательных изменений и дополнений относительно длительности и содержания начального женского образования, частично уравнивавший женские начальные школы с мужскими³⁷.

В конце 1882 г. (по старому стилю) в рамках модернизационных реформ новый Закон о начальных школах ввел обязательное шестилетнее образование для всех детей. Однако из-за нехватки материальных средств и учителей он очень медленно реализовывался, и в 1897 г. от обязательного шестилетнего образования временно отказались³⁸. Кроме указанных сложностей, эта просветительская инициатива не находила и ожидаемый отклик у населения, особенно крестьян³⁹.

Наряду с упомянутыми, начиная с 1840-х годов в Белграде открывались и более или менее длительно существовали частные женские школы разных уровней и иные образовательные и воспитательные учреждения, где обучались девочки из состоятельных кругов. Учились они также приватно и за границей⁴⁰. Например, посетившая Белград в июле 1902 г. (и годом ранее) русский педагог и писатель Елизавета Ивановна Витте (1883/1884 – после 1915) упоминала «частные женские школы, немецкие и английские», и то, что «дочери высшего круга Белграда и Софии» воспитывались в «интернатах австрийских и венгерских»⁴¹.

³⁵ Трговчевић 2003: 185–186. По другим данным, в 1833 г. в Белграде их было 14 (Nikolova 1998: 74).

³⁶ Воџиновић 1996: 51–52.

³⁷ Nikolova 1998: 75.

³⁸ Воџиновић 1996: 53.

³⁹ См.: Трнавац 1998; Шемякин 2007.

⁴⁰ Подробнее: Воџиновић 1996: 52–54; Трговчевић 2003: 186, 188–189. Также: Госпођица Сладојевић // *Јовановић-Стоимировић М.* Силуете старог Београда. Београд: Просвета, 1987. Књ. 1. С. 93–99.

⁴¹ *Vitte E.* Путевые впечатления. Далмация, Герцеговина, Босния и Сербия. Лето 1902 года. Киев: Типография М. М. Фиха, 1903. С. 77, 83.

В 1863 г. в рамках школьной реформы в Белграде была основана Высшая женская школа — первая государственная средняя женская школа в Сербии⁴². Первоначально у нее было две главные задачи: общее образование девочек (готовившее их стать «порядочными матерями», супругами и домохозяйками) и подготовка учительниц для женских начальных школ⁴³. (Позже школа неоднократно подвергалась реорганизации, с 1896 г. она являлась только общеобразовательной, а в 1913 г. стала полной женской гимназией, сохранив название.) Директором школы стала 19-летняя Катарина Джорджевич (в замужестве, с 1865 г. — Миловук)⁴⁴. Со временем появились у школы и высокие покровительницы. Там обучались в основном горожанки, девочки из семей с определенным достатком. Наряду с образованием большое внимание в школьной программе уделялось воспитанию будущих хозяек и матерей в желательном для государства патриотическом духе, их участию в благотворительной деятельности и т. д.

Именно эта школа сыграла большую роль в развитии и распространении женского образования, а ряд ее преподавательниц и выпускниц приняли активное участие в основании и/или деятельности женских обществ. Сама же К. Миловук инициировала, в частности, создание первой сербской женской организации в Белграде.

Примечательно, что Высшая женская школа в Белграде неоднократно упоминалась очевидцами из России⁴⁵. Описала ее посещение в 1901 г. и Е. И. Витте, заметив: «Преподавание в этой гимназии почти все в руках женщин, — в этом сербы опередили нас»⁴⁶.

⁴² Подробнее: Виша женска школа у Београду. Педесетогодишњица 1863–1913 / прир. Косара Цветковић. Београд: Доситеје Обрадовић, 1913. 160 с.; Žožinović 1996: 53–54; Perović 1998; Nikolova 1998: 76–77; Станков 2011: 14–49; Столић 2001: 211–215; Столић 2015: 75–82, и др.

⁴³ Столић 2001: 211.

⁴⁴ Миловук Катарина (1844–1913) — педагог, автор учебников, переводчица и общественный деятель. Родилась в Нови-Саде. Окончила в России Николаевскую гимназию, затем в университете Одессы получила педагогический диплом. Директор Высшей женской школы в Белграде в 1863–1893 гг., в 1904–1907 гг. возглавляла подобную школу в Салониках. Подробнее см.: Станков 2011; Новаков 2017: 299–300. Также: Миловуковица // *Јовановић-Стоимировић М.* Силуете старог Београда. Београд: Просвета, 1987. Књ. 1. С. 87–92.

⁴⁵ См., например: *Ровинский П. А.* Белград. Его устройство и общественная жизнь. С. 117; *Овсянный Н.* Сербия и сербы. СПб.: Типография П. П. Сойкина, 1898. С. 154.

⁴⁶ *Витте Е.* Путевые впечатления. С. 78–80. Уместно здесь указать, что отрывки из «Путевых впечатлений» были опубликованы в ежегодном издании Высшей

Добавим, что лишь в 1891 г. высшая женская школа (средней ступени) была открыта в Крагуеваце, а в 1894 г. — в Пожареваце, Шабаце, Нише и Пироте⁴⁷.

Что же касалось обучения девочек в гимназиях, то в последние десятилетия XIX в. — начале XX в. этот вопрос (отражавший суть дискуссии относительно женского образования в целом) решался в зависимости от позиции министра просвещения — более либеральные это поощряли (1879, 1895, 1896, 1897), а консервативный — запрещал (1894). Более того, при последнем в 1898 г. был принят новый Закон о народных школах, предполагавший, в частности, отдельные школы для девочек, с задачей, наряду с расширением начального образования, обучения их «женской деятельности и ведению домашнего хозяйства». После чего они могли продолжить образование только в двух высших женских школах (в Белграде и Крагуеваце) и в Женской учительской школе в Белграде. Закон о средней школе того же года, запрещавший девочкам поступление в гимназии, претерпел изменения лишь в 1902 г., когда было предусмотрено создание полной женской гимназии в Белграде⁴⁸. Первая была открыта в Белграде в 1905 г., и до Первой мировой войны — еще 12 в других городах⁴⁹.

Получить высшее образование в Сербии женщинам было еще труднее. Помимо неготовности к этому общества для поступления на факультеты Высшей школы (создана в Белграде в 1863 г.) требовалось малодоступное долгое время для девочек гимназическое образование. Тем не менее среди получивших высшее образование в Сербии в конце XIX — начале XX в. было несколько женщин⁵⁰. Помимо этого, учились женщины и в университетах за границей, а некоторые даже закончили их с докторской степенью⁵¹. После смены династии в 1903 г. произошли изменения и в области образования: девочки и мальчики получили право обучаться в школах всех уровней, включая университет, в который в 1905 г. переросла Высшая

женской школы и Женской учительской школы за 1902–1903 гг. — на них ссылается сербский автор Лиляна Станков (Станков 2011: 21, 44–45, 49, 93–94, 107).

⁴⁷ Božinović 1996: 56, 57; Trnavac 1998: 61.

⁴⁸ Božinović 1996: 55–58.

⁴⁹ Подробнее: Nikolova 1998: 79.

⁵⁰ Božinović 1996: 58; Nikolova 1998: 80; Трговчевић 2003: 192–193.

⁵¹ Подробнее: Trgovčević 1998 (или Трговчевић 2003: 193–206).

школа. В 1904–1912 гг. студентки составляли в нем около 10 % обучавшихся⁵².

Специальное профессиональное образование девушки могли получить в Женской педагогической школе (с 1901 г. в Белграде, с 1903 г. в Крагуеваце), а также в Торговой школе, действовавшей в столице с 1910 г. В 1879 г. в Белграде (позже и в других городах) Женским обществом была открыта женская Рабочая школа, где могли обучаться девочки из бедных семей⁵³.

В итоге к концу первого десятилетия XX в. в Сербии женщины теоретически могли получить образование от начального до высшего, а также по нескольким специальностям. На практике же даже процент неграмотных среди них оставался крайне высок. Сербский историк Любинка Трговчевич привела такие данные: в 1895 г. треть грамотных женщин проживала в Белграде, всего к этой категории относились 37 % городских жительниц и 1,3 % сельских; в начале XX в. лишь 17 % девочек посещали учебные заведения, в то время как 93 % женщин были неграмотны⁵⁴.

Тем не менее развитие женского образования в перспективе влекло за собой некоторые далеко идущие перемены: и на личном, и на социальном уровнях. Одним из них стало более явное участие женщин — в частности, выпускниц белградской Высшей женской школы — в жизни общества. Собственным примером они в определенной степени влияли и на изменение отношения общества к женщине и ее в нем месте и роли.

Женские организации

Еврейское женское общество. В 1874 г. в Белграде возникло Еврейское женское общество, действовавшее до Второй мировой войны⁵⁵.

⁵² Vožinović 1996: 59.

⁵³ Подробнее: Nikolova 1998: 77–80.

⁵⁴ Трговчевић 2003: 189, 209.

⁵⁵ Об обществе: Vožinović 1996: 66; Veselinović 1998. Также: Постанак и рад Јеврејског женског друштва 1874–1939 // Алманах хуманих друштва / уред. С.Л. Сретеновић, Б.С. Недељковић-Рочкоман. Београд, 1940. С. 188–192; Freidenreich H. «Yugoslavia» // Jewish Women: A Comprehensive Historical Encyclopedia. Jewish Women's Archive. 1999. URL: <https://jwa.org/encyclopedia/article/yugoslavia> (accessed: 16.08.2021).

Его основала Эстер Б. Пинто⁵⁶. Переехав после замужества в Белград, она увидела, что еврейские женщины неграмотны, дома их закрыты и они не общаются между собой. Она собрала и организовала нескольких женщин для сбора помощи бедным девушкам, у которых не было средств на приданое. Со временем они расширили деятельность и при поддержке еврейской общины начали общественную акцию в пользу образования девочек, но без особого успеха. Лишь с появлением начальной еврейской женской школы в Дорчолле⁵⁷, где учительницей стала Регина Елишева, первая представительница этого народа в Сербии, закончившая в 1879 г. Высшую женскую школу, грамотность среди евреек начала распространяться более ощутимо⁵⁸. Объединение помогало и другим нуждавшимся (бедным роженицам, больным людям). А во время войн, где участвовала Сербия, члены еврейских женских обществ (в 1895 г. возникло Еврейское женское общество «Добро-твор»), в частности, организовывали помощь для больниц и работали как сестры милосердия⁵⁹.

В начале XX в. в Еврейском женском обществе начали появляться молодые образованные женщины с передовыми взглядами. Борьба за прогрессивные идеи и улучшение жизни еврейской женщины проявилась в деятельности Елены Демайю (1876–1942), выпускницы Высшей женской школы, общественного деятеля. Она, в частности, предложила организовать женскую ремесленную школу (что и было сделано после Первой мировой войны — Рабочая школа Еврейского женского общества открылась 1 октября 1919 г.), а в 1924 г. основала Союз женских обществ, за что была награждена орденом св. Саввы⁶⁰.

Женское общество. 17(30) мая 1875 г. по инициативе К. Миловук собралось несколько образованных и обеспеченных женщин, почувствовавших потребность организованно и публично заниматься гуманитарной деятельностью, которые к тому же обладали достаточными знаниями и изрядной смелостью, чтобы организовать в Белграде первую сербскую женскую организацию — Женское

⁵⁶ К его основательницам также относят Тони Азриел и Сару Алкалай (Veselinović 1998: 489).

⁵⁷ Дорчол (сербск. Дорћол) — район Белграда.

⁵⁸ Vožinović 1996: 66.

⁵⁹ Подробнее см.: Veselinović 1998: 489–490.

⁶⁰ Veselinović 1998: 490–492.

общество⁶¹. Его учредительное собрание прошло 25 августа (7 сентября) 1875 г. в зале Высшей женской школы в присутствии 35 членов⁶², избравших правление и К. Миловук в качестве председателя⁶³.

Основательницы⁶⁴ и первые члены общества имели высокий социальный статус: преподаватели Высшей женской школы, супруги профессоров, высших чиновников и офицеров, торговцев и т. д. Как женщины они были воспитаны и побуждаемы социумом исполнять свою «миссию» — заботиться о доме и семье, воспитывать детей, поддерживать и развивать сербский национальный дух⁶⁵. В этом ключе и развивалась благотворительная, образовательная, просветительская и патриотическая (национальная) деятельность Женского общества.

В 1875 г. покровительство над ним взяла на себя будущая княгиня (затем королева) Наталия Обренович (1859–1941), в 1901 г. — королева Драга Обренович (1866–1903), с 1903 г. его покровительницей являлась принцесса Елена Карагеоргиевич (1884–1962), а с 1922 г. — королева Мария Карагеоргиевич (1900–1960). Столь высокое покровительство оказывало большое влияние на облик и работу организации⁶⁶. В частности, Наталия Обренович принимала в ней, как и вообще в общественной жизни Сербии (особенно Белграда), весьма активное участие⁶⁷.

⁶¹ Vožinović 1996: 66. Общество действовало по 1941 или 1942 г. Подробнее о нем см., например: Mišković 1995; Vožinović 1996: 66–69 и др.; Станков 2011: 53–103; Столић 2015: 108–139, и др.

⁶² Сербский автор Неда Божинович привела информацию о 25 присутствовавших (Vožinović 1996: 66).

⁶³ Станков 2011: 55.

⁶⁴ Л. Станков привела имена 14 основателей (Станков 2011: 53). Сербский историк Ана Столич назвала 12 человек, заметив далее (с чем вполне можно согласиться), что «несмотря на то, что деятельность Женского общества изучена, похоже, еще только предстоит тщательное исследование структуры социального происхождения», семейного статуса, возрастной принадлежности его ведущих активисток и участниц (в Белграде и провинции) для достижения более полной картины его истории (Столић 2015: 129, 130).

⁶⁵ Vožinović 1996: 67.

⁶⁶ Подробнее об отношениях общества и покровителей см.: Миланович 2017b; Станков 2011: 53, 66, 67, 69, 73–82 и др.; Столић 2015: 121–125.

⁶⁷ Трговчевић 1999: 36–37; Станков 2011: 53 и др.; Столић 2015: 121–124. В мемуарах самой Наталии есть свидетельство о ее и белградских дам благотворительности во время войны с Болгарией (1885 г.) (*Обреновић Н. Моје успомене*. С. 159–160, 162–163); а среди ее опубликованных писем есть два (1891 г., 1892 г.), адресованных Персиде Пинтерович, председателю, и два (1892 г.) Правлению ее «дорогого общества» (Писма краљице Наталије Обреновић. С. 42–43, 63–64, 69–71).

Организация располагала собственными средствами (за счет членских взносов, подарков участниц, покровителей и жертвователей, от устройства различных мероприятий и т. д.), а частично ее учреждения финансировались государством и Белградской общиной⁶⁸.

Как патриотическое Женское общество проявило себя уже в 1875 г. — собиралась материальная (денежная и вещная) помощь для восставших в Герцеговине и Боснии; устраивались культурные мероприятия в пользу сербского Общества Красного Креста, созданного в 1876 г. Во время Сербско-турецких войн (1876–1877 гг., 1877–1878 гг.) участницы общества в Белграде и провинции собирали пожертвования, шили белье и готовили перевязочный материал, заботились о детях, потерявших родителей во время войны. В 1876 г. в Белграде оно открыло свою первую больницу, действовавшую с 11/24 июля 1876 г. до 1/14 апреля 1877 г., в которой работали члены общества и сестры милосердия. А когда в 1885 г. началась война с Болгарией, участницы общества заботились о раненых, помогали бедным воинам и детям погибших, собирали помощь для больниц. В мастерской при Дворе, которую подготовила королева Наталия, они вместе с ней шили одежду для Красного Креста и изготавливали перевязочный материал. Работали дамы и в белградских больницах как сестры милосердия. Во время Балканских войн общество также усердно и преданно помогало отечеству (в частности, открыв XV резервную больницу, где получили помощь 1750 раненых и больных)⁶⁹.

Благотворительно-патриотическая деятельность женщин находила одобрение и признание у власти и общества. Однако не все было гладко. Приведем фрагмент из воспоминаний королевы Наталии, относящийся к войне с Болгарией, об организации приема раненых в Белграде в ноябре 1885 г.⁷⁰:

Бедный Белград был совершенно в замешательстве, неспособен думать и автоматически выполнял то, что я приказывала. Только когда все было организовано и когда раненые больше ни в чем не нуждались, появились чиновники с предписаниями и заявлением, что госпожи по больницам попирают их права.

⁶⁸ Станков 2011: 54, 72, 82–83, 88–89 и др.; Столић 2015: 109, 123, 135.

⁶⁹ Подробнее см.: Војиновић 1996: 67–68, 89; Милановић 2015а; Станков 2011: 55, 97, 98; Стефановић 2016.

⁷⁰ *Обреновић Н.* Моје успомене. С. 159–160, 162–163.

В первые дни, когда они не знали, что нужно делать, они были очень счастливы, что все белградские дамы оставили свои дома и своих детей, чтобы заботиться о раненых и внимательно смотреть за тем, чтобы им всего доставало.

Должна здесь выразить признательность милосердию столицы. Восемь дней общее милосердие кормило больницы, поскольку Военное министерство не могло найти параграф, который уполномочивает его воспрепятствовать умиранию раненых от голода. Дамы превзошли себя и больше недели, до прибытия врачей из Вены, сами вызвались участвовать и ухаживали за несчастными людьми⁷¹.

В мирное время гуманитарная деятельность Женского общества включала, в частности, помощь бедным детям, обучавшимся в Белграде (в Высшей женской школе и гимназиях) и начальных школах в провинции⁷².

Со временем оно основало несколько образовательных и благотворительных учреждений. Так, в 1879 г. с целью обучения бедных девушек оно открыло первую в Сербии женскую Рабочую школу, где учили кройке, шитью и вышивке (до Балканских войн ее окончили около 1000 учениц). В 1882 г. был основан Базар, где продавали рукодельную продукцию женщин из провинции (в частности, окрестностей Белграда) и учениц школы. Эти изделия, известные высоким качеством, быстро нашли покупателей в кругу иностранцев и дипломатов (как и пользовались большой популярностью у высоких покровителей Общества). В 1886 г. они были показаны на выставке в Вене, а впоследствии неоднократно демонстрировались на выставках в разных странах⁷³.

Когда Общество Красного Креста в 1893 г. организовало первую школу для обучения сиделок и медицинских сестер, Женское общество также приняло в этом участие. В 1899 г., побужденное министерством экономики Симой Лозаничем, оно открыло столовую для учеников. В 1900 г. основало первый в Сербии Дом для старых женщин⁷⁴.

⁷¹ Там же. С. 162–163. Примером двойственного отношения к участию женщин являлся и запрет военного министра С. Груича в начале Второй сербско-турецкой войны на прием женщин в больницы в качестве медицинских сестер; им дозволялось заботиться об организации больниц и их снабжении (Милановић 2015а).

⁷² Воџиновић 1996: 67.

⁷³ Подробнее см.: Воџиновић 1996: 67–68; Станков 2011: 56, 60–94.

⁷⁴ Воџиновић 1996: 68; Станков 2011: 97, 98–101. По данным сербского историка Ясины Миланович, обучающий курс был открыт в 1892 г. (Милановић 2015а).

В 1879 г. по инициативе К. Миловук появился печатный орган Женского общества *Домаћница* («Хозяйка дома», или «Мать семейства»), первое многолетнее⁷⁵ и долгое время единственное в Сербии издание для женщин⁷⁶. Оно выходило ежемесячно до 1914 г. (в течение короткого периода в 1883–1884 гг. раз в два месяца) и затем в 1921–1941 гг. Поскольку по Закону о печати 1879 г. женщина не могла быть редактором, до 1937 г. его издавали мужчины. В 1888 г. был основан Литературный комитет, члены которого отбирали, переводили или сами писали статьи для *Домаћница*. С 1895 г. издание бесплатно печаталось в Королевской сербской государственной типографии⁷⁷.

Первоначально назначение газеты виделось в том, чтобы поднять общее образование женщин, разъяснить их обязанности в семье и доме, дать советы по ведению домашнего хозяйства, рассказывать о работе женских обществ и т. д. Она была призвана «расширять образование», «исправлять исторические несправедливости по отношению к женщине», «развивать культ матери — учительницы и воспитательницы» и «поощрять юнацтво». Одновременно *Домаћница* регулярно освещала деятельность самого Женского общества и его учреждений. В этих рамках в основном и шло дело до начала XX в., когда под влиянием молодых членов общества ее содержание стало разнообразнее и богаче (освещались проблемы женщин, их достижения в мире и т. д.)⁷⁸.

Несмотря на ограничения, касающиеся редакции и охватываемой аудитории (городское женское население), важно, что в лице *Домаћница* женщины обретали новый источник информации, средство коммуникации и возможность расширить пространство для самовыражения — авторами издания и членами Литературного комитета являлись и они сами⁷⁹, а это, как и деятельность Женского общества

⁷⁵ Самый первый женский журнал в Сербии — «Воспитатель женский» — вышел в трех номерах в 1847–1848 гг. (Mišković 1995: 69; Božinović 1996: 85–86).

⁷⁶ О *Домаћница* подробнее: Mišković 1995: 66–67, 69–71; Božinović 1996: 86–88; Peović 2004; Пековић 2015; Станков 2011: 55–56, 57–60.

⁷⁷ Mišković 1995: 70, 71. Также: Милановић 2017а.

⁷⁸ Božinović 1996: 86–88. Также: Mišković 1995: 70–71.

⁷⁹ Добавим, что за его деятельностью следила королева Наталия, и сама обладавшая литературными склонностями, некоторые ее тексты (краткие формы) были опубликованы в *Домаћница*, сотрудницей которой в начале 1890-х годов была и будущая королева Драга (Милановић 2017а).

в целом, влияло на изменение представления социума о способностях женщин и их социальных ролях⁸⁰.

О Женском обществе, как и о Высшей женской школе, неоднократно свидетельствовали российские слависты и путешественники. Платон Андреевич Кулаковский (1848–1913), в 1878–1882 гг. преподававший в Великой школе в Белграде, в частности, оставил в дневнике запись от 16 марта 1881 г., фрагменты которой далее:

Вчера утром происходила панихида (по императору Александру II. — *Ю.Л.*) в церкви святой Натальи <...>. На панихиде вчера было много женщин, потому что панихиду давало Женское друштво. Присутствовала княгиня, была вся русская колония. Из сербов были Алимпий Васильевич, Куянджич, кмет (градоначальник. — *Ю.Л.*) Белграда Карабиберович, несколько священников из числа оппозиционных депутатов скупщины, несколько простых людей, но не было ни одного министра. Князь тоже не присутствовал. <...> Митрополит произнес прекрасное слово, полное духа и смысла⁸¹.

В книге русского военного историка, слависта Николая Романовича Овсяного (1847–1913) читаем следующее:

Из благотворительных обществ следует упомянуть о “Друштво Црвеного крста” (красного креста), с капиталом до 400.000 дин., “Женском друштво” и обществе для поддержки и воспитания брошенных детей и сирот⁸².

Отметила Женское общество и Е. И. Витте, указав наряду с другими учреждениями в столице:

Есть в Белграде <...> прекрасные учреждения дамского благотворительного “дружества”: богадельня, дешевая столовая, преимущественно для учащегося юношества, и превосходная школа рукоделия, где обучают кройке и шитью белья и платьев, шитью гладью, плетению кружев, тканью материй и сербского холста⁸³.

⁸⁰ Необходимо отметить, что, говоря о значении и роли издания в жизни женщин, мы опираемся и на рассуждения об облике, целях и значении женской периодики в исследовании Слободанки Пекович (Пековић 2015: 11–14, 16).

⁸¹ *Кулаковский П. А.* Дневник // Русские о Сербии и сербах. Т. II. С. 99.

⁸² *Овсяный Н.* Сербия и сербы. С. 157.

⁸³ *Витте Е.* Путевые впечатления. С. 77.

И упомянула посещение «заседания совета» этого общества⁸⁴.

Приведенные свидетельства российских (внешних) наблюдателей говорят, на наш взгляд, о том, что деятельность Женского общества — то есть деятельность женщин — становилась все более заметной в жизни Белграда.

Сведения о численности белградской и размерах всей организации, приведенные в литературе, разнятся, однако позволяют сделать вывод о том, что ее деятельность получила распространение и пользовалась поддержкой, в том числе и за пределами столицы. Так, например, по одним данным, в 1879 г. общество в Белграде насчитывало около 150 членов, в 1903 г. — около 480⁸⁵. По другим, в конце XIX в. оно имело 536 членов и 16 филиалов, накануне Балканских войн — около 440 членов и 39 филиалов в провинции⁸⁶. Третьи говорят, что в 1878 г. и в 1900 г. у нее было 14 филиалов, перед Первой мировой войной — 54 (на всей территории страны)⁸⁷.

Результаты гуманитарной и просветительской работы Женского общества, его значение для «женского мира» Белграда/Сербии (получение опыта в создании и управлении организацией, как и участия на новом уровне в жизни общества и самих женщин) трудно переоценить. Вполне справедливо, полагаем, утверждение сербской исследовательницы Неды Божинович о том, что с момента основания до Первой мировой войны Женское общество было «незаменимым фактором в общественной жизни Сербии». По своей сути его деятельность компенсировала недостаточную, по тем или иным причинам, работу государства в социальной сфере: в области специального образования женской молодежи, просвещения, оказания помощи нуждавшимся (раненым и инвалидам, сиротам, бедным и старым). Общество сотрудничало с государственными органами и другими организациями, его участницы были активны и в других обществах, а некоторые на рубеже XIX–XX вв. основали новые объединения. За свою деятельность и заслуги в войнах члены общества награждены 122 серебряными и 32 золотыми медалями; четверо получили награды от Красного Креста⁸⁸.

⁸⁴ Там же. С. 80.

⁸⁵ Mišković 1995: 64.

⁸⁶ Vožinović 1996: 68, 69.

⁸⁷ Станков 2011: 55, 101.

⁸⁸ Vožinović 1996: 69.

Вместе с этим деятельность женщин, как уже указывалось, не всегда была должным образом оценена. К тому же, хотя государство охотно использовало Женское общество в своей национальной и социальной политике, оно игнорировало некоторые его проблемы⁸⁹.

Материнское объединение, Объединение и Дом учениц средних школ, Общество «Сербская мать», Общество домашнего хозяйства. В начале XX в. в Белграде возникли новые женские организации благотворительной и образовательной направленности. Не уменьшая их значимости, мы их только упомянем. В декабре 1904 г. по инициативе врача Йована Йовановича (1870–1923) и благодаря его усилиям, а также гуманитарного деятеля Сары Карамаркович (1836–1910) и Драги Лёчич⁹⁰ было образовано Материнское объединение (1904–1941 гг.), целью которого являлась забота о брошенных детях⁹¹. Первым председателем стала С. Карамаркович, а заместителем — Д. Лёчич. Финансировалось общество из членских взносов, добровольных пожертвований, помощи Белградской общины и государства. В 1906 г. в нем состояло 115 членов, в 1906 г. — 159, в 1907 г. — 194. В январе 1906 г. был открыт первый дом объединения — Дом для подкидышей. Большая часть общественности критиковала организацию, обвиняя в пропаганде безнравственности, поскольку большинство его подопечных были внебрачными детьми. В то же время в нем активно участвовали видные белградские дамы и врачи, в конце 1906 г. покровительницей общества и Дома стала принцесса Е. Карагеоргиевич, а «высокой защитницей» впоследствии — королева Мария⁹².

В 1905 г. появились Объединение и Дом учениц средних школ по инициативе преподавательницы Высшей женской школы Даринки Николич, которая до 1925 г. являлась председателем Объединения, и при участии совета школы и белградских дам из других гуманитарных обществ⁹³. В 1907 г. все женские общества совместно учредили

⁸⁹ См.: Столић 2015: 125–129.

⁹⁰ Лёчич Драга (1855–1926) — первая женщина-врач в Сербии. Училась в Цюрихе, следовала социалистическим идеям. Участвовала как медсестра в Сербско-турецкой войне (1876 г.), в годы Балканских и Первой мировой как врач; в Сербско-болгарскую работала в белградских больницах (Vožinović 1996: 61, 63–64, 65).

⁹¹ Подробнее: Milanović 2018. Также: Материнско удружење // Алманах хуманих друштава. С. 96–103.

⁹² Milanović 2018: 39–42, 51.

⁹³ Vožinović 1996: 70.

Общество домашнего хозяйства, цель которого состояла в обучении девушек из бедных семей работе горничных, кухарок и уборщиц⁹⁴. В 1911 г. было основано Общество «Сербская мать» для «обучения бедных и неграмотных рожениц уходу за грудными младенцами и оказания им материальной помощи». Оно было одобрено обществом, получало большую поддержку состоятельных белградских дам и регулярную помощь государства⁹⁵.

*Комитет женщин «Княгиня Любица»*⁹⁶. На рубеже XIX–XX вв. в столице начали деятельность две женские организации с выраженной патриотической направленностью, проявлявшейся, в частности, в оказании поддержки сербскому народу в Старой Сербии⁹⁷ и Македонии, до Балканских войн находившихся в составе Османской империи.

В 1899 г. появилось⁹⁸ патриотическое и гуманитарное общество — Комитет женщин «Княгиня Любица»⁹⁹. Основной его задачей являлась помощь сербскому народу в Старой Сербии и Македонии через добровольные пожертвования сербским церквям. Одним из основателей и первым его председателем стала Милка Вулович¹⁰⁰, а на первом собрании 30 января 1899 г., когда был учрежден Комитет и утверждены правила деятельности, были также избраны заместитель председателя, кассиры и делопроизводители. Очень скоро общество привлекло большое число видных и влиятельных членов

⁹⁴ Столић 2015: 132.

⁹⁵ Столић 2015: 146–148. Также см.: «Српска мајка» // Алманах хуманих друштава. С. 104–110.

⁹⁶ Любица Обренович (1788–1843) была княгиней Сербии, супругой князя Милоша Обреновича (1780–1860).

⁹⁷ Старая Сербия — традиционное название областей, составлявших основу средневекового сербского государства: Косово и Метохия, часть Македонии и Санджака.

⁹⁸ Содействовал этому и сербский консул в Приштине (Milanović 2015: 26).

⁹⁹ Действовал по 1941 или 1942 г. О нем подробнее см.: Milanović 2015; Милановић 2015b: 28–29; Столић 2015: 148–152. Также: Друштво «Књегинња Љубица» // Алманах хуманих друштава. С. 119–125.

¹⁰⁰ Вулович Милева Милка (1853–1929) — патриот и национальный деятель. Преподаватель и директор Высшей женской школы; была, в частности, первым секретарем Женского общества и секретарем благотворительного комитета для помощи беженцам после Герцеговинского восстания, членом Литературного комитета Домаћица и Профессорского общества (Подробнее см.: Milanović 2015: 25–26).

и благотворителей¹⁰¹. Со временем в Сербии работало около 30 его подкомитетов¹⁰².

До Балканских войн общество действовало тайно, разными способами помогая сербским церквям и сербам, включая, наряду со сбором добровольных пожертвований, поездки на территорию Османской империи, перевозку вещей, денег и других материалов, переписку с сербскими священниками, учителями, четниками и другими людьми. И на этом его деятельность не заканчивалась. В частности, многие подкомитеты открывали свои «убежища» для учеников, где кормили бедных детей. Подкомитет в Лескове занимался просвещением городской и сельской женской молодежи, устраивая два раза в год курсы домоводства. С 1909 до 1913 г. издавался ежегодный календарь общества *Српска црква* («Сербская церковь»)¹⁰³. В годы Балканских войн участницы общества включились в работу больниц в качестве врачей и медицинских сестер, организовывали материальную помощь больницам и Красному Кресту и собирали деньги в пользу Королевства Сербия. После войны помогали сиротам и нуждавшимся в разоренных областях страны¹⁰⁴.

Круг сербских сестер. В 1903 г., когда положение сербов в Старой Сербии и Македонии стало особенно тяжелым, возникло патриотическое и благотворительное женское общество Круг сербских сестер¹⁰⁵. Вдохновительницами его создания стали Делфа Иванич¹⁰⁶, в конце мая (по старому стилю) вернувшаяся из Скопье, и ее подруга

¹⁰¹ А. Столич указала, что в 1900–1903 гг. «Общество имело защитницу, королеву Драгу Обренович, но не было под непосредственным надзором официального, явного мужского авторитета как личности, которая организует или контролирует его работу» (Столић 2015: 150).

¹⁰² Milanović 2015: 26–27.

¹⁰³ А. Столич привела информацию, что календарь *Српска црква* начал издаваться с 1910 г., в нем публиковались тексты «морально-религиозного содержания» (Столић 2015: 149).

¹⁰⁴ Milanović 2015: 27–30.

¹⁰⁵ Деятельность общества была запрещена в 1942 г., официально прекратило существовать в 1947 г. Подробнее о нем см., например: *Иванић Д. Успомене*. С. 152–155, 162–163 и др.; *Vožinović* 1996: 69–70; *Milanović* 2014; *Милановић* 2015b; *Милановић* 2017a; *Савић* 2009; *Столић* 2015: 152–163; *Стефановић* 2016. Также: Коло српских сестара // *Алманах хуманих друштва*. С. 119–125.

¹⁰⁶ Иванич Делфа (1881–1972) — признанный гуманист и общественный деятель. Выпускница Высшей женской школы, преподавала в Скопье (1900–1901 г.). Член ряда организаций, автор статей, воспоминаний (Подробнее см.: *Милановић* 2015b).

Надежда Петрович¹⁰⁷. По воспоминаниям Делфы, «после нескольких наших встреч и разговоров мы пришли к мысли создать женское общество для помощи нашему народу в Старой Сербии и нашей стране»; о подготовке летом 1903 г. (июнь — август) в основном в доме отца Н. Петрович¹⁰⁸, она писала, в частности, следующее:

На первом совсем маленьком собрании в доме Надежды Петрович <...> в июле 1903 г., из мужчин присутствовали только мой муж (Иван Иванич¹⁰⁹, в то время сербский консул в Скопье. — *Ю.Л.*) и отец Надежды, Мита Петрович, председатель Налогового управления.

Мой муж и Бранислав Нушич¹¹⁰ (тогда секретарь Консульского отдела МИД. — *Ю.Л.*), которого мой муж привел на следующее собрание, предложили, чтобы это не был Комитет “ад хок”¹¹¹, как мы первоначально думали, который бы помогал пострадавшим от восстания македонского 1903 г., а было постоянное общество патриотов, которое будет думать о поработанном сербском народе и облегчать ему его мучения.

Мой муж и Бранислав Нушич написали первые правила общества и определили ему цель и направления. Они вдвоем дали и имя обществу¹¹².

На описанных и следующей встрече членов будущей организации присутствовали и участвовали затем в подготовке и другие представительницы белградского общества¹¹³. 15/28 августа состоялось собрание, на котором было вынесено решение об основании Круга сербских сестер, приняты его правила, избраны первое правление

¹⁰⁷ Петрович Надежда (1873–1915) — художница, выпускница и преподаватель Высшей женской школы. В годы Балканских и Первой мировой войны — медсестра на фронте.

¹⁰⁸ *Иванић Д.* Успомене. С. 152–153, 245. (Даты в воспоминаниях указаны по старому стилю.)

¹⁰⁹ Иванич Иван (1867–1935) — дипломат, национальный и культурный деятель, писатель. Служил как консульский чиновник в Приштине, Салониках, Битоле, Скопье, Константинополе, затем был главой прессбюро МИД (Подробнее: Милановић 2015b: 21–26).

¹¹⁰ Нушич Бранислав (1864–1938) — писатель, драматург, дипломат. С 1889 г. — служащий консульства в Битоле, затем вице-консул в Скопье и Приштине (Милановић 2015b: 20).

¹¹¹ *Ad hoc.* (лат.) — к этому, для данного случая, для этой цели.

¹¹² *Иванић Д.* Успомене. С. 245.

¹¹³ Подробнее: Милановић 2015b: 29–31.

и председатель — Савка Суботич¹¹⁴. На собрании присутствовали более 3000 женщин, а в правление вошли дамы из самых известных белградских семей, давая тем самым новому объединению общественное утверждение¹¹⁵.

Вскоре после основания заместителями председателя стали Милка Милованович (заместитель председателя Женского общества) и Любица Лукович¹¹⁶ (заместитель председателя Комитета женщин «Княгиня Любица»). В то же время появление новой организации не было воспринято ее предшественницами, как и некоторыми людьми, с полной симпатией¹¹⁷. Высоких покровителей из правящей династии у объединения не было¹¹⁸.

Деятельность Круга сербских сестер была направлена на решение национальных и гуманитарных задач. Основной целью полагалось оказание моральной и материальной помощи «братьям и сестрам из притесняемых сербских областей», как и поддержка всякого стремления к освобождению сербского народа. И поскольку это соответствовало широко поддерживаемому национальному идеалу, вскоре его приверженцы из белградской элиты начали активно вступать в общество, обретавшее все большую популярность. Через него имущие и образованные женщины получили новую возможность для участия в общественной жизни Сербии¹¹⁹. Очень скоро оно основало филиалы почти во всех городах Сербии, а по окончании Балканских войн и в нескольких городах Македонии и Косова.

После основания организации поддержка сербам в Старой Сербии и Македонии оказывалась всеми возможными способами. Так, в конце ноября 1903 г. Н. Петрович (секретарь общества) и Милица Добри (заместитель председателя) отправились в Старую Сербию и Македонию, чтобы доставить помощь людям, находившимся в самом бедственном положении. Четническая акция в Македонии была, по всей видимости, связана с деятельностью общества¹²⁰.

¹¹⁴ *Иванџ Д.* Успомене. С. 153. Суботич Савка (1834–1918) — общественный и культурный деятель, гуманист, одна из первых феминисток в Воеводине.

¹¹⁵ Савић 2009: 119–120; Милановић 2015b: 32.

¹¹⁶ Лукович Любица (1855–1915) — гуманитарный деятель, член Женского общества, в 1905–1915 гг. — председатель Круга сербских сестер.

¹¹⁷ См.: *Иванџ Д.* Успомене. С. 154; Милановић 2015b: 30–32; Столић 2015: 156.

¹¹⁸ *Иванџ Д.* Успомене. С. 153–154; Милановић 2015b: 30.

¹¹⁹ Савић 2009: 120.

¹²⁰ См.: Милановић 2015b: 33, 42–43. Также: Војиновић 1996: 69, Столић 2015: 157.

С 1906 г. Круг сербских сестер издавал *Вардар* («Вардар»)¹²¹ — «свой ежегодный календарь с особым культурно-просветительским и национально-религиозным содержанием с целью укрепления сербского национального сознания». Инициировал и дал ему название И. Иванич, «убежденный в том, что это имя много значит для сербского народа»; являлся он и одним из его первых редакторов¹²². До 1941 г. (за исключением 1914–1919 гг.) вышло 29 номеров. Тираж издания до Первой мировой войны доходил до 40 тыс. экземпляров, оно распространялось в Сербии и других областях, хотя официально было запрещено на территории Османской и Габсбургской империй¹²³.

В 1908 г. по инициативе Л. Лукович (председателя) и Станиславы Сондермайер (заместителя председателя) Круг сербских сестер открыл трехмесячный курс для подготовки медицинских сестер, который они сами тогда же закончили. Такой курс проводился затем ежегодно до начала Балканских войн. Всего на них было обучено более 200 медсестер, а в сентябре 1912 г. состоялись внеочередные десятидневные курсы, которые подготовили еще 200. В целом же женские объединения подготовили 1500 медсестер — армию милосердия (как их тогда называли), поступившую перед началом Первой балканской войны в распоряжение военно-санитарного управления Военного министерства¹²⁴.

В 1912 г. общество открыло в Белграде IV резервную больницу, за 10 месяцев работы (с 26 октября 1912 г. до 26 августа 1913 г.) там прошли лечение более 964 раненых, о которых заботились не только члены общества, но и супруги дипломатов и иностранных представителей¹²⁵.

О последнем, вспоминая о событиях Первой балканской войны, В. Н. Штрандтман писал следующее:

Сербский Красный Крест и военно-санитарные власти развертывали свою деятельность. Была организована, наряду с кадровыми госпиталями, целая сеть приемных пунктов для раненых. Сербские

¹²¹ Самая протяженная река в Северной Македонии.

¹²² *Иванич Д.* Успомене. С. 162, 244.

¹²³ Милановић 2015b: 33–34. О *Вардар* см. также: Савић 2009: 126–128; Столић 2015: 157–158; Милановић 2017a.

¹²⁴ Милановић 2015b: 52. Также: Савић 2009: 123; Столић 2015: 158–159 (В этих двух работах как начало курсов указан 1906 г.).

¹²⁵ Милановић 2015b: 53–54.

благотворительные общества открывали свои госпитали. Большинство дам дипломатического корпуса добровольно записалось в сестры милосердия в госпиталь «Коло сербских сестар». А. П. Гартвиг и ее падчерица, моя жена (Юлия Штрандтман. — *Ю. Л.*), Л. М. Артамонова и Э. Мамулова — от нашей миссии, английская посланница леди Пэдджет, от французов — мадам Буниольс, от немцев — жена посланника баронесса Гризингер и жена консула г-жа Шлибен, от австрийцев — баронесса Зайдлер¹²⁶.

Далее, в части воспоминаний о Второй балканской войне, дипломат упомянул, что «весной 1913 г. после окончания 1-й Балканской войны и до начала 2-й» «сербское общество, в частности женские организации, были озабочены судьбой многочисленных военных инвалидов»¹²⁷. И о своем участии в деятельности общества накануне Второй балканской войны:

В 20-х числах мая я ездил в Вену курьером и мог там выполнить поручение дамского общества «Коло српских сестар», касавшееся закупки медикаментов и больничного оборудования для госпиталей¹²⁸.

Русский инженер и военный журналист Иероним Павлович Табурно (1862–1913) в «Докладе» (27 ноября 1912 г.) также отметил, наряду с заботой «белградских дам» о раненых в «русском госпитале» (где, «главным образом», работала как сестра милосердия и великая княгиня Елена Петровна (в девичестве — Е. Карагеоргиевич)), «городской белградской больнице» и «военном госпитале»¹²⁹, и деятельность Круга сербских сестер:

Общество «Коло Сербских Сестар» <...> открыло свою больницу на 200 кроватей. Больница эта очень хорошо обставлена <...>. Деятельность этого высоко симпатичного заведения заслуживает полного участия и поддержки¹³⁰.

Отметим, что сама идея и большая роль в устройстве IV резервной больницы (привлечении благотворителей в разных странах,

¹²⁶ *Штрандтман В. Н.* Балканские воспоминания. С. 181.

¹²⁷ Там же. С. 215.

¹²⁸ Там же. С. 195.

¹²⁹ *Табурно И. П.* Доклад о ходе Балканской войны и ее результатах // Русские о Сербии и сербах. Т. II. С. 503–505.

¹³⁰ Там же. С. 505.

помощников в Сербии и т. д.) принадлежала Д. Иванич, которая работала там и как медицинская сестра. Она деятельно участвовала и в организации помощи раненым и больным в Льеше и Драче; а во время Второй балканской войны работала в Савамалской больнице¹³¹.

В период Балканских войн Круг сербских сестер и другими способами помогал раненым, а после окончания войн оказывал помощь пострадавшему населению в освобожденных областях. Тогда были открыты его комитеты в Охриде, Куманово, Скопье, Приштине и Митровице¹³².

Организация проводила и образовательную работу в Сербии. Создавались, в частности, женские ремесленные школы (преимущественно там, где были его отделения), программа которых давала женщинам возможность самостоятельно трудиться, что в свою очередь улучшало их положение в обществе. Учреждение этих школ давало бедному сельскому населению еще и возможность заработать, поскольку часть рукодельной продукции продавалась через Базар Женского общества. Наряду с этим объединение формировало собственную коллекцию национальных изделий ручной работы; она часто демонстрировалась на выставках в Сербии и за границей, например, в 1910 г. в Праге и в 1914 г. в Париже¹³³.

В итоге за десять лет существования Круг сербских сестер стал крупной, весьма поддерживаемой организацией, значение патриотической и благотворительной деятельности которой, как и Комитета женщин «Княгиня Любица», сложно переоценить. Их участницы неоднократно доказывали способность женщин активно и самоотверженно, особенно во время войны, участвовать в жизни своего народа. Последнее, к слову, отличало не только членов обществ — во время Балканских войн многие женщины работали медсестрами, а единицы даже служили в сербской армии¹³⁴.

Как видим, в последней четверти XIX — начале XX в. основными сферами деятельности рассмотренных организаций были гуманитарная, образовательно-просветительская и патриотическая. В основе их социальной и национальной деятельности лежали, прежде всего,

¹³¹ *Иванич Д.* Успомене. С. 173–178, 181, 246–247; Милановић 2015b: 53–57.

¹³² Милановић 2015b: 56–57.

¹³³ Савић 2009: 121–123.

¹³⁴ См.: Војиновић 1996: 89–90; Милановић 2015b: 55; Хаџић: 2013; Стефановић 2016.

интересы семьи, общества и народа в целом. Вопрос об изменении положения самих женщин, расширении их прав не ставился. Изменение, улучшение положения женщин (в частности, бедных, неграмотных, недостаточно просвещенных) виделось и осуществлялось через благотворительность, образование и просвещение. (К немногим исключениям относятся две попытки К. Миловук на рубеже веков снизить право голоса, которые, впрочем, успеха не имели¹³⁵.)

Ситуация начала несколько меняться с приходом XX в., вследствие, в частности, возрастания интереса к изменению положения женщин, женскому вопросу у некоторых активисток белградского образованного круга¹³⁶.

Сербский национальный женский союз

Новое поколение членов Женского общества в 1906 г. установило первые личные контакты с представительницами Международного совета женщин¹³⁷ и подняло вопрос об объединении женских обществ в один национальный союз, что было необходимо для вступления в международные организации. Эту идею, однако, большая часть Женского общества встретила апатично, другая подвергла ее резкой критике, а третья сочла преждевременной¹³⁸.

Только когда стало известно о приезде в Белград доктора философии и феминистки Кэте Ширмахер (1858–1930) (чтобы побудить женские общества к объединению и присоединению к международному женскому движению), по предложению Е. Лазаревич такой союз был создан. Сербский национальный женский союз¹³⁹ был основан 5/18 октября 1906 г. на собрании представительниц Женского общества

¹³⁵ Подробнее см.: Vožinović 1996: 75–76; Станков 2011: 115–116; Столић 2015: 163–164.

¹³⁶ Это проявилось в появлении на эту тему статей на страницах *Домаћница*, например, Елены Лазаревич (преподаватель Высшей женской школы, секретарь Круга сербских сестер, член Литературного комитета *Домаћница*) и Ольги Гаврилович в 1904 г. (Станков 2011: 107–108).

¹³⁷ International Council of Women. Основан в Вашингтоне в 1888 г. с целью достижения эмансипации женщин, в него входили национальные женские общества из Америки и Европы.

¹³⁸ Vožinović 1996: 73.

¹³⁹ См. о нем подробнее: Vožinović 1996: 73–77; Станков 2011: 108–121; Столић 2015: 165–175, 2018, 2018а, 2019. Также: *Иванић Д.* Успомене. С. 168–172.

в Белграде, Комитета женщин «Княгиня Любица», Круга сербских сестер и Материнского объединения¹⁴⁰, а со временем в него вошли и другие женские организации — Дом учениц средних школ, Общество «Сербская мать», Сербско-еврейское общество¹⁴¹, Еврейское женское общество, Еврейское женское общество «Добротвор», Женские общества в Крагуеваце и Шабаце и филиалы в ряде городов¹⁴².

22 октября (4 ноября) в Белградском университете состоялась лекция К. Ширмахер, но ей не удалось никого склонить к идеям феминизма. Однако нескольких активисток она убедила в личных беседах и предложила им внести в правила деятельности Сербского союза требование права голоса для женщин и обратиться с просьбой о вступлении в Международный женский избирательный альянс¹⁴³. Однако реальной готовности и к его образованию не было, и только два года спустя началась какая-то активность, кроме обсуждения правил. Но внесение требования женского права голоса в его задачи вызвало сопротивление некоторых обществ. В итоге оно было включено, но только как второстепенная задача. Причем главным аргументом сторонниц вступления в Альянс был национальный интерес сербского народа — членство в Альянсе дало бы возможность на международной трибуне представить проблемы сербского народа и его борьбы за национальное освобождение и объединение¹⁴⁴.

В 1909 г. Сербский национальный женский союз был включен в Международный женский избирательный альянс, и его делегаты участвовали в работе конгресса в Лондоне в 1909 г. (Ана Христич) и в 1911 г. в Стокгольме (Драга Симич-Хултквист); участвовали они и в конгрессе Международного совета женщин в 1911 г. в Стокгольме (Елена Лозанич и Д. Симич-Хултквист)¹⁴⁵.

Заметим, что в утвержденных Управой Белграда в марте 1909 г. (и опубликованных в *Домаћница*) первых Правилах союза в числе его

¹⁴⁰ См.: Столић 2019: 160–161, 163; Vožinović 1996: 73–74; Станков 2011: 108–109.

¹⁴¹ Было основано в 1895 г. с целью сближение сербов и евреек и совместной гуманитарной деятельности (Vožinović 1996: 69).

¹⁴² Станков 2011: 114.

¹⁴³ International Woman Suffrage Alliance. Решение о его образовании было принято в 1902 г. в Вашингтоне, основан в 1904 г. в Берлине, центральный офис находился в Лондоне. Пропагандировал право голоса для женщин.

¹⁴⁴ Vožinović 1996: 74–75.

¹⁴⁵ Vožinović 1996: 75. Подробнее: Столић 2018a; Столић 2018b; Станков 2011: 119–121.

задач в ст. 8 указывалось «на первом месте работать на национальном поле и всю свою работу поставить на службу народным интересам; затем помочь всем женщинам сохранить свою веру, мораль и прогресс <...>» и т. д., а право голоса среди них отсутствовало¹⁴⁶. В ст. 7 и 8 Правил, окончательно принятых в 1911 г., оно есть в 7-й: «Союз ставит себе задачу на первом месте работать на национальном поле и улучшении положения женщин в обществе и государстве и на втором месте работать по достижению женского права голоса»¹⁴⁷.

Первым председателем организации была избрана С. Суботич (затем почетный председатель), потом им стала К. Миловук, а ее заместителями — М. Вулович и Д. Иванич (с 1911 г.). Деятельность организации разворачивалась в трех секциях: гуманитарной, культурной и феминистической, имевших определенные задачи¹⁴⁸.

В 1909–1912 гг. было проведено несколько конференций союза и несколько заседаний его правления, на которых рассматривались вопросы, касавшиеся его работы и правил, положения женщин, достижения права голоса и т. д.; по ним участники часто выражали разные мнения¹⁴⁹. Доступные нам свидетельства Д. Иванич об отдельных его мероприятиях в 1911–1912 гг. говорят об имевших место критике и поддержке со стороны общества, а также о разнице подходов к его работе Д. Иванич и К. Миловук¹⁵⁰.

Практические результаты работы союза до начала Балканских войн, когда главной для женских обществ стала гуманитарно-патриотическая деятельность, включали повышение заработной платы телефонисток и телеграфисток¹⁵¹ и открытие в 1912 г. первого детского сада для детей из семей рабочих¹⁵². Деятельность союза освещалась в *Домаћница*, что могло способствовать распространению идей об изменении положения женщин в обществе.

В целом основание и работа Сербского национального женского союза, в том числе участие в международных организациях, стало

¹⁴⁶ Цит. по: Столић 2019: 162–163.

¹⁴⁷ Цит. по: Војиновић 1996: 76.

¹⁴⁸ Подробнее см.: Станков 2011: 109–111, 117–119.

¹⁴⁹ Подробнее см.: Војиновић 1996: 75–77; Станков 2011: 114–117; Столић 2015: 170–171.

¹⁵⁰ *Иванић Д.* Успомене. С. 168–172.

¹⁵¹ Stojanović 1998: 243; Столић 2015: 171.

¹⁵² *Иванић Д.* Успомене. С. 171–172; Станков 2011: 117–118.

значимым событием в истории «женского мира» Белграда/Сербии. Однако обстоятельства, на фоне которых развивалось движение, показывают, что реальных условий для широкой деятельности в пользу достижения права голоса и эмансипации женщин тогда не было.

Женское рабочее общество («Сознание»)

Во второй половине XIX в., как уже говорилось выше, сербские женщины, как правило, находились вне происходившего в общественно-политической области. К редким исключениям, в частности, относятся несколько девушек, последовательниц идей Светозара Марковича (1846–1875), которые в начале 1870-х годов отправились учиться в Цюрих и, помимо учебы, участвовали там в работе группы сербских социалистов. Кроме того, в Народную радикальную партию, оформившуюся в 1881 г., вступило некоторое небольшое число женщин¹⁵³.

Второе поколение социалисток появилось в Белградском рабочем обществе, созданном в 1900 г., самой выдающейся была Стоянка Йованович-Цанка¹⁵⁴. По ее инициативе 10 августа 1903 г. основано первое Женское рабочее общество, позже названное «Сознание», которое действовало до ее болезни в 1905 г. Первым его шагом стало устройство вечеров для сбора средств. Общество отклонило приглашение к сотрудничеству, направленное ему Кругом сербских сестер, по «классовой» причине.

12 октября 1903 г. состоялось первое большое собрание организации, где присутствовали около 400 работниц. Оно приняло резолюцию, выразившую предложения Народной скупщине для внесения в трудовое законодательство. Эта резолюция стала первой программой женского рабочего движения в Сербии. В ней, в частности, требовалось запретить ночной труд женщин и детей, а также на вредных для

¹⁵³ Подробнее: Vožinović 1996: 61–65. Также: *Шемјакин А.Љ.* Схватанја и реални однос следбеника Светозара Марковића према женама ([1994], рукопись в архиве автора).

¹⁵⁴ Йованович-Цанка Стоянка (1873–1905) — родилась в Болгарии (урожденная Драгнева); училась в Женеве, затем в Белградском университете. Придерживалась социалистических взглядов, выступала за эмансипацию женщин. Участвовала в учредительном конгрессе Сербской социал-демократической партии в 1903 г., член редакции и сотрудник *Радничке новине* («Рабочая газета»), а затем *Ново време* («Новое время») (Подробнее: Vožinović 1996: 82; Столић 2015: 180).

здоровья работах, ввести восьмичасовой рабочий день, страхование рабочих и работниц на случай болезни, смерти и рождения ребенка (для взрослых работниц), уравнивать оплату труда женщин и мужчин и т. д. (В дальнейшем в Сербии были проведены и другие подобные собрания в связи с выработкой предложений для трудового закона; в итоге предложения по защите материнства вошли в Закон о труде 1910 г.)

Общество также выступало против дискриминации женщин, работавших на фабриках, устраивало курсы и лекции о женском вопросе и т. д. В январе 1904 г. оно организовало первую забастовку женщин на фабрике по изготовлению шляп в Белграде. В обществе состояли 124 участницы; за время существования оно значительно повлияло на работниц¹⁵⁵.

Секретариат женщин социал-демократок

12 сентября 1910 г. по инициативе секретаря Сербской социал-демократической партии Дмитрия Туцовича (1881–1914) был основан Секретариат женщин социал-демократок. Он выступал (в русле идей социальной демократии) за эмансипацию женщин, в частности, за уравнивание женщин с мужчинами в частном праве и политических правах. С октября 1910 г. организация издавала газету *Једнакост* («Равенство»), выходившую с перерывами до начала Первой мировой войны, где публиковались статьи о положении работниц и их деятельности, а также об экономическом, политическом и общественном равноправии женщин¹⁵⁶. Работа Секретариата разворачивалась через протестные собрания, организацию забастовок, сотрудничество с международным социалистическим движением. Однако организованная им агитация среди работниц была не слишком успешной, а большинство социалистов на личном уровне не были заинтересованы в женском рабочем движении¹⁵⁷. Сотрудничество на уровне организаций между Секретариатом и рассмотренными ранее женскими обществами отсутствовало.

В заключение отметим, что появление различных женских организаций в Белграде в последней четверти XIX — начале XX в. явилось

¹⁵⁵ Војиновић 1996: 82–83. Также см.: Столић 2015: 180–182.

¹⁵⁶ Војиновић 1996: 83–84, 88.

¹⁵⁷ Подробнее о Секретариате см.: Столић 2015: 182–185.

следствием развития и одновременно свидетельством начала некоторых изменений традиционного сербского общества, а в истории «женского мира» Сербии стало важной вехой. «Коллективное», патриотическое и героическое начала, свойственные для мировоззрения сербов, как и представления о роли женщины в семье и обществе, нашли проявление в характере и деятельности ряда женских обществ — преимущественно благотворительной, образовательно-просветительской и патриотической, в основе которой находились, прежде всего, интересы семьи, социума и народа в целом. Реальных внутренних и внешних условий для развития широкой деятельности в пользу эмансипации женщин, расширения их прав тогда не было, хотя в числе задач Сербского национального женского союза ставилась (как второстепенная) работа «по достижению женского права голоса», а Секретариат женщин социал-демократок выступал за эмансипацию женщин.

Большую роль в основании и развитии женских обществ сыграли образованные женщины, обладавшие выдающимися личными качествами, желанием и возможностью трудиться в общественной сфере на благо других людей, своего народа. В то же время появление и/или развитие женских организаций были бы невозможны без участия, поддержки окружения и в конкретных случаях — общин, высоких покровителей, государства, политической партии, что влияло и на их деятельность. Активность женщин/женских обществ, с другой стороны, не всегда находила общественное одобрение и должное признание.

Литература

- Вулетић 2002 — *Вулетић А.* Породица у Србији средином 19. века. Београд: Историјски институт: Службени гласник, 2002. 221 с.
- Гудац Додић 2018 — *Гудац Додић В.* Још једном о развоју историје жена у Србији // Годишњак за друштвену историју. 2018. № 2. С. 63–82.
- Лескинен 2014 — *Лескинен М.* Характерология славян в русской интерпретации: способы изображения гендерных типов «этнического другого» во второй половине XIX в. // Токови историје. 2014. № 3. С. 11–50.
- Лобачева 2018 — *Лобачева Ю.В.* Женщины в истории независимой Сербии (1878–1918 гг.) в освещении современной сербской историографии. Обзор // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2018. № 3–4. С. 62–75. DOI: 10.31168/2412-6446.2018.3-4.1.05.

- Лобачева 2020 — *Лобачева Ю.В.* Сербские женщины в путевых очерках П. А. Ровинского // Человек на Балканах. Памяти Андрея Леонидовича Шемякина (1960–2018) / под общ. ред. А. А. Силкина, Е. П. Серационовой, Ю. В. Лобачевой, А. Ю. Тимофеева. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2020. С. 96–127. DOI: 10.31168/4469-1772-3.04.
- Милановић 2015a — *Милановић Ј.* «Војска милосрђа» // Књиженство: часопис за студије књижевности, рода и културе. 2015. Vol. 5. № 5. URL: <http://www.knjizenstvo.rs/sr/casopisi/2015/zenska-knjizevnost-i-kultura/vojska-milosrdja#gsc.tab=0> (дата обращения: 17.03.2021). DOI: 10.18485/KNJIZ.2015.1.3.
- Милановић 2015b — *Милановић Ј.* Делфа Иванић — заборављене успомене // Делфа Иванић: заборављене успомене / [ур.] Ј. В. Милановић. Београд: Еволута, 2015. С. 5–84.
- Милановић 2017a — *Милановић Ј.* Јелена Димитријевић и женска друштва // Књиженство: часопис за студије књижевности, рода и културе. 2017. Vol. 7. № 7. URL: <http://www.knjizenstvo.rs/sr/casopisi/2017/zenska-knjizevnost-i-kultura/jelena-dimitrijevic-i-zenska-drustva#gsc.tab=0> (дата обращения: 17.03.2021). DOI: 10.18485/knjiz.2017.7.7.5.
- Милановић 2017b — *Милановић Ј.* Краљица Марија Карађорђевић и Женско друштво 1922–1941. // Карађорђе и његово наслеђе у српској историји / ур. К. Николић, Ј. Тодоровић. Велика Плана: Центар за културу «Масука», 2017. С. 227–242.
- Мишковић 2010 — *Мишковић Н.* Базари и Булеvari. Свет живота у Београду 19. века. Београд: Музеј града Београда, 2010. 432 с.
- Новаков 2017 — *Новаков А.* Стубове српске просвете: српске средње школе у Османском царству 1878–1912. Београд: Завод за уџбенике, 2017. 544 с.
- Пековић 2015 — *Пековић С.* Часописи по мери достојанственог женскиња: женски часописи у Србији на почетку 20. века. Нови Сад: Матица српска; Београд: Институт за књижевност и уметност, 2015. 380 с.
- Перович 2007 — *Перович Ј.* Србија в модернизационних процесима XIX–XX векова // Человек на Балканах: социокультурные измерения процесса модернизации на Балканах (середина XIX — середина XX в.) / отв. ред. Р. П. Гришина. СПб.: Алетейя, 2007. С. 16–40.
- Петровская 2001 — *Петровская О.В.* Менталитет южнославянской женщины второй половины XIX — начала XX века // Женщины в истории: возможность быть увиденными / под ред. И. Р. Чикаловой. Минск: БГПУ им. Максима Танка, 2001. Вып. 1. С. 132–142.
- Румянцева 2003 — *Румянцева А.А.* Положение сербских женщин в 1860-е годы (по свидетельству П. А. Ровинского) // Проблемы славяноведения в трудах молодых ученых / отв. ред. Б. В. Носов. М.: Институт славяноведения, 2003. Вып. 1. С. 27–37.

- Савић 2009 — *Савић Ј.* Коло српских сестара — одговор елите на женско питање // Гласник Етнографског музеја. 2009. № 73. С. 115–132.
- Станков 2011 — *Станков Љ.* Катарина Миловук (1844–1913) и женски покрет у Србији. Београд: Педагошки музеј, 2011. 136 с.
- Стефановић 2016 — *Стефановић С.* Жене у служби нације и војске (1875–1918) // Књижевство: часопис за студије књижевности, рода и културе. 2016. Vol. 6. № 6. URL: <http://www.knjizenstvo.rs/sr/casopisi/2016/zenska-knjizevnost-i-kultura/zene-u-sluzbi-nacije-i-vojske-1875-1918#gsc.tab=0> (дата обраћања: 17.03.2021). DOI: 10.18485/knjiz.2016.1.7.
- Стојановић 2008 — *Стојановић Д.* Калдрма и асфалт: урбанизација и европеизација Београда; 1890–1914. Београд: Удружење за друштвену историју, 2008. 383 с.
- Столић 2001 — *Столић А.* Друштвени идентитет учитељица у Србије 19. века // Годишњак за друштвену историју. 2001. Год. VIII. Св. 3. С. 205–232.
- Столић 2015 — *Столић А.* Сестре Српкиње: појава покрета за еманципацију жена и феминизма у Краљевини Србији. Београд: Evoluta, 2015. 216 с.
- Столић 2018а — *Столић А.* Између национализма и интернационализма. Српкиње на конгресима организација Међународног женског покрета до Првог светског рата // Историјски часопис. 2018. Књ. LXVII. С. 309–338.
- Столић 2018б — *Столић А.* Српски народни женски савез и Међународна алијанса за право гласа жена. Изводи из Извештаја са конгреса Алијансе у Лондону 1909. и Стокхолму 1911. године // Мешовита грађа = Miscellanea. 2018. Књ. XXXIX. С. 215–232.
- Столић 2019 — *Столић А.* Правила Српског народног женског савеза из 1909. године // Мешовита грађа = Miscellanea. 2019. Књ. XL. С. 157–169. DOI: 10.34298/MG1940155S.
- Тебо (ред.) 2015 — История женщин на Западе: в 5 т. / под общ. ред. Ж. Дюби и М. Перро; под ред. Ф. Тебо; науч. ред. перевода Н. Л. Пушкарева. СПб.: Алетей, 2015. Т. V. Становление культурной идентичности в XX столетии. 624 с.
- Трговчевић 1999 — *Трговчевић Љ.* Прича једне краљице // *Обреновић Н.* Моје успомене / прир. Љ. Трговчевић. Београд: Српска књижевна задруга, 1999. С. 19–46.
- Трговчевић 2003 — *Трговчевић Љ.* Планирана елита: о студентима из Србије на европским универзитетима у 19. веку. Београд: Историјски институт: Службени гласник, 2003. 319 с.
- Хаџић 2013 — *Хаџић З. П.* Жена у Балканском рату: дневничке белешке сликарке Наталије Цветковић // Први балкански рат 1912/1913. године: друштвени и цивилизацијски смисао. Ниш: Филозофски факултет, 2013. Књ. 2 / прир. А. Растовић. С. 177–183.
- Шемякин 1998 — *Шемякин А. Л.* Идеология Николая Пашича. Формирование и эволюция (1868–1891). М.: Индик, 1998. 448 с.

- Шемякин 2006 — *Шемякин А.Л.* Традиционное общество и вызовы модернизации. Сербия последней трети XIX — начала XX в. глазами русских // Русские о Сербии и сербах / сост., вступ ст., закл. А.Л. Шемякина; комм. А.А. Силкина, А.Л. Шемякина. СПб.: Алетейя, 2006. Т. 1. Письма, статьи, мемуары. С. 629–680.
- Шемякин 2007 — *Шемякин А.Л.* Система народного образования в независимой Сербии: принуждение или потребность // Человек на Балканах: социокультурные измерения процесса модернизации на Балканах (середина XIX — середина XX в.) / отв. ред. Р.П. Гришина. СПб.: Алетейя, 2007. С. 90–102.
- Шемякин 2012 — *Шемякин А.Л.* Сербия и сербы накануне Балканских войн глазами русских (к дискуссии о «современном» государстве) // Модернизация vs. Война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913) / отв. ред. Р.П. Гришина, А.Л. Шемякин. М.: Институт славяноведения РАН, 2012. С. 123–162.
- Božinović 1996 — *Božinović N.* Žensko pitanje u Srbiji u XIX i XX veku. Beograd: Devetdesetčetvrti, 1996. 278 s.
- Dražković, Popović-Obradović 1998 — *Dražković M., Popović-Obradović O.* Pravni položaj žene prema Srpskom građanskom zakoniku (1844–1946) // Srbija u modernizacijskim procesima 19. i 20. veka. 2. Položaj žene kao merilo modernizacije: naučni skup / gl. i odg. ur. L. Perović. Beograd: Institut za noviju istoriju Srbije, 1998. S. 11–25.
- Milanović 2014 — *Milanović J.* Mabel Grujić i Delfa Ivanić dobročiniteljke srpskog naroda // Istorija 20. veka. 2014. God. 32. № 1. P. 9–26.
- Milanović 2015 — *Milanović J.* Odbor gospođa “Kneginja Ljubica” 1899–1942 // Istorija 20. veka. 2015. God. 33. № 1. S. 23–33.
- Milanović 2018 — *Milanović J.* Materinsko udruženje — humani i socijalni aspekti delovanja 1904–1941. // Istorija 20. veka. 2018. God. 36. № 2. S. 37–54.
- Mišković 1995 — *Mišković N.* “...mit dem Patriotismus der serbischen Dame hat die Welt noch zu rechnen!”. Der serbische Frauenverein zwischen Patriotismus und bürgerlicher Wohltätigkeit (1875–1914) // Годишњак за друштвену историју. 1995. Год. II. Свеска 1. С. 64–74.
- Nikolić-Ristanović 1998 — *Nikolić-Ristanović, V.* Krivičnopravna zaštita žena u Srbiji 19. i 20. veka // Srbija u modernizacijskim procesima 19. i 20. veka. 2. Položaj žene kao merilo modernizacije: naučni skup / gl. i odg. ur. L. Perović. Beograd: Institut za noviju istoriju Srbije, 1998. S. 26–35.
- Nikolova 1998 — *Nikolova M.* Školovanje ženske mladeži u Srbiji do 1914. // Srbija u modernizacijskim procesima 19. i 20. veka. 2. Položaj žene kao merilo modernizacije: naučni skup / gl. i odg. ur. L. Perović. Beograd: Institut za noviju istoriju Srbije, 1998. S. 73–82.
- Peković 2004 — *Peković S.* Ženski časopisi u Srbiji na početku 20. veka // Slavica Tergestina. 2004. № 11–12. С. 123–137. URL: <https://www.openstarts.units.it/handle/10077/2423> (accessed: 17.03.2021).

- Perović 1998 — *Perović L.* Modernost i patrijarhalnost kroz prizmu državnih ženskih institucija: Viša ženska škola (1863–1913) // Srbija u modernizacijskim procesima 19. i 20. veka. 2. Položaj žene kao merilo modernizacije: naučni skup / gl. i odg. ur. L. Perović. Beograd: Institut za noviju istoriju Srbije, 1998. S. 141–161.
- Prošić-Dvornić 2006 — *Prošić-Dvornić M.* Odevanje u Beogradu u XIX i početkom XX veka. Beograd: Stubovi kulture, 2006. 558 s.
- Stojanović 1998 — *Stojanović D.* Žene “u smislu razumevanja našeg naroda”. Slučaj žena stručnjaka u Srbiji 1903–1912. // Srbija u modernizacijskim procesima 19. i 20. veka. 2. Položaj žene kao merilo modernizacije: naučni skup / gl. i odg. ur. L. Perović. Beograd: Institut za noviju istoriju Srbije, 1998. S. 239–251.
- Stolić 2001 — *Stolić A.* From childhood to womanhood: The ideological basis of the upbringing of female children in Serbia at the end of the 19th century // *Childhood in South East Europe: Historical perspectives on growing up in the 19th and 20th century* / ed. by S. Naumović, M. Jovanović. Beograd: Čigoja štampa, 2001. P. 97–109.
- Trgovčević 1998 — *Trgovčević L.* O studentkinjama iz Srbije na stranim univerzitetima do 1914. godine // Srbija u modernizacijskim procesima 19. i 20. veka. 2. Položaj žene kao merilo modernizacije: naučni skup / gl. i odg. ur. L. Perović. Beograd: Institut za noviju istoriju Srbije, 1998. S. 83–100.
- Trnavac 1998 — *Trnavac N.* Indiferentnost prema školovanju ženske dece u Srbiji 19. veka // Srbija u modernizacijskim procesima 19. i 20. veka. 2. Položaj žene kao merilo modernizacije: naučni skup / gl. i odg. ur. L. Perović. Beograd: Institut za noviju istoriju Srbije, 1998. S. 55–72.
- Veselinović 1998 — *Veselinović J.* Jevrejska žena u Beogradu od druge polovine 19. veka do drugog svetskog rata // Srbija u modernizacijskim procesima 19. i 20. veka: Položaj žene kao merilo modernizacije / gl. i odg. ur. L. Perović. Beograd: Institut za noviju istoriju Srbije, 1998. S. 485–495.

References

- Božinović, N., 1996. *Žensko pitanje u Srbiji u XIX i XX veku*. Beograd: Devetdesetčetvrta, 278 p.
- Gudac Dodić, V., 2018. Još jednom o razvoju istorije žena u Srbiji [Once again, on the Development on Women’s History in Serbia]. *Godišnjak za društvenu istoriju*, 3, pp. 63–82. (In Serb.)
- Drašković, M., Popović-Obradović, O., 1998. Pravni položaj žene prema srpskom građanskom zakoniku (1844–1946). In: Perović, L., ed. *Srbija u modernizacijskim procesima 19. i 20. veka. Položaj žene kao merilo modernizacije: naučni skup*. Beograd: Institut za noviju istoriju Srbije, pp. 11–25.
- Hadžić, Z. P., 2013. Žena u Balkanskom ratu: dnevničke beleške slikarke Natalije Cvetković [Woman in the Balkan War: diary notes of painter Natalija

- Cvetković]. In: Rastović, A., ed. *Prvi balkanski rat 1912/1913. godine: društveni i civilizacijski smisao* [The First Balkan War: Social and cultural meaning], 2. Niš: Filozovski fakultet, pp. 177–183. (In Serb.)
- Leskinen, M., 2014. Karakterologija slaviana v ruskoj interpretaciji: sposoby izobrazheniia gendernykh tipov “etnicheskogo drugogo” vo vtoroi polovine 19 v. [Characterology of the Slavs in the Russian interpretation: Ways of depicting gender types of the “ethnic other” in the second half of the nineteenth century]. *Tokovi istorije*, 3, pp. 11–50. (In Rus.)
- Lobacheva, Iu.V., 2018. Zhenshchiny v istorii nezavisimoi Serbii (1878–1918 gg.) v osveshchenii sovremennoi serbskoj istoriografii. Obzor [The contemporary Serbian historiography on women in the history of the independent Serbian state (1878–1918). An overview]. *Slavianskii mir v tret'em tysyacheletii*, 3–4, pp. 62–75. DOI: 10.31168/2412-6446.2018.3-4.1.05. (In Rus.)
- Lobacheva, Iu.V., 2020. Serbskie zhenshchiny v putevykh ocherkakh P.A. Rovinskogo [Serbian women in the travel notes of Pavel Rovinsky]. In: Silkin, A. A., ed. *Chelovek na Balkanakh. Pamiati Andreia Leonidovicha Shemiakina (1960–2018)* [A Man in the Balkans. A Collection of articles in memoriam of Andrey Leonidovich Shemyakin (1960–2018)]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN; Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, 2020, pp. 96–127. DOI: 10.31168/4469-1772-3.04. (In Rus.)
- Milanović, J., 2014. Mabel Grujić i Delfa Ivanić dobročiniteljke srpskog naroda. *Istorija 20. veka*, XXXII, 1, pp. 9–26.
- Milanović, J., 2015. Odbor gospođa “Kneginja Ljubica” 1899–1942. *Istorija 20. veka*, XXXIII, 1, pp. 23–33.
- Milanović, J., 2015. “Vojska milosrđa” [“Army of Mercy”]. *Knjiženstvo: casopis za studije književnosti, roda i culture*, 5, 5. URL: <http://www.knjiženstvo.rs/sr/casopisi/2015/zenska-književnost-i-kultura/vojska-milosrdja#gsc.tab=0> (accessed: 16.08.2021). DOI: 10.18485/KNJIZ.2015.1.3. (in Serb.)
- Milanović, J., 2015a. Delfa Ivanić — zaboravljene uspomene [Delfa Ivanić — Forgotten Memories]. In: Milanović, J., ed. *Delfa Ivanić: zaboravljene uspomene* [Delfa Ivanić: Forgotten memories]. Beograd: Evoluta, pp. 5–84. (In Serb.)
- Milanović, J., 2017. Jelena Dimitrijević i ženska društva [Jelena Dimitrijević and Women’s Societies]. *Knjiženstvo: casopis za studije književnosti, roda i culture*, 7, 7. URL: <http://www.knjiženstvo.rs/sr/casopisi/2017/zenska-književnost-i-kultura/jelena-dimitrijevic-i-zenska-drustva#gsc.tab=0> (accessed: 17.03.2021). DOI: 10.18485/knjiz.2017.7.7.5. (In Serb.)
- Milanović, J., 2017. Kraljica Marija Karadorđević i Žensko društvo 1922–1941 [Queen Marija Karadorđević and Women’s Society (1922–1941)]. In: Nikolić, K., Todorović, J., eds. *Karadorđe i njegovo nasleđe u srpskoj istoriji* [Karadjordj and his legacy in Serbian history]. Veliks Planina: Centar za kulturu “Masuka”, pp. 227–242. (In Serb.)

- Milanović, J., 2018. Materinsko udruženje – humani i socijalni aspekti delovanja 1904–1941. *Istorija 20. veka*, 36, 2, pp. 37–54.
- Mišković, N., 1995. "...mit dem Patriotismus der serbischen Dame hat die Welt noch zu rechnen!". Der serbische Frauenverein zwischen Patriotismus und bürgerlicher Wohltätigkeit (1875–1914). *Godišnjak za društvenu istoriju*, II, 1, pp. 64–74.
- Mišković, N., 2010. *Bazari i Bulevari. Svet života u Beogradu 19. veka* [Bazaars and boulevards. The world of life in nineteenth century Belgrade]. Beograd: Muzej grada Beograda, 432 p. (in Serb.)
- Nikolić-Ristanović, V., 1998. Krivičnopravna zaštita žena u Srbiji 19. i 20. veka. In: Perović, L., ed. *Srbija u modernizacijskim procesima 19. i 20. veka*, 2, *Položaj žene kao merilo modernizacije*. Beograd: Institut za noviju istoriju Srbije, pp. 26–35.
- Nikolova, M., 1998. Školovanje ženske mladeži u Srbiji do 1914. In: Perović, L., ed. *Srbija u modernizacijskim procesima 19. i 20. veka*, 2, *Položaj žene kao merilo modernizacije: naučni skup*. Beograd: Institut za noviju istoriju Srbije, pp. 73–82.
- Novakov, A., 2017. *Stubove srpske prosvete: srpske srednje škole u Osmanskom carstvu 1878–1912* [Pillars of Serbian education: Serbian secondary schools in the Ottoman Empire 1878–1912]. Beograd: Zavod za udžbenike, 544 p. (In Serb.)
- Peković, S., 2004. Ženski časopisi u Srbiji na početku 20. veka [Women's magazines in Serbia in the early twentieth]. *Slavica Tergestina*, 11–12. pp. 123–137. URL: <https://www.openstarts.units.it/handle/10077/2423> (accessed: 17.03.2021). (In Serb.)
- Peković, S., 2015. *Časopisi po meri dostojanstvenog ženskinja: ženski časopisi u Srbiji na početku 20. veka*. [Magazines tailored to a dignified woman: Women's magazines in Serbia in the early twentieth century]. Novi Sad: Matica srpska; Beograd: Institut za književnost i umetnost, 380 p. (In Serb.)
- Perović, L., 1998. Modernost i patrijarhalnost kroz prizmu državnih ženskih institucija: Viša ženska škola (1863–1913). In: Perović, L., ed. *Srbija u modernizacijskim procesima 19. i 20. veka*, 2, *Položaj žene kao merilo modernizacije: naučni skup*. Beograd: Institut za noviju istoriju Srbije, pp. 141–161.
- Perovich, L., 2007. Serbiia v modernizatsionnykh protsessakh 19–20 vekov [Serbia in the modernisation processes of the nineteenth and twentieth centuries]. In: Grishina, R. P., ed. *Chelovek na Balkanakh: sotsiokul'turnye izmereniia protsessia modernizatsii na Balkanakh (seredina 19 – seredina 19 v.)* [A Man in the Balkans: Sociocultural dimensions of the modernisation process in the Balkans (from the middle of the nineteenth to the middle of the twentieth centuries)]. Saint Petersburg: Aleteiia, pp. 16–40. (In Rus.)
- Petrovskaia, O. V., 2001. Mentalitet izhnoslavianskoi zhenshchiny vtoroi poloviny 19 – nachala 20 veka [Mentality of the South Slavic woman of the second half of the nineteenth and early twentieth centuries]. In: Chikalova,

- I. R., ed. *Zhenshchiny v istorii: vozmozhnost' byt' uvidennymi* [Women in history: The opportunity to be seen], 1. Minsk: BGPU im. Maksima Tanki, pp. 132–142. (In Rus.)
- Prošić-Dvornić, M., 2006. *Odevanje u Beogradu u XIX i početkom XX veka* [Clothing in Belgrade in the nineteenth and early twentieth centuries]. Beograd: Stubovi kulture. 558 s.
- Rumiantseva, A. A., 2003. Polozhenie serbskikh zhenshchin v 1860-e gody (po svidetel'stvu P. A. Rovinskogo) [The situation of Serbian women in the 1860s (according to P. A. Rovinsky's evidence)]. In: Nosov, B. V., ed. *Problemy slavianovedeniia v trudakh molodykh uchenykh*. [The Problems of Slavic studies in the works of young scholars], 1. Moscow: Institut slavianovedeniia, pp. 27–37. (In Rus.)
- Savić, J., 2009. Kolo srpskih sestara – odgovor elite na žensko pitanje [The role of elite in the processes of national integration illustrated by the example of the Circle of Serbian Sisters]. *Glasnik Etnografskog muzeja*, 73, pp. 115–132. (In Serb.)
- Shemiakin, A. L., 1998. *Ideologija Nikoly Pashicha. Formirovanie i evoliutsiia (1868–1891)* [The ideology of Nikola Pašić. Its formation and evolution (1868–1891)]. Moscow: Indrik, 448 p. (In Rus.)
- Shemiakin, A. L., 2006. Traditsionnoe obshchestvo i vyzovy modernizatsii. Serbiia poslednei treti 19 – nachala 20 v. glazami russkikh [Traditional society and challenges of modernisation. Serbia from the last third of the nineteenth to the early twentieth century through the eyes of Russians]. In: Shemiakin, A. L., ed. *Russkie o Serbii i serbakh*, 1, *Pis'ma, stat'i, memuary* [Russians on Serbia and the Serbs. Letters, articles, and memoirs]. Saint Petersburg: Aleteia, pp. 629–680. (In Rus.)
- Shemiakin, A. L., 2007. Sistema narodnogo obrazovaniia v nezavisimoi Serbii: prinuzhdenie ili potrebnost' [The public education system in independent Serbia: coercion or need]. In: Grishina, R. P., ed. *Chelovek na Balkanakh: sotsiokul'turnye izmereniia protsessa modernizatsii na Balkanakh (seredina 19 – seredina 20 v.)* [A Man in the Balkans: Sociocultural measurements of the modernization process in the Balkans (the middle of the nineteenth – the middle of the twentieth century)]. Saint Petersburg: Aleteia, pp. 90–102. (In Rus.)
- Shemiakin, A. L., 2012. Serbiia i serby nakanune Balkanskikh voin glazami russkikh (k diskussii o "sovremennom" gosudarstve) [Serbia and Serbs on the eve of the Balkan Wars through the eyes of Russians (towards the discussion about the "modern" state)]. In: Grishina, R. P., Shemiakin, A. L., eds. *Modernizatsiia vs. voina. Chelovek na Balkanakh nakanune i vo vremia Balkanskikh voin (1912–1913)*. [Modernization vs. War. Man in the Balkans on the eve and during the Balkan Wars (1912–1913)]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, pp. 123–162. (in Rus.)

- Stankov, Lj., 2011. *Katarina Milovuk (1844–1913) i ženski pokret u Srbiji* [Katarina Milovuk (1844–1913) and the Female Movement in Serbia]. Beograd: Pedagoški muzej, 136 p. (In Serb.)
- Stefanović, S., 2016. Žene u službi nacije i vojske (1875–1918) [Women in the Service of Nation and Army (1875–1918)]. *Knjiženstvo: casopis za studije književnosti, roda i culture*, 6, 6. URL: <http://www.knjizenstvo.rs/sr/casopisi/2016/zenska-knjizevnost-i-kultura/zene-u-sluzbi-nacije-i-vojske-1875-1918#gsc.tab=0> (accessed: 17.03.2021). DOI 10.18485/knjiz.2016.1.7. (in Serb.)
- Stojanović, D., 1998. Žene “u smislu razumevanja našeg naroda”. Slučaj žena stručenjaka u Srbiji 1903–1912. In: Perović, L., ed. *Srbija u modernizacijskim procesima 19. i 20. veka*. 2. *Položaj žene kao merilo modernizacije: naučni skup*. Beograd: Institut za noviju istoriju Srbije, pp. 239–251.
- Stojanović, D., 2008. Kaldrma i asfalt: urbanizacija i evropeizacija Beograda; 1890–1914 [Cobblestone and asphalt: Urbanization and Europeanization of Belgrade; 1890–1914]. Beograd: Udruženje za društvenu istoriju, 383 p. (In Serb.)
- Stolić, A., 2001. Društveni identitet učiteljica u Srbije 19. veka [The social identity of female teachers in nineteenth-century Serbia]. *Godišnjak za društvenu istoriju*, VIII, 3, pp. 205–232. (In Serb.)
- Stolić, A., 2001. From childhood to womanhood: The ideological basis of the upbringing of female children in Serbia at the end of the 19th century. In: Namović, S., Jovanović, M., 2001, eds. *Childhood in South East Europe: Historical perspectives on growing up in the 19th and 20th century*. Beograd: Čigoja štampa, pp. 97–109.
- Stolić, A., 2015. *Sestre Srkinje: pojava pokreta za emancipaciju žena i feminizma u Kraljevini Srbiji* [Serbian Sisters: The emergence of the Movement for the emancipation of Women and feminism in the Kingdom of Serbia]. Beograd: Evoluta. 216 p. (In Serb.)
- Stolić, A., 2018. Između nacionalizma i internacionalizma. Srkinje na kongresima organizacija Međunarodnog ženskog pokreta do Prvog svetskog rata [Between Nationalism and Internationalism. Serbian women at congresses of organizations of the international women’s movement until the First World War]. *Istorijski časopis*, LXVII, pp. 309–338. (In Serb.)
- Stolić, A., 2018a. Srpski narodni ženski savez i Međunarodna alijansa za pravo glasa žena. Izvodi iz Izveštaja sa kongresa Alijanse u Londonu 1909. i Stokholmu 1911. godine [Serbian National Women’s Union and International Woman Suffrage Alliance. Excerpts from reports from the Alliance’s Congress held in London in 1909 and Stockholm in 1911]. *Mešovita grada = Miscellanea*, XXXIX, pp. 215–232. (In Serb.)
- Stolić, A., 2019. Pravila Srpskog narodnog ženskog saveza iz 1909. godine [Rules of the Serbian National Women’s Union from 1909]. *Mešovita grada = Miscellanea*, XL, pp. 157–169. DOI: 10.34298/MG1940155S. (In Serb.)

- Tebo, F., ed., 2015. *Istorija zhenshchin na Zapade* [A History of women in the West], 5, *Stanovlenie kul'turno identichnosti v 20 stoletii* [Toward a cultural identity in the twentieth century]. Saint Petersburg: Aleteia, 2015. 624 s. (In Rus.)
- Trgovčević, Lj., 1998. O studentkinjama iz Srbije na stranim univerzitetama do 1914. godine. In: Perović, L., ed. *Srbija u modernizacijskim procesima 19. i 20. veka. 2, Položaj žene kao merilo modernizacije: naučni skup*. Beograd: Institut za noviju istoriju Srbije, pp. 83–100.
- Trgovčević, Lj., 1999. Priča jedne kraljice [The story of a queen]. In: Obrenović N. *Moje uspomene* [My memories] / prir. Lj. Trgovčević. Beograd: Srpska književna zadruga, pp. 19–46. (In Serb.)
- Trgovčević, Lj., 2003. *Planirana elita: o studentima iz Srbije na evropskim univerzitetima u 19. veku* [The Planned Elite: students from Serbia in European universities in the 19th century]. Beograd: Istorijski institute: Službeni glasnik, 319 p. (In Serb.)
- Trnavac, N., 1998. Indiferentnost prema školovanju ženske dece u Srbiji 19. veka. In: Perović, L., ed. *Srbija u modernizacijskim procesima 19. i 20. veka. 2, Položaj žene kao merilo modernizacije: naučni skup*. Beograd: Institut za noviju istoriju Srbije, pp. 55–72.
- Veselinović, J., 1998. Jevrejska žena u Beogradu od druge polovine 19. veka do drugog svetskog rata. In: Perović, L., ed. *Srbija u modernizacijskim procesima 19. i 20. veka: Položaj žene kao merilo modernizacije*. Beograd: Institut za noviju istoriju Srbije, pp. 485–495.
- Vuletić, A., 2003. *Porodica u Srbiji sredinom 19. veka* [The Serbian family in the middle of the nineteenth century]. Beograd: Istorijski institute: Službeni glasnik. 221 p. (In Serb.)

Yulia V. Lobacheva

PhD, Senior Research Fellow, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences Moscow, Russia. 119334, Leninskii Prospekt, 32A. E-mail: lobachevaj@gmail.com

Women's Organizations in Belgrade from the Last Quarter of the Nineteenth to the Early Twentieth Century

This article considers the emergence and activities of women's organizations in Belgrade from the last quarter of the nineteenth to the early twentieth century. An attempt is made to show that their features, circumstances of formation, and activity are connected with the history of Serbian society from the second half of the nineteenth to the early twentieth century. Special attention is paid to the position and particular aspects of the life of Serbian women at that time, as well as the history of women's education, in the context of which the Women's Higher School in Belgrade is mentioned. This paper considers the foundation and work of several charitable and charitable patriotic societies and briefly presents the activities of the Serbian National Women's Union, the Working Women's Society (*Consciousness*), and the Secretariat of the Women of the Social Democrats. Attention is drawn to the great role of educated women in the foundation and work of such organizations, who were undoubtedly of outstanding personal qualities, and had the desire and opportunity to work for the benefit of society and the country. The attitude of Belgrade society and the state to their activities is also examined. It is emphasised that the "collective", patriotic, and heroic principles characteristic of the Serbian worldview manifested in the nature and activities of a number of organizations. This occurred at a time when there were no real internal or external conditions for the development of a movement in favour of changes in the position of women in Serbian society or broadening their rights. The research is based, in particular, on the testimonies of some Russian observers (scholars-Slavists, travellers etc.) who visited or lived in Serbia in the second half of the nineteenth and early twentieth centuries, which complement the idea of the overall picture of Serbian and Belgradian life at that time.

Keywords: Serbia, Serbian society, women's history, women's issues, Jewish Women's Society, Women's Society in Belgrade, Board of Women "Kneginja Ljubica", Circle of Serbian Sisters, Maternal Association, Serbian National Women's Union

How to cite: Lobacheva, Yu.V., 2022. Zhenskie organizatsii v Belgrade v poslednei chetverti 19 – nachale 20 v. *Tsentral'noevropeiskie issledovaniia*, 2022, 5(14). Moscow: Institut slavianovedeniia RAN; Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, pp. 347–391. doi: 10.31168/2619-0877.2022.5.14.

Кирилл Алексеевич Попов

Кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт славяноведения РАН, Москва, Россия. 119334, Ленинский проспект, д. 32А, E-mail: Pcyril90@gmail.com

Австро-венгерская пресса о сопротивлении трансильванских саксонцев закону о топонимах IV/1898

Среди множества национальных вопросов, стоявших перед «лоскутной» монархией Габсбургов, свое место занимала проблема этнических немцев, рассеянных среди других народов (венгров, румын, сербов, словаков, чехов) на территории различных исторических регионов державы. Разделенные на общины, сложившиеся в разное время и обладавшие разным уровнем сплоченности и самосознания, они оказывались на пересечении противоречий: между половинами монархии, между центром и регионами, между одним из политически доминирующих народов государства и всеми остальными, между большими и меньшими этническими группами региона, в конце концов, даже между Австро-Венгрией и Германией. Для одной из таких общин, трансильванских саксонцев, отличавшихся развитой региональной идентичностью и активной общественно-политической деятельностью, серьезным вызовом стала унифицирующая политика Будапешта в области применения государственного языка. Попытки с их стороны помешать вступлению в силу закона IV/1898 «О муниципальных и прочих топонимах» выявили широкое распространение в саксонской среде негативного отношения к венгерскому правительству и были так или иначе созвучны позиции многих общественных сил в пределах двуединой монархии. Это подтверждает и внимание к протестам широкого спектра периодических изданий обеих половин державы. В статье на материале прессы сопоставлены особенности восприятия реакции саксонцев на закон IV/1898 непосредственно ими самими, словаками, чехами и немцами Чешских земель, столичными либеральными кругами. Такой выбор обусловлен тем, что словаков также затрагивал этот документ, немцы Чешских земель находились в том же клубке противоречий, что и трансильванские саксонцы, столичные же либеральные круги в тот момент доминировали в политической сфере. Такое сопоставление демонстрирует степень осознания современниками сходства и различия национальных вопросов в разных регионах Австро-Венгрии, способы встраивания периодикой одних и тех же известий в разные повестки дня, а также обогащает общее представление о характере общественно-политической жизни Габсбургской монархии рубежа XIX–XX вв.

Ключевые слова: трансильванские саксонцы, Семиградье, пресса, мадьяризация, национальный вопрос, гражданское общество, протесты, Австро-Венгрия

Цитирование: *Попов К.А.* Австро-венгерская пресса о сопротивлении трансильванских саксонцев закону о топонимах IV/1898 // Центральноевропейские исследования. 2022. Вып. 5(14). М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2022. С. 392–414. DOI: 10.31168/2619-0877.2022.5.15.

Среди множества национальных вопросов, стоявших перед «ло-скутной» монархией Габсбургов, свое место занимала проблема этнических немцев, рассеянных среди других народов (венгров, румын, сербов, словаков, чехов) на территории различных исторических регионов державы. Положение этого этнического элемента было двусмысленным — с одной стороны, он принадлежал к политически доминирующей нации монархии, с другой стороны, фактически являлся национальным меньшинством в областях своего проживания. Эта двусмысленность определяла специфичность реакций региональных немцев на столичные законодательные инициативы.

В самом конце XIX в. в Венгерском королевстве, после обсуждения в парламенте и с санкции императора-короля Франца Иосифа I (1848–1916 гг.), был принят закон IV/1898 «О муниципальных и прочих топонимах». Формально он выполнял сугубо практическую функцию унификации географических названий, которые традиционно имели несколько вариантов написания (обычно венгерский, немецкий и на основном языке региона). Новый закон закреплял в качестве официальных названия на государственном языке — т.е. венгерском. При всей внешней логичности такого подхода, из-за сложного этнического состава страны он с неизбежностью был негативно воспринят политически активными представителями национальных меньшинств¹. Среди недовольных оказались и трансильванские нем-

¹ Официальной доктриной Венгерского королевства была концепция единой венгерской политической нации — все население страны с точки зрения равенства политических прав считалось венграми, которые по этническому происхождению и языку бытового общения могли быть мадьярами, немцами, румынами, словаками, сербами и т.д. Единственное исключение было сделано для хорватов по Венгерско-хорватскому соглашению 1868 г. Как таковая эта доктрина долго не вызвала сопротивления у немадьярского населения королевства, в целом соответствуя привычной многим поколениям концепции лояльности короне. Однако потребность в модерной унификации всех сфер жизни страны, и особенно образования, вместе с распространением государственного языка, который одновременно являлся родным языком только

цы, также известные по своему самоназванию как семиградские саксонцы². Острая реакция последних была связана с процессами, определявшими характер их общественной жизни на протяжении второй половины XIX в. Ранее трансильванские саксонцы пользовались административной автономией и правами, ставившими их в привилегированное положение по сравнению с проживающими в том же регионе румынами. Такая эксклюзивность и сохранение исторической памяти были краеугольными камнями регионального самосознания саксонцев и одновременно — их венгерского патриотизма. Австро-венгерское соглашение 1867 г. стало серьезным вызовом устоявшемуся порядку вещей — большая часть прежних привилегий саксонцев

мадьяр, породили долгосрочный конфликт. И представители титульной национальности, и меньшинства не могли провести однозначную границу между общим венгерским и национальным мадьярским. Следовательно, среди интеллектуальных элит немадьяр с течением времени все более распространялись опасения лишиться индивидуальности, исчезнуть как этнические общности вследствие «мадьяризации». Размах и степень реальной опасности этого явления в современной историографии подверглись существенной переоценке. Исследователи обратили внимание на то, что мадьяризация состояла и из добровольной естественной ассимиляции, и из целенаправленных мер правительства, которые, в свою очередь, имели разную степень интенсивности и успешности (Кбџуа (ed.) 2014). Более того, ее неравномерность и ряд противодействующих факторов позволяют говорить о том, что, успешность мадьяризации и связанные с ней риски зачастую были переоценены современниками (Holec 2012; Verecz 2021). Впрочем, не отрицается сам факт стремления венгерских правящих кругов построить национальное венгерское государство и связанных с этим проявлений шовинизма (см.: Zahorán 2008). Наконец, ряд исследователей сохранили приверженность традиционному взгляду на мадьяризацию как на весьма разрушительное явление, основываясь на данных статистики, демонстрировавших сокращение доли словачки в населении традиционного ареала проживания, без учета как нюансов этой статистики, так и комплексного характера проблемы (Habaj M., Lukačka J., Segeš V. [et al.] 2015).

² На территории Венгерского королевства существовал ряд немецких колоний и анклавов. Они различались между собой не только по месту проживания, но и по области происхождения, времени переселения, вероисповеданию, и не обладали единым самосознанием, однако имели устойчивые региональные идентичности. В Трансильвании большинство немецкого населения принадлежало к так называемым семиградским саксонцам (*Siebenbürgen* — Семиградье), которые представляли собой потомков средневековых переселенцев, с началом Реформации ставших протестантами. Однако здесь же находился и ареал сатмарских швабов, заселявших Военную границу, католиков по вероисповеданию. Проживали в регионе и швабы Баната, переселенцы XVIII в., тоже католики. Чтобы не смешивать эти группы, в статье используется термин «трансильванские саксонцы», а не обобщающий «трансильванские немцы». Подробнее см., например: Philippi 1971; Lengyel, Ulrich (Hrsg.) 1999; Barth, Göllner (Hrsg.) 1988; Pop, Nägler (eds) 2018.

была постепенно отменена. При этом включение в венгерское общество в качестве равноправных граждан и формальная защита законом о национальностях XLIV/1868 открывали для них новые перспективы в масштабе всего государства, оставляя возможности для сохранения самобытности в области культуры и религии³. На этом фоне саксонское общество было разделено между адептами защиты автономии и сторонниками интеграции в венгерское общество. Хотя названия обоих лагерей и нюансы их позиций с годами менялись⁴, само противоречие сохранялось. 1890-е годы стали важным этапом в его развитии, к этому времени относится установление сотрудничества с правящей в Венгерском королевстве Либеральной партией и принятием нового, компромиссного варианта национальной программы⁵. Характер законов, которые правительство, однако, продолжило проводить через Государственное собрание, привел к тому, что в саксонском обществе вновь обострился раскол — в 1894 г. «зеленая» оппозиция оформилась в собственную партию⁶. А закон о топонимах

³ Здесь важно упомянуть существовавшую у трансильванских саксонцев традицию собственного историописания, процветавшего еще в XVII в. (Szegedi 2002) и обретшего особую актуальность в веке XIX, когда вышла и выдержала три издания книга крупного регионального общественного деятеля, гимназического учителя и лютеранского епископа Георга Даниэля Тойча (1817–1893) «История семиградских саксонцев для саксонского народа». И ее автор, и издатель открыто писали, что видят в этой книге средство помощи своему народу, защиту от неназванных прямо угроз. (*Deutsch G.D. Geschichte der Siebenbürger Sachsen für das sächsische Volk. Hermannstadt: Druck und Verlag von W. Krafft, 1899. I. Band: Von den ältesten Zeiten bis 1699. S. V–VII.*) Серьезным консолидирующим институтом оставалась церковная организация: проживавшие в окружении православных румын, сами саксонцы почти поголовно были лютеранами (Gottas 1996: 95). Оба эти элемента не противоречили национальной политике Венгерского королевства.

⁴ На смену старосаксонцам (выступавшим за автономию) и младосаксонцам (сторонникам интеграции) пришли «зеленые» (названы так за «незрелость» позиции) — противники сотрудничества с правительством королевства, и «черные» (находящиеся под влиянием руководства лютеранской церкви) — сторонники сотрудничества (Gottas 2006: 1233–1237).

⁵ Второй саксонский съезд, состоявшийся в Германштадте в июне 1890 г., принял национальную программу, в которой было окончательно признано объединение территорий трансильванских саксонцев с Венгрией (фактически произошедшее еще в 1876 г.), а также снят призыв к пересмотру закона о национальностях. Фоном для этого служил поиск лидерами Саксонской народной партии Г. Д. Тойчем и Карлом Вольффом (1849–1929) компромисса с правительством сначала Кальмана Тысы (1830–1902), а затем Дюлы Сапары (1832–1905) (Gottas 2006: 1237; Кирилина, Стыкалин, Хаванова (ред.) 2018: 151, 203).

⁶ Gottas 2006: 1237.

1898 г., воспринятый как вызов одновременно языку и памяти об исторических корнях народа, стал апогеем событий, дискредитировавших курс «черных», подтолкнув к действиям в «зеленом» духе (то есть направленным на сокращение сотрудничества с венгерской правящей элитой) и широкую общественность, и ее политических представителей. Группа немецких депутатов Семиградья вышла из состава правящей Либеральной партии, один из них (избранный в бывшей столице Трансильвании и главном городе саксонцев Германштадте)⁷) сложил свой мандат. Помимо этого в обе столицы державы — и в Будапешт, и в Вену, — отправились инициативные группы с петициями, призывавшими защитить историческую традицию саксонцев от «омадьяривающего» топонимы акта.

Эти действия подробно освещались в собственной прессе трансильванских немцев, во главе которой стояла *Siebenbürgisch-Deutsches Tageblatt* («Семиградско-немецкая ежедневная газета»)⁸, не прошли они незамеченными и для политических изданий в остальных частях Австро-Венгерской монархии. Свою оценку им дала как аффилированная с региональными политическими группами периодика — *Národné noviny* («Национальная газета»), *Slovenské noviny* («Словацкая газета»), *Národní listy* («Национальная газета»), *Prager Tagblatt* («Пражская ежедневная газета»), *Mährisches Tagblatt* («Моравская ежедневная газета») и др., так и уважаемые столичные газеты: например, либеральные и проправительственные *Pester Lloyd* («Пештский Ллойд») и *Neue Freie Presse* («Новая свободная пресса»). Местные национальные движения были вовлечены в сложные отношения и с государственными центрами, и друг с другом. Публичное выступление одной из немецких общин против закона с репутацией «мадьяризаторского» требовало от их политической печати найти для него место в собственном дискурсе. Таким образом, реакция периодики на «демарш» трансильванских саксонцев позволяет провести параллели между регионами монархии, которые, хотя и были разделены как географически, так и повседневной повесткой, однако

⁷ Далее в статье г. Надьсебен/Германштадт/Сибиу называется Германштадт, поскольку это название использовалось в газете.

⁸ Газета, издававшаяся в Германштадте с 1868 г. сначала по выходным, потом ежедневно. Редакция была тесно связана с лютеранскими церковными структурами и последовательно, вплоть до Первой мировой войны, выражала позиции «чёрных» саксонцев, см.: Vuzinkay 2006: 1889, 1892.

в равной мере сталкивались с национальным вопросом и воспринимали через его призму унифицирующие инициативы центральной власти. Хотя проблематика национальных движений является одной из наиболее исследованных в наследии монархии Габсбургов⁹, а пресса активно разрабатывается в качестве комплексного исторического источника¹⁰, компаративистские исследования на ее материале открывают новые перспективы на этом направлении. В рамках статьи через сравнение применявшейся в прессе риторики сопоставляются подходы трансильванских саксонцев, словаков, чехов и немцев Чешских земель, а также столичных либеральных кругов. Рассматривается период с начала января до середины февраля — финальный этап принятия закона, когда тот проходил рассмотрение в верхней палате Государственного собрания Венгрии и подписывался королем.

Трансильванская *Siebenbürgisch-Deutsches Tageblatt* регулярно возвращалась к теме закона о топонимах: на протяжении исследуемого отрезка времени она была для редакции одной из центральных. Уже 1 января на первой странице газеты было размещено открытое письмо депутата Государственного собрания Оскара фон Мельтцла (1843–1905), в котором он ответил на призыв общественности к саксонским депутатам выйти из Либеральной партии в знак несогласия с законопроектом¹¹. Депутат подчеркнул, что сам не считает подобный шаг рациональным в текущих условиях, однако объявил, что не будет противиться воле избирателей. Значительное место в его письме также было уделено оправданию собственной деятельности по корректировке тех положений законопроекта, которые вызвали всеобщее недовольство трансильванских саксонцев. Близкую Мельтцлу позицию занял еще один депутат Государственного собрания, Фридрих Шрайбер (1826–?)¹², письмо которого было опубликовано несколько позднее. Он также разубеждал читателей в необходимости разрыва с правящей партией Венгерского королевства. Тем не менее, не видя для себя возможности проигнорировать волю

⁹ Только из числа сборников на русском языке см.: Фрейдзон [и др.] (ред.) 1981; Миллер, Фрейдзон (ред.) 1981; Исламов, Миллер (ред.) 1995; Исламов, Масленникова, Попова, Хаванова (ред.) 1997; Волос, Шкундин (ред.) 2012 и др.

¹⁰ См. некоторые примеры на русском языке: Котов 2014; Капустина 2015; Попов 2017; Пахомова 2019; Герасимчук 2019; Кокайсл, Штастна 2021.

¹¹ *Siebenbürgisch-Deutsches Tageblatt*. 1898. 1 I: 1.

¹² *Ibid.* 4 I: 1.

избирателей, Шрайбер объявил о сложении своего мандата. Помимо открытых писем, законопроекту была посвящена речь одного из саксонских депутатов, Вильгельма Мельтцера, произнесенная на заседании Государственного собрания и затем опубликованная *Siebenbürgisch-Deutsches Tageblatt*¹³. В. Мельтцер подчеркнул, что в названиях на венгерском языке самих по себе нет ничего плохого, наконец, они применялись в официальных документах и до закона «О муниципальных и прочих топонимах». Проблему, по его словам, представлял конфликт вокруг законопроекта. Именно за счет этого документ в имеющемся виде нес угрозу общественному спокойствию и гармоничным взаимоотношениям между гражданами в стране.

Кроме «депутатских материалов», редакция размещала собственные передовицы, формулировавшие отношение печатного органа к животрепещущей теме¹⁴. Они были написаны более свободно, чем тексты от представителей Государственного собрания. Законопроект прямо критиковался и последовательно характеризовался как мадьяризаторский, без тех попыток продемонстрировать детали практического использования венгерских названий, которые предпринимал, например, В. Мельтцер. Утверждалось, что обезличенное «мадьярство» стремится создать унитарное государство, в котором другие национальности будут ущемлены в правах, а направление развития, заданное Венгерскому королевству при установлении системы дуализма бароном Йозефом Этвёшем (1813–1871), создателем «Закона о национальностях» (XLIV/1868), теперь выглядит далеким, как утопия¹⁵. Позитивно оценивались активность национального движения саксонцев, уровень самосознания и единения¹⁶. В то же время подчеркивались и тщательно обосновывались лояльность своего национального меньшинства венгерской государственности, государственный патриотизм¹⁷. Редакция призывала депутатов из числа соплеменников голосовать совместно с правящей

¹³ Ibid. 11 I: 1.

¹⁴ Такие передовицы содержали оценочные суждения и не сопровождалась ни подписью публициста или корреспондента, ни ссылкой на другую газету или корреспондентское бюро, ни какими бы то ни было иными пометками или комментариями, которые позволяли бы отделить высказанную в них позицию от позиции газеты.

¹⁵ *Siebenbürgisch-Deutsches Tageblatt*. 1898. 6 I: 1.

¹⁶ Ibid. 15 I: 1.

¹⁷ Ibidem.

партией по ключевым для королевства вопросам даже в том случае, если эти депутаты вышли из нее¹⁸. По мере приближения момента подписания законопроекта королем в передовицах появился образ тяжелого удара, который саксонский народ примет и вынесет из чувства верности и долга. Интонации материалов приобрели оттенок патетического трагизма:

[М]ногие отrekliсь, сотни разошлись направо и налево. Все же остается ядро саксонцев, которые не колеблются и не отходят, которые имеют в достатке сильных плеч и радостной веры, чтобы выдержать угрозы и тяготы даже такого закона. Слава тебе, мое Отечество!¹⁹

При этом редакция продолжала противостоять стремлению венгерских корреспондентов уличить трансильванских саксонцев в попытках даже символического выступления против правительства, опровергая известия подобного рода. Впрочем, параллельно критиковались высказывания немецкой *Kölnische Zeitung* («Кельнская газета»), писавшей о предвзятости отдельных саксонских политиков, видевших в законопроекте о топонимах инструмент мадьяризации. С точки зрения германштадтских журналистов, такой материал являлся ничем иным, как венгерской пропагандой, адресованной обществу Германии²⁰. Известие о непосредственном вступлении закона IV/1898 в силу было подано ими достаточно нейтрально, хотя и с ремаркой о том, что слухи о возможном отказе короля подписывать документ оказались ложными и теперь «шовинистическая венгерская пресса» может успокоиться²¹.

Таким образом, редакция *Siebenbürgisch-Deutsches Tageblatt* последовательно транслировала на страницах издания позицию, критическую по отношению к законопроекту «О муниципальных и прочих топонимах», но при этом подчеркнуто лояльную к Венгерскому королевству в целом и венгерскому правительству (а значит, и правящей партии) в частности. Фактически она балансировала между точкой зрения парламентских представителей саксонцев, гораздо более сдержанных в риторике и действиях, и саксонской общественностью, настроенной скорее на разрыв (хотя бы символический, в виде

¹⁸ Ibidem.

¹⁹ Ibid. 11 II: 1.

²⁰ Ibid. 12 II: 1.

²¹ Ibid. 19 II: 1.

выхода из партии) с венгерским правительством. Однако к парламентариям германштадтские журналисты были ближе — они также принадлежали к «черным» саксонцам и ориентировались на Народную программу 1890 г., центральной идеей которой был компромисс с венгерскими либералами. Ради него приходилось держать себя в довольно узких рамках — критиковать политику правительства, но не само правительство или политическую систему в целом, и формулировать убедительное объяснение ситуациям, в которых интересы своего национального меньшинства оказывались, после промежуточной борьбы, отодвинуты на второй план в пользу интересов центральных властей. Хотя целью программы была как раз защита национального меньшинства.

На страницах словацкой прессы протесты трансильванских саксонцев хотя и не удостоились передовиц и подробной аналитики, но регулярно появлялись в новостях. Газета *Národné noviny*²² уже в начале января писала о выходе саксонских депутатов из Либеральной партии по призыву избирателей, особо упомянув о случае Ф. Шрайбера, который из партии выходить не стал, но вместо этого сложил мандат²³. Несколько позднее редакция нашла достойной упоминания новость о петиции королю против законопроекта о топонимах от немецких женщин Германштадта (в газете: «Сибинь»)²⁴. Кроме того, на страницах издания упоминались публикации других газет, высказывания которых о саксонцах нашли нужным прокомментировать в *Národné noviny*. Не без иронии упоминалось о том, что сторону протестующих осторожно заняла венская либеральная *Neue Freie Presse*, характеризовавшаяся как весьма лояльная венгерскому правительству²⁵. На материалах венгерских и немецких газет была продемонстрирована полемика о том, что больше угрожает трансильванским саксонцам — мадьяризация или румынизация²⁶.

²² *Národné noviny* — главное издание Словацкой национальной партии, выходившее в Туроцентмартоне с 1870 г., самое авторитетное в словацком национальном движении. Постепенно газета уступила в борьбе за читателей более энергичным редакциям новых политических газет, появившихся по мере расслоения партии в начале XX в., однако сохранила за собой репутацию рупора ее старшего поколения, так называемого мартинского центра. (Кирилина, Стыкалин, Хаванова (ред.) 2018: 364–365).

²³ *Národné noviny*. 1898. 4 I: 4; 5 I: 2.

²⁴ *Ibid.* 24 I: 2.

²⁵ *Ibid.* 15 I: 2.

²⁶ *Ibid.* 15 II: 2.

*Slovenské noviny*²⁷ упоминала о сопротивлении саксонцев законопроекту реже и в ином ключе. Читателям сообщалось, что протестная деятельность саксонских депутатов не нашла поддержки среди собственных избирателей — их центральный комитет в Германштадте (в газете: «Большая Сибинь») ²⁸ высказался против отправки делегации с жалобой к королю и выразил надежду, что депутаты, даже выйдя из правящей партии, продолжают поддерживать ее и правительство ²⁹. Бросается в глаза, что такая ситуация противоречила материалам *Siebenbürgisch-Deutsches Tageblatt*, согласно которым саксонские парламентарии, наоборот, выглядели гораздо умереннее общественности. Кроме того, на страницах *Slovenské noviny* не употреблялось слово «мадьяризация».

Редакция *Krest'an*³⁰ осветила сюжет несколько раз. Прежде всего было упомянуто о выходе депутатов трансильванских саксонцев из Либеральной партии ³¹. Отдельной новости, как и в *Národné noviny*, удостоился депутат Ф. Шрайбер ³². В подаче *Krest'an* поступок парламентария приобрел специфическое звучание — чтобы не голосовать за «омадьяривание» топонимов, тот отказался от прибыльного места. Другие издания не трактовали ситуацию в «денежном» ключе, сам Ф. Шрайбер в открытом письме также мотивировал свой поступок иначе. Помимо депутатской деятельности, освещалась и протестная активность общественности в лице саксонских «зеленых» ³³.

²⁷ *Slovenské noviny* — провенгерское словацкоязычное издание либеральной ориентации (хотя и не партийное), выходившее в Будапеште с 1886 г. В отличие от газет словацкого национального движения, оно не испытывало проблем ни с финансированием, ни с тиражами. За счет расположения редакции в столице Венгерского королевства имело непосредственный выход на многочисленную местную словацкую аудиторию (как горожан, так и приехавших на сезонные работы крестьян). Попов 2016: 35–36.

²⁸ Журналисты *Slovenské noviny*, в отличие от коллег из *Národné noviny*, использовали не румынский вариант названия города, а перевод на словацкий язык венгерского названия — Надьсебен.

²⁹ *Slovenské noviny*. 1898. 18 I: 2.

³⁰ *Krest'an* — официальный орган венгерской Католической народной партии, ориентированный на словацкого читателя. Выходил с 1894 г. в Будапеште, конкурируя за аудиторию со *Slovenské noviny*. Редакция *Krest'an* последовательно отстаивала позиции венгерских клерикалов, которые в первые годы существования партии были близки словацкому национальному движению своим антилиберализмом. См.: Кирилина, Стыкалин, Хаванова (ред.) 2018: 365–366.

³¹ *Krest'an*. 1898. 16 I: 3.

³² *Ibid.* 23 I: 3.

³³ *Ibid.* 7 II: 3.

На страницах *Katolícké noviny*³⁴ саксонцам была посвящена единственная краткая новость о выходе из состава правящей партии³⁵, появившаяся позже, чем в остальных словацких газетах. Тем не менее в заметке употреблялось слово «мадьяризация», что сближало данную редакцию с *Národné noviny* и *Kresťan*.

Таким образом, словацкая пресса в целом отреагировала на протест трансильванских саксонцев как на достаточно важный сюжет, в центре которого оказался факт выхода депутатов из Либеральной партии. Стратегии освещения этого сюжета, однако, различались. Оппозиционные *Národné noviny* и *Kresťan* отслеживали ситуацию более пристально, первая при этом тяготела к выдвигению на первый план национальной подоплеки, а вторая делала акцент на партийном, внутрипарламентском аспекте проблемы. Обе редакции при этом в равной мере обходили вниманием наличие у трансильванских немцев влиятельного провенгерского течения. Нейтральная в тот период *Katolícké noviny* ограничилась коротким новостным сообщением, терминология которого, однако, была созвучна риторике протеста. Провластная *Slovenské noviny* сосредоточилась на близкой по убеждениям части трансильванских саксонцев, которая призывала своих парламентариев сотрудничать с венгерскими либералами несмотря ни на что. Таким образом, редакция нивелировала на страницах газеты силу протеста и создавала тем самым картину, противоположную сообщениям оппозиционной печати. Обе стороны использовали ситуацию трансильванских саксонцев для иллюстрации и подтверждения своих собственных взглядов — а значит, проводили параллели между их положением и положением словаков.

В прессе чешских земель сюжет саксонского сопротивления законопроекту о топонимах встречался реже, чем в словацкой. Например, его не отразили такие издания, как *Čas* («Время»), *Lidové noviny* («Народная газета»), *Moravská orlice* («Моравская орлица»), *Naše doba* («Наша эпоха»). Однако о нем написала ключевая чешскоязычная газета *Národní listy*, а также немецкоязычные *Prager Tagblatt* и *Mährisches Tagblatt*.

³⁴ *Katolícké noviny* — периодическое издание для словацких католиков, выходящее с 1871 г. На протяжении своей истории редакции пришлось переезжать, так что родных городов у газеты оказалось два — Трнава/Надьсомбат и Скалица/Сакольца. Изначально была сугубо религиозной, но со временем политизировалась, став рупором католического крыла словацкого национального движения и оппонентом *Kresťan*. См.: Кирилина, Стыкалин, Хаванова (ред.) 2018: 369–370.

³⁵ *Katolícké noviny*. 1898. 20 I: 4.

Редакция *Národní listy*³⁶ освещала сюжет в новостных заметках, прежде всего уделив внимание исходу депутатов из правящей партии³⁷. Причем для нее не прошли незамеченными открытые письма саксонских парламентариев, в которых те пытались доказать ошибочность данного шага³⁸. Помимо этого, достаточно подробно было описано посещение Вены делегацией «немецких женщин и девушек Семиградья» в сопровождении преподавателей немецких училищ Германшадта с целью вручить Францу Иосифу меморандум против закона о «мадьяризации топонимов»³⁹. В аудиенции им было отказано с рекомендацией обратиться со своей жалобой к венгерскому правительству⁴⁰. Собственных комментариев ни к одной из новостей редакция не дала, ограничившись сугубо информационной задачей. При этом она была выполнена лучше, чем у словацких изданий.

В *Prager Tagblatt*⁴¹ о трансильванских саксонцах упомянули в рамках сравнительно большой заметки, посвященной движению венгерских национальностей, конкретнее — меморандуму представителей румын, сербов и словаков⁴². Отмечалось, что закон о топонимах вызвал несогласие даже у саксонцев, которые призвали своих депутатов выходить из Либеральной партии, хотя до сих пор и не сотрудничали с остальными национальными движениями. Заодно было высказано предположение, что о своем негодовании в связи с ситуацией не может не заявить немецкий Рейхстаг из-за обеспокоенности судьбой

³⁶ *Národní listy* — самая значительная из чешских политических газет, выходила в Праге с 1860 г., по мере размежевания национального движения превратилась в официальный орган младочехов. Выделялась качеством благодаря принципиальной ориентации редактора Юлиуса Грегра (1831–1896), на крупные западноевропейские ежедневные издания, работу с широкой корреспондентской сетью и сотрудничество с самыми значительными деятелями культуры. См.: Кирилина, Стыкалин, Хаванова (ред.) 2018: 348–349.

³⁷ *Národní listy*. 1898. 3 I: 1.

³⁸ *Ibidem*. 16 II: 1.

³⁹ *Ibid.* 24 I: 1; 25 I. *Odpolední vydání*: 1.

⁴⁰ Таким образом, император-король неукоснительно соблюдал один из основополагающих принципов австро-венгерского дуализма — внутренние венгерские дела находились полностью в компетенции кабинета министров Венгерского королевства.

⁴¹ *Prager Tagblatt* — пражская газета на немецком языке, выпускавшаяся с 1877 г. Не была партийным изданием, однако в целом принадлежала к либеральному сектору прессы. Отличалась достойным качеством и динамично растущим тиражом, что сделало ее одной из влиятельнейших немецких газет в Чешских землях. См.: Попов 2016: 47–48.

⁴² *Prager Tagblatt*. 1898. 15 I: 2.

двух миллионов венгерских немцев. Также в газете осветили злоключения женской делегации семиградских саксонцев. Помимо неудачи с аудиенцией у императора и короля, в *Prager Tagblatt* сообщили о посещении представительницами делегации венгерского премьер-министра Дежё Банффи (1843–1911), который принял их, но заявил, что не сможет убедить монарха не ставить подпись под документом — тот уже предварительно одобрил закон⁴³. Редакция *Prager Tagblatt* не избегала слова «мадьяризация», но применяла непоследовательно.

*Mährisches Tagblatt*⁴⁴ писала о трансильванских саксонцах не чаще, чем *Prager Tagblatt*, однако демонстрировала большую осведомленность о сюжете. Брненская редакция, например, обратила внимание на попытки молодого крыла саксонской Народной партии (то есть «зеленых») собрать ее центральный комитет для согласования коллективного обращения к королю и правительству с просьбой не принимать законопроект о топонимах⁴⁵. Одновременно с этим, упоминая о сложном мандате Ф. Шрайбера, она метко акцентировала внимание на вынужденности данного шага в связи с нежеланием парламентария покидать правящую партию⁴⁶. Напомним, что этот мотив остался не замечен многими изданиями, а на страницах *Krest'an* — искажен. Описывая женскую делегацию к Францу Иосифу, редакция *Mährisches Tagblatt* обратила внимание на импровизированное собрание по поводу законопроекта, которое было проведено ее участницами и участниками в отеле после неудавшейся аудиенции⁴⁷. Другие издания об этом не упоминали. Одновременно *Mährisches Tagblatt* была непоследовательна в терминологии схожим с *Prager Tagblatt* образом: будущий закон IV/1898 то нейтрально именовался законопроектом об унифицированных названиях населенных пунктов, то характеризовался как закон о мадьяризации немецких названий — то есть с акцентом не только на агрессивную направленность документа, но и на ущерб от него одной конкретной национальности.

⁴³ Ibid. 26 I: 10.

⁴⁴ *Mährisches Tagblatt* — газета, имевшая тесные связи с мэрией Оломоуца, и фактически выполнявшая роль ее издания, выходила в свет с 1880 г. По политическим предпочтениям редакции была близка немецким конституционалистам. Одна из ведущих ежедневных газет Моравии. См.: Попов 2016: 51–52.

⁴⁵ *Mährisches Tagblatt*. 1898. 17 I: 3.

⁴⁶ Ibid. 17 I: 3.

⁴⁷ Ibid. 27 I: 2.

В целом, как отмечалось выше, пресса Чешских земель уделила протестам трансильванских саксонцев меньше внимания, чем словацкая. Те редакции, которые осветили данный сюжет, прежде всего передавали новости, почти не сопровождая их своей оценкой, сводили их к исходу саксонских депутатов из Либеральной партии, а также поездке женской делегации ко двору монарха. *Národní listy* при этом достаточно полно информировала об обоих событиях. *Prager Tagblatt* более пристально описала историю с делегацией, а прочее упоминала вскользь. *Mährisches Tagblatt* продемонстрировала наибольшую осведомленность о внутренней структуре саксонского политического движения (Народная партия, группировки в ней), а также эпизодическое использование наиболее просаксонской риторики. Одновременно с этим данная редакция, очевидно, умышленно использовала недосказанность. Судя по хронологическому совпадению, в новости о созыве центрального комитета Народной партии имеется в виду то же событие, что и в сообщении *Slovenské noviny* от 18 января, хотя последняя не использовала слова «партия». Видимо, редакция *Mährisches Tagblatt* осознанно не стала освещать итоги заседания, когда стало известно, что они оказались неблагоприятны для инициаторов.

Показательные для сопоставления точки зрения на протесты трансильванских саксонцев отражали материалы крупнейших либеральных газет столиц монархии — *Pester Lloyd*⁴⁸ в Будапеште и *Neue Freie Presse*⁴⁹ в Вене.

Первая из них сосредоточила внимание на поведении саксонских депутатов в парламенте. Она сообщала, что они, прежде чем выйти из Либеральной партии, стремились переубедить своих избирателей

⁴⁸ *Pester Lloyd* — газета венгерских немецкоязычных предпринимательских кругов, начавшая выходить в свет в Пеште в 1854 г. Выделялась уклоном в экономику и высокой оперативностью при публикации новостей. Редакция издания неизменно отстаивала в публичном пространстве венгерские интересы, что делало газету важным коммуникационным инструментом для либеральных правительств королевства. См.: Попов 2016: 54–57.

⁴⁹ *Neue Freie Presse* — влиятельнейшая из газет Габсбургской монархии, имевшая признание и за рубежом. Издавалась с 1864 г. в Вене. Редакция по политическим воззрениям была праволиберальной, симпатизировала идеям централизма и, в связи с этим, немецкого доминирования на территории державы, хотя и располагала хорошими связями в Венгерском королевстве. См.: Кирилина, Стыкалин, Хаванова (ред.) 2018: 329–332.

в оправданности такого шага⁵⁰. На страницах *Pester Lloyd* отмечалось также, что, даже выйдя из партии, саксонские депутаты не покинули парламент, и эта политическая линия ставилась в пример другим национальностям королевства⁵¹, которые долгое время полностью отказывались участвовать в работе Государственного собрания. Наконец, внимание редакции привлекло собрание избирателей в г. Меддеш, которое наказало своему депутату и далее оставаться в Либеральной партии⁵². Отмечалось, что такое решение вызвало неудовольствие и в Германштадте (центр «черных» саксонцев), и в Кронштадте (центр «зеленых»). Слово «мадьяризация» в газете не использовалось.

Neue Freie Presse освещала ситуацию иным образом. В первую очередь, опубликовала оценочное и эмоциональное сообщение корреспондента из Германштадта, который назвал законопроект о топонимах мадьяризаторским и осудил ту немецкую прессу, которая представляла протесты саксонцев как партикулярное сопротивление, направленное против прогрессивных мер государства⁵³. Со своей стороны он высказал непонимание того, как мешает прогрессу употребление устоявшихся местных названий в школах и на муниципальном уровне, а также напомнил, что официальный Будапешт критикует австрийцев за попытки ограничить употребление чешских названий, но сам при этом ведет точно такую же политику на своей территории. Также со ссылками на собственную корреспонденцию и телеграммы редакция публиковала информацию о женской делегации саксонцев. Во-первых, это был текст петиции королю⁵⁴, а во-вторых, детальная передача беседы делегатов с главой венгерского правительства Д. Банффи⁵⁵. Собственных комментариев к этим материалам, впрочем, дано не было.

Таким образом, обе центральные газеты уделили саксонским протестам примерно одинаковое внимание. При этом, хотя с общественно-политической точки зрения два издания были похожи, характер освещения данного конкретного сюжета у них различался. Редакция

⁵⁰ *Pester Lloyd*. 1898. 1 I: 3.

⁵¹ *Ibid.* 14 I: 2.

⁵² *Ibid.* 21 I: 3.

⁵³ *Neue Freie Presse*. 1898. 12 I. Abendblatt: 1–2.

⁵⁴ *Ibid.* 25 I. Morgenblatt: 3–4.

⁵⁵ *Ibid.* 26 I. Morgenblatt: 3.

Pester Lloyd сосредоточилась на проявлениях протеста в парламенте и констатировала высокую лояльность трансильванских саксонцев венгерскому правительству. В *Neue Freie Presse*, напротив, осветили общественные настроения и продемонстрировали картину глубокой обеспокоенности, царящей в саксонской среде.

Если опустить индивидуальные оценки и риторику отдельных изданий, на основании их материалов проступает картина «низового» протестного движения отдельной немецкой общины, связанного с неприятием дальнейшего распространения венгерского языка в повседневной жизни региона. Собрания политически активных граждан готовили обращения к депутатам от своих округов, формировали делегации с петициями к центральным органам власти монархии. Размах движения был достаточно широк, чтобы даже лояльное венгерским властям издание *Siebenbürgisch-Deutsches Tageblatt* солидаризировалось с ним на эмоциональном уровне. При этом местные политики парламентского уровня не только не участвовали в его координации, но даже дискутировали с ним на страницах прессы с помощью открытых писем. Показательно, что с чисто процедурной точки зрения по состоянию на начало 1898 г. шанс предотвратить или хотя бы отсрочить принятие закона, уже преодолевшего обсуждение в нижней палате Государственного собрания и пользовавшегося поддержкой правящей партии, был крайне невысок. Однако это не останавливало протестную деятельность, подогреваемую уже не соответствовавшей внутривнутриполитическим реалиям верой в решающее последнее слово Франца Иосифа. В целом общество трансильванских саксонцев проявило себя как сложно организованное, в котором ни «черная», ни «зеленая» фракция не имели абсолютного перевеса, и при этом обе они были в состоянии поддерживать как минимум публичную коммуникацию между собой без применения враждебной риторики. Тем не менее их парламентское представительство и политически активные граждане из их среды уже начинали говорить на разных «образных языках» (то, что для одних было объективной потребностью в оптимизации, для других было посприем священной памяти предков), а это свидетельствовало о росте конфликтного потенциала.

Различия в оценках протестного движения саксонцев со стороны рассмотренных газет позволяют говорить о том, что оно было одной из центральных тем для самих саксонцев, позиция по которой могла корректироваться буквально «на ходу» в зависимости от обстоятельств,

а в остальных изданиях отходило на второй план, и отношение к нему оставалось в целом неизменным у каждой газеты. Поскольку ситуация вокруг закона о топонимах как такового касалась национального вопроса в Венгерском королевстве, пресса этой половины монархии более последовательно освещала и саксонские протесты против документа. Кроме того, рассмотренные в статье газеты имели по поводу топонимов собственные готовые позиции — устоявшиеся нарративы, в которые за счет тех или иных умолчаний убедительно встраивался и трансильванский сюжет. Это либо партийный (проправительственный либеральный или оппозиционный клерикальный), либо национальный взгляд. Пресса земель, представленных в Рейхсрате, наоборот, скорее, не имела на этот случай идеологических заготовок, и потому выступала для читателей более в роли информатора, чем комментатора, не стремясь, впрочем, к полноте освещения сюжета. Несколько особняком стояла *Neue Freie Presse*, неожиданно ярко на общем фоне отразившая взгляды трансильванских саксонцев. В этом, однако, проявилось не столько осознание ее редакцией национальной общности с немецким населением Венгерского королевства, сколько сохранявшаяся установка на поддержание идеи о лидирующей роли немцев в двуединой монархии. Нюанс в том, что идея национальной общности немцев объединяла их с соплеменниками из Германии и одновременно отделяла от соседей по Австро-Венгрии, а идея немецкого лидерства — замыкала в двуединой монархии и при этом объединяла с другими ее народами и ставила во главе.

Отмечу также, что различия в подходах к освещению протеста трансильванских немцев между рассмотренными в статье газетами либерального спектра были не меньше, чем между любой из них и газетой иного политического течения (клерикального или национального). Либерализм в австро-венгерских реалиях на примере конкретной ситуации предстает, таким образом, зонтичным явлением, которое варьировалось в зависимости от региона.

Список исторических географических названий

Германштадт (нем.) — ныне Сибиу в Румынии, в венгерской традиции Надьсебен

Кронштадт (нем.) — ныне Брашов в Румынии, в венгерской традиции Брашшо
Меддеш — ныне Медиаш в Румынии

Надьсомбат — венгерское название Трнавы

Сакольца — ныне Скалица в Словакии

Туроцентмартон — ныне Мартин в Словакии, прежнее словацкое название
Турчански-Светы-Мартин

Литература

- Волос, Шкундин (ред.) 2012 — Народы Габсбургской монархии в 1914–1920 гг.: От национальных движений к созданию национальных государств / отв. ред. М. Волос, Г. Д. Шкундин. М.: Квадрига, 2012. 456 с.
- Герасимчук 2019 — *Герасимчук А. Н.* Оценка деятельности кабинета Кальмана Тиса (на основе материалов британской газеты «The Times») // *Via in tempo*. История. Политология. 2019. Т. 46. № 1. С. 60–68.
- Исламов, Масленникова, Попова, Хаванова (ред.) 1997 — Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика / редкол. Т. М. Исламов, Е. Н. Масленникова, И. В. Попова, О. В. Хаванова (отв. ред.). М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1997. 318 с.
- Исламов, Миллер (ред.) 1995 — Австро-Венгрия: опыт многонационального государства / отв. ред. Т. М. Исламов, А. И. Миллер. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1995. 232 с.
- Миллер, Фрейдзон (ред.) 1981 — Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе / под ред. И. С. Миллера, В. И. Фрейдзона [и др.]. М.: Наука, 1981. 360 с.
- Капустина 2015 — *Капустина А. А.* Венгерский кризис 1905–1906 гг. в освещении германской прессы // *Вестник Московского университета*. Серия 8. История. 2015. № 1. С. 66–79.
- Кирилина, Стыкалин, Хаванова (ред.) 2018 — Политические партии и общественные движения в монархии Габсбургов, 1848–1914 гг. Очерки / под ред. Л. А. Кирилиной, А. С. Стыкалина, О. В. Хавановой (отв. ред.). М.: Индик, 2018. 406 с.
- Кокайсл, Штагна 2021 — *Кокайсл П., Штагна В.* Русины на страницах чешских газет и журналов от революционного 1848 г. до начала Первой мировой войны // *Русин*. 2021. № 65. С. 115–135.
- Котов 2014 — *Котов Б. С.* Метафора как средство создания «образа врага» в газетных текстах (на примере образов Австро-Венгрии и Германии в русской прессе кануна Первой мировой войны) // *Вестник Московского университета*. Сер. 12. Политические науки. 2014. № 1. С. 94–110.
- Крючков, Романенко, Стыкалин (ред.) 2011 — Австро-Венгрия, Центральная Европа и Балканы (XI–XX вв.) / отв. ред. И. В. Крючков, С. А. Романенко, А. С. Стыкалин. СПб.: Алетейя, 2011. 488 с.
- Пахомова 2019 — *Пахомова Л. Ю.* День присоединения Боснии и Герцеговины (1908) в периодической печати Австро-Венгрии //

- Центральноевропейские исследования. Т. 2018. Вып. 1(10). М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2019. С. 185–202. DOI: 10.31168/2619-0877.2018.1.9.
- Попов 2016 — *Попов К.А.* Словаки в контексте общественно-политической жизни Венгрии на рубеже XIX–XX веков (по материалам австро-венгерской прессы): дис. ... канд. ист. наук. М., 2016. 250 с. (рукопись).
- Попов 2017 — *Попов К.А.* Словацкая периодика рубежа XIX–XX вв. о соседстве с венграми // Вынужденное соседство — добровольное приспособление в дипломатических и межнациональных отношениях в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе XVIII–XXI вв. / редкол.: М.Ю. Дронов, А.А. Леонтьева, О.В. Хаванова (отв. ред.). М.; СПб.: Нестор-История, 2017. С. 150–163.
- Фрейдзон (ред.) 1981 — Освободительные движения народов Австрийской империи: Период утверждения капитализма / под ред. В.И. Фрейдзона (отв. ред.) [и др.], М.: Наука, 1981. 464 с.
- Barth, Göllner (Hrsg.) 1988 — Die Siebenbürger Sachsen 1848–1918 / hrsg. von H. Barth, C. Göllner. Köln: Böhlau, 1988. 448 s.
- Berez 2021 — *Berez Á.* Top-down and bottom-up Magyarization in multiethnic Banat towns under dualist Hungary (1867–1914) // European Review of History = Revue européenne d'histoire. 2021. Vol. 28. Iss. 3. P. 422–440.
- Buzinkay 2006 — *Buzinkay G.* Die ungarische politische Presse // Die Habsburgermonarchie 1848–1918 / hrsg. von H. Rumpler, P. Urbanitsch. Wien: Verlag der Österr. Akademie der Wissenschaften, 2006. Bd. VIII. Politische Öffentlichkeit und Zivilgesellschaft. 2. Tbd. Die Presse als Faktor Der Politischen Mobilisierung. S. 1895–1976.
- Gottas 1996 — *Gottas F.* Die Rolle der Kirchen in der nationalen Selbstfindung des 19. Jahrhunderts, dargestellt am Beispiel der Siebenbürger Sachsen // Religion und Kirchen im alten Österreich: Internationales Symposium in Salzburg, 13.-15. November 1992: "Religion und Kirchen im alten Österreich — Folgen damaliger Politik für Mitteleuropa heute"; 5 PRO ORIENTE-Symposien 1990–1994 / hrsg. von A. Stirnemann. Innsbruck; Wien: Tyrolia-Verlag, 1996. S. 90–98.
- Gottas 2006 — *Gottas F.* Vereine, Parteien und Interessenverbände der ungarischen Deutschen // Die Habsburgermonarchie 1848–1918. / hrsg. von H. Rumpler, P. Urbanitsch. Wien: Verlag der Österr. Akademie der Wissenschaften, 2006. Bd. VIII. Politische Öffentlichkeit und Zivilgesellschaft. 1. Tbd. Die Presse als Faktor Der Politischen Mobilisierung. S. 1205–1241.
- Habaj, Lukačka, Segeš [et al.] 2015. — *Habaj M., Lukačka J., Segeš V. [et al.]* Slovenské dejiny od úsvytu po súčasnosť. Bratislava: Perfekt, 2015. 552 p.
- Holec 2012 — *Holec R.* Úvahy k fenoménu maďarizácie pred rokom 1918 // Kľúčové problémy moderných slovenských dejín 1848–1992 / zodp. red. E. Gálíková. Bratislava: VEDA, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 2012. 400 s.

- Kónya (ed.) 2014 – *Dejiny Uhorska (1000–1918)* / ed. P. Kónya a kol. Bratislava: Citadella, 2013. 788 s.
- Lengyel, Ulrich (Hrsg.) 1999 – *Siebenbürgen in der Habsburgermonarchie. Vom Leopoldinum bis zum Ausgleich (1690–1867)* / Hrsg. von Z.K. Lengyel, A. Ulrich. Wien: Böhlau, 1999. 244 s.
- Philippi 1971 – *Philippi P. Zur Rechts- und Siedlungsgeschichte der Siebenbürger Sachsen*. Köln: Böhlau, 1971. 292 s.
- Pop, Năgler (eds) 2018 – *The History of Transylvania* / ed. by I. A. Pop, T. Năgler et al. Cluj-Napoca: Romanian Academy, Center for Transylvanian Studies; Bucharest: Romanian Cultural Institute, 2018. Vol. 3. 743 p.
- Szegedi 2002 – *Szegedi E. Geschichtsbewusstsein und Gruppenidentität: die Historiographie der Siebenbürger Sachsen zwischen Barock und Aufklärung*. Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 2002. 450 s.
- Zahorán 2008 – *Zahorán Cs. Sen o národnom štáte* / ed. I. Kollai. Rozštiepená minulost'. Kapitoly z histórie Slovákov a Maďarov. Budapest: Nadácia Terra Cognita, 2008. S. 98–113.

References

- Barth, H., Göllner, C., eds, 1988. *Die Siebenbürger Sachsen 1848–1918*. Köln: Böhlau, 448 p.
- Berecz, Á., 2021. Top-down and bottom-up Magyarization in multiethnic Banat towns under dualist Hungary (1867-1914) In: *European Review of History: Revue européenne d'histoire*, 28, 3, pp. 422–440.
- Buzinkay, G., 2006. Die ungarische politische Presse. In: Rumpler, H., Urbanitsch, P., eds. *Die Habsburgermonarchie 1848–1918*, VIII, *Politische Öffentlichkeit und Zivilgesellschaft*, 2, *Die Presse als Faktor Der Politischen Mobilisierung*. Wien: Verlag der Österr. Akademie der Wissenschaften, pp. 1895–1976.
- Freidzon, V.I. [et al.], eds, 1981. *Osvoboditel'nye dvizheniia narodov Avstriiskoi imperii: Period utvozhdeniia kapitalizma* [Liberation movements of the peoples of the Austrian Empire: The Period of Capitalism establishment]. Moscow: Nauka, 464 p. (in Rus.)
- Miller, I.S., Freidzon, V.I. [et al.] eds, 1981. *Formirovanie natsii v Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evrope* [Formation of the nations in Central and South-East Europe]. Moscow: Nauka, 360 p. (in Rus.)
- Gerasimchuk, A.N., 2019. Otsenka deiatel'nosti kabineta Kal'mana Tisa (na osnove materialov britanskoi gazety "The Times") [Performance evaluation of the Kalman Tisa's cabinet (based on the materials of the British newspaper "The Times")] In: *Via in tempore. Istoriia. Politologiya*, 46, 1, pp. 60–68. (in Rus.)
- Gottas, F., 1996. Die Rolle der Kirchen in der nationalen Selbstfindung des 19. Jahrhunderts, dargestellt am Beispiel der Siebenbürger Sachsen In: Stirnemann, A., ed. *Religion und Kirchen im alten Österreich: Internationales*

- Symposion in Salzburg, 13.–15. November 1992: “Religion und Kirchen im alten Österreich – Folgen damaliger Politik für Mitteleuropa heute”; 5 PRO ORIENTE-Symposien 1990–1994.*) Innsbruck, Wien: Tyrolia-Verlag, pp. 90–98.
- Gottas, F., 2006. Vereine, Parteien und Interessenverbände der ungarischen Deutschen. In: Rumppler, H., Urbanitsch, P., eds. *Die Habsburgermonarchie 1848–1918*, VIII, *Politische Öffentlichkeit und Zivilgesellschaft*, 2, *Die Presse als Faktor Der Politischen Mobilisierung*. Wien: Verlag der Österr. Akademie der Wissenschaften, pp. 1205–1241.
- Habaj, M., Lukačka, J., Segeš, V. [et al.] 2015. *Slovenské dejiny od úsvitu po súčasnosť*. Bratislava: Perfekt, 552 p.
- Holec, R., 2012. Úvahy k fenoménu maďarizácie před rokom 1918. In: *Kľúčové problémy moderných slovenských dejín 1848–1992*. Bratislava: VEDA, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 400 p.
- Islamov, T.M., Khavanova, O.V., Maslennikova, E.N., Popova, I.V., eds, 1997. *Avstro-Vengriia: integratsionnye protsessy i natsional'naia spetsifika* [Austro-Hungary: integrational processes and national particularity]. Moscow: Institut slavianovedeniia i balkanistiki RAN, 318 p. (in Rus.)
- Islamov, T.M., Miller, A.I., eds, 1995. *Avstro-Vengriia: opyt mnogonatsional'nogo gosudarstva* [Austro-Hungary: experience of a multinational state]. Moscow: Institut slavianovedeniia i balkanistiki RAN, 232 p. (in Rus.)
- Kapustina, A.A., 2015. Vengerskii krizis 1905–1906 gg. v osveshchenii german-skoi pressy [The Hungarian crisis of 1905–1906 in the German media exposure]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istorii*, 1, pp. 66–79. (in Rus.)
- Khavanova, O.V., Kirilina, L.A., Stykalin, A.S., eds, 2018. *Politicheskie partii i obshchestvennye dvizheniia v monarkhii Gabsburgov, 1848–1914 gg. Ocherki* [Political parties and social movements of the Habsburg monarchy, 1848–1914. Essays]. Moscow: Indrik, 406 p. (in Rus.)
- Kokaisl, P., Shtastna, V., 2021. Rusiny na stranitsakh cheshskikh gazet i zhurnalov ot revoliutsionnogo 1848 g. do nachala Pervoi mirovoi voiny [Rusins on the pages of the Czech newspapers and magazines from 1848 till the beginning of the First World War]. *Rusin*, 65, pp. 115–135. (in Rus.)
- Kónya, P., ed., 2014. *Dejiny Uhorska (1000–1918)*. Bratislava: Citadella, 788 p.
- Kotov, B.S., 2014. Metafora kak sredstvo sozdaniia “obraza vraga” v gazetnykh tekstakh (na primere obrazov Avstro-Vengrii i Germanii v russkoi presse kanuna Pervoi mirovoi voiny) [Metaphore as a tool of making an image of an enemy in newspapers’ texts (The case of the images of Austro-Hungary and Germany in Russian press on the eve of the First World War)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki*, 1, pp. 94–110. (in Rus.)
- Kriuchkov, I.V., Romanenko, S.A., Stykalin, A.S., eds, 2011. *Avstro-Vengriia, Tsentral'naia Evropa i Balkany (11–20 vv.)* [Austro-Hungary, Central Europe and the Balkans (from the eleventh to the twentieth century)]. Saint Petersburg: Aleteiia, 488 p. (in Rus.)

- Lengyel, Z. K., Ulrich, A., eds, 1999. *Siebenbürgen in der Habsburgermonarchie. Vom Leopoldinum bis zum Ausgleich (1690–1867)*. Wien: Böhlau, 244 p.
- Pakhomova, L. Iu., 2019. Den' prisoedineniia Bosnii i Gertsegoviny (1908) v periodicheskoi pechati Avstro-Vengrii [The Day of Annexation of Bosnia and Herzegovina (1908) in the periodicals of Austria-Hungary]. *Tsentrāl'no-evropeiskie issledovaniia*, 2018, 1(10). Moscow: Institut slavianovedeniia RAN; Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, pp. 185–202. DOI: 10.31168/2619-0877.2018.1.9 (in Rus.)
- Philippi, P., 1971. *Zur Rechts- und Siedlungsgeschichte der Siebenbürger Sachsen*. Köln: Böhlau, 292 p.
- Pop, I. A., Nägler, T., eds, 2018. *The History of Transylvania*, 3. Cluj-Napoca: Romanian Academy, Center for Transylvanian Studies; Bucharest: Romanian Cultural Institute, 743 p.
- Popov, K. A., 2016. *Slovaki v kontekste obshchestvenno-politicheskoi zhizni Vengrii na rubezhe 19–20 vekov (po materialam avstro-vengerskoi pressy): dis... kand. ist. nauk* [Slovaks in the context of social and political life of Hungary at the turn of the nineteenth century (based on the Austrian-Hungarian press): PhD thesis]. Moscow, 250 p. (manuscript). (in Rus.)
- Popov, K. A., 2017. Slovatskaia periodika rubezha 19–20 vv. o sosedstve s vengrami [Slovak periodicals at the turn of the nineteenth century about neighbourhood with Hungarians] In: Leontieva, A. A., Dronov, M. Iu. Khavanova, O. V., eds. *Vynuzhdennoe sosedstvo – dobrovol'noe prisposoblenie v diplomaticheskikh i mezhnatsional'nykh otnosheniakh v Tsentrāl'noi, Vostochnoi i Iugo-Vostochnoi Evrope 18–21 vv.* [Forced neighbourhood – voluntary adaptation in diplomatic and interethnic relations in Central, Eastern and South-Eastern Europe from the eighteenth to the twenty-first century]. Moscow, Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, 2017, pp. 150163. (in Rus.)
- Szegedi, E., 2002. *Geschichtsbewusstsein und Gruppenidentität: die Historiographie der Siebenbürger Sachsen zwischen Barock und Aufklärung*. Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 450 p.
- Wolos, M., Shkundin, G. D., eds, 2012. *Narody Gabsburgskoi monarchii v 1914–1920 gg.: Ot natsional'nykh dvizhenii k sozdaniiu natsional'nykh gosudarstv* [Peoples of the Habsburg monarchy in 1914–1920: From the national movements to making of national states]. Moscow: Kvadriga, 456 p. (in Rus.)
- Zahorán, Cs., 2008. Sen o národnom štáte. In: Kollai, I., ed. *Rozštiepená minulosť. Kapitoly z histórie Slovákov a Maďarov*. Budapest: Nadácia Terra Recognita, pp. 98–113.

Kirill A. Popov

PhD, Research Fellow, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. 119334, Leninskij Prospekt, 32A, E-mail: Pcyril90@gmail.com

Austro-Hungarian Press on the Resistance of the Transylvanian Saxons against the Toponyms Law IV/1898

The problem of ethnic Germans dispersed among other peoples (the Hungarians, Romanians, Serbs, Slovaks, and Czechs) on the territories of different historical regions of Austro-Hungary, was one among many national questions in the “patchwork” monarchy of the Habsburgs. Divided in separated communes, which had been established at different times and had different levels of solidarity and self-consciousness, they faced a variety of contradictions. They were between two halves of the monarchy, between the core and the periphery, between one of the politically dominant nationalities of the state and all the others, between the bigger and smaller ethnic groups of a region, and even between Austro-Hungary and Germany. One such commune with a developed regional identity and high level of social and political activity, the Transylvanian Saxons, took the unifying language policy of Budapest as a challenge. Their attempts to prevent the enactment of the Toponyms Law IV/1898 revealed the wide spread of negative attitudes towards the Hungarian government among the Saxons. They had such an attitude in common with many social forces of the dual monarchy. The attention of various periodicals to the protests confirms such a conclusion. Using Saxon periodicals, the article examines and compares the perception of the Saxon reaction to the new law with that of the Slovaks, the Czechs and Germans from the Bohemian Crown Lands, and the liberal circles of the state capitals. The Slovaks were also affected by the Toponyms Law, and Germans from the Bohemian Crown lands lived with contradictions very similar to those experienced by the Saxons. At the same time, metropolitan liberal circles were politically dominant. Such a comparison reveals a degree of understanding of the similarities and differences between the national questions in different regions of Austro-Hungary by contemporaries and in the ways the same news was discussed in various periodicals. It also enriches our knowledge about the complexion of social and political life in the Habsburg monarchy at the turn of the century.

Keywords: Transylvanian Saxons, Siebenbürgen, press, Magyarization, national question, civil society, protests, Austro-Hungary

How to cite: Popov, K. A., 2022. Avstro-vengerskaia pressa o soprotivlenii transil'vanskikh saksontsev zakonu o toponimakh IV/1898. *Tsentral'noevropeiskie issledovaniia*, 2022, 5(14). Moscow: Institut slavianovedeniia RAN; Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, pp. 392–414. doi: 10.31168/2619-0877.2022.5.15.

Научное издание

ЦЕНТРАЛЬНОЕВРОПЕЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ.
2022.

Выпуск 5(14)

Главн. ред. *О. В. Хаванова*

Корректор *Л. М. Лемешева*

Оригинал-макет *Л. Е. Голод*

Дизайн обложки и логотипа *П. К. Донской*

Подписано в печать 26.12.2022. Формат 60×90^{1/16}
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 26
Тираж 500 экз. Заказ № 2880

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии
издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86